

АРИЕЦ

Жорж Ваше де Лапуж

и его социальная роль

Жорж Ваше
де Лапуж

АРИЕЦ

и его социальная роль

Жорж Ваше де Лапуж

L'ARYEN

SON RÔLE SOCIAL

COURS LIBRE DE SCIENCE POLITIQUE
PROFESSÉ A L'UNIVERSITÉ DE MONTPELLIER
(1889-1890)

PAR

G. VACHER DE LAPOUGE

Andax lapeti genno!

Honacz, Od. 1, 3, 27.

PARIS

ANCIENNE LIBRAIRIE THORIN ET FILS

ALBERT FONTEMOING, ÉDITEUR

Libraire des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome
du Collège de France, de l'École Normale Supérieure
et de la Société des Études Historiques.

4, RUE LE GOFF, 4

—
1899

Жорж Ваше де Лапуж

АРИЕЦ

и его социальная роль

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
МЕДИА-ГРУПП
2014

УДК 930
ББК 28.7
Л24

Идея проекта
В. Б. Авдеева

Перевод с французского А. А. Родионова

*Перевод фрагментов текста:
с греческого — Л. В. Луховицкого,
с латинского — А. В. Белоусова*

Лапуж, Жорж Ваше де

Л24   **Ариец и его социальная роль / Пер. с фр. А. А. Родионова / Предисл. В. Б. Авдеева. — М.: Кучково поле; Медиа-групп, 2014. — 384 с.**

ISBN 978-5-9950-0344-1

Эта книга — первый фундаментальный труд по истории происхождения расового типа современных европейцев, созданный французским антропологом и социологом маркизом Жоржем Ваше де Лапужем (1854–1936) на основе синтеза точных, естественных и гуманитарных наук по всем правилам эволюционной теории Дарвина и лишенный каких бы то ни было политических акцентов. В работе приводится уникальный обзор древних первоисточников с описаниями представителей белой расы, который впоследствии составил основу метода индоевропеистики как системной науки. В этом издании публикуется первая на русском языке подробная биография французского ученого, написанная современным русским расологом В. Б. Авдеевым. Первое в мире переиздание этого шедевра европейской аристократической мысли и первое издание на русском языке позволит современному читателю лучше ориентироваться в сложных мировоззренческих вопросах и будет способствовать повышению общей культуры.

Труд является эпохообразующим сочинением по истории науки, представляющим ценность не только как естественно-научное, но и как философское исследование, адресованное широкому кругу читателей.

УДК 930
ББК 28.7

ISBN 978-5-9950-0344-1

© Кучково поле, 2014
© Авдеев В. Б., вступительная статья, 2014

Владимир Авдеев

АНТРОПОСОЦИОЛОГИЯ ЖОРЖА ВАШЕ де ЛАПУЖА

Арийская проблема является комплексной,
но уже по своему содержанию —
это прежде всего историческая проблема.

*Б. Г. Гафуров,
советский историк*

Споры вокруг имени этой личности не утихают уже более 100 лет. Одни считают его пионером и первооткрывателем новых областей знаний, находящихся на стыке биологических и социальных наук, другие — чуть ли не прародителем многих идеологических злоупотреблений XX столетия. Но вся парадоксальность ситуации заключается в том, что основной труд французского антрополога, социолога, философа **Жоржа Ваше де Лапужа (Georges Vacher de Lapouge, 1854–1936)** под названием «Ариец и его социальная роль» был опубликован во Франции в 1899 г. один-единственный раз! Тираж издания составлял всего 1000 экземпляров, и труд никогда впоследствии не переиздавался и не переводился на иностранные языки. Поэтому все радикальные мнения о творчестве академического ученого были сформированы исключительно на основе второстепенных критических работ и искаженных цитат, произвольно выдернутых из текста. Следовательно, первая публикация на русском языке главного труда Жоржа Ваше де Лапужа поможет избавиться от ненужных политических мифов и позволит каждому читателю составить собственное мнение об идеологической направленности и научной ценности данного сочинения.

Теперь обратимся к биографии ученого.

I

Маркиз Жорж Ваше де Лапуж родился в г. Невилле-де-Пуату (департамент Вьенна) 12 декабря 1854 г. в семье католиков. Крещение состоялось 13 января 1855 г. Когда Жоржу исполнилось 12 лет, он потерял отца, и его воспитание и образование легли на плечи матери. В октябре 1866 г. Жорж стал учеником Колледжа иезуитов в Пуатье, затем поступил в лицей (1868–1872 гг.), где впервые познакомился с сочинениями Герберта Спенсера и Чарлза Дарвина, чьи труды заложили фундамент его будущего мировоззрения. 29 ноября 1877 г. студент-юрист был удостоен золотой медали за 750-страничное исследование *«О признании права на наследство»*, а в 1879 г. получил степень доктора права. Позднее в своей диссертации *«Теория наследования в обобщенном праве»* он писал, что данное исследование открывало новое направление.

В это же время началась его карьера как государственного чиновника: он устроился на работу в магистратуру и прокуратуру. Однако исполнение обязанностей государственного чиновника не мешало ему повышать свой уровень образования в области естественных наук. Лапуж начал плодотворно переписываться с живым классиком французской антропологии Полем Топинаром (1830–1911). На этом фоне впервые проявились и общественно-политические взгляды Жоржа Ваше де Лапужа, которые выразились в пропаганде республиканских идей в совокупности с теорией эволюции. Он был искренне обеспокоен общим низким уровнем образования, представляя существующую систему как «разбазаривание интеллектуальных богатств». Так Лапуж впервые начал пропагандировать идеи «теории элит», став руководителем кружка «Лиги образования». 6 февраля 1881 г. он прочитал свою первую лекцию на тему *«О роли образования у свободных народов»*. Движимый благородным порывом просвещения самых широких масс французов, Лапуж писал по этому поводу: «Формировать гражданское сознание в стране, которая начинает познавать свободу, — смелое дело огромного масштаба. Надо снова браться за национальное образование с самых основ! Нужно изменить характер целого народа! Ибо все должны знать, что обучение в условиях демократии — совсем иное дело, чем

в условиях несвободы. Просвещение и свобода — два навеки связанных понятия. Повсюду, где нет свободы, нет и подлинного народного просвещения. Когда рождается одно, то рождается и другое, когда развивается одно, то развивается и другое. Свобода не может поддерживаться и процветать без просвещения. Вот почему мы не боимся говорить, что национальное воспитание должно отныне поставить себе цель просвещать массы настолько полно, насколько это возможно по всем вопросам, знание которых полезно для прогресса, и этот главный пункт предопределяет долг каждого демократического правительства. Роль образования у свободных народов не должна быть сведена лишь к тому, чтобы позволить гражданам сознательно выполнять их гражданские обязанности. Эта роль заключается также и в том, чтобы позволить всем, кто обладает талантом, развить и использовать его на общее благо. Мы тщательно роемся в наших железорудных и угольных шахтах, но употребляем ли мы все свое рвение, чтобы открыть и использовать интеллектуальные богатства, бесполезно пропадающие в нижних слоях общества».

Итак, нет сомнений в том, что с самого начала деятельности Лапуж мыслил гуманистическими категориями демократии. А следовательно, записывать его в стан «дремучих реакционеров», как это до сих пор принято в наших энциклопедических словарях, некорректно. Он искренне всем сердцем любил Францию, причем без всякого налета пошлого и болезненного национализма, который пышным цветом цвел в среде французских интеллектуалов, испытавших душевную травму после поражения Франции во Франко-прусской войне. Лапуж явственно ощущал свою общественную полезность, работая сначала заместителем прокурора, а затем прокурором. Но таланты ученого рано или поздно должны были вызвать отвращение к скучной и однообразной рутине государственной деятельности, и в 1883 г. он подал в отставку. Некоторое время Лапуж перебивался частными уроками, а в 1884 г. подал заявку на должность преподавателя, но не прошел по конкурсу.

В 1883 г. он женился и, чтобы хоть как-то содержать семью, устроился на должность библиотекаря в г. Монпелье. Но его истинные интересы лежали совсем в другой области.

II

С 1883 по 1886 г. Лапуж одновременно является слушателем историко-философского отделения Школы высших исследований (ассирийский, египетский и древнееврейский языки), Школы Лувра (египтология) и Школы восточных языков (китайский, японский), посещает курсы Музея естественной истории и Школы антропологии. Его интеллектуальные усилия носят системный и широкомасштабный характер. Он штудировал труды основоположника французской академической антропологии Поля Брока (1824–1880) и самостоятельно осваивает технику антропометрии. Исследователь быстро приобретает авторитет серьезного ученого, что позволяет ему публиковаться в лучших научных журналах, таких как «Антропологическое ревю» и многих других. Он увлекается модными идеями новой науки того времени — евгеники, основанной Френсисом Гальтоном. Таким образом, в его формирующейся научной концепции самым неожиданным образом начинают объединяться идеи социализма и расового отбора, биологического детерминизма и эволюционной конкуренции, что, однако, было совершенно в духе времени. Именно так возникли контуры нового научного направления, названного им *антропосоциологией*. Таким образом, мы видим, что при жизни Жорж Ваше де Лапуж имел статус добросовестного академического ученого, а негативная репутация была создана политически ангажированными толкователями его учения уже после смерти.

В 1886 г. Лапуж начал читать «свободный курс» антропологии в Университете Монпелье. 2 декабря того же года состоялась его вводная лекция под названием «*Антропология и политическая наука*», где четко была обозначена программа всего курса: «Изложить установленные следствия последних достижений биологической науки». На самом деле Лапуж бросил откровенный вызов представителям академической науки, ибо подчеркивал: «Априорные принципы общественных наук бесспорно исчезают из-за формального противоречия с биологией. Новая общественная наука, политика или социология, умеет заимствовать у биологии законы, которые делает своими».

Таким образом, Жорж Ваше де Лапуж стал подлинным новатором, постаравшимся применить эволюционную теорию

Чарлза Дарвина в области наук, изучающих развитие общества. Синтез биологии и социологии оказался успешным, и сегодня на его основе развивается множество узкопрофильных дисциплин.

Основными темами лекций Лапужа были в течение 1887 г. — неравенство рас в эволюционном, а не в политическом плане, в 1888 г. — социальный дарвинизм, в 1889 г. — особенности арийских рас, в 1890 г. — особенности семитских рас. И наконец, 24 февраля 1887 г. он прочитал свою знаменитую лекцию, легшую впоследствии в основу книги *«Общественный отбор»*. Ее текст был опубликован в «Антропологическом ревю» 15 сентября 1887 г., где он предлагал на основе законов биологии объяснять причины прогресса и упадка семей, народов и рас. Нисколько не сомневаясь, Лапуж публично объявил себя пионером в данной области, считая, что намного опередил своих немецких коллег — Отто Аммона (1842–1916), Людвиг Вильзера (1850–1923) и Людвиг Вольтмана (1871–1907), с которыми был хорошо знаком. Дочь Аммона описывала его как светловолосого, голубоглазого человека среднего роста, стройного, любезного, умного, с чувством юмора. По ее словам, он был «типичным французом, внешне и внутренне», так как у него были не только нордические черты, но и черты двух других рас, из которых сформировался французский народ, — средиземноморской и восточной. Энциклопедический ум и чисто французский шарм содействовали успеху, в слушателях его лекций не было недостатка, а американское правительство даже выплачивало за это стипендии своим студентам. Немалую экстравагантность его теории придавало и то, что Лапуж в качестве ее обоснования занимался измерениями живых людей и даже черепов и скелетов из захоронений.

Наконец, он выступил также на муниципальных выборах от Рабочей социалистической партии, сотрудничая в ее газете, где излагал учение Маркса в свете законов эволюции. В мае 1892 г. Лапуж получил на выборах всего 2549 голосов и в том же году написал эссе о Марксе, определяя его философию, как синтез гегельянства и материализма. Французский историк Жан Буассель указывает, что был обнаружен красный партийный билет Лапужа. Мало того, в личном архиве последнего сохранились анонимные письма, в которых некий корреспондент добавляет к подписи название своей масонской ложи и степень по шотланд-

скому ритуалу. Но следует подчеркнуть, что так делают только в тех случаях, когда и сам адресат является масоном.

В результате откровенно «левой» политической активности Лапужа руководители литературного, юридического и медицинского факультетов запретили ему преподавание в начале 1892/93 учебного года. Ученый признавался в письме к антропологу Колиньону: «Как я уже сообщал Вам, мой курс запрещен решением факультета. В настоящее время во Франции не осталось ни одного практикующего антрополога, кроме Вас. Это странно, потому что антропология — это французская наука и ее очагом является Франция».

Идеи Лапужа встречали все большее сопротивление, но несмотря на это, он продолжал интенсивно заниматься раскопками и собирать большую антропологическую коллекцию. В 1893 г. он был вынужден перебраться в Университет г. Ренна в Бретани, но и это не улучшило его положение. Ученый и там не смог читать лекции, хотя за эти годы сформировал поистине уникальную коллекцию и произвел 20 тыс. измерений на бретанских рекрутах. После этого началась настоящая травля. Его работе стали мешать, используя для этого произвольное толкование законов и полицейские предписания. Лапуж живописал об этом в своих воспоминаниях *«Как во Франции убивали антропосоциологию»* следующим образом: «Возникла угроза моим коллекциям из-за якобы нарушенного закона о погребениях. Я был вынужден отослать лучшие части за границу, а остальное закопать в своем саду. Полиция грозила привлечь меня к ответственности за то, что я фотографировал голых людей! А какой был смысл снимать их в шляпах, пиджаках и штанах? Я был вынужден прекратить свои фотографические исследования, равно как и исследования костей. Мне запретили измерения новобранцев, так как это не предусмотрено военным уставом и нарушает свободу личности».

Все это напоминает запрет анатомии Католической церковью в Средние века, только в данном случае «просвещенное» и «свободомыслящее» правительство и обывательская общественность во имя демократии выступали против всего, что мешало их самодовольному существованию. Ученый переехал в Пуатье, где получил должность библиотекаря и мог хотя бы тайно коллекционировать черепа и обучать нескольких учеников. На-

дежды получить кафедру в Париже рухнули. Но и в Пуатье работы пришлось прекратить. Лапуж по этому поводу язвительно отмечал: «Еще публикуют статьи по доисторической археологии и монографии о черных и желтых племенах, но никто не осмелится написать о населении Франции».

Мы имеем также важное косвенное свидетельство об этом периоде жизни Лапужа. Известный французский поэт Поль Валери писал в своих воспоминаниях: «Я знал господина Ваше де Лапужа, когда он был младшим библиотекарем Университета в Монпелье, а я — студентом юридического факультета. Вот, что происходило с 1886 по 1892 г. Лапуж имел репутацию «оригинала», а некоторые находили его идеи опасными. Он с трудом добился разрешения читать свободный курс в помещениях факультета, а иногда ему даже отказывали в освещении зала, где он собирал своих слушателей. Я был на некоторых его лекциях, в частности по евгенике. Меня удивило такое плохое отношение к человеку, излагавшему идеи, которые, что бы о них ни говорили, были совершенно новыми и стимулировали ум. Я тогда еще не знал, что стимулирование ума не входит в программу университета. Я часто беседовал с Лапужем. Он почти всегда меня забавлял, часто интересовывал. Не очень-то доверяя его теориям (особенно его краниометрическим исследованиям), я не был сторонником деления людей на расы с опорой на Гобино, тогда совершенно неизвестного во Франции и странным образом повлиявшего на Вагнера, Бисмарка и Ницше, не говоря уже о Чемберлене. Я помог Лапужу измерить 600 черепов с одного старого кладбища. Признаться, исследование головных указателей и деление этих несчастных голов на долихо-, мезо- и брахицефальные немногому меня научили, но из массы бесполезных вещей, которые я изучил, эти измерения не были более бесполезными, чем все прочее».

III

Тем временем Жорж Ваше де Лапуж существенно дополнил и систематизировал курсы лекций, которые читал в Монпелье. Результатом этой работы стало издание двух фундаментальных книг *«Общественный отбор»* (1896 г.) и *«Ариец и его социальная роль»* (1899 г.), обессмертивших имя автора. Именно с этой

поры одни его начали просто обожать, а другие — ненавидеть. Количество последних постепенно стало неуклонно расти, и тому были веские объективные исторические причины. Лапуж просто не «вписался» в политическую ситуацию, и в этом его главная «вина». Публиковать научно обоснованную апологию высоких, стройных, нордических блондинов, серьезных, выдержанных, немногословных, логичных и талантливых во всех сферах жизнедеятельности, а также превыше всего ценящих чувство личной свободы, в побежденной Франции, только и мечтавшей о военном реванше, при демократии, проваливавшейся то в панамский скандал, то в «дело Дрейфуса», было или колоссальной бестактностью, или даже откровенной провокацией. Французы, воспитанные на эстетических нюансах импрессионизма и иных формах декаданса, подчас откровенно враждебно относились к любым проявлениям «социальной физиологии», стремящейся разоблачить болезненную расовую основу «новейших веяний» в искусстве. Кроме того, Лапуж был в одиночестве, а немецкая когорта последователей антропосоциологии все множилась, и у французов, даже из числа интеллектуалов, стало складываться мнение, что это — откровенно вражеская идеология, а Лапуж — ее извращенный последователь и предатель, научно обосновывающий историческое право победителей. От общего первоначального утверждения о «едином индогерманском языке» в стане победителей в Франко-прусской войне начались полуграмотные разговоры об «арийской расе», а в стане побежденных начали все чаще противопоставлять германское «варварство» и французскую «цивилизацию». Процесс идеологического размежевания начался, и Лапуж, к сожалению, оказался не на том берегу. Он старательно оправдывался в одном из своих писем к американским коллегам, которые его искренне ценили: «Пангерманизм родился из романтических фантазий немецких профессоров истории, это порча, основанная на филологии и истории, смешении двух понятий — расы и нации. Весьма интересно было бы узнать, как и почему Чемберлен, хороший ботаник, поддался лингвистическим софизмам господ профессоров». Но его не услышали.

1897 г. был отмечен триумфом пьесы *«Сирано де Бержерак»* Эдмона Ростана (1868–1918). Французы вновь осознали в полной мере свою национальную гордость и величие, и ра-

совые теории им были не нужны. Лапуж же, напротив, считал каждую нацию лишь выполняющей определенную социальную функцию на фоне всевластия биологических законов эволюции и яростно выступал против смешения таких понятий, как «этнос» и «раса»: «Это неправильные выражения, которые сыграли такую большую роль в политике наших отцов, обязаны своим происхождением тому факту, что лингвисты по-детски смешивали общность народов и языков». Справедливости ради нужно отметить, что данная постановка вопроса полностью соответствует канонам современной науки, и Лапуж здесь был одним из первых. В классических советских сочинениях по антропологии четко указывается, что смешение понятий «этнос» и «раса» лежит в основе расистской идеологии. Но Лапуж всегда четко разграничивал их и, следовательно, по канонам советской науки не может быть причислен к расистам. Однако в современных отечественных изданиях можно встретить именно такое мнение, в основном в силу обыкновенного незнания оригинального текста французского ученого.

В 1909 г. В своей работе *«Раса и социальная среда»* Лапуж писал следующее о теориях Чемберлена: «Они стали основой германского империализма, самого агрессивного из всех существующих, и превратились в кредо десятков миллионов немцев». К этому времени относятся и более резкие оценки французского автора, который называл некоторых немецких теоретиков «политическими шарлатанами». Однако существует и любопытное свидетельство, что даже сам кайзер Вильгельм II высказался следующим образом: «У вас во Франции лишь один великий человек, Ваше де Лапуж, а вы его не знаете».

Но «политические шарлатаны» в большом количестве существовали и во Франции. Именно они поддерживали в народе иллюзии свободы, счастья, всеобщего равенства и прогресса, в то время как Европа все более неотвратимо скатывалась к Первой мировой войне. Главная иллюзия общества того времени состояла в убеждении, что материальное улучшение жизни — это результат распространения идеалов Французской революции. Этим химерам, имевшим статус почти непререкаемых истин, автор противопоставлял концепцию биологического детерминизма, «пока несовершенным, но наиболее адекватным

выражением которой является теория отбора, основанная на законах эволюции». По его мнению, из новой политической науки нужно изъять лозунги о справедливости, равенстве и братстве и наконец-то должны восторжествовать реалистические представления о балансе сил в борьбе народов и рас за существование. «Горе народам, коснеющим в мечтах», — провозглашал французский ученый.

Кроме того, сообразуясь с законами природы, он признавал, что мораль не имеет никакого отношения к биологии. В предисловии к книге *«Ариец»* Лапуж подчеркивал, что уже пять лет работает над первым томом большой книги о морали отбора, которая будет называться «Против морали». Это была своего рода ницшеанская программа «переоценки всех ценностей», но предпринятая уже на основе принципов эволюционной биологии. Данный страстный порыв французского интеллектуала был вызван желанием очистить мораль от любых трансцендентальных спекуляций, а также желанием вернуть смысл жизни, атрофированный у поколения конца XIX в., нервно дрожащего при виде «очаровательной бледности» дев и упивающегося декадентским искусством и оккультной философией.

Лапужу были чужды как «правые», так и «левые» идеологии, поскольку апологеты и тех, и других привыкли ориентироваться на концепции, восходящие к Французской революции и политической философии XIX в., а не к новейшим открытиям в области эволюционной биологии. Он считал, что настоящий социализм должен быть основан на естественном отборе. Христианская и марксистская идеологии тех дней провозглашали будущее рождение «нового человека», который добровольно и с радостью откажется от личных интересов в пользу общественных. Естественно, что Лапуж с его системой взглядов нашёл непримиримых врагов среди лидеров этих идеологических течений. В 1896 г. он писал: «Социализм будет основан на отборе или его не будет вообще: он возможен только с людьми, сделанными иначе, чем мы, и отбор может сделать таких людей». В книге *«Раса и социальная среда»* он описывал, как в рабочей аудитории, где интеллектуалы чувствовали бы себя неуютно, излагал самые антидемократические тезисы антропосоциологии и не потерял из-за этого на выборах ни одного голоса, потому что

инстинкт влечет народ к тем, кто не труслив. Лапуж заключает: «Идеи Вольтмана и социал-аристократии оказали на марксистские массы столь значительное влияние, что изменили результаты выборов в Германии».

Лапуж обличал и буржуазию, да еще в таких выражениях, как какой-нибудь современный прогрессивный эколог. Досталось от него и парламентской демократии: «Плутократия сбросила свою демократическую маску, и встает вопрос: возможна ли демократия? Под именем республики продолжается империя. Конфликт между расами начинается внутри наций и между нациями. Демократией именуют режим, который не имеет с ней ничего общего, кроме названия. Предполагается, что правит плебс. На самом деле плебс не играет активной роли на выборах. Депутатов назначают без мандатов, и правят они в интересах кланов. В Германии, которая не закикливается на демократии, судьба рабочих и крестьян лучше обеспечена законом, чем у нас, дух законов там ближе к социализму».

Гражданам было весьма неприятно выслушивать такие суждения о стране, которая считала себя маяком политического и социального прогресса. Парадоксально, но Лапужа в государственном устройстве Германии восхищала социальная защита слабых, которую он принципиально осуждал во имя естественного отбора. Таким образом, появились новые достаточные основания для обвинений его в германофилии и недостаточном патриотизме, тем более что он в силу своего тяжелого характера и отнюдь не французской галантности умудрился оскорбить еще и военное сословие, объясняя причины поражения во Франко-прусской войне общей расовой деградацией военных во Франции.

Вряд ли нужно пояснять, какое влияние во Франции традиционно имели женщины и как политикам приходилось считаться с женским мнением на всех уровнях социальной иерархии. Но Лапуж в атмосфере «прекрасной эпохи» в стране, где все было буквально пронизано культом женственности во всех ее проявлениях, открыто заявил ошеломленным современникам, что женская красота часто является злом, потому что иногда приводит к отказу от материнства. Он публично окрестил феминизм наихудшим проявлением «старческой демократии», при котором роль политиков уподобляется состоянию микробов.

В своей знаменитой статье с характерным названием «О неравенстве между людьми» (1888 г.) он провозглашает идеологическую программу: «Господа, для того чтобы оспаривать принцип равенства людей, нужно много смелости. Я, однако, осмелюсь это сделать, потому что наука, чуждая человеческим слабостям, имеет право повсюду нести свой факел, и, возможно, пришло время отказаться от фикций, метафизических спекуляций, чтобы наконец зажить реальной жизнью. Грош цена мечтаниям философов, в реальности люди неравны, и неравенство их социальной ценности намного выше всего, что только можно предположить. Это не все. Каждый из нас становится тем, кем ему предначертано стать от рождения: образование лишь развивает способности, изначально существующие в зародыше. Вот чему научило нас изучение законов наследственности. Именно наследственность придает неравенству его значение с точки зрения политической науки. Дело не только в том, что индивиды, классы, нации и расы не равны — ко всему прочему ни одна из этих групп не может усовершенствоваться целиком: повышение среднего уровня происходит вследствие уничтожения худших и распространения лучших элементов — одним словом, отбора, сознательного или неосознанного. Развитие человека происходит благодаря этому неравенству. Ни один здравомыслящий человек не осмелится утверждать, что 1 млн темнокожих равноценен такому же количеству, например англичан. Было бы очень важно непосредственно доказать, что с древнейших эпох умственно одаренные люди в основном принадлежали к белой долихоцефальной расе.

Парадокс о равенстве людей, столь дорогой нашим современникам, должен уступить место принципу наследственного неравенства. Это важнейший вывод, и от него невозможно отстраниться с научной точки зрения».

IV

Таким образом, круг замкнулся, ибо Лапуж сумел нажать себе врагов среди представителей практически всех значительных идеологических течений. При этом — и в данной ситуации, на наш взгляд, это самое важное — он был неисправимым романтиком, что только усугубило отрицательную репутацию в об-

ществе. Его сочли просто взбалмошным аристократом, который намеренно эпатирует публику своими вызывающими фантазиями. Пьер-Андре Тагиефф в своей монографии *«Цвет и кровь. Французские теории расизма»* (Пер. с фр.: М., 2009) справедливо указывает, что не последнюю роль сыграл и литературный стиль изложения Лапужа: местами научный, намеренно тяжеловесный, иногда пафосно нравоучительный, а временами ернический и карикатурный.

На самом же деле, как это часто бывает в науке, злую шутку с ним сыграл его дар новатора и первопроходца, убежденного в своей непогрешимости. Из биологии он хотел создать нечто аналогичное новой религиозной системе ценностей, но публика была еще не готова к подобной постановке вопроса. И тогда его интеллектуальные экспрессии были сочтены опасными для нравственных устоев общества, а на фоне морального климата проигравшей страны этого оказалось достаточно, чтобы быть обвиненным во всех мыслимых грехах. Национализм в стане побежденных очень часто приобретает болезненные черты, хотя и апеллирует к возвышенным патриотическим чувствам. Особенно это проявилось во Франции, в которой единство языка и культуры считалось наивысшим признаком консолидации. А Лапуж оскорбил чувства французов, написав в своей книге *«Общественный отбор»* следующее: «Раса представляет собой совокупность индивидов, совместно обладающих определенным наследственным типом. Понятие расы относится к области зоологии, и только к ней. Поэтому аналогия языков не предполагает аналогии рас». Это совершенно современное и политически корректное определение расы. В связи с этим очевидно, что, одним из первых давая такую формулировку, Лапуж никак не может быть отнесен к числу вульгарных расистов в современном понимании. Но в конце XIX в. французы, считавшие себя едва ли не самой культурной нацией на Земле, вдруг узнали из уст экстравагантного маркиза, что их блестящее единство основано не на идеалах Революции, а на принципах зоологической классификации. Большого кощунства себе и представить было не возможно. В стране, всеми силами души жаждавшей военного реванша, Лапуж писал в духе футуристической утопии об обществе нового типа, созданного на основе биологических законов

селекции: «Наконец-то исчезнет милитаризм. Значительная по силам армия сохранится в составе лишь нескольких сотен тысяч человек, как одна глобальная полиция. Придет эра социализма, но это, конечно, будет социализм, резко отличающийся от того, каким мы его себе представляем. Селекционизм будет применяться без ограничений, и средний уровень качества людей станет повышаться из поколения в поколение». За такой ход рассуждений Лапужа сразу же записали в откровенные «леваки» и «пораженцы». Кроме того, в атмосфере всеобщего декаданса никто не хотел повышать свой уровень, ибо всем и так нравилось упиваться праздностью и собственным ничтожеством, а этот «биолог» имел наглость публично и бесцеремонно вторгнуться в самые потаенные уголки души обывателя, рассказывая людям, как они плохи и несовершенны, да еще по сравнению с канонами животного царства.

Лапуж разрушил возвышенные представления о логичности человеческой истории, в которой божественное начало является своего рода моральным арбитром. Для него история — это эволюционная война рас, ведущих беспощадную борьбу за существование, где индивиды неосознанно соревнуются друг с другом. Он полагал, что никакой морали в ее консервативно-христианском понимании нет вообще, мораль — это биология выживания. В одной из своих лекций в 1886 г. Лапуж писал: «Философия истории, становясь понятнее с каждым днем, представляет собой не что иное, как протокол эволюции человечества и борьбы за существование между различными ветвями человеческого рода. У каждого из этих элементов есть шансы, зависящие от внутренних качеств. Вероятно, один элемент одержит победу, другой будет низвергнут, третий уничтожен. В зависимости от изменений среды шансы одного и того же элемента меняются. Так, светловолосый элемент во Франции оказался подавлен: он был многочисленным в эпоху галлов и сохранился, уменьшившись количественно, в аристократических семьях и некоторых других слоях населения. Сегодня он почти сведен на нет из-за смешения с брахицефальным типом. На это повлияло изменение условий среды, которая в большей степени способствует развитию расы брахицефалов. Наоборот, в Англии брахицефал почти исчез. Бессознательная борьба рас объясняет почти всю

историю обеих стран вплоть до Французской революции — высшего и победоносного усилия туранской популяции¹. В других условиях победу в этой борьбе одерживают блондины: военная и экономическая гегемония сохраняется в руках арийского населения Северной Германии, Англии и Соединенных Штатов».

По мнению Лапужа, демократия и христианство имеют сугубо азиатское происхождение, поэтому его высказывания на эту тему носили откровенно уничижительный характер: «Современная демократия связана с пришествием новых этнических элементов, масс брахицефалов, пробующих свои силы во власти. Возможно, больше не будет устаревшей власти и появится новый народ. Азиатская любовь к единообразию лишает всякого шанса на успех эксперимент, проделанный параллельно в арийских Соединенных Штатах нашими кельто-славянскими элементами. Тенденция к единообразию есть неизбежный фактор регресса, в то время как прогресс предполагает на каждой новой фазе развития все большую степень дифференциации. Такая тенденция к дифференциации формирует высшие организмы как среди животных и растений, так и в обществах, противоположная же тенденция служит симптомом распада молекул, предвестием их разрушения или ассимиляции в новых телах».

Критики более поздних времен справедливо называли Лапужа «провозвестником генетики», так как эти его выводы наиболее точно отражают основные положения науки и совершенно не противоречат этическим нормам современного общества. Он, по сути, требовал радикального оздоровления общественного мнения и избавления его от метафизических фантазий: «Формулируя принцип борьбы за существование, Дарвин не только совершает революцию в биологии и философии природы, он еще и преобразует социальную науку. Этот мощный гений придал огромную силу концепциям Ламарка и Спенсера, открыв механизмы эволюции органического мира, который из мельчайших простейших произвел совершенные существа вплоть до человека — этого смертного Бога, в котором Вселенная познает самое себя».

---

¹ Здесь под термином «туранский» понимаются элементы азиатского происхождения, то есть «альпийской расы» популяции.

V

Складывается впечатление, что Лапуж и впрямь ощущал себя пророком новой расово-евгенической религии: «Совершенно ясно, что путем строгого отбора предоставляется возможность в течение ограниченного времени получить желаемое количество индивидов определенного роста, с определенным черепным индексом, цветом глаз, волос и кожи. Когда таким образом будет получен соответствующий расовый тип, потребуется весьма немного времени для эстетического усовершенствования индивидов, и идеальной красоты будет тем легче достичь, чем быстрее исчезнет непоследовательность вместе с гетерогенными тенденциями. Трех поколений в течение каждого века будет достаточно, чтобы через несколько столетий заселить землю морфологически совершенным человечеством, таким совершенным, что мы не можем представить себе ничего лучшего. Этот срок может быть значительно сокращен, если прибегнуть к искусственному оплодотворению. Речь идет о замене воспроизводства дикого и спонтанного зоотехнической и научной репродукцией, об окончательном разделении трех уже отделяющихся друг от друга вещей: любви, похоти, плодовитости».

Одним из первых Жорж Ваше де Лапуж предложил создать банки спермы для грядущего улучшения наследственности, чем окончательно поверг в шок страну, боготворившую все формы чувственности и возвышенной любви. И никого так не ненавидит толпа, как кумира, сброшенного с пьедестала, вымещая со всей жестокостью на нем свои комплексы. Случай с Лапужем оказался весьма показательным. Он не был признан на родине, но пользовался известностью в Германии. А в Америке был даже весьма модным идеологом, ибо соответствовал новейшим тенденциям в наиболее динамично развивающемся обществе.

В декабре 1920 г. Лапуж был избран французским членом-корреспондентом Общества Гальтона, основанного в Нью-Йорке в марте 1918 г. одним из основоположников генетики Чарлзом Б. Девенпортом (1866–1944) и расовым теоретиком Мэдисоном Грантом (1865–1937), евгениками и страстными поклонниками нордической теории. Лапуж был признан лидером французского направления и за свои очевидные заслуги приглашен выступить

на Втором Международном евгеническом конгрессе, который проходил в Нью-Йорке 22–28 сентября 1921 г. под председательством палеонтолога Генри Ферфилда Осборна, основателя Американского евгенического общества. Доклад Лапужа имел характерное название: «*Раса у смешанных народов*», что пришлось по вкусу американской просвещенной публике.

По возвращении во Францию ученый переехал из Ренна в Пуатье, где тоже работал университетским библиотекарем. В 1922 г. он вышел на пенсию и до своей смерти 20 февраля 1936 г. написал всего две значимые работы, посвященные творчеству французского пионера расовых исследований графа Жозефа Артюра де Гобино (1816–1882), который был совершенно неизвестен у себя на родине. В 1923 г. забытый всеми, озлобленный и одинокий Лапуж писал: «Последние времена увидят людей, освободившихся от цивилизации, вернувшихся к стихийной свободе, живущих в пещерах. И между людьми останется лишь одно неравенство: между тем, кто на вертеле, и тем, кто вращает вертел». Он видел, какие невосполнимые потери качеству европейского населения нанесла Первая мировая война. Он всегда был последовательным антимилитаристом, о чем следует помнить, критикуя его взгляды.

Лидер феминистского движения Америки Маргарет Зэнгер (1883–1966) пригласила Лапужа на проходивший в марте 1925 г. в Нью-Йорке VI Международный конгресс неомальтузианского движения «Контроль за рождаемостью». После своей второй и последней поездки в Америку он в 1926 г. опубликовал перевод известной книги своего друга Мэдисона Гранта «*Закат великой расы*», написав к ней большое предисловие. В 1927 г. он установил контакты с выдающимся немецким расологом Хансом Ф. К. Гюнтером (1891–1968), труды которого высоко оценил, хотя и не во всем с ним соглашался. В это же время он подружился с основоположником немецкого Общества Гобино Людвигом Шеманом (1852–1938), крупным издателем Юлиусом Фридрихом Леманом (1864–1935), а также расологом Паулем Шульцем-Наумбургом (1864–1949).

Вопреки голословным утверждениям, содержащимся в некоторых современных энциклопедических словарях, Жорж Ваше де Лапуж никак не мог быть «провозвестником расистских идей

Гитлера», так как незадолго до смерти, в 1935 г., в одном из своих писем к другу он писал: «Будущее покажет, что жуткая политика этого великого человека не приведет ни к чему, кроме ужасных истреблений и уничтожения лучших». Даже страстный обличитель Лапужа Пьер-Андре Тагиефф вынужден был признать, что французский ученый никогда не был поклонником Гитлера, а о его резко негативном отношении к идеологии пангерманизма мы уже упоминали. Лапуж был романтиком от науки, а в то время жесткой политической борьбы такие идеалисты просто раздражали сильных мира сего. Многие интуитивно чувствовали, что он прав и его пророческие предсказания сбудутся, но боялись себе в этом признаться.

Лапуж скончался в Пуатье 20 февраля 1936 г. В возрасте 82 лет почти в полном забвении. Лишь французский энтомологический журнал опубликовал о нем некролог, как о знатоке жужелиц.

Немецкий исследователь Вернер Кульц справедливо указал в своем эссе, посвященном памяти маркиза: «Его собственный народ до сих пор не понял учение своего великого сына. Он продолжает идти по пути всеобщего смещения и гибели родов с высококачественной наследственностью».

Лапуж всегда грезил перспективами сверхчеловека, свободомыслящего существа высшего порядка, обладающего прекрасной наследственностью, ясным разумом и свободой воли. Кроме того, он всегда проповедовал так называемую «позитивную евгенику», суть которой сводится к селективному отбору лучших индивидов, как это делают растениеводы и зоотехники. В противоположность этому американские, немецкие и даже советские евгенисты в значительной своей массе пропагандировали принципы «негативной евгеники», согласно которым для оздоровления потомства предлагалось стерилизовать «дефективных» членов общества, причем не только на основе биологических, но и социальных показателей. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть «Русский евгенический журнал». Таким образом, получается, что советские евгенисты, которых не принято называть «расистами», стояли на более радикальных идеологических позициях, чем сам Лапуж, которого сегодня недостаточно информированные авторы называют расистом.

VI

А теперь давайте разберемся, что же такого крамольного написал французский автор, чем так сильно испортил свое реноме в среде просвещенной демократической публики. У нас есть реальная возможность ответить на этот вопрос самостоятельно, опираясь на первоисточник.

Прежде всего следует указать, что книга написана в академическом стиле, лишенном каких бы то ни было политико-пропагандистских штампов, рассчитанных на обывателей.

В самом начале сочинения Жорж Ваше де Лапуж подчеркивал: «Данная книга представляет собой монографию о *Homo Europæus*, то есть о виде, которому присваивали разные имена: долихоцефальной белокурой расы, кимрской расы, расы галатов, германской и, наконец, арийской расы. Я буду называть ее общепринятым научным именем, которое ей дал Линней».

Сам термин «ариец» в понимании автора — это достаточно условное и относительное понятие, приспособляемое исключительно для нужд современной ему публики, еще не привыкшей к единой унифицированной терминологии. Естественно, ведь это была эпоха начала системных расологических исследований, и подобного рода терминологические пояснения были просто необходимы: «Из всего вышесказанного следует сделать вывод о необходимости исключить из терминологии антропологической науки все термины, не имеющие какого-либо отношения к линнеевским, согласованным с правилами зоологической номенклатуры <...>. Вот почему термин «ариец» уместен только в труде по этнографии, но должен применяться только с разрешения и должен быть понятным читателям в работе по антропологии. Я буду употреблять его только в заголовках, чтобы неискушенный читатель не чувствовал себя не в своей тарелке. Если я его иногда употребляю в тексте, то это в этнографическом смысле, что законно и правильно, иногда буду употреблять незаконно, а также, чтобы избежать многочисленных повторов слишком режущего слух *Homo Europæus*».

Ничего особенно реакционного не содержалось и в другом базовом утверждении французского автора: «Мы приходим к заключению, что господствующий класс у первобытных ариев был долихоцефально-белокурым. Было ли такое доминирование

одновременно и социальным, и количественным или только социальным, — не столь важно».

Итак, мы видим, что сама постановка задачи в данном сочинении предельно корректная и мягкая.

Далее автор посвятил раздел сугубо физическому описанию характеристик исследуемого им расового типа, где также не содержится и намека на политические сентенции, ибо описание ведется с точки зрения классической систематизации.

Одним из первых в мировой научной литературе Жорж Ваше де Лапуж предпринял комплексное исследование проблемы происхождения белых индоевропейцев на основе синтеза естественных наук, для чего проанализировал биологические причины возникновения светлой пигментации вообще, с особым рассмотрением принципов ее физиологического функционирования. Далее, как подлинный ученый, он задался вполне справедливым вопросом: а где же географически мог возникнуть данный светло-пигментированный расовый тип? Анализ региона первичного расогенеза с точки зрения климатологии, географии, геодезии и минералогии не оставляет нам шансов усомниться в добротной и основательной эрудиции Лапужа, вновь не подверженной никаким политическим спекуляциям, в которых его, увы, многократно обвиняли посмертно: «Духовная жизнь протоарийца должна была быть монотонной и печальной, как природа, на лоне которой он влачил свои дни. Этот покачивающийся в дымке горизонт, душастый его, подобно стеклянному колпаку, низкое небо, покрытое свинцовыми тучами, из-за которых редко пробивался солнечный луч, эти полутени облачных вершин и туман внизу, рассеивающие наклонно падающий свет, непрекращающиеся дожди — теплые и мелкие, но обложные, соприкосновение с северным ветром — холодным, влажным и сильным, который без конца сбивал его с ног, — вся эта меланхолическая среда сформировала его дух, подобно тому как избыток воды и отсутствие света мало-помалу сформировали его тело».

«Легко понять, как трудно переносить такой климат. <...> Когда вся раса, каждый ее индивид веселы, подвижны, любят солнце и жизнь, то она фатально оказывается на обочине жизненного процесса. В этой изобильной, но суровой, однообразной, бесконечно печальной природе выжили только те, которые, на-

ряду с упорным темпераментом, обладали холодным и меланхоличным духом, спокойной, но неистощимой энергией.

Так возникла раса рыбаков, охотников, моряков, пастухов — могучая, но лимфатическая, умная, но печальная, энергичная, но холодная, которая от века к веку прирастала числом, оттачивала свои свойства и, наконец, на заре античности превратилась в арийцев».

На наш взгляд, это один из самых блестящих и поэтичных пассажей в мировой антропологической науке, где столь просто и вместе с тем образно были объяснены психические кондиции нордической расы в свете географических условий ее возникновения. Но это не ода, а диагноз, повышающий научную достоверность сочинения в целом, ибо все эти новаторские идеи многократно были обоснованы и подтверждены впоследствии.

Следующий раздел монументального исследования был посвящен детальному анализу антропологических характеристик доисторических ариев как на основе письменных источников, так и палеоантропологических данных. И здесь Лапуж оказался первым, а его универсальная методика используется современными реставраторами истории до сих пор. Аристократия многих древнейших народов Европы, Ближнего Востока и даже Северной Африки была белокурой по происхождению, испытывав на себе генетические следы расового вторжения северных народов, которые в египетских хрониках обозначались как «народы моря». Многочисленными волнами они вторгались в эти исторические пределы начиная с V тысячелетия до н. э. Мало того, Лапуж, опираясь на неопровержимые источники целого комплекса наук, доказывает, что белокурый расовый элемент всецело преобладал на гигантских просторах Евразии с самых древнейших времен, всюду составляя знать традиционных культурных сообществ. В Индии и даже Китае множество неоспоримых летописных и антропологических фактов свидетельствует в пользу «арийской гипотезы» происхождения высшей культуры данных регионов. Расовые типы изображенных божеств и героев говорят сами за себя. И нужно понимать, что им поклоняются сегодня сотни миллионов людей, а это уже никак нельзя списать на счет неразвитости населения, в условиях техногенной революции охватившей весь Евразийский континент.

Поклонение расовой белизне — устойчивый аспект множества мифов на этих гигантских территориях, население которых имело самое разнообразное генетическое происхождение. По мнению Лапужа, это не может быть простой случайностью или цепью неосознанных совпадений. Это просто исторический факт, требующий объективного осмысления. Приводимая ниже цитата вполне соответствует современным представлениям об античности: «Поэзия белизны мрамора не прельщала греческих ваятелей, для декоративной отделки своих статуй они использовали цвет, при этом полихромия не всегда ставила целью точное воспроизведение натуры, с такой оговоркой нужно отметить, что при передаче цвета волос почти всегда применяли желтые и красноватые пигменты. Редкие исключения замечены для рабов, инородцев, людей низших классов. Одним словом, греки видели белыми всех, кого относили к персонам высокого порядка: богов, героев, великих мужей, свободных граждан, знатных дам и даже известных куртизанок. <...> При этом греческие физиогномисты мало ценили людей чернявых и курчавых. Они рассматривали их как плутов и корыстолюбцев».

Такому же детальному и вместе с тем натурфилософскому анализу Лапуж подверг причины расовой деградации Великого Рима: «Римляне римлянам рознь. Римлянин III в. до н. э. — это гражданин города Рима, гражданин — то есть не инородец, проживающий в городе, и не раб. Две последние категории, впрочем, принадлежали, почти без исключения, к соседнему италийскому населению. Римлянин III в. н. э. от первого унаследовал лишь название».

Великая Римская империя пала в результате расового смешения — вот окончательный приговор классика: «Латинская литература богата упоминаниями о масти. Римляне эпохи упадка и их наложницы изображены поэтами и историками — первыми больше, чем вторыми».

Далее автор вполне однозначно высказывается о славянах: «Все остеологические и исторические факты указывают нам в славянах общность долихоцефальных и белокурых народов <...> в России самым чистым является великоросский элемент. Это он расселен по Сибири, где новое население является более благородным, чем население любого великого народа Европы».

Любопытно отметить следующее замечание Лапужа: «По славянской эпохе лучшим гидом всегда выступает Богданов». Эту фразу, мы полагаем, нужно хорошо усвоить всем знатокам русской истории, так как французский ученый безоговорочно признавал статус основоположника отечественной антропологической школы Анатолия Петровича Богданова.

VII

Жорж Ваше де Лапуж был также пионером в области целой новой отрасли естествознания — расовой психологии: «В облике каждого человека есть черты, свойственные только ему и не позволяющие спутать его с кем-то другим. То же самое можно утверждать и относительно его психологии. Человек, являющийся синтезом бесконечного числа предков, позволяет отнести себя к какой-то категории. Даже если он не представляет собой четкого типа, можно, по крайней мере, сказать, к каким расам он имеет отношение. Данную классификацию легче всего провести для тела — в этом нам помогают инструменты и глаза. Что касается такой тонкой материи, как психический тип, то он индивидуален для каждой расы и для каждой человеческой категории».

Каждый из нас, приходя в мир, обладает своим психотипом, который одновременно является синтезом психотипов бесконечного множества предков. Мысли и действия человека основываются на опыте бесчисленного легиона погребенных предков. Он впитал в себя все, что чувствовало, о чем думало, что желало человечество на длинном отрезке родословной, который связывает личность — через миллионы лет, посредством миллиарда всевозможных предков — с первыми сгустками живой материи.

Человек не может избавиться от бесконечного могущества предков. Он не может поменять черты своего лица, он не может игнорировать то, что управляет его мышлением, что заставляет его волноваться так же, как волновались и реагировали его предки. Орудие, которое в нем таким образом размышляет и действует, у другой расы совсем другое <...>.

Значит, психические черты рас формируются точно так же, как физические — исключительно благодаря выживанию одаренных индивидов. И следовательно, психология расы неизбежно довлеет над психологией индивида. Именно в этом заключаются

фундаментальное понятие дарвиновского монизма и противоположные ему мечтания о девственной душе, измышленной философами.

На наш взгляд, данное определение можно считать каноническим и совершенно не утратившим своей актуальности до сих пор. Кроме того, ученый обозначил основные принципы эволюционной психологии, а также одним из первых понятие нации сформулировал не на культурно-языковом, но именно в биологическом понимании: «Нации не являются ни сообществами, членами которых становятся по выбору, ни клубами по интересам, куда вступают, заплатив взнос. Такой взгляд присущ основной массе публицистов, о политиках я не говорю — у них никаких собственных взглядов нет.

Нация есть общность индивидов, имеющих разное расовое происхождение, но соединенных сложными родовыми связями, которые на протяжении истории оказывали влияние друг на друга. Нация включает в себя живых, умерших, а также все последующие поколения до скончания веков. Нация претендует на вечность и вездесущность, то есть на то, чтобы остаться в конце концов одной и заселить всю Землю своим потомством. <...>

Нация, начинающая формироваться, включает в себя разные расы, в различных пропорциях, распределенные некоторым образом в общественной иерархии».

Такой взгляд является ложным и проистекает из не менее ложных представлений о человеческой личности и придания довлеющей важности экономике. Люди, я это повторяю, не являются, как считает христианство — церковное или светское, — равными и независимыми, они, наоборот, не равны по отношению друг к другу из-за того, что над ними довлеет наследственность. Экономические интересы нынешнего и грядущего поколений мало значат по сравнению со стратегическими интересами всей нации, а потому жертвовать надо в первую очередь экономическими.

Более поздние критики Лапужа, не имея возможности читать его в подлинниках, неустанно обвиняли ученого в пропаганде примитивного, одностороннего расизма. Ему приписывались утверждения, будто он писал, что все длинноголовые блондины принадлежат к «высшей» расе, а все короткоголовые брюне-

ты — к «низшей». И поколения читателей простодушно доверяли написанному, тем более что энциклопедические словари содействовали распространению данного измышления с настойчивостью эпидемии. В то время как на самом деле ученый писал: «Смелость, выдержка, долихоцефалия, депигментация, повышенный рост являются характерными чертами *H. Europæus*. Из этого не стоит делать вывод, что у *H. Europæus* повышенные умственные способности из-за его долихоцефалии. Такое умозаключение часто делали противники селекционизма, и многие одалживали мне его, чтобы потом спросить, почему негры тоже не являются высшими людьми. Ничего подобного я никогда не измышлял, не писал, но вероятно, что будущее действительно покажет общую корреляцию между высокоголовостью и повышенной импульсивной активностью».

Итак, как видим, механизм идеологических провокаций и технология шельмования не стали со временем изобретательнее и утонченнее.

А вот стиль сдержанных, корректных допущений Лапужа показывает, что он действительно был подлинным ученым-новатором, желавшим заглянуть за горизонты современной ему науки, что никак не может быть преступлением против общественной нравственности. Во времена Лапужа философ-одинок уже не сжигали на кострах, но атмосфера косности убивала авторитет и честное имя истинных новаторов. «Следовательно, не надо делать вывод, который я слышал от ученых людей, даже профессоров: раз долихоблонд является высшим — значит, всякий долихоблонд высший, тот кретин — долихоблонд, значит, долихоблонд не является высшим», — подчеркивал ученый. Но это не спасло его, всегда выступавшего против однобокого и примитивного толкования научных фактов, от обвинения в расизме. Отчетливо видны следы цеховой солидарности глупцов, прикрывающихся учеными степенями и мстящих подлинно ярким и самостоятельным личностям. В другом месте своей книги Лапуж также четко указывал: «Я не являюсь приверженцем насильственных мер, о которых говорят американские селекционисты и которые они начинают практиковать. Кастрация представляется мне бесполезной». Тем не менее Лапужа записали в «предтечи человеконенавистниче-

ских идей Гитлера». Парадоксально, но те, кто проповедывал и осуществлял радикальные евгенические меры, избежали этой участи и до сих пор числятся в ряду маститых ученых с вполне благонаправленной репутацией. Напомним, что и в Советской России было множество приверженцев негативной евгеники. «Дурная трава с поля вон», — вещали большевистские комиссары, беспощадно и массово истреблявшие целые сословия лучших русских людей, на которых поколениями держалось наше отечество. И в честь убийц, по странному стечению обстоятельств, до сих пор названы улицы и проспекты в крупнейших городах России. А скромного библиотекаря, который в своей жизни вряд ли обидел существо более сложной организации, чем жужелица, представляют едва ли не как одного из главных идеологов тоталитаризма. Вот они — чудеса пропаганды.

В самом конце книги в полной мере проявляется не просто бесстрастная академическая манера Жоржа Ваше де Лапужа, но и его осознанная высокая гражданская позиция. Невольно проигрывая идеологическое противостояние с современниками, он тем не менее, как истинный провидец, силой своих знаний предостерегал потомков: «Содрогаешься при мысли о том, сколько гекатомб человеческих жертв таит в себе будущее. Борьба между претендентами на мировое господство будет долгой и, конечно, беспощадной. Исчезновение второстепенных народов, тех, кто не может ни на что претендовать, не обязательно будет столь же кровавым. Бывают случаи, когда неравенство сил таково, что для слабого сопротивление бесполезно. <...> Все конгрессы, все фикции, все ухищрения не помешают ходу эволюции, не помешают быстрому сокращению числа народов, созданию всемирного государства. Формулы международного права, всякие мирные, гуманитарные конференции служат в основном тому, чтобы успокоить жертвы будущего, усыпить их гарантиями безопасности, в то время как народы-хозяева накачивают мускулы. Противники милитаризма и поборники договоров не то что неправы, а строят иллюзии. Массы притягивают массы, малые народы по тем же причинам становятся клиентами и сателлитами больших. Борьба великих народов — естественная необходимость. Подлинная подоплека борьбы за существование — это борьба за потомство. Сегодня излишки

населения можно сбрасывать посредством эмиграции. Когда же Земля окажется полностью заселенной, экспансия одних станет возможна лишь при условии истребления других. Вот тогда борьба станет неизбежной и жестокой. Арбитраж — прекрасное средство избежать конфликтов между двумя народами, которые не хотят воевать друг с другом, но когда разгром одного необходим другому — для арбитража больше нет места. Милитаризм изматывающий, абсурдный, но для слабого он является единственным возможным средством избежать разгрома, а для сильного — поиграть мускулами и поглотить слабого. Войны будущего перестанут быть играми королей или капризами народов, но неизбежным следствием потребностей народов в росте. Очень трудно предсказать, когда и в чью пользу будет создана всемирная империя. Впрочем, я не думаю, что это займет более двух-трех веков. События развиваются с возрастающей скоростью. Также я считаю, что победить призваны США. В противном случае Вселенная станет русской».

Мы видим, что общий сценарий мировых событий в XX столетии развивался в соответствии с моделью французского ученого, что, несомненно, повышает историческую ценность его труда, главная идеологическая составляющая которого весьма точно обозначена автором в заключительной части: «Человек не является особенным существом, его действия подчинены вселенскому детерминизму. Общества не развиваются случайно, у них сложные законы развития, пока едва известные и трудные для постижения, но столь же непреклонные, как законы движения атмосферы. Из человеческой и общественной жизни сверхъестественное исключено.

Душа и тело есть одно, поскольку психические феномены являются функцией мозга. Душа, таким образом, наследуется так же, как и тело. Индивидуальная психология зависит от того, какими были предки человека: фундаментальное неравенство людей происходит из разности в происхождении. Неравенство происхождения является единственным, которое невозможно исправить. Уровень образования целиком обусловлен наследственностью, он не передается потомкам. Образование может придать человеку лоска, но ничего из этой фальши не передастся его потомкам.

Ни в семью, ни в нацию не входят по указу. Кровь, которую мы воспринимаем в свои вены при рождении, сохраняется всю жизнь. Человек — часть своей расой и вне ее ничего из себя не представляет. Раса, нация есть все».

Как видим, ничего расистского в данном пассаже не прослеживается, поскольку он полностью соответствует системе доказательств современной генетики. Единственное, в чем усматривается расхождение, так это поэтическая образность и афористическая насыщенность языка французского расолога, практически отсутствующие в новейших естественнонаучных трудах, написанных сухим бухгалтерским языком.

VIII

Наконец еще одним принципиальным нововведением в исследовании антропологического происхождения древних ариев в главном сочинении Жоржа Ваше де Лапужа явилась систематизация информации из древних первоисточников, описывающих физический тип и психические характеристики древних ариев. И вновь это было сделано научно корректно, без всяких рассуждений о «высших» и «низших» расах. Лишь представление объективных данных о расовом типе создателей культуры на гигантских просторах Евразии.

Главный вывод антропосоциологической теории Лапужа состоял в следующем. Во всех формах развития исторических сообществ он видел проявление извечного антагонизма в борьбе за существование исходных биотипов — долихоцефалов и брахицефалов. Именно это ему поставили в вину не столько современники (ибо он был не одинок в этом вопросе), сколько более поздние его критики, уже не считавшие нужным вторгаться в «тонкие» материи расового антропогенеза. Но на самом деле обилие археологических и палеолингвистических данных существенно укрепило аргументацию расовой антропологии в данном вопросе.

Не будем здесь перечислять огромное количество зарубежных научных сочинений, описывающих специфику расово-биологических процессов в истории, перечислим лишь основные произведения русской антропологической школы, в которых прослеживается развитие основных идей Лапужа: Богданов А. П.

Антропологическая физиогномика. М., 1878; *Материалы для антропологии курганного периода в Московской области*. М., 1892; Вилькинс А. И. *Антропологические типы в Средней Азии*. 1884; Рождественский А. Г. *К вопросу о древнем населении Рязанской губернии*. Рязань, 1893; Малиев Н. М. *Антропологические изыскания*. Казань, 1881; Зограф Н. Ю. *Антропометрические исследования мужского Великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний*. М., 1892; Ивановский А. А. *Об антропологическом составе населения России*. М., 1904; Галай Я. Д. *Антропологические данные о великоруссах Старицкого уезда Тверской губернии*. М., 1905; Чепурковский Е. М. *Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами*. М., 1913; Риттих А. Ф. *Славянский мир*. СПб., 1885.

Примечательны в этом плане изыскания знаменитого русского этнографа и востоковеда Г. Е. Грум-Гржимайло, который на базе богатейшего фактического материала в своих работах «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми. К вопросу о народах белокурой расы в Средней Азии» (СПб., 1899), и «Белокурая раса в Средней Азии» (СПб., 1909), наглядно показал, что все очаги культуры в древние времена на гигантских просторах Азии возникли в результате деятельности представителей долихоцефальной, светловолосой расы.

Казалось бы, советская антропологическая наука, выполняя социальный заказ пролетарского интернационализма, должна была опровергнуть этот тезис, но ничуть не бывало. Г. Ф. Дебец в статье «Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии» (Советская Азия, 1931, № 5–6), В. В. Бунак в статье «К вопросу о происхождении северной расы» (Антропологический журнал, 1934, № 1) и В. И. Авдиев в фундаментальной монографии «История Древнего Востока» (М., 1948) исходили из тех же культуробиологических предпосылок. Отечественной наукой в данном вопросе накоплено огромное число прекрасных исследований, до сих пор не потерявших своей актуальности.

К числу работ, в которых можно без труда обнаружить дальнейшее развитие логических построений Жоржа Ваше де Лапужа, можно отнести такие сочинения, как: Дебец Г. Ф. *Палео-*

антропология СССР. М., 1948; Происхождение человека и древнее расселение человечества. Сб. статей. М., 1951; Бунак В. В. *Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас.* М., 1959; Алексеев В. П. *География человеческих рас.* М., 1974; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. *Палеоантропология Средней Азии.* М., 1972; Монгайт А. Л. *Археология Западной Европы. Каменный век.* М., 1973; Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. *Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий.* М., 1977; Тот Т. А., Фирштейн Б. В. *Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов.* Ленинград, 1970; Седов В. В. *Древнерусская народность.* М., 1999.

Кроме того, в СССР в 1977 г. состоялся Международный симпозиум по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.), труды которого вышли отдельным изданием в 1981 г. В работе симпозиума приняли участие крупнейшие ученые из 11-ти стран, чтобы обсудить различные аспекты «арийской проблемы». Советский делегат Б. Г. Гафуров в своем выступлении *«Некоторые проблемы этнической истории народов Центральной Азии в древнейший период»* указывал: «Данные индийских и иранских языков, свидетельствующие об их происхождении из одного общего источника, систематические и глубинные черты сходства в религии и культуре, социальной и политической организации, хозяйстве и образе жизни иранских и индоарийских племен на заре их письменной истории, их общее самоназвание свидетельствуют об общности предков индийских и иранских племен в общеарийский период. Индоиранское единство является, следовательно, не только языковым артефактом, оно представляло собой реальное историческое целое, существовавшее в определенный период на единой территории. В результате хозяйственного и социального развития в этот период началось распространение арийских племен на другие территории. Арийская проблема является комплексной, но уже по своему содержанию — это прежде всего историческая проблема».

Данное определение сущности «арийской проблемы» — современное и научно-корректное. Но мы не должны забывать, что оно могло возникнуть только после десятилетий самоот-

верженного труда множества ученых, среди которых Лапуж был одним из первых, так как указал на комплексный характер данной проблемы. В этом и заключается непреходящая ценность предлагаемой книги, так как из истории науки мы знаем, что фундаментальные доктрины не возникают в одночасье сами собой, но проходят длительную возгонку теоретической апробацией и практическими доказательствами. Данный случай как раз из этой области, и при всех возможных эмоциональных перегибах автора и его несколько наивных романтических взглядах на историю ему необходимо отдать должное как подлинному новатору науки. Грязная пена неминуемо сойдет как с его сочинений, так и с его имени, а все те, кто повинен в злонамеренной клевете, исчезнут как ничего не значащий шлак в заброшенных штольнях истории.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

*Audax Iapeti genus!*¹

Гораций, «Оды» 1, 3, 27

Данный том воспроизведен по стенографии моего курса 1889—1890 гг. Около двух лет я потратил на то, чтобы его переписать и задокументировать, заменяя устаревшие ссылки в рукописи более поздними. Несмотря на то что новых материалов огромная масса, я почти ничего не поменял ни по сути, ни по форме. Я лишь кое-где смягчил пафос. То, что производит наибольшее впечатление, иногда может выиграть, будучи изложенным другими словами.

Препятствия, чинимые распространению моих идей, служат неопровержимыми доказательствами тому, что они должны появиться своевременно. Когда я высказал эти идеи на кафедре, многие из них показались не более чем причудами, рожденными духом парадокса. Понадобилось несколько лет, чтобы их большая часть подтвердилась ходом молниеносно развивающихся событий, отправляющих в небытие мир времен нашей юности. Будет казаться, что некоторые страницы навеяны недавними событиями, которые как будто вырвались из подсознания масс и стали читаемы и обсуждаемы. Будущее преисполнится подтверждением других дерзких тезисов и воплощением предсказаний слишком спорных и неочевидных, исходя из актуального положения вещей, которое хотя и неустойчиво, но представляет собой данность. Поэтому эти идеи не могут быть восприняты иначе, как парадоксы людей, взлелеянных духом прошлого.

Если у меня хватит времени, я еще опубликую курс 1890—1891 гг. — «Семит, его социальная роль». Однако я вопрошаю себя: «А что если по прошествии десяти лет не переписывать старую, а написать новую книгу?». Последнее в любом случае представляется более коротким путем. Впрочем, у меня есть кое-что другое, что надо опубликовать в первую очередь: надо мной довлеют старость и недуги². То, что я сделал для политики, я хотел бы сделать и

---

¹ «Храбрый сын Япета!» — *лат.*

² Вероятно, речь идет о сочинении «Против морали». — *Прим. перев.*

для селекционистской этики. Первый том «Против морали» ждет своего выхода уже пять лет. Он представляет собой историческое и критическое исследование предписаний и запретов различных моралей и скоро выйдет в свет. Второй труд «Самая великая сознательность» будет представлять собой обзор предписаний селекционистской морали. Как и в случае «Отборов», дух ныне представленной книги — монистический и селекционистский. Читатель сможет ознакомиться с представленными фактами, но он волен сам решать, принять ли ему доктрину, эти факты обосновывающую. Впрочем, я должен настоятельно отметить, сколько селекционистских идей получило развитие со времен публикации «Отборов», даже во Франции. В Америке они получили прикладное применение. Во Франции мы движемся не столь быстро, но начали сдвигаться с мертвой точки. Никто из тех, кто говорит о *Homo Alpinus* и об общественном отборе, никогда не понимает, о чем речь, но тем не менее они сознают, что именно в этой области следует искать решение насущных проблем современности.

Наблюдается глубочайшее волнение умов. Очевидно полное банкротство Революции. Плутократия сбрасывает с себя демократическую маску, и спрашивается: возможна ли демократия вообще? Под маской Республики продолжает свое существование империя, поэтому встает вопрос: стоит ли жертвовать примирением в обществе ради политических условностей? Расовая война принимает открытые формы, выходя на национальный и межнациональный уровень, и спрашивается, чего стоят идеи братства, равенства людей против законов природы. Вызывает сомнение, что чувства людей имеют какую-либо ценность, зато незыблемо то, что эволюция управляется навеки установленными законами.

Неслыханные перемены заявляют о себе во весь голос, и это вам не курс социальной риторики во Французском институте, на котором будут расточаться славословия в адрес идей Общественного договора и энциклопедистов. В реальности завтрашнего дня будут два лагеря: школа метафизическая — неважно религиозной или антиклерикальной окраски — и школа научная, чей селекционизм на сегодня пока не вполне ясно очерчен, но является наиболее адекватным.

Зарождается обществоведение. Оно появляется фрагментарно, как и любая наука. Оно пока далеко до того, чтобы создать

собственную философию. Кто осмелился бы создать философию химии — науки, уже вполне совершенной и насчитывающей не менее 100 лет? Однако осмелившись создать социологию, которая есть не что иное, как философия обществоведения, ученые сразу же начинают этого стыдиться, как постыдились бы сегодня серьезно обсуждать алхимию. Фаза метафизики завершена, фантазии более неуместны. Двигутся вперед экономика, сравнительная история государственных институтов. Прикладная антропология начинает высвечивать естественные причины политических провалов двух последних столетий.

Именно к этой области должны быть приложены усилия. Сначала экономика, а за ней антропология грозowymi тучами нависли над так называемой свободой личности: мы слишком далеки от времен Руссо. Эти науки, по крайней мере, учат нас распознавать, что в этом мире невозможно. Это вынуждает нас обуздать собственные амбиции и, несомненно, со временем предоставит в наше распоряжение средства, которые позволят достичь возможного. Бесполезно биться головой о гранит естественных законов. Желание их упразднить есть детская наивность, но знать их — означает учиться их реализовывать. Искусство политики рождается из науки.

Кафедры будут бесполезно плодить софистов, защищающих предрассудки прошлых эпох. Прошлое есть прошлое, что умерло, то умерло. Сентиментальная идеалистическая политика христианской эры изжила себя. Вместо фикций Правосудия, Равенства и Братства научная политика предпочитает иметь дело с реалиями Сил, Законов, Рас, Эволюции. Горе тем, кто продолжит витать в грезах!

Напрасно пытаются чинить препятствия исследованиям, ведущим к открытию научных законов общественной эволюции. По всему миру исследователи пребывают в творческом процессе, и ни у кого — будь то один человек или группа — не хватит длины рук, чтобы дотянуться до всех. Можно уничтожать научные документы или закрывать глаза на их уничтожение, закрывать курсы, препятствовать публикации книг, затыкать в крайнем случае рот какому-то ученому — развитие науки этим не остановить.

Ренн, Ля Шапель-Боби, 20 августа 1898 г.
Жорж Ваше де Лануж

ГЛАВА 1

Определение арийца

Homo Europæus. Данная книга представляет собой монографию о *Homo Europæus*, то есть о виде, которому присваивали разные имена: долихоцефальной белокурой расы, кимрской расы, расы галатов, германской и, наконец, арийской расы. Я буду называть ее общепринятым научным именем, которое ей дал Линней. В самом деле я подвергаю оценке то, что в науке принято подразумевать под видом *Homo*, и мне не приличествует слишком отходить от зоологической номенклатуры, идет ли речь о *Felis*, *Corvus* или *Ammonites*. Самым правильным я считаю незамедлительно сообщить читателю, что существо, которым он интересуется, не является каким-то особенным животным, но входит в общую классификацию природных видов и вполне подпадает под действие общих биологических законов. Слишком часто даже в серьезных трудах о человеке говорят как о некоем особом создании, к которому законы применимы лишь отчасти, а то и вовсе неприменимы. Это прихоть, против которой надлежит возразить. Хаос, касающийся суждений о человечестве, существует исключительно в умах мистиков. Дарвинистская же политическая наука, антропосоциология, как раз и силится заменить эти метафизические или мистические концепции точными определениями.

Если я и назвал свой труд словом «Ариец», то лишь потому, что образованная публика, воспитанная главным образом на художественной литературе, не имеет никакого представления о том, что скрывается под термином *Homo Europæus*. С тех пор как я ввел в обращение этот линнеевский термин, множество авторов — Аммон, Вилсер, Муффанг, Фуйе, Клоссон, Уйфальви, Рипли и многие другие — подвергли его профанации и в Европе, и в Америке. Несмотря на это, он еще не стал достаточно

известным, хотя даже стал встречаться в ежедневных изданиях. И тогда я и вынужден был выбирать между терминами более известными: «кимр», «германец» и «ариец». Первый означает «соплеменник»¹, возник лишь в Средние века и не имеет ничего общего с киммерийцами. Им никогда не называли никого, кроме галльских племен. Второй никогда не применялся для обозначения расы в целом. Я остановился на последнем, так как вот уже 20 лет, как он введен в обиход и филологи обеспечили ему всеобщее распространение. Поэтому сегодня он известен каждому.

Однако я не считаю его оптимальным. Чтобы отдавать себе отчет, что данное слово обозначает, неплохо бы проследить его историю. В Священных книгах Индии и Персии слово «арья» означает еще единый народ, от которого происходят иранцы и индийцы. От этого «арья» филологи выводят арийца как обозначение лингвистической группы и особой цивилизации людей данной этнической ветви. Затем дошли до того, что стали рассматривать все индоевропейские языки произошедшими от единого арийского праязыка — более архаичного, на котором говорили в бактрийском регионе, а всех индоевропейцев — от соответствующего арийского племени, разделившиеся потоки которого могли бы заселить всю Европу и часть Азии.

В данной концепции, которая царствовала вплоть до конца XIX в., больше надуманного, чем истинного. Индоиранская ветвь не является самой древней и самой близкой к корневому праязыку индоевропейцев, индоевропейцы не пришли из Центральной Азии, а составляющие их компоненты — очень разного происхождения и не имеют друг с другом каких-либо связей кроме языка и государственных институтов.

Учитывая вышесказанное, выбрать для обозначения изначальных языков и учреждений индоевропейцев имя одной арийской ветви точно не было умной идеей. Это примерно то же, если бы в очень отдаленном будущем, когда память о нашем историческом этапе оказалась бы стертой, филологам и этно-

---

¹ От *combrox* (мн. ч. — *combroges*); происходит от *com* и *brox*, *brogos* — «страны». Термин *кимры*, вероятно, возник лишь после саксонского вторжения, как название конфедерации галльских автохтонов на территории современной Великобритании. См. Arbois de Jubainville, R. *celtique*, 1898, 74.

графам пришло в голову отнести тасманцев к англо-саксам, чьи следы в виде письменности и предметов быта обнаружили бы в верхних слоях при раскопках в Тасмании.

Над этим злополучным обобщением выросла еще одна специализация, еще более сумасбродная. Большинство ученых и эрудитов, помещающих прародину арийцев в Европе, полагают, что эволюция языка и общих представлений изначальной арийской культуры происходила в некоем белокуро-долихоцефальном племени. Или, по крайней мере, племени, чья правящая верхушка была белокурой и долихоцефальной. Отсюда возникло новое определение арийца, первоначально перекочевавшее с ведических иранцев на всех индоевропейцев. Наконец-то им прекратили обозначать только этническую общность и стали называть расу в зоологическом смысле.

Я отлично понимаю, что господствующий класс у ведических ариев был представлен долихоцефальными блондинами, но состояло ли все племя ариев целиком из долихоцефальных блондинов? Я не слишком в этом уверен. А потому считаю, что тождество *Ариец* = *Homo Europæus* не укладывается в допустимые рамки. В данном случае часть принимают за целое. Слово, хотя и обладает силой менять смысл, стало, однако, столь расплывчатым, что до сих пор более предпочтительны имена галатов, германцев или кимров, то есть тех, кто принадлежит к категории хорошо известных, несомненно, долихоцефальных блондинов. Однако при этом каждое из указанных племен было лишь маленькой частью расы, а не расой в целом.

Вот, собственно, почему для заголовка я выбрал название, хорошо известное публике. Правда, я мог бы ввести в обращение термин *Homo Europæus* и начать писать соответствующую монографию. Чтобы ни на миг никому не показалось, будто я отлыниваю от полемики на арийскую тему, которая уже заставила измарать кучу бумаги. Может быть, моим оппонентам было бы удивительно не увидеть в начале работы посвящение ариям, но я все же посвящу этой теме несколько страниц. Интерес к данной полемике не более, чем исторический, поскольку единственный пункт, подлежащий обсуждению и обсуждаемый, — это участие белокурой расы в эволюции протоарийской цивилизации. Читатель, который хотел бы узнать побольше по

данной проблеме, найдет эти сведения в работах Пенка, в книге Тэйлора и полемической монографии Саломона Рейнаха¹. Это монография, которая поражает своей эрудицией и выглядит почти совершенством. В ней, пожалуй, немного недостает лишь развития по сравнению с работами Пенка и вашего покорного слуги и более беспристрастной оценки наших идей, к которым автор примкнул через год после написания настоящей работы.

Полемика по арийской теме. В своей прославленной и полной блистательных ошибок книге *Leçons sur la science du langage*

---

¹ *L'origine des Ariens. Histoire d'une controverse*. Paris, Leroux, 1892. Данный труд посвящен арию в этнографическом, а не антропологическом аспекте, то есть дискуссии о происхождении племени ариев — абстракции, созданной из этого *tuna*. Книга содержит почти полную библиографию всех работ по лингвистике, этнографии, истории, имевшихся в наличии на момент ее выхода. Автор, в то время еще не имевший твердой точки зрения, в своей следующей работе (*Le mirage oriental*, *Antropologie*, 1893, IV, 539–578, 699–732) примкнул к гипотезе европейского происхождения. Я советую прочесть данное исследование — по-настоящему впечатляющее и блестящее эрудицией.

Сложная тема европейского происхождения и долихоцефального белокурого арийского типа, вопрос арийской антропологии, уже освещалась многими авторами, чьи труды разобраны в работе Рейнаха. Эта тема восходит к Бальверу Литтону (*Zanoni*, 1842) и идет от Омалиуса д'Аллуа (В. Ас. De Belgique, 1848, XV, 549). Она предполагает, в какой-то мере, опровержение изначальной постановки вопроса и рассуждает так: раз ариец был длинноголовым и белокурый и раз длинноголовый блондин происходит из Европы — то, значит, в Европе следует искать истоки арийских племен. Тема, вновь поднятая Латтамом в 1851 г. в его предисловии к *Германии* Тацита, уже была не нова на момент своего блестящего развития Клемансом Руайе на Антропологическом конгрессе в 1872 г. и на Конгрессе антропологических наук на всемирной выставке в 1878 г. Начиная с этого момента главным действующим лицом становится Пенка, пропагандирующий гипотезу, согласно которой местом происхождения долихоцефальных блондинов и арийской цивилизации является Скандинавия. Главными работами Пенка являются: *Origines aryacæ*, Вена, Прохазка, 1883; *Die Herkunft der Arier*, Вена, Прохазка, 1886; *Die arische Urzeit*, Ausland, 1890, 741–744, 764–771; *Die Entstehung der arischen Rasse*, Ausland, 1891, 132–136, 141–145, 170–174, 191–195; *Die alter Völker der östlichen Länder Mitteleuropas*, Globus, 1892, LXI, n. 4–5; *Die Heimat der Germanen*, Mitt. Der Anthr. Gesellschaft in Wien, 1893, XXIII, Heft 2; *Zur Paläoethnologie Mittel- und Südeuropas*, ib. 1897, XXVII, 19–52).

Впрочем, гипотеза скандинавской прародины до Пенка была поддержана Вилсером на заседании 29 декабря 1881 г. Археологического Общества Карлсруэ (Карлсруэ цайтунг, 22 января 1892). Вилсер опубликовал около 15 заметок по этому вопросу, последняя — *Stammbaum der arischen Völker*, *Naturwissenschaftliche Wochenschrift*, 1898, XIII, 361–364.

Макс Мюллер уверяет, что были времена, когда древние предки индийцев, персов, греков, римлян, славян, кельтов и германцев жили бок о бок под одной крышей. Эта теория о патриархальной общности ариев, корне племен и народностей, первом очаге языка и институций быстро сделалась популярной. В 1861 г. приверженцы этой теории еще занимались изучением библейских преданий и результатов филологических исследований. Как все изменилось с тех пор!

Концепция была упрощенной, слишком упрощенной, чтобы быть правдивой, так как простота в науке — это почти синоним ошибочности. По мере того как небольшое племя ариев раз-

---

Прежде Вилсера Латтам в последние годы модернизировал свою гипотезу происхождения ариев из Центральной Европы. Он рассматривал ее как колыбель арийской цивилизации, а регион, в настоящее время скрываемый водами Северного моря, — как колыбель расы. Я беру эти сведения от Беддо — друга Латтама.

Среди авторов, которые рассматривают в качестве места происхождения ариев Центральную Азию (поскольку за истинных арийцев они считают брахицефалов) следует процитировать Уйфальви. На сегодняшний момент Уйфальви считает (и справедливо) самих брахицефалов как пришельцев новой волны в Центральную Азию. Таджики, столь похожие на наших брахицефалов, что Топинар считал их запоздалыми волнами миграций саваров, на самом деле являются племенем, переселившимся в Бактрию незадолго до нашей эры от пределов Армении. Уйфальви в своей недавней работе *Les Aryans au Nord et au Sud de l'Hindou-Kouch* (Paris, Masson, 1896) соглашается с гипотезой, связывающей европейское происхождение арийских племен и их длинноголовый белокурый тип.

Тэйлор (*Origine des Aryens*, tr. De Varigny, Paris, Bataille, 1895) поддерживает другую комплексную гипотезу, связывающую европейское происхождение цивилизации и языка ариев и их брахицефальный и финикийский тип. Его книга, полная антропологических ошибок, предназначена для наведения сведений по этнографическим и филологическим вопросам. В этой области, в которой Тэйлор является специалистом, *L'Origine des Aryens* является наилучшей и новейшей работой.

Я настоятельно рекомендую книги Рейнаха, Пенки и Тэйлора. Впрочем, на всем протяжении данной книги я буду развивать лишь те темы, по которым до сих пор нет специальных работ и которые вполне в курсе последних открытий. Это вовлечет меня в развитие более важных тем, отталкиваясь от менее важных, приведет к обобщенным очеркам по глобальным вопросам, но чтобы их развить в полной мере, мне бы потребовалось написать томов десять, и, к тому же, я предпочитаю не развивать тему, если она уже обсуждена до такой степени, что мне уже нечего сказать по ней. Эта книга потребовала слишком серьезных исследований, причем с нуля, чтобы кто-то смел требовать от меня урезать в ней мою задачу, отсылая читателя к известным источникам, в случае, если таковой в ней существует.

расталось, развивался их язык, отделялись племена, и одни, подгоняемые другими, несли язык и институты эпохи своего разделения до самых краев Земли. Индийцы и иранцы были старшими в общеарийской семье, они были консерваторами в большей степени, чем другие, сохранившими верность языку и учреждениям изначальной эпохи. Кельты, латины, греки, германцы и славяне представляли собой безостановочно растущие колонии, расходясь все дальше и дальше друг от друга, заселяя тогда еще пустынную Европу. Этим сынам Иафета безграничность была дарована в качестве местообитания.

В те не столь далекие времена легко забывали о существовании рас, которые остались незамеченными для составителей Библии, а какие-то данные о доисторическом человеке официальными учеными признавались выдумкой, а Церковью — богохульством.

Но вскоре заметили, что великие языковые ветви обладают между собой нелинейным сходством, которое не предусматривала генеалогическая идея. Каждый из языков был породнен с множеством других неким особым образом, и, что тревожно, эти узы родства существовали между племенами, по сей день живущими бок о бок, близкими по географическому положению, а не по путям миграций предполагаемых колоний. Таким образом, пришлось предположить, что перемещение ариев произошло лишь после их разделения на известные великие роды: кельтов, германцев, славян, индийцев и т. д. и что место обитания этих племен в арийской древности было тем же, что и у соответствующих исторических народов. Вот почему ученые вынуждены рассматривать Центральную Европу как место формирования арийских племен, которые, возможно, затем просто разошлись, заняв свободные земли каждый по своему усмотрению, за исключением фригийцев, армян, иранцев и индийцев — пожалуй, единственных, кто действительно совершал перемещения. Разумеется, в качестве центра было бы логично рассматривать регион, где обитало множество арийских этносов, находящихся еще в стадии близкого родства, а отнюдь не далекую Бактриану.

Одновременно было сделано множество других открытий. Выяснилось, что человеческие расы (в зоологическом смысле), ныне распространенные в Европе, пребывали на местах своего

нынешнего расселения за тысячи лет до эпохи ариев. Объяснение происхождения арийских племен распадом изначального племени было скопировано с истории происхождения народов, в общих чертах приведенной в Книге Бытия. То, что вызывало доверие, стало причиной подозрений, с тех пор как библейский этногенез оказался выставленным на посмешище после открытия античной эры человечества и археологических находок, принадлежащих доисторической эпохе. Выяснилось также, что в литовском и некоторых других европейских языках сохранились формы более архаичные, чем в санскрите или зендском, а совсем недавно критика, качнув маятник в противоположную сторону и проскочив мимо золотой середины, вылезла из кожи вон, чтобы легендарную древность, описанную в Священных книгах Персии и Индии, переместить во вполне исторические времена, вплоть до того, что Авеста предстает творением более недавней эпохи, чем классическая литература античных народов. М. Дармштетер (*Le Zendavesta*, Paris, Leroux, 1893) делает такое заключение относительно даты появления этой книги, почитаемой как самая древняя книга на Земле: «Она была полностью составлена после завоеваний Александра, между I в. до н. э. и IV в. н. э.». Возможно, речь идет о зендской редакции, но составители могли иметь в своем распоряжении документы более раннего периода, которые были записаны арамейскими литерами или ахеменидской клинописью.

У системы Мюллера только один приверженец — это он сам. Ее все еще преподают в учебных заведениях — этих заповедниках устаревших доктрин. Филологи понемногу отошли от нее к более современным концепциям. Нет никаких патриархальных родов, ни даже изначального арийского племени, а только совокупность кочующих племен, которые распространились по огромной территории, говорили на очень близких языках, совместно претерпевая языковую эволюцию в арийские формы диалектов. В этой запутанной массе всевозможных диалектов именно отбор заставлял исчезать более слабые, предоставляя более сильным пространство для значительного расширения. Таким образом, упраздняя промежуточные звенья, образовывались великие языковые семьи, так в относительно недавние времена формировались французский, испанский, итальянский

языки, произошедшие от местных наречий, в силу исторических обстоятельств распространившихся на обширные регионы, подавлявших несметное множество наречий, вместе с ними возникших от общего латинского корня.

К данной теории, происходящей от старой волновой теории Шмидта и от многих других, примкнуло одно дополнительное разъяснение возрастающего упрощения диалектов. Разрушение форм происходило из-за образования чего-то вроде жаргонов в тех странах, где иноземное вторжение приводило к перемешиванию людей, говоривших на слишком далеких наречиях, чтобы понимать друг друга, и в тех семьях, где отец и мать говорили на разных языках.

Вот почему филологи пришли к мысли отказаться от теории единого бактрийского происхождения арийских племен, языков и учреждений.

Страна происхождения. Ранее в данном труде я указывал, что филологи отказались на сегодняшний момент рассматривать Центральную Европу как регион, в котором впервые проявила себя эволюция арийских языков и институтов. Существует масса других мнений, от одних из которых уже отказались, а другие не пришлось ко двору. Из этих точек зрения наиболее серьезными являются две: согласно первой арийская культура происходит из степей Южной России, согласно второй — из Скандинавии. Первая базируется на характере хозяйственной деятельности. Дело в том, что первые арии были скотоводами-кочевниками. А степь прекрасно подходит для такого рода деятельности. На этот аргумент легко возразить, что, например, огромный Герцинский Лес, к началу нашей эры занимавший огромную площадь, вел наступление на степь и что в VI–V тысячелетии до н. э. уже вполне могло не существовать его непроходимых чащоб, где в историческую эпоху бились галаты и германцы. Скандинавская гипотеза ловится на путанице между двумя вещами: происхождение арийской цивилизации и происхождение долихоцефальной белокурой расы, рассматриваемой преимущественно как арийская. Мы увидим, что эта последняя развивалась в районе Скандинавии, на низменностях между Северным и Балтийским морями, но в эпоху, когда уже сформировалась арийская ци-

визилизация, *Ното Europæus* сбрасывал излишек своих племен в Центральную Европу.

Если мы нанесем на карту линии установленных миграций арийских племен, то продолжения векторов пересекутся в Центральной Европе. Миграции в Индию и Иран шли с северо-запада, миграции армян и фригийцев — с запада, греки и латины шли с севера на юг, галлы и германцы — с северо-востока на юго-запад, скандинавы — с юга на север, славяне — с юго-запада на северо-восток. Таким образом, резервуар, из которого вырывались миграционные потоки в историческую эпоху, с юга был ограничен массивом Альп, Балканами и Черным морем. Это очень обширный регион, но не стоит пытаться очертить его границы точнее. Исходные данные задачи поменялись — речь уже не идет о том, чтобы обрести исходное местоположение того очага, где крепким сообществом жили первые арии. Последние уже представляли множество кочевых племен, между которыми никогда не было абсолютной идентичности — расовой, языковой и институциональной.

И если нас спросят, что же здесь было до этого, мы ответим, что до этих человеческих порослей здесь были другие, немного отличные по языку, институциям и расе, но что, скорее всего, никогда, насколько далеко мы ни заглянули бы в прошлое, мы не обнаружили бы для всех этих племен единых предков, говорящих на одном языке и живущих по одинаковым обычаям. Мы обнаруживаем противоречие между дарвинистским представлением о происхождении человечества и представлением библейским — эксклюзивном моногенизме.

Регион, к описанию которого мы подходим, включает в себе вещи, название для которых обнаруживается во всех арийских языках. Филологи придали громадную важность аргументам подобного рода, и существование с самого начала во всех языках названия для бука, который растет исключительно к западу от линии Кёнигсберг — Одесса, убедило их в западном происхождении арийской цивилизации. Я не стану настаивать на этой точке зрения. Ботанические и зоологические ареалы — вещь, столь быстро меняющаяся, что было бы очень трудно сказать, где 8–7 тыс. лет назад проходила крайняя граница распространения бука или утря. Поэтому я ограничусь ссылками на работы Пенка и его предшественников.

Изначальная арийская цивилизация. Тот же филологический метод позволил выдвинуть в чем-то правдоподобные гипотезы относительно того, что представляла собой цивилизация арийских племен до их разделения. Не существует никаких терминов общего происхождения для названий металлов и наименований их обработки. Из этого можно заключить, что к тому времени, когда эти племена освоили основы металлургии, они уже полностью разделились. Земледелие было в зачаточном состоянии, а зерновых культур вообще не знали, за исключением ячменя, который уже культивировался, о чем свидетельствуют рисунки людей магдаленской эпохи, на которых были изображены эти злаки. Основными домашними животными были собака, баран и вол (последнего разводили громадными стадами, составлявшими в те времена единственное богатство). Такой образ жизни не подразумевал высокой плотности населения, а были лишь отдельные полуседлые племена, которых природные катаклизмы или набеги соседей могли побудить отправиться в далекие странствия. Почва, на которой трава произрастала лучше, чем в Татарии, Аравии или в Стране кафров (в Юго-Восточной Африке), не требовала постоянных перемещений и столь же далеких кочевков, как у монголов, арабов или зулусов, но при этом она и не удерживала, в отличие от возделанной земли, те популяции, которых веские причины побуждали искать новое местообитание, подчас далеко за пределами территорий соседей.

Макс Мюллер и Пиктет предоставили жизнеописание древних ариев, не лишенное правдивых черт. Стоит только отбросить в сторону мифы и ограничиться рассмотрением собственно ариев, проживавших в Арьяна Вэдже и Мидии, предков персов, мидийцев и индийцев. Эта ветвь арийского рода, пришедшая через Фракию, русские степи, Крым и Кавказ, долгое время проживала в более благоприятных условиях. Археология, изучающая доисторическую эпоху, показывает нам, что в Центральной Европе появились куда более значимые предпосылки к земледельческому образу жизни. Изначальная арийская цивилизация, таким образом, не была целиком унифицированной и включала все переходные стадии между охотой и оседлым земледелием.

Доминантная раса у первобытных арийских народов. Я приступаю к теме, которая представляется мне неудовлетво-

рительно освещенной. Значит, надлежит осветить множество подробностей, так как научных исследований по этому вопросу, на которые я бы мог дать читателю ссылки, не существует.

Для начала надо корректно поставить задачу. Когда мы рассматривали арийские народы как произошедшие от одного корня, то вполне логичным было задаться вопросом: а к какому антропологическому типу этот самый изначальный народ принадлежал? Подобный взгляд уже не представляется мне приемлемым сегодня, когда все согласны рассматривать арийские народы как результат эволюции предшествующих народов. Единство типа, присутствовавшее в изначальном лоне этноса, уже не встретишь ни в одном племени. Не думаю, что возможно обнаружить в мире абсолютно гомогенное племя, и кажется, что так было всегда, насколько бы глубоко мы ни погружались в прошлое с помощью доисторической археологии.

Чтобы корректно ответить на вопрос, который мы задали ранее: «Каков тип первобытного арийца?», доисторическая антропология должна показать нам гомогенную популяцию в том регионе и в ту эпоху, когда образовывалась первая арийская цивилизация. Этого нет и в помине: регион к северу от Сены, Альпийских гор и Балканского региона и западная часть Черного моря в эпоху середины и конца полированного камня, перечень человеческих типов, между которыми надо выбрать, очень длинный. Тогда вопрос сегодня должен звучать так: есть ли такая раса (среди представленных у первобытных арийских народов), социальное доминирование которой можно было бы рассматривать как цивилизацию в целом?

Следовательно, речь идет о том, чтобы исключить расы, представленные сервильным элементом, дикими племенами, существующими как чужеродные включения среди племен арийцев, инородцами, которые могли быть рабами, пришедшими издалека, наемными воинами, авантюристами всех мастей. Действительно, у всех народов, а тем более у народов, схожих с этими первобытными ариями и современными жителями Индокитая, необходимо проводить различие между теми элементами, которых берут в расчет, кто обладает влиянием, и теми, кто не играет в нем активной роли. Эта позиция, формулирующая проблему не столь упрощенно, более адекватна реальному по-

ложению вещей, но все-таки нужно сказать, что решение от этого не становится проще.

В 6–5 тысячелетиях до н. э., в эпоху, самую далекую из всех возможных для формирования арийских народов, Центральная Европа и британско-скандинавский регион уже показывают нам картину беспорядочного смешения типов. Далее мы обсудим это подробно, а здесь я ограничусь перечислением данных типов.

1. *H. Europæus*. Он встречается повсюду — от Британских островов и Северной Франции до Москвы и Ладожского озера.

2. *H. Spelæus*. Раса, называемая кроманьонской, пришедшая, по-видимому, с юго-запада Европы и которая, начиная с этой эпохи, теряет целостность и чистоту. В занимающем нас регионе она обнаруживается лишь как случайный элемент, но неолитические захоронения предоставляют материалы, так или иначе с ней связанные.

3. *H. Meridionalis*. Средиземноморская раса, представленная где-то чистокровными экземплярами, где-то смешанными с двумя вышеупомянутыми расами, в изобилии встречается в Лонг Бэрроуз в Великобритании. Кажется, она играла меньшую роль в Центральной Европе, но встречается более или менее повсеместно.

4. *H. Contractus*. Данная раса, которую я впервые открыл в севенских оссуариях медного века, обнаруживается как важный элемент во многих местностях Франции. Скорее всего, она сюда пришла с северо-востока, и вполне возможно, что благодаря более глубокому изучению ее следы обнаружатся в неолитических сериях Центральной Европы.

5. *Пигмейские расы*. Раскопки в Швайцербильде снабдили нас экземплярами долихоцефального лептопросопного пигмея, отличающегося от *H. Contractus* и существование которого в качестве отдельной расы можно считать принятым.

6. *H. Hyperboreus*. Раса, столь типичными представителями которой являются лапландцы, была обнаружена в дольменах и других неолитических захоронениях Дании, Швеции и севера России. Ее присутствие в Бельгии представляется доказанным благодаря множеству фрагментов.

7. *Раса Борребби*. Раса брахицефалов — с широкими и высокими лицами, очень высокого роста — была обнаружена

во множестве мест, особенно в Дании, на Британских островах и т. д. Эта раса появляется только в самом конце неолитической эпохи. Вероятно, она происходит от скрещивания *H. Euporæus* с какой-то брахицефалической высокорослой расой, схожей с *H. Dinaricus*. Этому последнему могут принадлежать несколько фрагментов из Центральной Европы. Эти великаны-брахицефалы были без всякой причины отнесены к монголам. Однако они не имеют с ними ничего общего, кроме некоторых характерных черт, говорящих о том, что *H. Acrogonus* был общим предком этих метисированных рас.

8. *Раса Фурфооца*. Данная раса, тоже метисированная, играла немаловажную роль на западе Центральной Европы в конце эпохи полированного камня. Без должных на то оснований ее сопоставили с финнами, которые, возможно, принадлежат к метисированным расам, сформированным недавно, поскольку современные типы не присутствуют в захоронениях, предшествующих Средневековью. Нет ни одного ее следа и в неолитических протоисторических могилах в России.

9. *H. Alpinus*. Для памяти привожу и эту форму метиса *H. Acrogonus*, поскольку не уверен, что его можно связать с различными неолитическими черепами, считающимися кельтославянскими вплоть до сегодняшнего дня.

10. *H. Acrogonus*. И этот тип я привожу лишь для памяти. Его давнее существование свидетельствует о себе посредством метисов, непременно образующихся в местности его обитания, так как они содержат часть характерных черт местных рас в любом регионе — от Галиции до Тибета.

Я не думаю, что нужно включать в перечень *H. Asiaticus* — китайский тип, который, будучи кашгарийского происхождения, по-видимому, пребывал в состоянии постоянного перемещения к востоку, а также его метиса с *Acrogonus* — монгола, собственно говоря, столь неудачно окрещенного Бори *H. Scythicus*¹. Из всех

---

¹ Никто никогда серьезно не поддерживал гипотезу азиатского происхождения темноволосых долихоцефалов, чье сходство с наиболее древними популяциями Запада неоспоримо. То же самое касается белокурых долихоцефалов, которых некоторые авторы «заставили произойти» с юга России, при этом не связывая их родственными узами с желтыми расами. По-другому обстоит дело с брахицефалами, которых долгое время считали

этих рас только одна обнаруживается во всех неолитических захоронениях — это белокурый долихоцефал, *H. Europæus*. В одних регионах мы его обнаруживаем в одиночестве, с различными формами, но чаще всего идентичными с формами тех, кто проживает в данном регионе в настоящее время. В других же регионах он представлен останками индивидов практически чистой расы и различными легко узнаваемыми метисами. В большинстве стран мы его находим смешанным с различными расами,

---

прямыми родственниками *H. Scythicus* — тартара, — брахицефала из Центральной Азии. Эта тема в то же время связана с теорией азиатского происхождения арийцев, сближенных некоторыми авторами с брахицефалами, а также с теорией Прюнера-Беи, который все первобытные популяции Европы, даже долихоцефалические, связывал с желтыми расами. Этот последний тезис неверен лишь отчасти. *H. Priscus* определенно был очень близким родственником эскимоса, а эскимос имеет множество общих черт с желтыми, в частности кожа, которые на начальном этапе антропологии в прежние времена развивались быстрее других. Что делать было бы совершенно ошибочно — так это устанавливать родственную связь между брахицефалами Европы и Азии.

Монголоидные черты, которые иногда встречаются у «западников», легко объясняются случайными смешениями с отдельными монголоидами или китайцами, принесенными сюда различными обстоятельствами или вторжениями времен Средневековья. Эти черты обладают невероятной устойчивостью, и атавизм может заставить их проявиться спустя много поколений. Зачастую эти черты также обуславливают индивидуальную изменчивость, амплитуда которой гораздо больше, чем можно подумать.

Наши ультра-брахицефалы из Севенн и ультра-брахицефалы из восточной части Альп намного превосходят степень брахицефалии самых отягченных монголов. Эта брахицефалия к тому же является единственной их общей чертой, наряду с тождеством черепного показателя, а оно, в свою очередь, не сопровождается ли тождество общих форм черепа?

Топинар, который лучше всех других изучил ультра-брахицефалов Восточных Альп, провел по данной теме отдельное исследование. Выводы его работы (*Der europäische Mensch und die Tiroler, Meran, Pötzlberger, 1896*) категоричны.

В пользу Топинара, представившего в своем исследовании эмпирический материал, основанный на исследовании 3600 здравствующих и 927 черепов, из которых 384 превышают показатель 85, я могу добавить свои данные, основанные на исследовании индивидов, число которых примерно сопоставимо с севенским. Я тоже никогда не встречал ни одного монголоида. Впрочем, могу дать ссылку на шифры двух моих работ по севенскому региону, которые уже вышли в печать: *Materiaux pour l'Antropologie de l'Aveyron et Recherches sur 127 ultra-brachicefales de 95 à 100 et plus*.

Больше я не нахожу монгольских типов среди древних брахицефалов, которых я мог видеть в разных музеях. к тому же тема недавно приняла но-

доля которых может составлять до 50% от общей численности населения. Среди этих элементов брахицефалы становятся все более многочисленными по мере приближения конца эпохи полированного камня и представлены сильно отличающимися типами, большая часть которых не соответствует ни одной из ныне существующих рас.

Данные, которые нам предоставляют погребения эпохи полированного камня, соотношения рас, возможно, в точности не дают. Внимательное изучение погребений позволяет сделать

выбор. Антропологические исследования в России, Восточной Сибири, на Кавказе, в присоединенной части Туркестана не предоставили пока ни одного монгольского черепа, предшествовавшего гуннам, тюркам и татарам. По-видимому, желтые брахицефалы пришли в Центральную Азию не ранее рубежа нашей эры. Добавлю, что передвижение через Северный Каспий точно не было легким делом вплоть до эпохи, достаточно близкой к историческим временам. Наоборот, наши брахицефалы, некоторая часть которых очень близка брахицефалам Малой Азии, Армении и соседних районов вплоть до севера Персии и до Памира. Впрочем, последние из перечисленных, изученные Уйфальви, согласно своему же собственному преданию, всего лишь поселенцы, приведенные в Бактрию македонцами. Это те самые *Galtchas*, в которых Топинар разглядел савояров, запоздавших в своем передвижении на запад!

Не воспользоваться ли представившейся оказией, чтобы с ее помощью покончить с еще одной басней, связанной с предыдущей? При словосочетании «желтая раса» у нас в мозгу моментально всплывает образ брахицефала. Я, как и мой друг Уйфальви, неоднократно отмечал, что это глубокое заблуждение, которое, однако, представляется необычайно стойким и укорененным. Настоящий *H. Asiaticus* — желтый, черноглазый и черноволосый, небольшого или среднего роста, косоглазый — это всегда долихоцефал. Это его помесь с неизвестным *H. Acrogonus* является брахицефалом. Действительно, среди семисот миллионов желтых, не найдется и четверти брахицефалов. Желтые народы, чей показатель достигает среднего уровня для брахицефалов Европы, достаточно малочисленны, а те, у которых индекс превышает 84, — очень редки.

Все они принадлежат к малым народам (маньчжуры — 84, узбеки — 84, киргизы — 85, калмыки — 86). Их общая численность менее 3 млн человек. Индекс желтых рас Сибири в целом ниже 80 или чуть выше. У ладакцев Памира, измеренных Уйфальви, средняя величина индекса составила 77 (из 36 измеренных). Рисли среди 386 горцев Дарджилинга получил среднее значение индекса, равное 80,7. У тибетцев индекс ниже. Хаген среди нескольких серий измеренных малайцев получил среднее между 80 и 86,9, но малайцы отчасти принадлежат к другой расе. Среди 15 582 китайцев он получил индекс 81,7, что ниже, чем у брахицефалов, живущих во Франции, в Германии, Австрии, России, Италии, на Балканском полуострове, чей индекс колеблется между 82 и 86. Значит, у китайцев и всех желтых народов гораздо меньше брахицефалов, чем у нас, и так же, как у нас, эти брахицефалы являются элементом чужеродным!

вывод, что почти все черепа и другие останки принадлежат вождям или представителям знатных родов, имеющих отношение к *H. Europæus*. Это не относится к случаям метисации, произошедшей в результате скрещивания с различными расами, занимающими нижнюю ступень в общественной иерархии. Действительно, эти захоронения демонстрируют нам типичных представителей других рас, нежели долихоцефального блондина, который встречается крайне редко. Предметы, не связанные с долихоцефальной расой, принадлежат либо женщинам из низших классов, либо дикарям, живущим по соседству с арийской цивилизацией, метисам, происходящим от этих опрометчивых скрещиваний, а иногда рабам, умерщвленным в результате обряда для сопровождения господ в ином мире. Более многочисленные, чем кажется на первый взгляд, представители этих рабов чужеродной расы, равно как и этих дикарей, живущих за пределами ближайшей к ним арийской цивилизации, по-видимому, практиковали способы захоронения, не предусматривавшие сохранение останков. В качестве примера назову типичного *H. Contractus*, единственные немногочисленные чистокровные экземпляры которого являются исключительно женскими.

Мы приходим к заключению, что господствующий класс у первобытных ариев был долихоцефально-белокурый. Было ли такое доминирование одновременно социальным и количественным или только социальным — не столь важно. В любом народе цивилизация и язык рассматриваются как прерогатива господ, пусть к данной цивилизации и ее языку принадлежат рабы, слуги и инородцы. Все в этом вопросе сходится, если в качестве господ предстает раса *H. Europæus*.

Данный тезис отличается как от тезиса Пенка, который рассматривает белокурых долихоцефалов как единственный компонент арийских народов, так и с тезисом Мортилье или Топинара, которые видят в брахицефалах единственных настоящих арийцев по расе, культуре и языку.

Я полагаю, что тезис Пенка ошибочный, в том смысле, что он подразумевает отсутствие, с моей точки зрения маловероятное, социальных связей между долихоцефалами-блондинами протоарийской эпохи с брахицефалами, жившими с ними бок о бок. Пенка и Вилсер тщетно пытаются уклониться от рассмотрения

данного аспекта, располагая колыбель ариев в Южной Швеции. Такая локализация представляется верной только для первобытных германцев. Местность оказалась бы слишком ограниченной для существования многих арийских народов, которые с самого начала были разделены до такой степени, которая предполагает значительную географическую отдаленность друг от друга, с другой стороны, в Скании в неолитических захоронениях нашли даже брахицефалов. Наконец, достаточно четко установлено, что с некоего периода, весьма отдаленного от неолитической эпохи, *H. Europæus* уже осуществлял обширную экспансию в районе Северного моря и Южной Балтики.

Брахицефалическая гипотеза. Тезис Мортилье и Топинара вообще не выдерживает никакой критики. Это что-то вроде восточного миража. Брахицефалы, согласно концепции этих двух авторов, вероятно, пришли из Азии, приведя с собой домашних животных и принеся культуру полированного камня. Они могли ввести растениеводство (в частности, выращивание зерновых) и садоводство. Так вот: в португальских Къёккенмедингах, в пещерах района Корбьер, в иных местах брахицефал появился до эпохи неолита. Следовательно, он не пришел одновременно с эпохой полированного камня. Наоборот, азийские отложения в Пиренеях демонстрируют нам, что зерно культивировалось с V межледникового, задолго до эпохи полированного камня. Те же самые отложения демонстрируют нам свидетельства выращивания ореха, сливы, вишни и многих других видов одомашненных садовых растений, имеющих азиатское происхождение. Одомашниванием животных (особенно быка) в эпоху неолита занимались в основном африканские расы. Полированный топор не рассматривается уже как азиатское изобретение. В Азии он появился с опозданием и довольно редок. Его происхождение африканское. В палеолитических африканских отложениях эволюция идет от ашэльской формы к более совершенной форме неолитической эпохи. Скорее всего, эти многочисленные заимствования произошли благодаря средиземноморцам.

Наконец, везде на неолитических стоянках, где мы обнаруживаем брахицефала, он выглядел как привнесенный элемент. Не стоит больше сомневаться в том, что брахицефалические че-

репа палафитов Швейцарии являются охотничьими трофеями, поскольку погребения популяции палафитов, как будет видно из дальнейшего повествования, доказывают, что эта популяция всегда была долихоцефальной.

В Азии — будь то Малая Азия или Бактриана — мы не находим ни единого следа какой-нибудь древней цивилизации арийцев-брахицефалов. Была цивилизация, но не арийская, были брахицефалы, но не арийцы.

В то же время сторонников идентификации ариев с неолитическими брахицефалами пока еще достаточно много. Помимо Мортилье, Топинара, стоит назвать Серджи, Рипли и ученого из другого лагеря — Тэйлора. Наконец, антисемитская кампания Дрюмона предполагает некоторое притязание брахицефалов на титул ариев. Благородное белокурое жертвенное животное Ницше антисемитам немногим симпатичнее Вечного жида. М. Дрюмон не любит англосаксов, и, вероятно, не так уж сильно он неправ, если учесть, что брахицефалу малоинтересен профиль носа его господина. Я удивлюсь лишь парадоксу: в наши дни Дрюмон остается единственным приверженцем глубинной идеи Французской революции. Последняя была, прежде всего, заменой у рычагов власти долихоцефального блондина брахицефалом, а антисемитская кампания ставит целью защиту брахицефала от семитов внутри страны и от долихоцефального блондина — на внешнеполитическом фронте. Ввиду важности антисемитского движения и той славы, которую снискало имя арийца у публики ввиду его употребления в целях пропаганды, было бы небесполезно указать, в каком смысле оно должно звучать, когда всплывает в газетных перепалках.

Так что, когда в какой-нибудь книге возникает тема арийской цивилизации, арийских языков, арийских религий, то все это понимается в весьма превратном смысле. Неточность заключается в том, что часть берется за целое. Ономастический подход легок и не вызывает сомнений, но правомерен ли он в применении к данной теме? Если речь идет, наоборот, о людях, то при слове «ариец» у каждого автора в мозгу всплывает свой образ. Если вы почитаете Мортилье, Топинара или Дрюмона, то арий должен будет вам показаться обладающим чертами уличного торговца каштанами; это пьемонтец, овернец, савояр — в общем,

отъявленный брахицефал. Если автор Аммон, Пенка, то чистый ариец у них Джон Булл, высаживающийся с чемоданом в руке. Для Вирхова и для меня вселенский скиталец и торговец каштанами — оба арийцы, но скиталец — это ариец в большей мере, второй — это ариец как бы одомашненный.

Из всего вышесказанного следует сделать вывод о необходимости исключить из терминологии антропологической науки все термины, не имеющие какого-либо отношения к линнеевским, согласованным с правилами зоологической номенклатуры. Всякий раз, когда речь заходит о зоологической расе, требуется имя на *-us*, ритуально в согласии с канонами присваиваемое при таксономическом крещении. Всякий раз, когда речь заходит о народе, о расе в этнографическом смысле, то воздерживаться от имени на *-us*, так как нет ни одного народа, чей металл — низкий или благородный — был бы без примеси. Применяемое имя должно быть заимствованным из истории. Вот почему термин «ариец» уместен только в труде по этнографии, но должен применяться только с разрешения и должен быть понятным читателям в работе по антропологии. Я буду употреблять его только в заголовках, чтобы неискушенный читатель не чувствовал себя не в своей тарелке. Если я его иногда употребляю в тексте, то это в этнографическом смысле, что законно и правильно, иногда буду употреблять незаконно, а также, чтобы избежать многочисленных повторов слишком режущего слух *Homo Europæus*.

ГЛАВА 2

Физические характеристики арийца

Общие черты. Средний рост взрослого арийца мужского пола — около 170 см, в древности он был ниже, более высокие представители этой расы встречаются в Скандинавии и некоторых регионах США. Цефалический индекс черепов у живых людей в среднем составляет 72–76, у высохших черепов — 70–74. Наблюдается расширение передней части черепа, амплитуда изменчивости примерно ± 5 единиц для каждой подрасы. Лицо большое, лепторинное и лептопросопное. Сложение в целом долговязое. Это краткое описание Карла Линнея приводится, чтобы читатель лучше разобрался в физических, психологических и социальных чертах *H. Europæus*. Великий натуралист уловил необходимость описать расы с помощью особых характеристик, присущих человеку как биологическому виду. Линней выступает одновременно как зоолог и как антропосоциолог.

Современная наука не располагает ничем существенным, что можно было бы добавить к данному диагнозу. Черты, описанные во времена Линнея, — рост, индекс — не являются принадлежностью исключительно *H. Europæus*. Черты, действительно принадлежащие ему одному, которые в чистом виде не встречаются ни у одной другой расы, — это белокурые волосы и голубые глаза.

Представителям *H. Europæus* присуще большое лицо, высокое, двояко выпуклое, то есть в профиль нос и верхняя челюсть выступают, лоб и подбородок отступают вглубь относительно лицевой поверхности, средняя часть лица — выступающая. Нос — тонкий, выдающийся, прямой, у развитых взрослых индивидов с горбинкой или орлиный. Длина спинки носа увеличивается с возрастом, кончик носа тоже удлинённый. Уши достаточно большие, с развитыми мочками, окаймленные, не

оттопыренные. Подбородок выступающий, равно как и надбровные дуги. Общее впечатление от лица — энергичное, и эта спокойная энергия чувствуется во взгляде.

Шея длинная, отклоненная назад относительно затылочного выступа, плечи немного покатые, верхняя часть груди слегка вдавлена. Туловище вытянутое, талия тонкая, длинная, с изгибом. Со спины длинноголовый блондин без всяких трудностей отличается от других рас элегантными формами шеи, торса и особенно талии. Конечности удлинённые, особенно ноги, лодыжки и запястья тонкие, пальцы длинные, с миндалевидными, удлинёнными ногтями, чаще всего плоскими.

Лицо румяное, цвет кожи туловища и конечностей белый, в той или иной мере розоватый, слизистые оболочки и соски розовые, пигмент промежности светлый, волосистой покров негустой, очень светлого оттенка. Волосистой покров в подмышечных впадинах и на лобке весьма развит, блондинисто-рыжий или пепельно-льняной.

Анатомия. Скелет *H. Europæus* и его различных разновидностей сделался сюжетом многочисленных исследований. Одни определили *H. Europæus* зоологически, другие вписывают популяции, содержащие такую долю *H. Europæus*, что полученные результаты относятся к нему весьма косвенно. Таковы почти все работы по англичанам и шведам. По внутренним органам первая из указанных категорий работ почти отсутствует. Те, кто изучал мозг, пищеварительную, половую системы человека, не слишком интересовались расой, к которой принадлежали объекты их исследований. Было бы очень полезно, например, получить монографию по исследованию мозга у различных рас, но мы вынуждены довольствоваться описаниями английского мозга, сделанными английскими анатомами.

Череп *H. Europæus* удлинённый, яйцевидный, выпуклый с боков и сверху. Этим он отличается от черепов средиземноморцев, верхние и боковые закругления которых принадлежат окружностям большего радиуса. Клювовидный затылочный бугор выпуклый, четко очерченный, обращен вниз, как у *H. Contractus*. Теменные бугры умеренно развиты. Лоб достаточно высокий, немного покатый, у некоторых представителей расы

более прямой, возвышается над межбровьем и надбровными дугами тем в большей степени, чем мощнее индивид. Глазной наружный апофиз закруглен, в отличие от *H. Spelæus*, у которого он прямой и горизонтальный.

Лицо вытянутое, достаточно большое, но узкое. Хорошо выражены скулы, немного угловатые книзу. Челюсти сильные. Для представителей расы характерны большие глазницы, со сглаженными углами и средним либо большим орбитальным указателем, который варьируется в зависимости от пола и возраста. Расы различны с точки зрения прогнатизма. В основном, особенно у древних германцев, мы находим тотальный прогнатизм, особенно явный альвеолярный прогнатизм; у некоторых других рас — в Дании, Англии, Швеции — прогнатизм слабый или вообще отсутствует. Топинар у 34 галлов, или галло-римлян, дает значение 80,3; у 11 современных скандинавов — 80,1; у 42 франков — 76,5. Эти последние намного более прогнатичны.

Нос высокий, узкий. Согласно исследованиям Топинара, носовой индекс у галлов — 45,8, у современных англичан (по черепам) — 46, у фризов — 46,3. Ами обнаружил у Меровингов индекс, равный 46,1, а у объектов из Ардентуна и Булоннэ — 47,1 (*Crânes mérovingiens et carolingiens*, *Anthropologie*, 1893, IV, 513–534). Эти средние величины присущи и современным долихоцефальным блондинам.

Нужно признать, что специалисты до сих пор еще не изучали длинные кости скелета. Черты, привлекающие внимание в неолитических захоронениях — прободение плечевой кости, опора бедренной кости, платикнемия большой берцовой кости, — у *H. Europæus* отсутствуют. Однако я считаю, что первая и последняя из вышеупомянутых не должны быть редки у *H. Europæus* в эпоху неолита, поскольку непонятно, к какому черепу какие из останков, фигурирующие в коллекциях, относятся. Следовательно, трудно утверждать, что кости, в которых эти черты представлены, не принадлежали метисам или индивидам другой расы. В то же время я могу заявить, что, согласно моим собственным наблюдениям, большая берцовая кость у представителей расы *H. Europæus* часто оказывалась спрессованной. Это сжатие, которое Мануврие различает благодаря подлинной платикнемии, вполне очевидно из захоронений, в которых я имел дело с целиком

сохранившимися скелетами, чей череп, безусловно, принадлежал к расе *H. Europæus*. Короткие и плоские кости привлекли еще меньше внимания. Это досадный пробел в наших познаниях.

Так как расовая анатомия мало развита, вполне естественно, что мягкие ткани изучены еще меньше. Фактически мы не знаем почти ничего об ангиологии и миологии *H. Europæus*. Данные спланкнологии не столь редки, но они включают в себя только мозг и половую систему. Иллюстрации английских анатомов в большей степени несут нам сведения о мозге *H. Europæus*, а не о мозге в целом, и в исследованиях всегда отсутствует сравнительный аспект. Если сопоставить в чистом виде мозг *H. Europæus* и мозг *H. Alpinus*, то при условии, что все их части одинаковы, отдельные извилины будут разными, их положение будет ощутимо отличаться, так как мозг первых намного длиннее и менее широкий¹. Единственная известная мне серьезная работа по данной теме — это монография по мозгу ученого из Литвы Вайнберга (*Das Gehirn der Letten*, Cassel, Fischer, 1896), иллюстрированная фотогравюрами. Докторская диссертация Вайнберга (*Die Gehirnwendungen bei den Esten*, Dorpat, Mattiesen, 1894) не содержит иллюстраций, и сюжетов в ней приводится немного. Смогут ли анатомы отказаться от классической анатомии мозга в пользу систематизированной расовой анатомии? Тот день, когда ученые закончат исследования, основываясь на более точных сведениях, чем краниометрия, антропосоциология сможет назвать днем своего рождения. Сравнительный аспект работ Вайнберга включает лишь вес мозга. Бойд, изучив мозг 306 мужчин в возрасте от 21 до 50 лет (очевидно, почти все британцы), обнаружил, что средний вес мозга равен около 1359 г. Майер и Хайберг, исследовав в госпитале Копенгагена мозг 90 мужчин того же возраста и принадлежавших, вероятно, в подавляющем большинстве датчанам, выявили, что их средний вес составляет 1365 г, то время как 10 обследованных литовцев дали Вайнбергу более солидный вес — 1403 г. Та же разница наблюдается в исследованиях женщин: соответственно 1223, 1226 и 1250 г.

Половая система, по крайней мере женская, — очень значительный антропологический фактор. Практикующие гинекологи

---

¹ См. некоторые указания в Le Fort, *La topographie cranio-cerebrale*. Paris, Alkan, 1890.

претендуют на то, что могут распознать расу женщины только по ее половым органам. Фактически у женщин видов *H. Alpinus* и *H. Europæus* строение половых органов так же различается, как строение черепного скелета и общих форм тела. Сильно развитые большие половые губы свидетельствуют о том, что раса *H. Europæus* прошла очень длительную эволюцию. Представители этой расы более других отличаются от обезьяны, у самок которых большие половые губы плохо различимы. Малые половые губы большого размера, но меньше, чем у некоторых африканских рас без пигментации¹. Наружные половые органы объемистые по сравнению с женщиной вида *H. Alpinus* имеют более низкое и заднее расположение. Это относится к чертам, свидетельствующим о более низкой ступени развития, которую мы обнаруживаем у самок обезьян — у них вульва почти всегда видна сзади. По этому показателю женщина вида *H. Europæus* сближается с долихоцефальными черными расами, особенно с меланезийцами, которые чаще всего практикуют коитус *more residum*. Вагина просторная и длинная, матка более удлинённая, чем у женщины вида *H. Alpinus*, заканчивается очень удлинённой шейкой. Это различие в строении матки двух основных рас наших популяций приводит к появлению метисов с часто встречающимися отклонениями, вызывающими бесплодие. Матка, построенная справа и слева по различной модели, уже не подставляет свой зев под ось вагины, и зачатие становится делом случая.

У девушек обнаруживается также различие в строении девственной плевы, но тип диафрагмы центральной щели кажется мне преобладающим более заметно.

---

¹ Относительно складок половых губ см. Сенас, *Малые половые губы с точки зрения антропологии и судебной медицины*, AFAS, 1897, II, 708. Невежество судебных медиков, не знакомых с этническими особенностями строения некоторых внутренних органов, часто приводит к серьезным судебным ошибкам. Именно в делах, связанных с религиозной концепцией нравственности, знание антропологии помогло бы свести к минимуму многочисленные ошибки. Однако даже лучшие медики большей частью не осведомлены в этой науке. Одно из дел, которое принесло мне наибольший успех в прокуратуре, но которое оставило самый тяжкий след в моей душе, базировалось на ошибке подобного рода. Вот почему я считаю нужным настаивать на необходимости требовать от судебных медиков знаний в области антропологии.

Мужская половая система не представляет ничего примечательного, кроме своей объемности по сравнению с женскими половыми органами и тенденции к развитию крайней плоти. По первому показателю *H. Europæus* похож на *H. Afer*, за исключением того, что длинный и объемный член последнего вялый и не подвержен полной эрекции. Вторая черта, уже замеченная греками и часто демонстрируемая в работах скульпторов — предрасположенность к фимозу, обрекала бы расу на обрезание.

Гистологию *H. Europæus* еще только предстоит разработать. Мы располагаем только приблизительными замечаниями относительно клеток мозга и волос. Волосы в сечении эллиптические, как у большинства долихоцефальных рас. Пигментация, в целом редкая, хромобласты находятся в состоянии вырождения.

Физиология. Еще только предстоит разработать определение физиологии расы как нашей, так и других. Она определяется двумя фундаментальными фактами — лимфатическим темпераментом, скоростью обмена веществ и другими. *H. Europæus* много ест, много пьет, что ставит его в невыгодные экономические условия при конкуренции с более воздержанными расами. Необходимость удовлетворять эти нужды является, возможно, одним их важнейших элементов, определяющих общественный отбор благодаря перемещениям. *H. Europæus* много потребляет, поэтому он вынужден совершать дополнительную работу. Его выделения обильные, особенно пот, который выступает в повышенном количестве во время выполнения работы и в жару.

Патологические нарушения в физиологии *H. Europæus* мало изучены, но отмечена повышенная склонность к некоторым заболеваниям. Чаще, чем у других рас, у него встречаются близорукость, грыжа. Лимфатизм влечет за собой предрасположение к всевозможным болезням. Особенно широко распространены и протекают в тяжелой форме золотуха, гонорея. Легочный туберкулез у *H. Europæus* вызывает в относительных данных гораздо большую смертность, чем у *H. Alpinus*. В госпиталях пока нет практики отмечать антропологические особенности пациентов и вести расовую статистику заболевших, но во многих странах подобная работа проделана в индивидуальном порядке. Ландузи во Франции и Беддо в Англии констатировали повышенную склон-

ность долихоцефальных блондинов к чахотке. В Америке Кнэпп среди 484 случаев заболевания туберкулезом обнаружил, что 477 их них — долихоцефалы. Раса подвержена существенному влиянию быстротечных заболеваний — таких, как потница. На Западе, в селениях, от эпидемии потницы часто страдали все блондины, в отличие от брюнетов. Так как долихоцефалы-блондины редко селятся выше топографической отметки в 100 м над уровнем моря и крайне редко на больших высотах, то в результате этого болезни, к которым эта раса предрасположена, более редки в горах и на высоких плато. Особенно это касается случаев туберкулеза, особенно трахомы, согласно исследованиям Шибре (*Etude de géographie ophtalmologique sur le trachome*, Paris, Steinheil, 1896).

Темперамент *H. Europæus* предполагает приспособленность к определенному климату. В подходящем климате раса необычайно живуча и плодovита. В *Sélections sociales* («Общественный отбор», с. 182–183) я указывал на значительную продолжительность жизни долихоцефальных блондинов. И наоборот, представляется, что в других климатах сопротивляемость *H. Europæus* оказывается резко сниженной по сравнению с другими расами, среди которых он проживает. Этот феномен не распространяется на теплые регионы. Он наблюдается даже в Центральной Франции и во всей Южной Европе. В Алжире долихоблондам не удастся акклиматизироваться. Исчезновение колоний эльзасцев и пруссаков в этой стране было очень заметным. Я должен добавить, что этому процессу в немалой степени способствовала привычка вести невоздержанный образ жизни. Но только невоздержанностью родителей нельзя объяснить повышенную детскую смертность, которая стала основной причиной исчезновения прусской колонии во времена Империи и эльзасских — после Первой мировой войны. Немецкие колонии в Южной Америке прекращают сопротивление. Можно возразить, приведя пример буров, являющихся *H. Europæus* в чистом виде, и пример древних ливийцев. Но выстоят ли буры в Трансваале — мы не можем этого утверждать. Они борются в Капских горах, однако там климат менее жаркий, гораздо более влажный. Что касается ливийцев, они жили в Африке в совершенно другую эпоху, когда климат был иной. 2 тыс. лет назад эти народы вели образ жизни, схожий с тем, который сейчас ведут буры: на своих

повозках пасут стада на пастбищах и в лесах. Сейчас они постепенно угасают, уступая место расам, лучше приспособленным к новым климатическим условиям.

Этот феномен ослабленной сопротивляемости *H. Europæus* за пределами своего естественного климатического ареала сопровождается другим феноменом — угрожающим и знаменательным. Физическое и психическое превосходство *H. Europæus* — рост, сила, мужественность и долголетие, — по всей видимости, зависит от более долгого периода роста, или более точно: от продолжительности периода детства и отрочества. У *H. Europæus* зрелость в его родных краях наступает очень поздно, а бесспорно, что зрелость является сигналом к прекращению физического и психического развития у всех рас без исключения. Эту важную особенность *H. Europæus* в теплых странах (даже в умеренно-теплых) утрачивает. В Италии, Центральной Франции, Испании зрелость у долихоблондов наступает на два-три года раньше. И замечательная вещь: в целом она наступает даже ранее, чем у других популяций. На Антильских островах светлые креолки оформляются почти одновременно с негритянками. Кажется, что такое преждевременное взросление имеет прямую связь с менее впечатляющим физическим развитием и меньшей моральной устойчивостью креолов *H. Europæus* по сравнению с их сородичами из Шотландии, Швеции или Померании.

Расы. *H. Europæus* отличается уникальным единообразием черт, и индивидуальная изменчивость, в целом, превосходит пределы различных подрас. В то же время очевидно, что эволюция *H. Europæus* должна включать последовательность промежуточных стадий (кроме исходной расы), а также, очевидно, и то, что среды, отличные друг от друга, в которых протекали частные эволюции разных народов расы *H. Europæus*, должны были наложить на эти народы отпечаток разных свойств. Из-за смешения или по другим причинам сегодня везде, где обитает блондин, мы видим эти формы сосуществующими в различных пропорциях.

В действительности различных подрас насчитывается три:

1. Неолитическая. С точки зрения остеологии она характеризуется пониженным ростом, меньшей средней величиной цефалического индекса, колеблющегося около 72. Очертания че-

репа менее выпуклые, большие берцовые кости часто затронуты ложной пластикемией. Я думаю, что эта раса, представляющая собой не до конца развитого *H. Europæus*, должна была быть темно-белокурой или светло-русой с естественной индивидуальной склонностью к эритризму. Мы знакомы с остеологией этой расы по неолитическим захоронениям, в частности на территории Англии и Франции. Сейчас я не форсирую данную тему — я буду говорить об этом в главе 4 по поводу неолита в Англии и Франции. Внешность *H. Europæus* известна нам из сотен изображений на египетских усыпальницах, начиная с IV династии и заканчивая концом эпохи фараонов. Нигде мы не обнаруживаем пепельного блондина, который является самой совершенной формой *H. Europæus*.

Из ныне живущих с этой расой можно сопоставить большинство долихоблондов Северной Африки, подавляющее большинство долихоблондов Испании, юго-запада и центральной части Франции и, возможно, большинство жителей Британских островов и Франции. Впрочем, у индивидов этой разновидности обнаруживаются почти повсеместно, но за пределами указанных регионов невозможно предположить, имеем ли мы дело со случаем передачи наследственных черт или с индивидуальной изменчивостью. Вполне очевидно, что в других фракциях популяции *H. Europæus* могут рождаться индивиды менее крепкие, менее белокурые, с менее выпуклым черепом.

2. Средиземноморские брюнеты. *H. Meridionalis* имеют определенные аналогии с первой подрасой. Идет ли речь о параллельной остеологической разновидности, нужно ли в этом усматривать след частичного средиземноморского происхождения расы или какого-то давнего скрещивания? Нужно ли, наоборот, рассматривать средиземноморского брюнета как что-то низшее, скрещенное с неграми, избавившееся от своего полувитиго? Является ли средиземноморский брюнет более или менее выродившимся вариантом первой подрасы? Ответить на эти вопросы не представляется возможным. Впрочем, эти предположения, в глубине вовсе не являющиеся взаимоисключающими, окажутся точными в случайных категориях.

Линней в своей работе *Fauna suecica* установил две другие подрасы.

3. Класс III. Четвероногие. Антропоморфные. Человек.

1. Обитателями Швеции являются: а) готы — высокорослые, с волосами почти белыми и прямыми, с радужной оболочкой пепельно-голубого цвета; б) финны — мускулистые, с волосами длинными и желтоватыми, с темной радужной оболочкой.

По-видимому, эти две подрасы представляют две стадии эволюции *H. Europæus*: финский тип представляет фракцию, запоздавшую в своем развитии, а готский тип является на сегодняшний день наиболее совершенным. Современные антропологи разделяют два этих типа на более белокурый и рыжий. Я начну с последнего, поскольку он является менее развитым.

Фундаментальная черта рыжего типа — необычайная устойчивость пигмента, со слабо меняющейся природой и, особенно, своеобразный способ его распределения. Чуть позже я расскажу о теории пигментации и депигментации. Здесь же, где вопрос возник случайно, хотя и неотвратимо, я буду очень краток.

У рыжих пигмент не всегда дегенеративный, ближе к темному, более или менее рыжеватому, но он еще и распределен неравномерно, небольшими скоплениями. Между группами пигментированных клеток встречаются обширные лакуны без пигмента, или, точнее говоря, пигмент из них как будто изъят. Эти лакуны сосредоточены в более или менее обширные группы, отдаленные от клеток. На коже это видно невооруженным глазом — достаточно присмотреться к коже рыжих, чтобы увидеть, что она усыпана рыжеватыми пятнами, выделяющимися на непигментированном фоне. Гистологическое исследование радужной оболочки тоже показывает, что пигмент сосредоточен в отдельных местах, иногда объединен в цепочки. Из-за такого способа распределения разреженного пигмента глаза кажутся зелеными, серыми или желтоватыми, по внешней границе радужной оболочки — более темными. В волосах размер групп пигментированных клеток является более маленьким, сами группы более многочисленные, и чем более правильное их распределение, тем цвет волос более насыщенно-рыжий. Если только пигмент становится слишком разреженным или совсем слабым, рыжий цвет становится желтоватым — оттенок, вполне четко отличающийся от блонда.

Эритризм может быть и патологическим. Когда он естественный, он встречается или у метисов долихоблонда с доли-

хобрюном, или в качестве этнической особенности. Я не стану обсуждать здесь первый случай — всегда индивидуальный и в природе редкий. В натуральном виде и у вышеупомянутых метисов эритризм нередок, но может встречаться только как исключение и только в тех странах, где долихобрюн многочислен. В Испании английские горняки, нанятые на работу шахтерами, произвели на свет от местных женщин детей с совершенно зверской, огненно-рыжей шевелюрой, благодаря чему стали предметом научных исследований. То же самое происходит, но более патологическим образом, у девочек-мулаток *H. Europæus*. Вся вышеописанная категория рыжих включает в себя лишь ограниченное число представителей и играет незначительную роль.

Не так обстоит дело с этническим эритризмом. Рыжий тип и его желтоватая разновидность очень распространены у финских племен, у русских (возможно, по причине финского происхождения большей части нации), у алеманов и в Шотландии. *Rutilæ comæ* встречаются у каледонцев еще и сегодня. Во всех этих случаях эритризм, скорее всего, унаследованный. Он является расовой особенностью. Кажется, что у какой-то части народов, сформировавшихся как разновидности вида *H. Europæus*, депигментация произошла каким-то необычным способом. Распределение пигмента во многом похоже на распределение солей серебра на негативе или на позитиве в процессе фиксации снимка в гипосульфите. Уменьшение химического слоя происходит везде, но иррегулярным образом. Гипосульфит выявляет сначала маленькие неправильные пятна, которые объединяются, оставляя между собой темные островки различной величины и ориентации. То же самое мы наблюдаем невооруженным глазом на коже рыжего и в микроскоп при гистологическом препарировании его радужной оболочки или волос.

Так ли было на самом деле — мы не знаем. Очевидно одно: у всех депигментация не происходила медленно и постепенно, как у некоторых индивидов, может быть, более глубоко пигментированных в отдельных случаях. Совершенно ясно — это то, что во многих областях мы находим такую долю рыжих, которая превышает максимальные пределы индивидуальной изменчивости и предполагает наследование данной черты с давних времен. В произведениях античных авторов, Библии, Ведах

рыжие упоминаются с эпохи, отстоящей от нас на 2,5–2 тыс. лет, а египетские рисунки Древнего царства позволяют нам судить даже о временах шеститысячелетней давности.

Рыжие бывают по-настоящему рыжими, мелированными или желтыми. Мелированные рыжие чудесно искрятся, подобно огню, главным образом благодаря феномену интерференции. Если наблюдатель, стоящий спиной к источнику света, рассматривает рыжие мелированные волосы индивида в рассеянном свете, они кажутся почти черными, если же их рассматривает против света, то, кажется, что их окружает светящийся ореол. Такой вид рыжих чаще всего встречается у метисов. Желтый рыжий, наоборот, максимально этничен; он встречается у угорских племен в Азии, а китайцы 2 тыс. лет назад описывали уйгуров как желтоволосых.

Блондины характеризуются недостаточностью и равномерным распределением пигмента. к тому же по остеологии и общим характеристикам он ничем не отличается от другого типа. Тогда как рост желтых остяков ниже, чем средний рост *H. Europæus*, рост рыжих шотландцев — один из самых высоких. Цефалический индекс у блондов и рыжих в зависимости от этнической принадлежности колеблется в среднем от 74 до 76.

Изучив некоторое число черепов германцев, янки, скифов или шведов (главное, чтобы они были в достаточном количестве, чтобы поглотить «белый шум» индивидуальных особенностей), становится очевидным — все они будут похожи друг на друга. Оттенки белокурого типа варьируются от темно-белокурого до серо-льняного; волосы детей часто серебристо-белого цвета. Любые оттенки желтого и темно-русого сближают индивида с другой расой.

Исследование городских популяций и популяции Соединенных Штатов Америки показало, что случайно выбранные категории индивидов по пониженному индексу часто относились к *H. Europæus*, сильно пигментированным. Другими словами, индексы более долихоидные, чем у популяций, служащих для сравнения, тогда как в большинстве случаев нигресценция равная или повышенная. А она должна быть всегда меньшей. Но почему же это не так? Беддо, Амон и многие другие авторы нашли объяснение этого феномена в причинах, необычайно запутанных. Действительно, вторжение долихобрюнов и семитов

в некоторых случаях добавляет нигресценции, при этом совсем понижая индекс, но эти элементы не везде встречаются в достаточном количестве, а сами семиты не обязательно брюнеты и долихоцефалы. Я задался вопросом: «Не могли ли флавизм и эритризм, характерные для *H. Europæus*, исчезнуть естественным образом, а все прочие физические и психические характеристики остаться без изменений?».

Иными словами, если депигментация, как мы увидим вскоре, является полупатологическим феноменом, новой чертой, приобретенной в особых условиях, то совершенно понятно, что она может исцелять или подвергаться влиянию либо атавизма, либо какого-то нового изменения в сторону нормальной окраски. Впоследствии я себя спросил: а что если множество индивидов более или менее темного окраса, но однозначно *H. Europæus* по всем другим критериям, не были ни выздоровевшими *H. Europæus*, ни какой-то нигресцирующей разновидностью в процессе становления? Эта гипотеза — только гипотеза, но она бы легко объяснила некоторые факты совершенно неясной этиологии. И она, определенно, логична.

То, что индивид защищается посредством пигментирования, хорошо известно всем биологам. Более того, мы постоянно наблюдаем аналогичный феномен. У всех популяций, сохраняющих хотя бы небольшой процент крови *H. Europæus*, дети, как правило, никогда не рождаются очень темными. Они рождаются более или менее темными, а затем темнеют. Школьная статистика убедительно это подтверждает: процент блондинов сокращается во всей Европе и даже в странах с наиболее белокурым населением — от 7–8-летних школьников к 12–14-летним, от 12–14-летних — к возрастной категории рекрутов, от рекрутов — к более старшим возрастным категориям. Эту нигресценцию с возрастом легко заметить у отдельного индивида. Впервые остриженные волосы ребенка, с религиозным трепетом хранимые благочестивыми матерями, часто становятся предметом удивления, когда ребенок вырастает. У девочек кончик косы всегда более светлого оттенка. Когда антропологи начинают наблюдать детей, они первым делом отрезают прядь их волос и сличают их окрас при следующих осмотрах, которые необходимо проводить с периодичностью хотя бы раз в год. Так получается «уникальная гамма»,

то есть шкала оттенков волос, берущаяся от одного и того же индивида, которая свободна от ошибок, наличествующих в обычной гамме, составленной из волос различного происхождения, полученных от специализирующихся на этом оптовых торговцев.

Обычно нигресценцию с возрастом объясняют влиянием темноволосых предков. Но почему обратное наблюдается крайне редко? Почему белокурые предки не способствуют осветлению детей, родившихся темными? Очевидно, что совершается адаптация к среде. Организм реагирует и возвращается в нормальное состояние, лучше приспособленное к новым условиям.

При разведении гусениц в экстремальных условиях — например, в сильном холоде или в сильной жаре — спустя несколько лет среди чешуйчатокрылых появляются весьма любопытные разновидности, одни из которых существуют в природе, а другие являются ранее невиданными, и эти разновидности представляют отчетливую атавистическую особенность. То же самое наблюдается в опытах экспериментальной зоологии, осуществляемых на других видах животных и при испытаниях на растениях. Недавно в Обществе акклиматизации Нодэн сообщал о любопытнейшем факте: при скрещивании двух первоцветов был воссоздан вид, уже не являющийся первоцветом, а принадлежащий к другому семейству — более регулярному и древнему!

А влияние города на своих обитателей, особенно на интеллигенцию! Не произвело бы оно воздействия подобного рода не только на эмбрион в процессе роста, но и на молодую особь, и даже на взрослую? Если бы это было так, Большой Дюран снова прошел бы совсем рядом с важной научной истиной. Я не верю в долихоцефализирующее влияние городской жизни, по крайней мере на только что родившегося индивида, но я бы охотно поверил во влияние на нигресценцию. Горожане, согласно статистике, пока еще противоречивой, темнеют намного быстрее и более массово, чем сельское население.

Метисы. *H. Europæus* скрещивался со всеми расами Земли, и теоретически число метисированных форм бесконечно. В то же время реально мы различаем не более десятка получившихся сочетаний. Влияние сильных черт каждой расы властно ограничивает число сочетаний.

Метисы *H. Europæus* с долихоцефальными расами гармоничны, долихоцефальны, лептопросопны, лепто- или мезориантинны. Метисы, произведенные при участии *H. Afer* и *H. Asiaticus*¹, менее известны. Первых, впрочем, легко изучить в Соединенных Штатах, на Антильских островах, в английской Африке. Метисы *H. Europæus*, скрещенных с *Meridionalis*, есть в Испании, в Южной Америке, на Антильских островах, на некоторой части территории Соединенных Штатов и даже в Ирландии и на западе Великобритании. Их соматические особенности являются чем-то средним между двумя родственными расами. Рост средний, порой высокий, формы черепа ближе к *H. Meridionalis*, окрас средний, как правило, в устоявшихся помесях они светлые брюнеты, при скрещиваниях в первом поколении иногда дают ярко-рыжий окрас, глаза различной окраски. Психика метисов, как правило, как у нижестоящей расы. Например, метисы *H. Meridionalis*, не редкие в Испании, никак не реагируют на то, что их страна значительно отстает от всех прочих европейских государств.

Метисы *H. Europæus* с брахицефалами составляют наиболее многочисленную часть населения Европы. Их удельный вес составляет здесь 60–70% от общего количества жителей, а потому они представляют значительную важность. Скрещивание с *H. Alpinus* дает нестойких метисов. Их рост — высокий, окрас — средний (светло-коричневый или шатен в случае примеси рыжей масти). Глаза серые, зеленые, коричневатые, редко карие. Влияние *H. Alpinus* на окраску касается в первую очередь кожи и волос, *H. Europæus* — глаз и бороды. Скелет гораздо больше походит на *H. Alpinus*, особенно череп. Среднее значение индекса 82–83, то есть очень близкое к *H. Alpinus*. Влияние *H. Europæus* охотнее проявляется в лице и нижней части черепа. Нередки дисгармоничные лептопросопы, но лицо в основном короткое и широкое. То же самое касается носа, который часто принимает вогнутую форму, картошкой. Метисы данной кате-

---

¹ У некоторых европейских представителей рыжей масти волосы толстые, жесткие, на 30% менее многочисленные относительно единицы площади, в сечении менее эллиптические. Это черты, напоминающие волосы желтых рас, возможно, являющиеся показателями скрещивания в этом направлении.

гории составляют основу французского населения, они есть в соседних странах и распространены в Германии.

Метисы *H. Dinaricus* обладают чертами, общими для двух рас-прародителей. Их рост — высокий, они лептопросопы, лепториничны. Окрас тот же, что у предыдущей категории, но череп, как правило, более брахицефалический, несколько похожий на форму *Acrogonus*. У этой расы массивное лицо, орбиты глаз выпуклые. Она составляет основу населения Австро-Венгерской империи и Южной Германии, встречается также за пределами данных регионов — на Балканском полуострове, в польских провинциях, Восточной Франции и Северной Италии, в некоторых регионах Туниса.

А эти метисы с большей примесью крови *H. Europæus* менее брахицефаличны, более светлой окраски, более высокого роста, а еще обладают более крутым нравом. Значительная их часть проживает на северо-западе Германии, в Дании, на западе Британских островов, где они, по-видимому, представляют доисторическую расу, называемую расой Бёрреби. Знаменитый князь Бисмарк был замечательным представителем данной расы.

В России мы в изобилии находим расу с ростом ниже среднего (163–164 см), умеренно брахицефалическую (с индексом 82–83 у живых), с коротким лицом и прямым или вогнутым носом. Эта раса белокурая, со светлыми глазами. Так как она спорадически встречается в Центральной и Западной Европе, то возник вопрос, не является ли она потомством некоей брахицефалической расы, ставшей белокурой? Я не подвергаю сомнению такую возможность, что брахицефалы, поставленные в те же условия, которые произвели на свет *H. Europæus*, тоже могут стать блондинами, с другой стороны, совершенно ясно, что в неолитических захоронениях в Дании мы, помимо *H. Europæus* и расы Бёрреби, находим брахицефалов, очень близких лапландцам. Значит, на самом деле допустимо, что эта раса произошла либо от лапландцев, ставших блондинами, либо от *H. Contractus*, приблизительный индекс и черты лица которого ей присущи. А в остатке оказалось бы немного крови *H. Europæus*. Впрочем, в подобное происхождение я не верю. Я, скорее, разглядел бы в этой расе результат скрещивания между лапландцами, *H. Hyperboreus* и *H. Europæus*. Здесь возражение

таково, что *H. Europæus* проявляет свое влияние, скорее, в росте, а раса, о которой сейчас идет речь, вероятно, низкорослая и у нее окраска, как у *H. Europæus*. Все забывают, что *H. Hyperboreus* является расой необычайно низкорослой — всего 150 см, а потому рост 163 см наиболее близок к *H. Europæus*. Но главное — скрещивание произошло в условиях, отличных от тех, которые мы наблюдаем сейчас во Франции. Явные черты *H. Alpinus* — цвет волос и форма черепа — возможно, не столь многочисленны у *H. Hyperboreus*. Это всего лишь гипотеза, но чего точно нет — это того, что метисы с самого своего появления были поставлены в те же условия, которые произвели *H. Europæus*. Следовательно, объяснить аномалию окраски может тенденция к депигментации, унаследованная от одного из прародителей, подкрепленная климатом и упорядоченная отбором.

Эти три разновидности метисов, перекрещивающиеся с другими основными расами и между собой, дали бесконечное множество индивидуальных разновидностей. Но все эти разновидности вращаются вокруг трех основных форм. Все они имеют ту общую черту, что дети почти всегда рождаются блондинами или светло-русыми, напоминая тем самым своего предка — *H. Europæus*. А затем сохраняют эту «разоблачающую» черту в течение всей жизни¹.

---

¹ Подобное изменение цвета занимало уже древних. Аристотель в «Проблемах» (XXXVII, 2) ищет ее причину. Он же задается вопросом (*Problemata anecdota*, II, 62), почему борода часто оказывается светлее волос, а не наоборот. Довод Аристотеля напоминает снотворное свойство опиума. В реальности при скрещивании брахицефалический полюс влияния находится в затылочной области, а влияние *H. Europæus* дает о себе знать тем больше, чем дальше точка его проявления от этого полюса.

ГЛАВА 3

Происхождение ариев

Метод исследований. Морфология, лимфатическая конституция, сниженный в целом пигмент указывают на то, что *H. Europæus* возник в результате полупатологической эволюции, которая вывела из нормального типа относительного альбиноса. Такая эволюция предполагает долгое пребывание предков расы во влажном регионе, без значительных температурных колебаний, под пасмурным небом, грозовые облака которого задерживали ультрафиолетовые лучи¹.

Для начала я постараюсь доказать эти предположения. Затем я стану искать страну с подходящими природными условиями, в которой могла произойти такая эволюция. Так я выйду на поиски исчезнувших или ныне существующих рас региона фило-генических предшественников *H. Europæus* и на установление их генеалогических связей с родственными им расами.

Лимфатизм арийца. Такая особенность, как лимфатизм, характерна не только для *H. Europæus*. Он присутствует у всех рас на Земле, у отдельных индивидов или групп населения, подверженных малярии или другим недугам, несовместимым с гигиеной. Но во всех этих примерах он случаен или наблюдается как исключение. В случае расы, которую мы изучаем, данная особенность, наоборот, является этнической чертой, составляет часть нормальной картины физических свойств. Если она ослабляется или исчезает — это и есть исключение. Такие переполненные влагой ткани являются непосредственной причиной формы и окраски тела. Члены объемные, мускулы на-

---

¹ Автор в своей работе применяет вместо термина *ультрафиолетовые лучи* принятый в его время термин *химические*. -- Прим. ред.

качаные, но как бы наполненные мягкими тканями, что делает формы мягкими и округлыми. Кожа тонкая, бархатистая, едва защищенная эпидермисом, что позволяет видеть ту окраску, которую придает ей оживленная циркуляция лимфы. Такие формы — одновременно объемные и смягченные, эта белая, чуть розоватая кожа придает самой мужественной из всех рас что-то женственное. И этот контраст поражает на всех призывных комиссиях во всех областях, где тип *H. Europæus* широко распространен. Антрополог с большой долей вероятности издали распознает тип призывника, выделяющийся на общем фоне, до того как смог оценить цвет глаз, волос и форму черепа. У женщин расовые особенности очерчены еще более резко, чем у мужчин, но между ними и представительницами других европейских рас морфологический интервал меньше. Впрочем, составить о них общее впечатление труднее, так как нет возможности наблюдать их, как мужчин-призывников почти одного возраста, дефилирующих по несколько сотен человек в течение двух-трех часов на призывных пунктах.

Большое количество влаги, которой ткани *H. Europæus* насыщены, подобно губке, придает ему меньшую массу. Чтобы измерить массу разных категорий людей, использовали различные способы. Самый простой состоит в том, чтобы погрузить исследуемого в бочку с прикрепленной лестницей. Объем измеряется по разнице уровней на момент полного, с головой, погружения субъекта под воду и после того, как он вылезет из бочки. Метод прост, но трудноприменим для большого количества измерений, за исключением рядового состава армии. В результате экспериментов оказалось также, что плотность женского тела меньше, чем у мужского, английского солдата — меньше, чем сипая. Было бы хорошо такие исследования проводить на методической основе¹.

Мы опять же упираемся в недостаток документов, имеющих отношение к химическому анализу тканей. Были сделаны анализы без достаточного учета расовых особенностей, которые показывают, что содержание воды у представителей разных стран — мужчин и женщин — заметно различается.

---

¹ См. новые исследования Миса, о которых сообщалось на XXII Международном медицинском конгрессе в Москве. 1897 г.

Лимфатизм *H. Europæus* получает отклик в нормальной и патологической физиологии. Перемещенный в засушливую страну или просто в жаркое помещение, он учащенно дышит и очень много пьет. Его поведение в схожих условиях совершенно отличается от поведения испанца или араба, а англичанин или голландец в жаркой стране ведет себя совершенно не так, как среднестатистический француз. Именно в этом одна из главных причин затруднительной индивидуальной акклиматизации в тропиках, где женщина вида *H. Europæus* не может жить долгое время, а мужчина преждевременно стареет и умирает, если не имеет возможности время от времени возвращаться в Европу, чтобы пополнять силы. Отсюда также практическая невозможность воспитывать детей этой расы в колониях, в то время как испанец великолепно справляется в этих условиях с воспитанием своих.

Депигментация. *Homo Europæus* — единственная человеческая раса, которая обладает светлыми глазами и волосами, без примесей. У большинства приматов глаза, скорее, темные, а масть бывает разной, но редко абсолютно черной. У человека глаза тоже темные, а волосяной покров всегда черный. Исключение — раса, которой мы занимаемся, ее метисы и несколько индивидуальных исключений патологического порядка. Это особое положение человека среди приматов и долихоблонда среди людей требует специального исследования. Но прежде чем приступить к вопросу пигментации — сильной у одних и слабой у других, — следует составить себе представление о том, что такое пигментация вообще, какова ее гистологическая природа и при каких условиях она изменяется.

Физиология пигментации. Пигментация у людей и у большинства высших животных происходит благодаря красящему веществу, называемому меланином, который представлен в редких случаях в диффузном состоянии, но почти всегда — в форме тонких грануляций. Эти грануляции не являются химическим веществом в чистом виде — это, скорее всего, зерна протоплазмы, пропитанные меланином, что делает химическое определение затруднительным. Грануляции пребывают в весьма резвом движении в живой клетке и жидких растворах, например

полученных обработкой тканей меланическими новообразованиями лошади. Это движение — броуновское в чистом виде. Тогда как хлороформ его парализует, как это происходит с живыми существами, эксперименты доктора Поля Карно (*Исследования механизма пигментации*, These de sciences, Paris, 1896) показывают, что он выдерживает четверть часа кипячения в автоклаве при температуре 120 °С и несколько месяцев консервации.

Эта субстанция, все еще мало изученная, состоит из красящей субстанции крови. Если через несколько дней убить насосавшихся после длительного голода пиявок, то в абсорбированной крови будет присутствовать возросшая доля меланина. И наоборот, в других случаях представляется совершенно очевидным, что он возникает из внешнего меланина благодаря полному окислению гемоглобина.

На коже меланин присутствует в клетках дермы и эпидермиса, а в некоторых случаях только в одной из указанных категорий клеток. Впрочем, его содержание крайне неравномерно на разных уровнях. Корпускулы группируются в большем количестве вокруг ядра клеток, но в некоторых случаях, например в клетках верхнего слоя дермы мошонки негра, они заполняют клетку целиком¹.

Клетки радужной оболочки зрачка тоже содержат меланин, но в состоянии, связанном с другими пигментами группы липохромов. В волосяном покрове человека встречается меланин в гранулическом или диффузном состоянии. Пигментация волосяного покрова — феномен, независимый от пигментации дермы и эпидермиса.

У бесконечного множества млекопитающих кожа белая, гистологическое исследование показывает намного меньшее количество пигмента в клетках дермы, даже лежащих ниже эпидермиса, но в то же время кожный защитный покров, шерсть, рога, копыта и когти окрашены по-разному, иногда в чисто-чер-

---

¹ О количественном распределении пигмента см.: Людольф Бройль, *Ueber die Verbreitung des Hautpigments bei verschiedenen Menschenrassen*, Iena, Fischer, 1896, диссертация, защищенная в том же году в Страсбурге. Бройль изучил пигмент состриженных волос, взятых в 25–30 местах, но экземпляров было меньше, чем гласил амбициозный заголовок: пять европейцев (из них две женщины и только один блондин), суданец, феллах, араб, японец. Работу сопровождает весьма скудная библиография.

ный цвет. Наблюдается обратное явление: у арабских лошадей, у черных кур, у некоторых обезьян кожа черная, а кожный защитный покров может быть светлее и даже белым. Редко бывает, когда и кожный защитный покров, и кожа — черные. Но мы находим тому примеры — почти всегда среди приматов: *Anthropopithecus calvus*, *A. gorilla*, *Homo Afer*. Иногда и кожный защитный покров, и кожа в равной степени депигментированы, но настолько мало подлинно белых видов среди млекопитающих, что можно рассматривать такой случай как патологическую аномалию (альбинос) либо как разновидность климатического происхождения — окраску, принимаемую только на сезон (полярные виды).

Меланин не полностью локализован в коже и защитных кожных покровах. У негров он присутствует везде, вплоть до мозга и спермы. Опыты Карно по инъекции значительных доз меланина в кровь показывают, что печень, легкие, в меньшей степени другие органы могут становиться совершенно черными. Впрочем, речь идет об экспериментальных случаях, и даже в патологической физиологии не наблюдалось случаев такого же меланизма внутренних органов.

Интенсивность пигментации непостоянна. Она заметно усиливается у человека, подвергнутого воздействию солнца, и это тем заметнее, чем светлее его масть. Все мы весной темнеем, особенно женщины и, странная вещь — летом мы возвращаемся к зимней или почти зимней окраске. Влияние света, усиленного за счет пигмента, проявляется еще больше, когда вместо непосредственного исследования индивидов прибегают к их фотографированию. Бывает очень забавно увидеть на снимке руки и головы очень темными, часто усыпанными веснушками, которые невооруженным глазом не различимы, но основательно изменяют фотогеничность кожи. Туловище — очень светлое, а переход к темному вороту и манжетам часто совершается очень резко. Часто такая нефотогеничность становится помехой для фотографа. Я не говорю о фотохудожниках, которые просто не станут фотографировать таких субъектов обнаженными. Однако у антрополога выбора нет. Ему надо запечатлеть изучаемого субъекта непременно, и приходится довольствоваться любым результатом, который не всегда бывает удовлетворительным.

В случаях крайней актинической неравномерности негатив бывает таким, что при печатании снимка изображение головы и рук проявляется сразу, и если дается необходимая выдержка на корпус, то он проявляется, а остальное засвечивается. Если же выдержку сократить, то голова и руки выходят отлично, но зато туловище не получается. Тогда приходится делать дополнительные снимки с долгой и короткой выдержкой. С одной девочкой, у которой кожа была восхитительной белизны, но лицо и руки слишком загорелыми, я таким образом сделал два любопытных снимка. При печатании первого корпус получается великолепно и во всех подробностях, а голова, руки и подошвы полностью отсутствуют. Это — «девочка-туловище». Снимок не перестает удивлять зевак. Второй снимок выдает лишь конечности, остальное проявляется лишь при затенении бумаги. Это — «девочка без туловища». Эти два снимка дополняют друг друга при изучении пигментации.

У некоторых животных пигментация меняется куда быстрее. Некоторые рыбы и различные головоногие приобретают окраску среды, в которой они в данный момент находятся. Некоторые другие довольствуются тем, что ночью становятся темными. Хамелеон знаменит именно благодаря свойствам подобного рода. Наша скромная зеленая лягушка пользуется, хотя и в меньшей степени, той же способностью. Млекопитающие и человек не подвержены подобным изменениям, но изучение лягушки из-за этого не перестает представлять непосредственный интерес, так как на данном примере удастся уловить физиологию изменения пигментации. Медленные изменения, пример которых предоставляет нам человеческая кожа, не столь скоротечны, но физиология здесь та же, за исключением того, о чем будет поведано далее.

Некоторые факторы осветляют окрас лягушки: свет, жара, химические реактивы — такие, как хлоргидрат анилина, никотин, эрготин, йодистый калий, сантонин. Другие факторы вызывают потемнение окраски: нитрит амила, различные карбонаты. Эти реакции вводятся в растворы в спинную сумку.

Если рассмотреть под микроскопом межпальцевую мембрану, подвергнутую действию этих факторов, то можно констатировать, что грануляции пигмента перемещаются к ядру клет-

ки. Под действием факторов, вызывающих потемнение окраса, пигмент, наоборот, совершает центробежное движение. Поэтому первые называются хромосжимающими, а вторые — хроморасширяющими. Осветление или потемнение окраса, таким образом, происходит не из-за изменения количества пигмента, а из-за изменений на относительной площади черных участков и светлых промежутков.

Стоит заметить, что факторы не имеют одинакового воздействия на пигментированную протоплазму (хромобласты) у различных животных. Реакция головастика на наличие большинства упомянутых факторов в точности противоположная реакции лягушки.

Разные опыты, призванные выяснить механизм хромобластических сжатий и расширений, показывают, что эти эффекты обусловлены отчасти непосредственным химическим воздействием на клеточное вещество, но все-таки главным образом нервной реакцией, центрального или рефлекторного происхождения, осуществляемой особыми хромосжимающими и хроморасширяющими нервами.

Под воздействием разных факторов другого происхождения — более медленных, но более стабильных — тоже может произойти частичное потемнение или посветление. Количество пигмента, содержащегося в клетках, может увеличиваться или сокращаться. Жара — хромосжимающий фактор для лягушки и, вероятно, для большинства других существ — вызывает медленное увеличение количества пигмента. Это увеличение призвано возместить, причем с избытком, эффект хромосжатия. Воздействие солнечного и электрического света, рентгеновских лучей вызывает медленное, но значительное увеличение пигмента. Когда я говорю о свете, нужно договориться, что под ним мы понимаем ультрафиолет. Это как раз то, что демонстрируют фотографии, о которых я рассказывал ранее: особенно «девочки-туловища», а также молодого человека из окрестностей Парижа, голова и руки которого на фотокопиях выглядят, как у негра. На фотоизображениях неравномерная пигментация туловища и конечностей видна значительно лучше, чем это может уловить невооруженный глаз. Поглощение и отражение света зависят от свойств поверхности кожи, тогда как уль-

трафиолетовые лучи достаточно легко проникают сквозь ее поверхностный слой и поглощаются или отражаются нижележащим слоем кожи, который невидим.

Количественное увеличение пигмента, по-видимому, имеет целью сделать тело менее уязвимым и помешать избыточной радиации, которая воздействует на глубинные слои тканей тела. Организм, создавая пигментацию, защищается против ненужных реакций. Между рентгеновскими лучами, пронизывающими большинство тканей, и светом, который почти не проникает сквозь кожу, есть бесконечный спектр излучений — известных и неизученных. Пигмент прекращает их беспокоящее действие, и хромосжимающее действие нам дает пример этого¹.

---

¹ Необычайно трудно определить природу и размах вреда, вызываемого неуместным химическим и физическим воздействием излучений, способных пронизывать ткани тела. Вся эта ветвь физиологии почти не изучена (Лапуж описывает научную реальность конца XIX в., под химическими лучами он понимает ультрафиолетовые. — *Прим. перев.*). Вплоть до сегодняшнего дня мы мало занимались этими излучениями, однако зона их воздействия ограничивается кожей. Открытие рентгеновских лучей, наносящих непоправимый ущерб внутренним тканям, особенно костным (Гилкрест, *Случай дерматита, возникшего из-за рентгеновских лучей*, Bull. Of the Hopkins Hospital, t. VIII, 1897, p. 170), развернуло новые горизонты, изучение которых было трудным, так как мы, естественно, игнорируем самую большую часть проникающих излучений. Корреляция между химическими лучами — причины возможных изменений в организме и пигментации, имеющей целью заглушить по большей части эти лучи и использовать их для собственного усиления — принадлежит природе, легко поддающейся изучению. Возможно, что большая часть болезней, приобретаемых европейцами в жарких странах, происходит из-за глубинных химических изменений, от которых они могли бы защититься ношением одежды, непроницаемой для ультрафиолетового излучения. Белый цвет, который останавливает и отражает большинство видимых лучей, является мнимой защитой против других и ничуть не мешает им проникать в глубинные слои клеток. к счастью, вмешивается природа, создавая пигментацию. На фотогравюрах работы Гилкреста рука, пораженная периоститом, выглядит куда более темной по причине поглощения видимых лучей пигментированными клетками, о которых автор пишет: «...были почти столь же многочисленны, как обычно наблюдается на коже негра». Такой пигментации, однако, не хватило, чтобы воспрепятствовать глубинному действию.

Возможно, для европейцев, живущих в жарких странах, было бы очень полезно носить одежду и головные уборы с красной подкладкой. Такая подкладка восполнила бы недостаточную пигментацию. Стоит отметить, что не столь сильно пигментированное население Индии, Китая и Африки со стародавних времен предпочитает одежду белого, желтого и красного цветов. Негры, наоборот, питают привязанность к синему.

Таким образом, если сжатие хромобластов есть результат прямого действия термо- и ультрафиолетовых лучей, или, более точно, различных лучей, то размножение корпскулов вплоть до того, что они заполняют собой всю клетку, как у негра, есть результат творчества самой клетки, которая так реагирует на хромосжатие. Размножение глобул наблюдается в других случаях, объяснить которые сложнее, например под влиянием пикриновой кислоты, применяемой при лечении ожогов, под влиянием кантаридина (нарывы), настойки йода. Еще оно наблюдается в натертых местах — на подошвах ног, на теле (от ношения корсета, банджа), а также в местах избыточного потоотделения: подмышках, паху, промежности. К местному меланизму, называемому бродячим, приводят часто повторяемые беспокоящие факторы, такие как укусы moskitov, блох и вшей.

Не каждая клетка одинаково способна производить или накапливать пигмент. Нужно, чтобы клетка была здоровая и неповрежденная. Согласно правилам, слабая клетка не производит пигментацию, даже защитную. Именно по этой причине негр, застигнутый хронической болезнью или в старости, бледнеет, шерсть и перья возрастных животных становятся светлее и даже белыми. Белый волос — это волос, который больше не производит пигмента либо от старости, либо из-за болезни волосяной капсулы. Корреляция между здоровьем клетки и производством пигмента установлена опытами доктора Карно. Он берет у пестрых морских свинок частички черной кожи и пересаживает их на белые участки. Прививка удается, и постепенно площадь черного пятна увеличивается, иногда десятикратно. Черные клетки, то есть более богатые пигментом, посредством пролиферации разрушают окружающие белые клетки и вытесняют их. Через год пятно все еще продолжает расти. Сначала черная шерсть теснит белую на привитом участке, потом она появляется в центре, быстро становится более сильной, чем белая.

Обратный опыт никогда не удавался. Белый эпидермис, случайно поддавшийся прививке, пересаженный на черную кожу, разрушается фагоцитозом. Такое разрушение фагоцитозом представляет собой подводный камень, на который натыкались все предшествующие экспериментаторы, которые пересаживали белый эпидермис на негров.

Если альбиносу привить черный эпидермис, то он не приживается. Этот плацдарм ему не подходит, и если эпидермис все-таки приживается, то он быстро разрушается фагоцитозом. Этим объясняются неудачи прививок, сделанных с негра на белого, в частности на арийца.

Окрас человека. За исключением *H. Europæus* человек почти не видоизменяется, разве что по цвету кожи. В действительности почти у всех черных и желтых популяций глаза очень пигментированы. Они светлее только в Европе и в странах когда-либо или недавно колонизированных выходцами из Европы. Только в таких условиях мы обнаруживаем радужную оболочку, лишенную пигмента и принимающую голубой оттенок. Между темными глазами с одинаково темной радужной оболочкой и голубыми существует масса промежуточных вариантов. Пигмент может быть разреженным или располагаться расходящимися цепочками, лучами или концентрическими окружностями с краями более пигментированными, чем участок у самого зрачка. Отсюда — бесконечное разнообразие карих, зеленых, серых глаз, характеризующих метисов *H. Europæus* и составляющих подавляющее большинство в Европе, кроме крайнего юга и северо-запада. Чтобы вполне понять, что представляет собой это разнообразие, нужно обратиться к цветным иллюстрациям альбома Бертильона (*Антропометрическая идентификация*, Nouv. éd., Melun, 1893), не забывая при этом, что приведенные примеры — лишь малая часть того, что можно было бы представить. То же самое касается и волос.

Между северо-западом Европы, где блондин является правилом, и прочими частями Старого Света простирается зона, где сочетаются всевозможные промежуточные варианты, иногда у одного и того же индивида, так как борода часто бывает светлее волос. На остальной части земного шара правилом являются черные¹.

---

¹ Давно сообщалось о случаях флавизма и витилиго у негров и представителей других темных популяций. Вероятно, в рубрику о полуальбинизме нужно отнести то, что сообщалось о неграх-блондинах, виденных в Конго (Bull. de la Soc. d'Anthr. De Paris, 1895, p. 724). Ближе к Конго также должны были бы существовать троглодиты с достаточно светлой кожей и голубыми

С кожей все обстоит иначе. Многие расы имеют средне- или в незначительной степени пигментированную кожу, а цвет кожи прачеловека, я думаю, также далек от оттенка негра, как и от шотландца. Человек, живший в тропиках, подверглся меланизирующему влиянию тропического климата, поскольку он был голый. В менее жарких районах, где человек был вынужден днем и ночью покрывать себя одеждой, кожа не подвергалась подобной адаптации, а если точнее — селекция, основанная на сопротивлении излучениям, не велась столь же интенсивно. Та же причина объясняет, почему популяции более светлой расы, захватившие древних черных автохтонов Индии, до сих пор не переняли одежду, соответствующую местному климату. Образование слишком пигментированных популяций сделалось не столь выгодным из-за ношения одежды, а влияние климата стало уменьшаться по сравнению с его влиянием на древних туземцев, которые были почти или абсолютно обнаженные. Вопрос об утрате шерсти состоит в прямой взаимосвязи с ношением одежды.

Ваккаро справедливо замечает, что как только человек смог изменять окружающую среду, у него самого отпала необходимость меняться. Проживание человека под крышей, огонь и одежда сделали ненужной интенсивную пигментацию в жарких странах и сохранение меха густого волосяного покрова на голове и теле в регионах с низкими суточными температурами. Волосы сохранились только на голове, чтобы лучше предохранять ее от излучения. Мозг защищает от жары и холода череп. На лице у человека растительность сохранилась исключительно как признак пола. В подмышках и паху волосяной покров помогает избежать раздражения, потому что эти части тела потливы и подвержены натиранию. Скульптура и наскальная живопись эпохи мамонтов уже демонстрируют нам наличие одежды у расы, все еще снабженной солидной шерстью (Piette, *La station de Brassempouy*, *Anthropol.*, 1895, p. 129 s.; Cp. 1897, p. 168).

глазами. Досюда ни один экземпляр не мог быть изучен. Я видел одного полуальбиноса-китайца, у которого тоже были светло-рыжие волосы и голубые глаза, с обширными пятнами витилиго на коже. Бюффон и писатели XVIII в. уже были знакомы с депигментированными индейцами Колумбии. Шимпанзе-блондин Майера, вероятно, был аналогом негров-блондинов.

Сильная пигментация и депигментация являются, таким образом, двумя исключениями. Преобладающий оттенок варьирует от матово-белого и в большей или меньшей степени амбрового до цвета старой кожи и оливкового.

Окрас кожи в общих чертах соответствует географической зональности. Коричневая и желтая кожа довольно встречается в засушливых регионах, начинающихся с Сахары и заканчивающихся пустыней Гоби. Область черноватой кожи соответствует жаркой влажной зоне. В Аравии и Сахаре жарче, чем в Конго. Во влажных и менее жарких областях окраска ближе к оливковой. В холодных и достаточно влажных областях Крайнего Севера оттенок темнее, чем в сухой зоне и граничащими с ней областями континентального климата. Это как раз то, что показывает сопоставление климатических карт — таких, например, как в *«Атласе»* Брокгауза, с антропологическими картами, опубликованными профессором Рипли де Бостоном в своей *«Расовой географии»*, особенно на карте «Цвет кожи».

Пигментация состоит в более непосредственной связи с климатом и образом жизни, чем с антропологической расой. В верховьях Нила и в регионе Нигера есть люди, столь же темные, как негры, которые в то же время ближе к группе долихоцефалов Европы. Пигментация — это, главным образом, климатическое одеяние, медленно приобретаемое в процессе отбора. Я долго изучал вопрос климата в предыдущем томе данного курса и ограничусь тем, что отошлю читателя к тому, что я говорил о климатах, где обитают белая, желтая и черная расы.

Я хотел бы привлечь внимание к одному пункту. Многие популяции мы обнаруживаем в регионах, где они обитали лишь ограниченное число веков. Так, желтые популяции вторглись во владения черных в Индии, Индокитае, Индонезии, но при этом черный тип более древний, предыдущий в современной географии. Индонезийцы обнаруживаются на Мадагаскаре, и есть причины полагать, что они туда попали не по морю, а по суше исчезнувших материков¹. Фиксация цвета, наоборот, могла произойти во времена, предшествующие цивилизации. Негры,

---

¹ Здесь автор впадает в фантазии, которые можно списать на уровень научных познаний его эпохи. — *Прим. перев.*

по свидетельству египтян, не изменяются уже 6 тыс. лет, то есть с нашей эпохи полированного камня. (Данное ценное наблюдение подтверждается в главе 3 работы профессора Рипли.)

Окрас арийцев. По мере того как мы продвигались в кропотливом исследовании окраса приматов и человека, становилось все более очевидным, что окрас *H. Europæus* — феномен бесподобный, аномальный и, так сказать, патологический. Розоватая кожа, румяное лицо, депигментированные глаза, светлые волосы, почти лишенные всякого оттенка, — нигде больше мы не видели ничего подобного. Столь часто такие черты встречаются у видов или, скорее, разновидностей, живущих в аномальных условиях и подверженных чему-то вроде вырождения. Обезьяны с румяной физиономией обитают в тенистых и топких лесах Амазонии, в укрытии непроницаемой листвы и в атмосфере, насыщенной испарениями. Мико, *Hapale argentata*, физиономия которого отликает румянцем, а волосистой покров тонкий и почти белый, живет в таких условиях от Тукумана до Панамского перешейка — в стране, где и сам человек часто подвержен альбинизму, а индивиды, не прижившиеся во влажных лесах или долгое время пробывшие там в плену, не являются ни столь же светлыми по масти, ни столь же румянными. *Midas rosalia* то с румянцем, то более темный на обнаженных участках является блондином, скорее рыжим, но в некоторых своих разновидностях становится темным блондином или светлым брюнетом. То же самое у *Brachyurus* — аномальный, полупатологический характер окраса очевиден по сравнению с вполне обычным окрасом особей, столь близким к этому виду во всех прочих отношениях. Поэтому натуралисты сомневаются, что они относятся к двум разным видам.

Эти светлые породы являются полуальбиносами, принадлежащими к изначально нормальным видам, а такой альбинизм связан с проживанием в необычайно влажных и затененных лесах. Их окрас — это феномен чахлости, и приспособление к среде у них достигло такой степени, что эти породы, впрочем, и так малочисленные, вымирают по мере исчезновения девственных тропических лесов. Однако можно сказать, что такой светлый окрас обязан сохранению у взрослых особей черт, свойственных

детскому возрасту. У большинства обезьян самка светлее самца, а малыши очень светлые, часто блондины или почти блондины, поскольку, я повторяю, окрас, которому мы присваиваем это название, является почти исключительно уделом человека и у обезьян воспроизводится лишь приблизительно. Например, *Сун. taurus* — полностью черные, а в детстве их окрас соломенно-желтый. Касаясь темы полового диморфизма, я приводил в качестве примера плосконосую обезьяну, у которой самец — темный, а самка — блондинка. Таким образом, светлый окрас характеризует слабый пол или немощный возраст.

Н. Europæus проживает в области менее жаркой, но почти столь же влажной, как Амазония. Из-за наклонного падения солнечных лучей и густых туманов он находится в особых тенистых условиях. В прежние времена он обитал на большей площади, но сегодня она сводится к региону близ Северного моря и внутреннему бассейну Балтики. Похоже, подобно мико и марикине, он не способен противостоять исчезновению лесов. Эта особая, бесподобная раса проживает в столь же особом, уникальном климате — морском, дождливом, туманном, когда не идут дожди, и обделенном солнцем, без суровых зим, но и без жарких лет¹. Надо отметить, что ни один регион земного шара не предоставляет таких особых условий: склоны западной экспозиции, открытые ветрам с моря, участки суши, перемежающиеся морскими акваториями, Гольфстрим, небольшая высота над уровнем моря, множество болот и влажных мест. На расположенном напротив

---

¹ Здесь Лапуж впадает в какой-то готический романтизм, а также передергивает реальное состояние дел в этом вопросе. Во-первых, ни одна область умеренного климата по влажности, будь то любая ее характеристика — количество осадков, абсолютная или относительная влажность, точка росы, — не в состоянии соперничать с влажными экваториальными вечнозелеными лесами. Исключение составляют наветренные склоны меридионально протяженных горных хребтов, но они не образуют сплошной зоны, да и в Европе основная масса гор (Пиренеи, Альпы, Балканы) имеет широтную, а не меридиональную протяженность. Во-вторых, по количеству часов солнечного сияния, благодаря Азорскому антициклону, Западная и Центральная Европа намного превосходят в среднегодовом выражении, скажем Восточно-Европейскую (или Русскую) равнину. То есть все, что Лапуж так романтично расписал про Европу, более соответствует нашему региону проживания. В-третьих, читая подобные пассажи, мы должны помнить, что приобретенные признаки не передаются по наследству. — *Прим. перев.*

американском берегу, сухом и солнечном, такие условия отсутствуют. На Тихоокеанском побережье английской Колумбии лишь узкая прибрежная полоса, за которой высокие горы тотчас конденсируют влагу, которую несут облаками с запада, с Куро-Сию. Условия оказались бы более благоприятными на побережье Сибири, но там ориентация восточная, нет разворачивающихся у берегов теплых течений и преобладающий ветер дует с материка. Во всех этих областях — холодных и умеренно-влажных — кожа у обитателей желтая и достаточно темная.

Значит, можно сказать, что *H. Europæus* по своей морфологии является человеком Гольфстрима. Когда он оказывается вне этой среды, он начинает хиреть, как я это показал в своей работе «*Общественный отбор*», говоря об акклиматизации. Таким образом, мы пришли к заключению, что лимфатизм и депигментация — новые черты приматов, в частности двуруких, которые были приобретены благодаря влажной и пасмурной среде. И судя по всему, эта среда аналогична той, в которой раса процветает ныне. Так мы вычислили регион, в котором эти крайние условия могли быть представлены в полной мере.

Поиски местности, идеальной для появления депигментированного типа. В данном исследовании мы должны руководствоваться принципом, которым совершенно напрасно пренебрегает большинство антропологов. Известная нам нынешняя география не тождественна географии тех времен, когда формировалась раса *H. Europæus*. Европа и ее окрестности 2 тыс. лет не подвергались значительным видоизменениям. Кроме Северного Каспия и берегов Северного моря, других изменений процентного соотношения и очертаний суши и моря, по-видимому, не было, а указанные изменения в целом были незначительны. В предшествующие периоды дело обстояло по-другому, и сильные изменения контуров Европы на северо-западе и востоке произошли во времена, которые мы называем неолитическими, но которые уже захватывают начало египетской и халдейской цивилизаций. Обширные грабены в Эгейском и Понтическом регионах, по-видимому, относятся даже к менее древним временам. Что, собственно говоря, до четвертичного периода, современными авторами называемого плейстоценом,

то он был отмечен последовательностью грабенов к востоку от Европы и в районе Атлантики в сочетании с чередующимися поднятиями и оседаниями всего северо-запада Европы.

Многие годы считали, что геологические изменения стали результатом внезапных катаклизмов, так как эти изменения были медленным и незаметным действием современных причин. В итоге геологи пришли к выводу, что большинство подвижек земной коры — медленные и постепенные, но иногда случаются внезапные сдвиги пластов вверх и столь же внезапные обрушения вниз, происходящие из-за разрывов и провалов глыб, часто весьма протяженных, составляющих своды земной коры и из-за подвижек рычагов в областях, оказавшихся как бы нависающими над пустотой. Конец плиоцена и весь плейстоцен были свидетелями того, как с исключительной частотой происходили эти разрывы сводов, сопровождаемые перемещениями и частичными поднятиями. Так, формирования современного Средиземноморья и Атлантики являются недавними событиями, современными человеку палеолита и плиоцена.

Все эти факты, относящиеся к геологии и палеогеографии плейстоцена известны очень ограниченному кругу людей, по крайней мере во Франции, где большинство геологов даже не читали работ о недавних геологических эпохах. Доисторические эпохи изучены еще меньше, труд Мортилье, служащий гидом в этом вопросе, датируется временем, когда познания о плейстоцене почти отсутствовали. Шведские, русские, немецкие, английские геологи 10 лет назад увлеклись четвертичной геологией и климатологией, и появилось бесконечное множество прекрасных работ. Познаний уже достаточно, и можно представить картину необычайных перемен, потрясших Европу и ее окрестности в те недалекие времена, которые еще недавно считались столь спокойными.

Именно во времена этих перемен появился *Н. Europæus*. Вот почему я собираюсь вкратце остановиться на истории всего плейстоцена, которую вы нигде не найдете и которую необходимо знать прежде, чем идти дальше.

Определение плейстоцена. Если за характеристику плейстоцена принять чередование теплых и холодных периодов,

то его нужно связать с верхним плиоценом, соответствующим первому холодному периоду в данной климатологической системе. Вместе с тем нет такого места, где плейстоцен можно было бы отделить от современных условий, которые по фауне ничем не отличаются от верхнего плейстоцена, за исключением нескольких видов, недавно истребленных человеком. Наконец, весь плейстоцен должен быть помещен внутри третичного периода — отсутствие значительной разницы в фауне не позволяет придать ему самостоятельный статус, как вторичному или третичному периоду. Оледенение и изменение ориентации огромных океанических масс, когда-то параллельных экватору, а ставших перпендикулярными, стали границей плейстоцена от плиоцена, фауна которого почти в полном составе, с незначительными изменениями, продолжает существовать до сих пор.

Оледенения. Плейстоцен представляет собой десяток периодов — попеременно теплых и холодных — с соответствующим чередованием умеренной и арктической фауны. Если мы об этих периодах судим по важности оставленного ими следа, то самые древние периоды были самыми продолжительными и, по-видимому, также самыми контрастными. По-видимому, холод возрастал от первого периода ко второму и убывал во все остальные. Каждый теплый период, наоборот, был менее теплым, чем предыдущий. По всей Земле отыскиваются следы подобных чередований, но пока невозможно установить, распространялись ли похолодания и потепления на всю планету или же теплый период в одном из полушарий соответствовал холодному в другом. Впрочем, в любом случае, для Северного полушария кажется установленной синхронность периодов на двух континентах.

Для первых холодных периодов характерно интенсивное оледенение. На Земле, вероятно, всегда были возвышенные и холодные области. Именно в схожих условиях формировались особые признаки альпийской и арктической флоры и фауны, обширное распространение которых произошло в холодные эпохи плейстоцена. Даже начиная с первичного периода были ледники, и сообщалось о многих местах во Франции и Австралии о конгломератах и изборожденном щебне ледникового происхождения. Местные явления оледенения могли принимать огром-

ные размеры на склонах горных цепей, ныне поистрепавшихся непогодой до сравнительно скромных размеров, как, например, как на Кавказе и в Пиренеях. Обширные субпиренейские отложения миоцена были отнесены — правильно или ложно — к действию схожих причин. Охлаждение полярных регионов тоже не было абсолютной новостью. Во время третичного периода температура в арктической зоне постепенно понижалась, и на самых высоко залегающих пластах на Шпицбергене и в Гренландии теплолюбивая флора сменилась флорой нынешней Франции. В итоге между этими явлениями и явлениями оледенений плейстоцена — существует значительное отличие, не столько количественное, сколько качественное.

Во время второго, или Великого, оледенения северная область Восточного полушария была придавлена тяжестью огромного ледяного купола, средняя толщина льда которого достигала нескольких сотен метров и который в Скандинавии достиг толщины, способной покрыть невысокие горы. Южная граница отложений, оставленных этим выдающимся ледником в Европе, проходит примерно через Бристоль, Дувр, Анвер, Магдебург, Лейпциг, Бреслау, Ламберг и Киев. В Азии она поднимается к северу, чтобы снова спуститься немного на юг в Восточной Сибири. Эти следы труднее проследить, так как часть указанных регионов в среднем плейстоцене была покрыта морем, фронтальная морена была размыта волнами, и ее существование ученые констатировали лишь несколько лет назад. В Америке ледяной купол, по-видимому, был толще, чем в Европе, и его следы больше спускались на юг в районе Атлантики. Над этим ледяным куполом — одинаковым на всем протяжении и непрерывным (это доказывают фрагменты скандинавских скал, найденные в Бельгии) — возвышались, как скалистые острова, самые высокие горы Скандинавии и Шотландии. Низ ледника шлифовал дно моря, поднимая на высоту своего наступающего фронта со дна морские ракушки, наличие которых на всем протяжении гор Британии долгое время заставляло преувеличивать амплитуду погружения Англии.

Изумляет громадная масса замерзшей воды, ставшей на долгие времена геологическим фактором. Спрашивается: какое влияние могло оказать изъятие такого пласта на уровень воды

в океане? Изумительно, но приходится констатировать, что почти везде его уровень был выше современного по многим причинам, в том числе из-за заметного оседания земной коры. Само это оседание было бы легко объяснить двойным воздействием сжатия, происходящего из-за охлаждения, и сжатия, происходящего благодаря тяжести льда, среднее давление которого превышало 5 млн кг/м². Однако, суля по всему, были причины более общего порядка, так как максимум оседания всегда сопровождал начало оледенения, а не его пик.

Температура над этим куполом не была всегда и везде слишком низкой, изредка она должна была подниматься выше 0 °С. Вне этих пределов, в зоне очень протяженной, должен был царствовать влажный и холодный режим. Влажный, потому что производство льда предполагает изобилие снега, а испарение воспроизводит холодный водяной пар, потому что масса льда должна была потреблять огромное количество тепла на свое таяние. Некоторые геологи поддерживают мнение, что температура около полярного ледника могла быть умеренной. Во всяком случае, так обстоит дело в Новой Зеландии в непосредственной близости от ледников, которые доходят до уровня 200 м над уровнем моря — например, Вайхау. Но сравнивать скромный ледник с полярным куполом это все равно, что сравнивать тлеющую головешку с вулканом. Ископаемые датируются эпохой, когда ледник не достиг своего максимального развития или уже отступил — в обоих этих случаях предполагаемый ледниковый режим был далек от действительного, наблюдавшегося в интересующей нас точке. В то же время, вследствие особых обстоятельств — западного ветра, теплой влажности — некоторые британские отложения демонстрируют чередование флоры почти умеренной с отчетливо ледниковыми слоями. Учитывая этот факт, нейтральная зона между жизнью и смертью должна была быть значительно более узкой.

В любом другом месте, южнее полярного купола, должен был постоянно дуть свирепый ледяной ветер — нечто вроде постоянного мистрала, вызванного возвращением к экватору воздушных масс в гигантской циркуляционной ячейке, сформированной над этим огромным холодильником. Фауна тундры и степи, досконально изученная немецким ученым Нерингом,

соответствует той эпохе, когда такой ветер не позволял деревьям вырастать — даже в нескольких сотнях километров от крайней границы ледяного купола.

По-видимому, было четыре периода, включающих в себя грандиозное развертывание полярного купола. Первое оледенение и два последних лишь ненамного распространились за пределы бассейнов Балтийского и Северного морей, но в горных областях развитие гляциальных явлений было впечатляющим. Подножия горных массивов Центральной Франции сохраняют следы замечательных ледников первого оледенения и указывают на то, что выветривание вершин помешало появиться позднее следам новых оледенений. В Альпах, наоборот, ледники Велликого оледенения полностью отшлифовали морены первого оледенения.

В промежутках между похолоданиями температура сначала была выше, чем сегодня. Фауна, принадлежавшая *Elephas meridionalis* и *Elephas antiquus*, содержит виды, образ жизни которых требовал мягкого климата, например: маго и амфибии, требующие для своего существования постоянно свободных от льда вод, как *Hippopotamus major* и его уменьшенный родственник гиппопотам обыкновенный. За исключением третьего оледенения виды, адаптированные к холоду — носорог шерстистый, мамонт и северный олень, присутствие которых доказано нижними отложениями, — не покидали этих территорий вплоть до своего полного исчезновения. Похолодания были недостаточно грозные, чтобы эти представители фауны не могли обитать в укрытых местах, а во время потеплений температура не поднималась столь высоко, чтобы воспрепятствовать их обитанию в горах или в лесах, обращенных к северу. Отсюда странные совпадения в различных отложениях среднего и верхнего плейстоцена, а также озадачивающие смешения, объясняющиеся летними набегами южных видов на север и зимними миграциями северных видов к югу под воздействием климатического режима с очень контрастными сезонами, каковым был режим в наших странах в конце плейстоцена.

Причины оледенений. Во время миоцена флора Гренландии и Шпицбергена имела очень много общего с современной

флорой Канарских островов и Ирландии, что подразумевает климат необычайно мягкий, скорее теплый, и большую влажность.

Сплошная пелена облаков резко уменьшила поступление на Землю солнечных лучей. Для водяного пара был воспроизведен малый сценарий того, что произошло в крупных масштабах, когда весь земной шар переходил из газообразного состояния в жидкое. Тогда в течение долгого периода режим густых туманов сменялся непрекращающимися дождями и снегами. И защитная роль, которую играла плотная облачность в древности против понижения температуры, была утрачена.

Данный феномен, к которому мое внимание было приковано благодаря М. де Рувиллю, повлиял на плейстоцен принципиальным образом. Другие причины общего характера, вероятно, тоже оказали определенное воздействие. Генерал Дрейсон полагает, что полюс Земли описывает окружность вокруг полюса эклиптики, причем его отклонение от полюса эклиптики колеблется от 6° до $29^\circ 25' 47''$. Таким образом, к 13 700 г. до Р. Х. Полярный круг мог проходить через Центральную Англию. Возможно также, что теория Кролля объясняет лишь часть феноменов, но она серьезно ошибается, не объясняя с легкостью, почему оледенение начинается примерно 240 тыс. лет назад, продолжается 160 тыс. лет и заканчивается 80 тыс. лет назад. Каждому, кто изучал отложения плейстоцена, аллювий речных потоков или морские отложения, трудно предположить столь длительную продолжительность оледенения. Эти отложения — наземные или морские — везде, куда ледник не дошел, представляют лишь отдельные фрагменты близ слоев, действительно геологических. Однако речь идет не об одном оледенении, а о нескольких, что объяснил в своей гипотезе Кролля. Наконец, возможно, внутренние геологические причины вызвали существенное смещение оси гравитации, а вследствие этого — и полюсов, но такое объяснение выглядит слишком экзотическим. Потребовалось бы грандиозное нарушение равновесия, поднятие масс половины земного шара на 2–3 тыс. м, чтобы заставить полюс сместиться на $1\text{--}2^\circ$. Таким образом, основная причина остается следующей: до плейстоцена не было ни зон, ни сезонов, и палеонтология нам это доказывает, а периоды противоборства тепла и холода

стали первоначальным кризисом, возвестившим о наступлении нынешнего режима.

Во время плейстоцена происходили важные изменения в конфигурации океанов и направлении течений. В Европе все развивалось так, как будто на пути Гольфстрима оказалась широкая плотина из низменностей, и он был отодвинут на несколько сотен километров от берега, не позволяя облакам, остывающим и готовым разразиться снегопадами, добираться до берегов. Обширные грабены в Атлантике действовали еще и как непосредственные причины повышенного испарения. Они должны были высвобождать со дна океана значительное количество калорий, обязанных отчасти механическому действию, а отчасти — обширным разливам базальтовой лавы. Эти грабены вызывали мощные цунами, которые обрушивались на континенты и сметали все на своем пути, в том числе на больших высотах. Действительно, делювиальные феномены — это почти единственное объяснение присутствию аллювия на возвышенных плато во многих регионах. Достаточно вспомнить рассказы очевидцев цунами, сопровождавшего извержение Кракатау, чтобы понять, насколько высокими были валы, спровоцированные обширными грабенами (обрушениями), — в тысячу или в миллион раз более протяженными и глубокими.

К сожалению, не уделяется внимания медленной денивеляции уровней. Она действовала как фактор изменения конфигурации суши и моря, особенно на северо-западе, но ни один значимый регион не испытал из-за этого поднятия на большую высоту. Движения тектонических плит принесли на территории, где сейчас расположены Калабрия и Турция, отдельные отложения из Сицилии и Сахары высотой в несколько сотен метров, что, судя по всему, совпало с периодом оседания. В плейстоцене холодные эпохи, которые всецело были периодами общего оседания, перемежались с фазами частичной компенсации, каковыми являются теплые периоды. Впрочем, надо помнить, что максимум понижения не совпадает в пространстве и по времени с максимумом развития ледникового купола и распространения морозов, — так что раскопки предоставляют нам морскую фауну начала, а иногда конца соответствующей ледниковой эпохи. Совершенно четко можно сказать, что такое оседание не было

обязано исключительно компрессии из-за наличия массы ледяного купола или притяжения этим куполом окружающих вод, что предопределило появление кромки морских льдов, а также сжатие земной коры под воздействием охлаждения¹.

В качестве примера приведем скандинавский берег в районах фьордов, который до плейстоцена был примерно на 1000 м выше нынешнего уровня и, естественно, выше уровня моря. Во время четвертого оледенения Южная Скандинавия была примерно на 300 м ниже своего нынешнего уровня. В целом, менее значительные денивеляции происходили на остальном северо-западе Европы — всего лишь около 40 м в Шотландии, а в Англии еще меньше. Местные геологические причины играли в этих денивеляциях важную роль.

Образование Атлантики. Образование Атлантики является геологическим событием плейстоцена. Со времен верхнего мела вплоть до тех времен огромная масса вод западной половины Северного полушария имела форму неправильной полосы, простираясь от севера Персии до Мексиканского залива, долготная протяженность и конфигурации которой значительно варьировали в зависимости от эпохи. Области нынешней Северной Атлантики были весьма древним материком, обломки которого в Ирландии, на Фарерах, в Исландии, Гренландии, на северо-востоке Америки все еще демонстрируют нам следы угольных пластов с наземной флорой и фауной. Далее к северу, вероятно, были обширные водные просторы, но с теплой водой, так как отложения на Шпицбергене дают нам флору умеренно-теплую, а на севере Гренландии, в Дискавери-Харбур, на широте $81^{\circ} 48'$ нашли *Taxodium distichum*, который ныне обитает в Мексике.

---

¹ Дрыгальски подсчитал, что гранит расширяется на 8–9 миллионных долей удельного объема, когда температура поднимается на 1° , при повышении температуры на $5\text{--}10^{\circ}\text{C}$ расширение составило бы 40–90 миллионных долей. Чтобы объяснить поднятия, имевшие место в Скандинавии со времен оледенения, хватило бы расширения на 4 миллионные доли. Аналогично общее оседание циркумполярной области можно было бы объяснить отчасти оттоком тепла во время оледенений, с тех пор возмещенного явно не в полной мере. Но эта причина не может быть названа единственной, так как оседания всегда предшествуют пику похолодания.

В знаменитой работе Зюсса, особенно во французском издании, опубликованном М. де Маржери под названием «*Лик Земли*» (t. I, part. 2, ch. IV) можно прочесть справку по изменениям этого водного бассейна, параллельного экватору, фауна которого была очень однородной во все эпохи. Колонии полипов в Сен-Бартелеми, на Кубе, Ямайке представляют банки (отмели) полипов Кастел-Гомберто и Кросара в Европе: *Trochosmilia subcurvata*, *Arguta*, *Stephanocænia elegans*, *Astrocænia multigranosa*, *Ulophylla macrogyra*, *Porites ramosa*. *Cidaris melitensis* присутствуют на многих из Антильских островов в компании видов, близкородственных видам верхнего известняка на Мальте, таких как *Schizaster loveni*, *Brissopsis antillarum*. Различия проявляется на верхних уровнях — вот причина, на природе которой не заикливались, но которая не допускает существования в полностью разделенном состоянии и которая мешает расхождению видов.

Плейстоцен начинается с обрушения обширных пластов в этих регионах, позволяя фауне самого Крайнего Севера проникнуть во время оледенений на территории вплоть до Средиземноморья. Эти грабены (обрушения) следовали во все время плейстоцена один за другим. Именно они породили легенду об Атлантиде и другие, аналогичные ей. Такие катаклизмы происходили очень быстро. Почти вся работа по формированию Северной Атлантики произошла в короткий период плейстоцена за несколько десятков тысяч лет. Эти внезапные явления, происходившие благодаря разрывам дуг, сопровождались медленными качельными (колебательными) движениями, много раз повторявшимися на северо-западе Европы. Окончательным результатом стало образование обширного бассейна, простирающегося от полюса к экватору, где он соединялся с огромной океанической системой Южного полушария.

Новая, меридиональная, ориентация водных просторов перекрещивается с третичными морями, от которых остались только два — Мексиканский залив и Средиземное море. Таким образом, облик американских областей со времен плиоцена существенно изменился, и этот феномен был общим для всего земного шара. Режим мелких, испещренных заливами и островами морей, сменился режимом компактных континентов и огромных глубоких океанов.

Фауна. Изменения климата влекли за собой громадные изменения фауны. Большинство видов, принадлежавших концу плейстоцена, новые, а виды, характерные для начала плейстоцена, исчезли. Эти последние, впрочем, менее многочисленные, что не было очевидно в начале. Следует различать виды, действительно вымершие, исчезнувшие без потомства, например *Elasmotherium* (носорог-эласмотерий) или *Megaceros* (суданский козел), от тех, кто выжил в более приспособленных формах — *Elephas meridionalis* N. (южный мамонт, или слон) трансформировался в *E. Antiquus* F. (прямобивневый лесной слон), а тот, в свою очередь, — в *E. Primigenius* Bl. (шерстистый слон) и *E. Africanus* L. (африканский слон, который жив и поныне). У носорогов, слонов, лошадей, волов и других подобных представителей фауны переходные процессы в видах малозаметны. В коллекции Сиродо, например, есть все промежуточные формы слонов между вымершими и современными. Все, кто сталкивались с классификацией млекопитающих плейстоцена, знают, что порой невозможно идентифицировать вид, к которому относится тот или иной экземпляр. Именно поэтому следует принять во внимание вымирание видов. На самом деле, за исключением *Machærodus latidens*, *Elasmotherium* (эласмотерий, род носорогов), *Trogontherium* (трогонтериевый, или степной, мамонт) и нескольких карликовых гиппопотамов и слонов Крита, Сицилии и Мальты, все виды плейстоцена Европы и Сибири выжили. Наоборот, численность крупных видов фауны плейстоцена Америки сильно сократилась¹. То же самое относится

---

¹ Вся Земля во время среднего плейстоцена была заселена гигантскими млекопитающими: слонами, носорогами, неполнозубыми, жвачными и сумчатыми. Вся эта фауна вымерла, кроме двух видов слонов и трех или четырех видов носорогов, которые выжили в Африке и Азии. Северная Америка потеряла *Mastodon ohioiticus*, *Elephas colombi*, *Americanus*, *Mylo-don*, *Megatherium*, *Megalonyx*. Эта фауна с конца плейстоцена вымирала. Мы обнаруживаем ее в проломах и гротах Больших Антильских островов и Багамов, вплоть до Ангиллы — на крайнем востоке системы Больших Антильских островов. Как мы увидим из дальнейшего повествования, эти земли составляли часть материка. Южная Америка распрощалась с большими кошками, *Machærodus neogæus*, *Feles protopanther*, с верблюдами, *Macrauchenia*, *Protauchenia*, и со всей редкой фауной неполнозубых, броненосцев: *Chlamydotherium*, *Glyptodon*, *Eutatus*, *Panochtus*, *Dædicurus*, *Toxodon*. Как на севере, так и на юге, некоторые виды влачили жалкое

к небольшим животным и растениям. Не найдется более десятка тех и других, которые не вымерли бы. Однако неправильно считать вымершими виды, которые исчезли у нас, но сохранились в других местах — олени, гиены и кошачие плейстоцена (кроме *Machærodus*).

Эта последняя категория обычно классифицируется как переселившиеся животные. Данный факт никоим образом не означает, что климат перестал им подходить — просто они отпавились искать удачи в другие области. В действительности, по мере того, как климат менялся, каждый вид вымирал на некоторой части своего ареала, а на других территориях, ставших более приспособленными для него, наоборот, размножался. Это важное замечание. Оно позволяет нам понять, что северный олень Франции мог обладать менее специфическим темпераментом, чем северный олень, ныне обитающий в Лапландии, — его побочный, а не прямой родственник. Возможно, что маньчжурский, или восточно-сибирский, тигр, будь он мгновенно перемещен на Цейлон, умер бы также быстро, как лапландский олень, оказавшийся в Париже. Приспособленный к полярному климату эскимос в нашем климате умирает быстрее, чем через месяц, хотя бы в силу особенностей своей адаптации.

Я не думаю, что трансформация видов, появившихся в плейстоцене, завершалась всегда в ту геологическую эпоху, в которую мы наблюдаем их размножение. Нам неизвестны виды, обитавшие в конце плиоцена в горах и на севере Европы. Вероятно, это они позднее и заселили равнины, когда мы начинаем наблюдать морозоустойчивую фауну. И это тоже полезное замечание, оно позволяет понять нам быструю смену видов слонов в течение достаточно короткого времени. Новый климат способствовал завершению эволюции арктических видов фауны и их распространению, но уже с момента зарождения жизни существовали формы, приспособленные к пониженным температурам: высокогорные виды — на суше, глубоководные — в океане.

Очень вероятно, что именно так — на некоторой глубине, в субполярном бассейне, — и сформировались виды холодо-

---

существование вплоть до недавней эпохи. Последнего мастодонта убили в истекшем столетии, а бизон истреблен в наши дни. В конце плейстоцена подавляющего большинства видов уже не было.

устойчивой фауны, которые во время первого оледенения внезапно появились на скале Норвич, в палермских песках Фикарацци и Монте-Пеллегрино. Вероятно, во время плиоцена море было теплым только на поверхности, благодаря течению, аналогичному Гольфстриму. Мы игнорируем тот факт, как такое течение, которое небезосновательно можно считать непохожим на вариант Гольфстрима, возвратившегося в Центральную Атлантику, могло проникнуть в полярные воды, но даже формирование холодолюбивой фауны в этих водах почти доказывает его существование.

На данный момент мы располагаем очень малым количеством фактов по зоологии первого оледенения. Наземные отложения севера Европы оказались изборождены последующими оледенениями, а в Центральной и Южной Европе воздействие холода, по-видимому, не было столь заметным, чтобы оказать серьезное воздействие на состав наземной фауны или создать новые виды. Тепловодные ракушки нижнего слоя в Магдебурге и некоторых других пунктах собственно и составляют почти все, что нам известно о первой волне холодолюбивой фауны вне морских отложений. Нет никаких следов новых млекопитающих. Но зато громадная часть арнузиеннской фауны уже отсутствует в слоях на уровне Сен-Преста. Так как возраст этих двух слоев не совпадает с первым оледенением, из этого можно сделать вывод, что изменение климата привело к исчезновению огромного количества видов плиоцена.

В верхней части скалы Норвич и в отложениях Чилсфорда специфическая фауна включает в себя *Fusus striatus*, *Turritula communis*, *Cardium edule*, *Cyprina islandica* — виды, еще живущие в Северном море, но которых там не было в плиоцене либо они едва туда проникали. Она также включает в себя *Scalaria groenlandica*, *Panopæa norwegica*, *Astarte borealis* — чисто полярные формы. В верхних песках Анвера то же значение имеет *Chrysodomus despecta*.

Наличие раковин таких моллюсков в Северном море, по соседству со Скандинавией, покрытой ледяным панцирем, как в нынешней Гренландии, тоже покрытой льдом, неудивительно. Более удивительно наличие раковин таких моллюсков в Средиземном море — вопреки наличию мощных ледников в Альпах

и на Центральном плато. Фауна Фикарацци и Монте-Пеллегрино, *Buccinum groenlandicum*, *Trichotropis borealis*, *Mya truncate*, *Cyprina islandica*, *Saxicava arctica*, показательна при повышении температуры океана на несколько градусов. Вполне возможно, что вследствие конфигурации береговой линии той эпохи полярное течение должно было врываться через пролив, может быть через Гибралтар, если тот уже существовал, в Западное Средиземноморье. В отложениях, расположенных восточнее, арктических видов становится меньше.

Фауна последовавшего затем межледникового является продолжением верхнего плиоцена — арнузьянской фауны, значительное количество видов которой сократилось¹. В Центральной Европе виды животных первого оледенения и первого межледникового идентичны. Например, фауна бресского аллювия, которая, вероятно, возникла в первое альпийское оледенение, как швейцарские *deckenschotter*, в точности та же, что в Сен-Престе и в верхних слоях долины Арно. Это фауна — *Elephas meridionalis* N. Dominant, *E. Antiquus*, *Rhinoceros merckii* Kaup., *Hippopotamus major*, *Trogontherium cuvierii*, *Machaerodus latidens*, *Megaceros sarnutum*, *Cervus sedgwicki*, *Capreolus*, *Dama*. Менее известны мелкие млекопитающие, которые не встречаются в отложениях. В теплых водах отложения содержат *Belgrandia*, *Paludina diluvi-*

---

¹ Виды, которые обнаруживают в отложениях, непосредственно предшествующих сицилийскому уровню, но не встречаются на более верхних уровнях, — это *Mastodon arvernensis* Cr., *Borsoni* H., *Rhinoceros etruscus* Falc., *Tapirus arvernensis* Dev., *Gazella julieni* dep., *Antilope ardea*, *Palaeoceros Torticornis*, *Cervus ardeus* cr., *Pardinensis* Cr., *Douvillei* dep., *Etueriarum* Cr. u J., *Cucanus* cr., *Castor Issiodorensis* croiz., *Ursus Arvernensis* Cr., *Hyoena perrieri* Cr., *Machaerodus crenatidens* fabr. и т. д. В Италии — *Palaeoryx meneghinii*, *Equus intermedius*, *Inuus florentinus*. Особо следует отметить общее распределение антилоп, а также, что в неолитических захоронениях Эро нашли останки газелей, несколько видов которых могли сохраниться на средиземноморском побережье, если только они не были привезены извне, так как газели были одомашнены в Египте и на севере Африки в указанную эпоху.

В начале финальной стадии плиоцена фауна Франции и соседних областей почти не изменялась. Отмечается совсем немного появившихся и исчезнувших новых форм, варьируется относительное содержание видов. Встречаются также локальные фауны со специальными видами, что иногда делает затруднительным хронологическую классификацию отдельных залежей, но не нарушает единства фауны. Сама фауна с начала плейстоцена из-за изменения климата потеряла более половины видов.

ana, *Cyrena fluminalis* — виды, ныне исчезнувшие или встречающиеся исключительно в Средиземноморье. *Paludina diluviana*, образующая в районе Магдебурга и Берлина замечательные банки (отмели), более не встречается в Германии и достаточна, чтобы датировать собой отложение. В отложениях *Forest-bed* Кромера встречаются растения, доказывающие наличие климата ровного и, скорее, мягкого, чем жаркого: *Abies pectinata*, *Picea excelsa*, *Pinus silvestris*, *P. montana*, *Taxus baccata*, *Nymphaea alba*¹. На юге Франции лавр и фиговое дерево в Каstellно появляются в эту эпоху или в последующее межледниковье и доказывают, что зимы тогда были менее суровыми, чем нынешние. Существование гиппопотамов даже в Англии говорит о том, что реки никогда не замерзали. Все эти виды, впрочем, не допускают лета, более жаркого, чем сейчас, летние температуры могли быть даже ниже современных. Достаточно было условия, чтобы зимы были менее суровыми, так как фауна и флора больше зависят от зимних температур, чем от температур теплой половины года.

Второе, или Великое, оледенение оставило меньше следов в морской фауне Средиземноморья. По крайней мере, в настоящее время неизвестно о пластах с холодолюбивой фауной той эпохи. Как и предыдущее, это оледенение оставило самые значительные следы в Англии — например, отложения *Leda myalis* выше *Forest-bed* Кромера. *E. Primigenius*, представленный своими предшественниками, встречается в *Forest-bed* Кромера. Его приход, вероятно, датируется началом второго оледенения, когда огромный купол льда только начинал свое движение.

---

¹ По флоре плейстоцена после классической работы Мортилье, к которой я и отсылаю читателя, не было сделано важных ботанических открытий. Можно отметить, однако, открытие культивируемого зерна в азийских отложениях Мас д'Азиль и множества фруктовых деревьев. Эти злаки, значение которых трудно переоценить, таким образом, принадлежали плейстоценовой флоре Европы или, по крайней мере, Иберийского региона. Таким образом, положен конец бесконечным спорам о происхождении зерна. Тезис об азиатском происхождении не подходит к большинству наших домашних видов животных и растений, которые теперь представляются местного происхождения или средиземноморского.

По флоре теплой эпохи см. также Дольфюса, *Туфы Монтиньи*, С. R. Ac. Sc., t. 126 (1898), 139.

По флоре холодных эпох и в целом по флоре северных стран см. работы Нэтхорста, Блитта, Неринга, Андерссона, Халта.

Позднее ледник спустился со Скандинавии, шлифуя Северное море и покрывая Британские острова. Он на время заморозил всякую жизнь в регионе. Фауна, соответствующая Великому оледенению, является, собственно говоря, той же, какой была в начале или конце эпохи. Во всех морских отложениях того периода мы вновь встречаем *Cyprina islandica*, *Astarte borealis*, *Saxicava arctica*, *Leda myalis*, *Yoldia arctica*, *Natica groenlandica*. В Англии морская фауна та же. Из млекопитающих в современных отложениях встречаются морж, нарвал, полярный тюлень, северный олень, собака, бобр, россомаха, мамонт, шерстистый носорог, лошадь, бык, бизон, олени и медведи и некоторые другие виды, которых мы в полном составе встретим и в дальнейшем. Отсутствуют лань и косуля — хрупкие виды. Весь север умеренной зоны Европы во время наступления и отступления ледника располагал такой флорой, как *Salix polaris*, *Herbacea*, *Dryas octopetala*, *Betula nana* и т. д.

Последующее межледниковье известно многочисленными аллювиальными отложениями, самое прославленное из которых во Франции — это Шельенское, которое дало название второму межледниковью, и соответственно — шельенской эпохе. Фауна почти та же, но очень редкого *Elephas meridionalis* там заменяет *Elephas antiquus*, по крайней мере в регионе, соответствующем северу Франции. Отложение Тийу и некоторые отложения средиземноморских областей Франции и Италии действительно доказывают, что этот слон выжил вплоть до эпохи мамонтов. Не следует упускать из виду, что фауна, о которой идет речь, как правило, является фауной Южной Англии, Северной и Центральной Франции, Германии и что во все эпохи некоторые из этих видов отсутствовали на севере Европы, тогда как на юге водились многие другие, численность которых в центральном регионе значительно меньше. Так, северный олень ни в одну из эпох не спускался в Испанию и Италию, за исключением набегов отдельных особей, и с той же оговоркой, что север никогда не видел ни *E. meridionalis*, ни *E. antiquus*. Карликовые слоны *E. mnaidriensis* и *melitensis* В. и карликовый *Hippopotamus Pentlandi* не выжили на континенте. *Hyaena brunnea*, *crocota* уцелели только в средиземноморском регионе и в небольшом количестве. Маго тоже, по всей видимости, встречался лишь

в Эро и Пиренеях. Все это — формы шельенские. Носорог, доминирующий в шельенскую эпоху, — это *Merckii*, а *Tichorhinus* появляется лишь как предшественник следующего оледенения. Виды, датируемые плиоценом, становятся менее многочисленными: *Machaerodus*, *Trogontherium*, *Equus stenonis*.

Можно с определенностью сказать, что человек впервые выходит на сцену во втором межледниковье. Почти по всему земному шару он оставлял следы в виде тяжелых топоров шельенского и ашэльского типов, но мы не располагаем аутентичными человеческими останками, кроме двух зубов, найденных в Таубахе, близ Веймара. Возможно, мы имеем дело с подвидом *Pithecanthropus*, представленным *P. Erectus* Dub. В отложениях Тринил на Яве, датировка которого почти та же, что и у французского Сен-Престьен, Норфолкиен Джейки и *P. Neanderthalensis* King третьего межледниковья.

Третье оледенение поставляет нам как морскую фауну *Cyprina islandica*, *Psammobia feroensis*, *Mya truncata*, *Buccinum undatum*, так и прочие виды, уже перечислявшиеся. Северный олень, носорог шерстистый, мамонт, *E. Primigenius* являются характерными видами той эпохи. *E. antiquus* Франции и Германии исчезает почти полностью. Теперь он встречается только по ту сторону Пиренеев, где сохранялся до совсем недавних времен и откуда совершал единичные набеги на юго-запад Франции в период последующего межледниковья.

После третьего оледенения мы, благодаря тщательно проведенным в Германии и Швейцарии раскопкам и богатству материала в пещерных отложениях, совершенно отчетливо видим смену фауны. Области Англии и Германии, где документальные факты начинаются разве что с четвертого межледниковья, надо отличать от юга Франции, где четвертое оледенение лишь слегка повлияло на фауну, поэтому она не подверглась сильным изменениям. Эта фауна характеризуется наличием кошачьих и медведей, которые уже существовали в шельенскую эпоху, но не имели тогда такого значения, наличием *Hyaena spelaea* G., *Leo speloeus* G., *Ursus spelaeus* Bl., мамонта и шерстистого носорога. Начиная со среднего плейстоцена большая часть этих видов к нашему времени вымерла. Мы их уже не обнаруживаем в верхних слоях, но лишь два последних из перечисленных вымерли полностью.

Четвертое оледенение принесло меньше изменений в фауне наших областей, но с ним в Северную и Центральную Европу возвращается арктическая фауна. Именно четвертым оледенением датируются бесчисленные и хорошо сохранившиеся останки фауны леммингов в лесах и пещерах. Так как с тех пор не произошло никакого геологического потрясения, которое перевернуло бы аллювий и вынесло все из пещер, то материальные свидетельства не пополняются, а существующие уложены в стопки в идеальном порядке.

Разрушение древних отложений фосфатами является одним из самых прискорбных фактов нашего времени, когда неразумное стремление к прибыли вызывает бесчисленные опустошения. Ведь благодаря этим отложениям мы в подробностях понимаем, как происходили смены тепла и холода, о которых в прошлые времена мы имели лишь общее понятие.

Такие представители фауны, как сайгак, хомяк и суслик, распространились вплоть до запада Франции (Перигор, Майенн), но фауна лемминга здесь почти не представлена, разве что росомехой и овцебыком. Северный олень в изобилии водился до Пиренеев.

Увеличение пахотных земель и вырубка лесов постепенно привели к исчезновению степных видов, за исключением областей, где степь сохранилась и поныне — на европейской территории России и в Сибири. Постепенно сокращается поголовье крупных хищников, а современные виды, представленные, впрочем, скудно, размножаются и вытесняют их. Также поголовье оленевые вытесняют слонов, и носорогов, и, наконец, даже северного оленя. Лошадь, которая, по всей видимости, была чрезвычайно распространена после третьего и четвертого оледенений, тоже претерпевает сокращение численности. Конец плейстоцена отмечен значительным ростом площади лесов и обилием оленевых, представленных современными видами, виргинским оленем, маралом (эти два последних вида вымерли в Европе), лосем, вытесненным сегодня на север Европы вместе с северным оленем и великолепным *Megaceros hibernicus*, который существовал вплоть до начала нашей эры.

За фауной крупных хищников, мамонта и северного оленя, которая, в свою очередь, по преобладанию каждой из этих категорий довольно четко делится на три хронологических раздела,

следуют фауна оленевых, затем — современная фауна, являющаяся результатом прогрессирующего вымирания видов из-за человеческой деятельности.

Пятое и четвертое межледниковья значительно не повлияли на фауну и флору, за исключением горных областей и Крайнего Севера.

Человек. В последующем я буду подробно рассматривать антропологию плейстоцена, чтобы выявить предка *H. Europæus*. Здесь же я скажу лишь пару слов по этому поводу. Человек уже в плейстоцене представлен чрезвычайно разнообразными формами. Оставив в стороне экзотические формы, в частности самую древнюю и примитивную *P. Erectus* Dub. с Явы, мы имеем в верхнем плейстоцене Европы *Pithecanthropus Neanderthalensis* King — самую древнюю форму из известных, а также серию форм, принадлежавших роду *Homo*, в строгом смысле. Из последних одни известны по останкам, как формы из Шанселада и Мантона, другие являются лишь предположением, сделанным по рисункам и статуэткам, как в случае с расой стеатопигов из Пьетта. Возможно также, что пигмейские расы из неолитических отложений, уже существовали в Европе во времена плейстоцена. Наконец, черепа из Ольмо и Трушера представляют какие-то другие разновидности.

Хронология. Мы располагаем небольшим количеством комплексных трудов по плейстоцену. Лучший, но достаточно специфический — «*Великая ледниковая эпоха*» Джейки. Частных монографий существует бесконечное множество, и их разбор предоставил мне значительное количество почвенных разрезов, большую часть которых трудно как-то связать воедино. Первую трудность представляет терминология. В каждой монографии, и я бы не мог похвалить за это авторов, первым оледенением называют то, которое оставило самые древние следы в данном регионе. Поэтому получается, что первое оледенение Шотландии соответствует второму в Швеции. Точно так же четвертое оледенение Шотландии, Черного Леса и Швейцарии, по-видимому, не имеет никаких аналогов у нас. В то же время во время Великого оледенения в Шотландии есть видимые осцилляции, так как слои с включенными растениями доказывают, что в этом регионе,

защищенном Гольфстримом, жизнь подстерегала свой шанс и отвоевывала жизненное пространство при каждом временном отступлении ледяного купола.

С другой стороны, оледенения не обладают ни единым центром, ни одинаковой площадью. В результате получается крайне неравномерное наложение слоев друг на друга. В некоторых пунктах проявляются одна или две фазы простого похолодания без установления ледников, в других — наличие четырежды или пятикратно повторенных пришествий толстого слоя льда. Впрочем, в этом плане геология плейстоцена аналогична геологии предшествующих времен. Все эпохи указывают нам на морские отложения, в данном случае отсутствующие, тогда как в других местах они были мощные, с глубоководными фациями в одном месте, прибрежными или фациями эстуария — в другом, озерными, флювиальными или чисто земными — в третьем. Труд по координации, установлению соподчиненности будет производиться аналогичным образом. Мы будем руководствоваться одновременно стратиграфией, палеонтологией, даже микрографической литологией, так как глины и гравий плейстоцена указывают на разный, в зависимости от эпохи, минералогический состав из-за различия горных пород в регионах, откуда каждый раз исходили потоки льда.

Обломки от промыслов человека в геологии плейстоцена являются новым ценным элементом детерминации. Впрочем, не стоит пытаться руководствоваться единственно доисторической археологией. В некоторых местах определенные виды орудий сохранились на более длительное время.

Учитывая эти объяснения, я собираюсь подытожить хронологию плейстоцена, взяв за основу деление Джейки, приведенное в его недавней работе (*Clasifcation of European glacial deposits*, Journal of Geology de Chicago, 1895).

Первое оледенение.

Скандинавский период, или нижний сицилийский

Геология. Сицилийские отложения в Калабрии, Сицилии, Пелопонесе. Отложения Чилсфорда (Норфолк). Гравий под слоями водяных улиток в Магдебурге. Скандинавское оледенение Швеции. Гляциальный гравий Моена, Мёккерна. Самые древние

моренные отложения в областях к востоку от Балтики. Флювиогляциальные формации Ганновера. Верхний деккеншоттер Швейцарии. Самые древние морены Канталь. Щебень Домба и Бресса.

Палеонтология. Уничтожение видов, характерных для плиоцена. Бореальная фауна в Северном море, Средней Европе. *Buccinum groenlandicum*, *Cyprina islandica*, *Trichotropis borealis* в Средиземноморье.

География. Частичное обрушение Евроамериканского материка. Северо-западные и западные очертания Европы простираются на запад дальше, чем сегодня. Массивы Канталь, Альпы, Пиренеи, по крайней мере, на тысячу метров выше над уровнем моря, чем сегодня. Восточное Средиземноморье по площади небольшое, имеет очертания крайне причудливые, сообщается с океаном посредством недавно образовавшегося Гибралтарского пролива и иногда с морским бассейном на юге Греции. Нет ни Адриатического, ни Эгейского морей. Озера с теплой водой и лагуны в области нынешнего Эгейского моря. Водотоки Сирии впадают в Нил, устье которого должно было находиться юго-восточнее и в некотором удалении от Крита. В области, где сейчас находится восточная часть Черного моря, было горько-соленое озеро, с северной стороны сообщающееся с протяженным Каспием, в который впадал Дунай. Этот водоток был отделен от озера горной цепью, соединяющей Балканы с Крымскими горами. Внушительное оледенение *Inlandsis* покрывает Балтику, Северную Германию и Шотландию. Огромные ледники на всех горных массивах, особенно на Центральном плато Франции, где оледенение было еще более впечатляющим, чем во времена Великого оледенения.

Климатология. Период похолодания. Интенсивные дожди и снегопады.

Первое межледниковье. Норфолк

Геология. Сен-Престьен во Франции. Отложения Дюрфора. Верхние слои долины Арно. Пласты с *Paludina diluviana* в Магдебурге. Глины и мергель с водными улитками в Берлине. Образование теплых вод Флеминга.

Палеонтология. Фауна составлена видами, выжившими с плиоцена, без новых элементов. Доминирующий слон: *meridionalis*. Доминирующий носорог — *Merckii*.

География. На северо-западе период поднятия. Рейн продолжает питаться водами Роны через долину Аар, но течет на север и намерен излиться на северо-восток Шотландии.

Климатология. Эпоха более теплая, по крайней мере зимой, чем современная, дождливая и влажная.

Второе, или Великое, оледенение. Саксон

Геология. Древние блуждающие валуны Северной Европы. Нижний Баулдер-Клэй Англии и Германии. Мозен Бельгии. Флювиогляциальные пески Средней Европы. Свежий Деккеншоттер Швейцарии. Нижняя морена Черного Леса, Карпат, Кавказа и Пиренеев. Вероятно, сюда же следует отнести нордический конгломерат Клинге. *Kansan formation* Северной Америки.

Палеонтология. Бореальные раковины Англии. Фауна — *Elephas primigenius trogontherii*.

География. Очертания Атлантики более или менее схожи с современными. Частичное погружение северной части Великобритании вплоть до современной высоты, составляющей 200 м над уровнем моря. Оседание Скандинавии. Устойчивость перешейка Па-де-Кале. Природа создает альпийские озера, Женевское озеро, воссоединяет Рону с Сонной. В Средиземноморье и Восточной Европе изменений мало. Центр оледенения — в Скандинавии.

Граница ледяного купола проходит через Бристоль, Дувр, Анвер, Магдебург, Лейпциг, Бреслау, Ламберг, намного южнее Перми, через Киев и поднимается наискосок к истокам Печоры, чтобы вновь опуститься в Сибири и следовать по 53-й параллели. Лопасты ледника в Бретани, в Котантэне. Ледники покрывают Швейцарию. Ледники Карпат, Кавказа, Вогезов, Центрального плато, Пиренеев, Сьерра-Невады и т. д.

Климатология. Период необычайно холодный, с обильными осадками; арктический климат, последствием чего является уничтожение предыдущих видов на огромной площади.

Второе межледниковье. Гельвеций Джейки, за которым предпочтительнее сохранить название Шельен, или шельенский период

Геология. Межледниковый гравий Зундерланда, Риксдорфа, межледниковые известняки Скандинавии и Магдебурга, гравий с теплолюбивой фауной Шелля и Аббевилля, нижний пласт

М. Ладриер, травертины Веймара, слой Таубаха, буроугольные пласты Дюрнтена и т. д., нижний торф Клинге и Лауэнбурга. В Америке *Aftonien*, торфы Афтона, Айова.

Палеонтология. Доминирующий слон — *antiquus*. Самые распространенные представители фауны — *Rhinoceros Merckii*, *Hippopotamus amphibious*, а в Средиземноморье — *Pentlandi*, *Trogontherium cuvierii*, *Equus*, а также *Ursus spelaeus*, *Leo spelaeus*, *Hyaena spelaea*. Малакологическая фауна восточного типа в Центральной Европе и на востоке Франции. Тепловодная фауна *Corbicula*. Тепловодная фауна *Paradoxocarpus carinatus* и *Cratopleura halsatica*. Наземная флора *Laurus canariensis* Селля.

География. Распространение суши на запад. Ла-Манша нет. Смычка с Северной Америкой в достаточно высоких широтах. Вероятно, эпоха миграций *Elephas primigenius* и других видов холодолюбивой фауны, загнанных в ту пору на далекий север: *Tarantus rangifer*, *Alces*, *Cervus Canadensis*, *Ursus ferox*, *Lupus*, норка, бобр и т. д.

Климатология. Зимы очень мягкие, дождливо, средняя температура выше, чем сегодня.

Третье оледенение. Поладний

Геология. Верхние блуждающие валуны севера Германии и Польши, верхний *Boulder-Clay* Англии и Германии. Завершающие морены Балтики. 850-метровая морена Черного Леса, высокие террасы Швейцарии, внутренние морены Пиренеев. Гравий блуждающих глыб Аббевилля. Мустье Шелля. Средний гравий М. Ладриер. В Америке — *формация Айовы*.

Палеонтология. Бореальные ракушки в Англии. Доминирующий *Elephas* — *primigenius*. Доминирующий медведь — *spelaeus*.

География. Центр оледенения восточнее, чем во время второго оледенения. Пологое надвигание (шарьяж) материала из Финляндии. Меньшее распространение ледяного купола, главным образом на востоке, где гляциальная поверхность не доходила до Волыни и поднималась прямо к Белому морю, оставляя между собой и Каспием, который тогда еще покрывал некоторую часть Южной России, значительное расстояние.

Климатология. Тоже влажный период, но средняя температура низкая, много снега. Разрушительное влияние не заходит столь далеко, как в период Саксона.

Третье межледниковье. Нойдекк

Геология. Надгляциальный гравий Нойдекка. Древний лёс. Верхний торф Клинге. Верхний Мустьер Шелля. Ил разных фаций, растрескавшийся в М. Ладриер. Хесбайен Бельгии и Фландрии. В Америке — *формация Торонто*.

Палеонтология. Фауна — *Elephas primigenius*, *Rhinoceros tichorhinus*, *Ursus spelaeus*. Лошадь уже многочисленна, северный олень, правда, всегда малочислен. *Megaceros Ruffii*, *Hyaena spelaea*, *Leo spelaeus*.

География. Возможно, только лишь с этой эпохи благодаря восстановлению связи с Северной Америкой стал происходить обмен фауной. Вероятно, сообщение происходило на более низкой широте, чем Фареры.

Климатология. Эпоха холодная и сухая, климат континентальный, за исключением всего океанического побережья Европы и евро-американских земель. Продолжительность, скорее всего, короткая, в Северной Европе тепла мало. На самом деле, это просто период оттепели в третьем ледниковье, прерванный началом четвертого ледниковья, обошедшийся без установления теплого режима, откуда и идет преимущество фауны и речных отложений вплоть до четвертого межледниковья.

Четвертое оледенение. Мекленбург

Геология. Верхнее балтийское оледенение Мекленбурга. Четвертый ледниковый пласт в Шотландии. Глина *Betula nana* в Хоксне. Реннские отложения Рабенштайна. Гравий и нижний слой грызунов Швайцербильда, верхний гравий М. Ладриер. 90-метровая морена Черного Леса. Средняя терраса Брайсгау. Морена над верхней террасой Швейцарии и Деккеншоттера. Скудный пласт Брассампуи. В Америке — *формация Висконсин*.

Палеонтология. Сложная. Фауна тундры в Центральной Европе и на некоторой части Франции — *Myodes torquatus*, *Lepus glacialis*, *Arvicola nivalis*, *Vulpes lagopus* и т. д. Далее к югу продолжение предыдущей фауны, с добавлением нескольких бореальных видов. *Lagopus vulgaris* в средиземноморском регионе, сова-белянка в Пиренеях и на островах Средиземного моря, *Cyprina islandica*, *Chlamys islandica* в Средиземноморье и Гасконском заливе.

География. Мало изменилась.

Климатология. Климат в Шаффхаузе (70° северной широты), вплоть до Средиземного моря, — бореальный, в Гасконском заливе — более мягкий.

Четвертое межледниковье. Нижний Форест по Гейки. Конец Мустьера, Солютр и Магдален Мортилье, Папаль и Гурдан Пьетта

Геология. Желтый пласт с северным оленем Швайцербильда. Пласт с лошастью Маас д'Азиль (на правом берегу), слои А и Е — на левом. Брассампуи; Гурдан; Нижний Кьёккенмеддинг Обана. Лёсс террас и морен Швейцарии. Верхний лёсс Германии. Эржерон Франции и Бельгии. Пласты с *Yoldia* Балтики, с флорой тундры.

Палеонтология. В Германии и других областях с тем же климатом, что в ней, — степная фауна сайги, сурка, хомяка и т. д., следующая, в свою очередь, фауне мамонта, лошади и северного оленя, *Ursus spelaeus* и *ferox* и т. д. Постепенно вымирают слон, носорог, крупные медведи. Наконец, начинает преобладать лошадь, затем олени, в частности северный. Причем, северный олень сохраняется вплоть до конца периода и в течение последующих до Средневековья, наряду с *Ursus arctos* и росوماхой. Во Франции и в Южной Европе сохраняется фауна *Elephas primigenius*, *Ursus spelaeus* и *ferox*, быстро сокращающаяся из-за натиска слона, носорога и крупных хищников. Затем — преобладание северного оленя и лошади, северный олень сначала уступает лошади по численности, затем это соотношение изменяется в обратную сторону, а затем, в самом конце периода, он уступает место самому характерному виду *Cervus elaphus*. Лев обыкновенный, пантера, бурый медведь, как хищники, заменяют виды, некогда доминировавшие.

География. Оседание южной части Эгейского региона, значительные денивелляции в средней части Средиземноморья, отделение Корсики, Сардинии, Сицилии, Балеарских островов.

Климатология. Климат холодный, с долины среднего Рейна почти бореальный. Период сухой, к концу влажный.

Пятое оледенение. Нижний Тёрбар Джейки

Геология. Верхний пласт степных грызунов Швайцербильда, пласт морского гравия Обана, ил Е Маас д'Азиль. Низкая терраса Швейцарии. Морена Казо (Арьеж). 1250-метровая морена в Черном Лесе (Ванне, Зайбенлехтенмоос, Шварценбах, Эшенмоос, Хайтермоос и т. д.). Нижние торфяники Великобритании. Пласты субарктической флоры Скандинавии.

Палеонтология. Степная фауна Германии. Холодолюбивая фауна во Франции, но без новых видов, так как крупные млекопитающие древней холодолюбивой фауны в этой стране вымерли, а северный олень стал редким.

География. Оседание скандинавского региона. Балтика сообщается с Белым морем через низменность с озерами в России и с Атлантикой через такую же озерную низменность в Скандинавии. Скандинавия пока сомкнута с Данией. Ледники в горах и на севере Европы, но за пределами бореальных областей ледяного покрова нет. Образование Па-де-Кале посредством инвазии моря в древнее русло реки.

Климатология. Период очень влажный, но, по-видимому, в океанских просторах он не был слишком холодным. Торфяники эпохи сосен в Дании, кажется, датируются этим периодом. Длительность очень короткая. Согласно наблюдениям М. Пьетта в Маас д'Азиль, пласты, наспигованные илом, соответствующим той эпохе, показывают лишь несколько сотен паводков. Неизвестно ничего о периодичности тех паводков, но пятое оледенение, если позволительно его так называть, в Арьеже длилось совсем недолго. Возможно, оно было более длительным на севере, так как теплые периоды в течение всей фазы роста еще продолжают на юге, чтобы возобновиться вскоре после максимума холодов.

Пятое межледниковье. Азиль Пьетта. Верхний Форест Джейки

Геология. Пласты цветной гальки и плоских гарпунов Сен-Мартори, Монфор, Маас д'Азиль, верхние кьёккенмеддинги Обана (Шотландия) и т. д. Пласты бореальной флоры Блитта. Балтийские пласты озера Анцилус и кьёккенмеддингов.

Палеонтология. Фауна, характеризующаяся изобилием оленей, — *Cervus elaphus* L., *capreolus* L., *canadensis* L., *maral* и другие виды, а также *Alces palmatus*, *Megaceros hibernicus*.

География. Значительное поднятие скандинавского массива. Появление Северного моря: Балтика — озеро с теплой водой, со всех сторон закрытое (*Ancylus See*). Вероятно, эпоха образования Черного моря и Босфорского разрыва. Оседание по частям области Эгейского моря. Поднятие недавних пластов в таких регионах, как Сицилия, Калабрия, Пелопоннес и Дарданеллы, на несколько сотен метров. Подвижки продолжаются в течение следующего периода.

Климатология. Температура немного выше, чем сегодня, по крайней мере зимы менее холодные.

Археология. Мезолит. Неолит. Энеолит.

Шестое оледенение. Верхний Тёрбар Джейки. Кокильер Пьетта

Геология. Верхний торф Англии. Завершающие морены Шотландии. Пласты с литторинами в Скандинавии.

Палеонтология. Преобладание *Megaceros*.

География. Постепенное оседание англо-скандинавского региона. Формация Зунда и Бельтов. Ледники в Шотландии, Скандинавии и Швейцарии, последнее наступление ледников. Черный Лес, ледники с 1250-метровой мореной: Мантельхальде, Цастлер Виеххютте, Бальденвегер Виеххютте, Хиршсбаден, Кригсбах.

Климатология. Период умеренного климата, холодный на севере, дождливый и снежный. Малая продолжительность.

Археология. Часть энеолита. Датируется, вероятно, 3000 г. до н. э.

Современная эпоха

Геология. Современные почвы: черноземы России, пески Сахары.

Палеонтология. Современные виды плюс уничтоженные недавно человеком.

География. Последние оседания в Эгейском море и Адриатике. Постепенное отступление Каспия. Новые слабые колебания Земли в балтийской области (эпоха *Limnées*, следовавшая

за периодом *Муа*). Постепенное формирование береговых очертаний Северного моря¹.

Специализация данных. Эти обобщенные данные по плейстоцену позволят нам понять, каковы особые условия, сопровождающие эту эпоху в различных регионах, где были попытки поместить арийскую прародину. Таких регионов всего три, или, точнее говоря, они образуют три группы:

- 1) север Африки;
- 2) юг России и Бактриана;
- 3) регион Балтики и Северного моря.

Я начну с изучения Северной Африки, где Бринтон хотел, совершенно ошибочно, как мне кажется, разыскать эволюционный центр долихоблонда. Изучение климатических условий в этом регионе в плейстоцене никак не станет для нас потерей времени. Пусть совершенно невероятно, что *H. Europæus* совершил свою эволюцию на севере Африки, но вполне возможно, что раса, являющаяся его прародительницей, в плейстоцене занимала эту область. Сам *H. Europæus* появился в Африке с давних пор. Самый древний сюжет, связанный с долихоблондом, с которым мы были знакомы не только по костным останкам, но также по волосам, был найден в туземном акрополе Эль-Амра, по времени совпадающим с образованием Кеми в Египте. Стало быть, его датировка — примерно V тысячелетие до н. э. Наконец то, что мы увидим в климатическом режиме Северной Африки в эпоху плейстоцена, послужит нам изучить перипетии на северо-западе Европы, происходящие в то же самое время.

---

¹ Продолжается чередование дождливых и сухих периодов, все более слабо выраженных и максимально сближенных. Пласты со дна долины Вилен близ Ренна предоставили Лебесконтю и Безье разрезы, сопоставимые с разрезами Ладриер, но они лежат поверх гравия, трансформировавшегося в неолитический кремль, вероятно шестого оледенения. Такие пласты помогли нам узнать о существовании двух новых оледенений второго порядка — в начале и в конце Средневековья, которые, по-видимому, соответствуют таким же в пластах эстуария Эско. См.: *Стратиграфическое описание четвертичных почв и современного аллювия Ренна*. (Bull. De la Soc. Sc. Et med. de l'Ouest, 1897, VI, 221–235). Идентификация со слоями Ладриер дает отрицательный результат по археологическому содержанию, но аналогия любопытна, и неоднократно пласты, подобные пластам Ладриер, отмеченные в большинстве пунктов, наиболее вероятно, являются современными слоям Ренна.

Север Африки. Плейстоцен севера Африки гораздо меньше изучен, чем в Европе. Немногочисленные исследователи занялись этим вопросом совсем недавно. Их методы исследований по точности бесконечно далеки от методов немецких и шведских геологов. Пласты плейстоцена явно присутствуют в Марокко и Алжире, покров временного аллювия к югу от Атласа достигает значительных размеров, но чередований теплых и холодных периодов почти не обнаружено, холодолюбивая фауна отсутствует, а труднее всего сориентироваться в стратиграфии.

Еще одним тонким вопросом является классификация отложений, соответствующих начальным временам плейстоцена. Долины между Атласом и Средиземным морем завалены всевозможными, бурно перемешавшимися продуктами осадкообразования, формировавшимися в своих нижних участках из толстых пластов сглаженного в процессе выветривания щебня, перекрытых серо-желтоватым илом. Эти слои напластовываются явственно на верхний плиоцен. Фауна этой эпохи включает в себя *Elephas meridionalis*, *Equus Stenonis*, связанных с местными формами: *Cynocephalus atlanticus*, *Antilope Tournoueri*, *Gaudryi*, *dorcas*, *Bos antiquus*, с носорогами и ископаемыми лошадьми (гиппарионами). Эти последние после плиоцена в Европе не встречаются. Не соответствует ли данный тип фауны, характерный для отложений ила, эпохе Сен-Преста? Было бы проблематично утверждать это. Слои щебня, говорящие о наличии бурных водотоков, — соответствуют ли они первому или второму оледенению? Вероятно, сразу обоим, так как стратификация указывает на несколько эпох, когда были распространены временные водотоки. На южных склонах Атласа похожие отложения покрывают всю Северную Сахару. Они заканчиваются слиянием с территориями, покрытыми галькой и илом, спустившимися с Центрального плато Сахары. Эта система формаций образует континентальные фации сахарского яруса, но, вероятно, что позднее придется ее разобрать на серию периодов и различных отложений. Если следовать вдоль великих каменистых возвышенностей Сахары, то видно, что аккумуляция осадков не является работой только одного периода проливных дождей. Повсюду видны многочисленные слои гальки, разделенные таким же количеством слоев ила. М. Фишер различает четыре серии,

соответствующие, вероятно, четырем первым оледенениям. Вот почему лучше, подобно Помелю, касательно субатлантических почв использовать термин «провизорный».

Эти пласты почти везде перекрыты известковым панцирем, который, по-видимому, своим происхождением обязан испарению теллурических вод, восходящих по капиллярам сквозь слои песка и щебня и цементирующих поверхностный слой отложения известковых солей, содержащихся в растворе. Эпоху образования этого панциря можно рассматривать как очень сухой период. Наличие пышной лесной флоры в травертинах той же эпохи доказывает, что если этот период был сухим, он не содержал одновременно пустынных фаций наших дней¹. Другими словами, за дождливым периодом следовал период засухи, но не полной суши, почти соответствующего шельенскому периоду.

В прибрежной полосе в Марокко, Алжире, Тунисе мы находим обрывки морских отложений, ныне поднятых на 20-метровую высоту, наложенных на субатлантические конгломераты, а иногда даже на известковый щит континентальных отложений. Такие обрывки встречаются разве что в некоторых пунктах, так как в других местах древний берег исчез, но их наличие на обоих берегах Гибралтарского пролива доказывает, что последний существовал уже тогда. М. Помель рассматривает их как свидетелей оседаний, соответствовавших ледниковым периодам. Интересно, на мой взгляд, появление 20-метрового кордона, доминировавшего во всех пунктах, оставшихся от древнего берега Средиземного моря. Он возник благодаря тому, что море, подпитываемое большим количеством впадающих в него рек, в пять раз меньшее по размеру, поставляющее в атмосферу гораздо меньше испаренной влаги, с тем же уровнем, что сейчас, в дождливые периоды поднимало свой уровень из-за избытка вод, которые с трудом прорывались через Гибралтарский пролив.

Все эти формации, в целом, запаздывают по отношению к первым двум Великим оледенениям, а, возможно, также — к третьему, а в некоторых пунктах — и к четвертому. В не-

---

¹ Лавр канарский (*Laurus canariensis*) соответствует шельенской флоре Селля Монтиньи близ Вернона и Мейрарга. В частности, мы находим ее в Тлемее. Климатические условия, в которых она развилась, во Франции и Алжире не могли слишком отличаться.

которых областях щит еще продолжает формироваться. Фауна морских отложений, скорее, теплолюбивая и соответствует сахарским отложениям Сицилии и Калабрии. Она характеризуется *Strombus mediterraneus*, ныне вымершим, *Nassa gibbosula* и т. д. Наземная фауна отличается от той, которая была характерна для предшествующей эпохи. Здесь встречается слон среднего размера *E. Iolensis* P. и крупный слон, отличный от *meridionalis*, являющийся собратом *antiquus*, — *E. Atlanticus* P. Этот последний чаще встречается в песчаных и илистых отложениях, наложенных на щит выпотевания, составляющих геологический горизонт, соответствующий эпохе мамонта и северного оленя. В песчаном карьере Тернифин наряду с *E. Atlanticus* P. встречается карликовый слоник, родственник обитающим на Мальте, *Rhinoceros mauritanus* P., *Camelus Thomasii* P. — все это особые виды и, сверх того, *Hyaena spelaea*. Эта стоянка датирована многочисленными палеолитическими кремнями ашэльского и мустьерского типов, смешанных, как и в Египте, с относительно недавними формами. Наличие гиппопотама в регионе, ныне совершенно лишенном рек, является признаком плювиального режима той эпохи. Он встречается в изобилии, представленный многими видами: *H. Hipponensis*, *Sirensis*, *Icosiensis* P. Крупная фауна эпохи включала в себя помимо *Rhinoceros mauritanicus* два или три других вида, самый известный из которых *Atelodus subinermis* P. К этим крупным видам нужно добавить два или три вымерших вида лошади и зебры, множество антилоп, а также бородавочников.

В свежих аллювиальных отложениях четвертого межледникового эти виды постепенно исчезают. Они вымирают примерно в то же время, что у нас — фауна северного оленя. Их сменяет новая фауна, характеризующаяся *E. Africanus*, *Bubalus antiquus* P., *Antilope bubalis*, *Bos primigenius Mauritanicus*, верблюдом, схожим с дромадэром (одногогорбым верблюдом), бородатой лошастью и африканским ослом. Данная фауна почти та же, что сегодня, за исключением двух-трех вымерших видов, вроде *Bubalus antiquus*, или местами уничтоженных, как африканский слон. В отложениях эта фауна соседствует с осколками кустарной деятельности человека, соответствующей концу палеолита и началу неолита.

Только после этой эпохи начинается режим засухи — тот, максимальное развитие которого мы наблюдаем в наши дни¹. Под воздействием засухи аллювиальные отложения, когда-то перетертые ледниками Атласа и Ахаггара и широко распространившиеся по Сахаре паводками, вызываемыми проливными дождями, иссыкают в песках повсюду, где они не защищены щитом выпотевания и образуют обширные дюны, которые долгое время рассматривались как следы внутреннего моря. Эти дюны довольно древние, они возникли 5–4 тыс. лет назад, так что на их поверхности встречаются неолитические предметы.

Итак, Северная Сахара всего только несколько тысяч лет назад перестала быть обширным девственным лесом, орошаемым обильными дождями, вроде тех, что в экваториальной Африке, но с постоянной, умеренной температурой воздуха. Лихорадочные проявления начала плейстоцена происходили, вероятно, благодаря еще более влажному режиму, но, главным образом, большей высоте Атласских гор и массивов Центральной Сахары, которые являлись огромными конденсаторами влаги и своими снегами питали громадные ледники. Во времена *E. Atlanticus* и *E. Africanus* менее экстремальная влажность была в то же время весьма высокой, и переход от влажного режима к сухому, по-видимому, произошел в одно мгновение, из-за внезапного изменения траекторий грозовых облаков.

Эти кажущиеся странными феномены легко объяснить. Они находятся в тесной зависимости от колебаний уровня в районе Флориды, Больших Антильских островов и Багам. Представьте себе, что Флоридский пролив перекрыт. Протекающий через этот пролив Гольфстрим, обогревающий ныне северную Атлантику, был бы вынужден взять курс прямо на восток, огибая с юга Гаити и Пуэрто-Рико, проходя насквозь Малые Антильские острова и

---

¹ Внезапное прекращение обильных дождей все же не полностью предопределило гибель Сахары. Растительность, все более чахлая и малочисленная, долгое время теплилась в низинах, высасывая теллурические воды. Если бы в ход пошли, как того хотят некоторые инженеры, те немногие запасы ископаемых вод, пока наличествующих, то незамедлительно исчезли бы оазисы, возникшие благодаря этим водам, а также необходимые путникам скважины вскоре оказались бы исчерпаны. Чтобы не задуть прежде срока остатки животной и растительной жизни в пустынном регионе, не следовало слишком усердствовать в развитии артезианских скважин.

юг Ангуилы и Сен-Кристофа, чтобы затем упереться в побережье Марокко, увлекая за собой и тесня Северо-экваториальное течение. При таком положении вещей громадная площадь теплых испарений, которая сейчас изливается дождями на Северную Атлантику и северо-запад Европы, превратила бы Испанию и север Африки в область с постоянной температурой, теплую и сильно увлажняемую, в чем-то схожую с бассейном Амазонки и чуть менее жаркую¹.

И это вовсе не гипотеза, это отражение реальности. Маленькие острова Багамского архипелага, Большие Антиллы и острова, которые являются их продолжением на восток, Ангуила например, поставляют остаточную фауну крупных млекопитающих, вымерших в плейстоцене. Эти земли, ныне раздробленные до бесконечности грабенами и оседаниями, составляли единое целое с Флоридой и являлись продолжением Североамериканского континента. В тот период Гольфстрим просто возобновил свое старое течение, имевшее место в третичный период — то, которое было в эпоху многоярусности Средиземноморья, когда он вращался по кругу в замкнутом бассейне, без сомнения запуская свой рукав в восточное Средиземноморье.

В таких условиях совершенно понятно очевидное климатическое своеобразие плейстоцена. Англия, Франция, Германия пребывают в совершенно аномальном климатическом состоянии, которое их широта ничуть не предполагает. Эти районы находятся на той же параллели, что Сибирь, Лабрадор, Канада. Гольфстрим является уникальной причиной полуморского климата современной Северо-Западной Европы, чрезвычайно влажного и без крайних колебаний².

---

¹ И вновь можно только подивиться фантазии автора, которую опять же можно списать на уровень развития естественных наук того времени. Ведь поверхностные океанические течения, к каковым принадлежит и Гольфстрим, повторяют картину общей циркуляции атмосферы, то есть подчиняются господствующим ветрам, и картина, обрисованная Лапужем, не смогла бы реализоваться. — *Прим. перев.*

² Не стоит пытаться тем же самым образом объяснить ни предыдущие теплые периоды, ни климат третичного периода. В третичный период Гольфстрим не мог влиять на климат Северо-Западной Европы, так как там, где ныне находится Северная Атлантика, были фрагменты суши, связывавшие Европу с Америкой. Высокая температура в этих высоких широтах могла быть обеспечена только большим объемом солнечной радиации. Лучи

Климат этих регионов в эпоху северного оленя был в точности таким, каким он должен быть на такой широте. Северный олень и сопутствующая ему фауна все еще сохраняются в Канаде, на Лабрадоре и в Сибири. Северная Африка, ныне сжигаемая солнцем, была, в свою очередь, оживляема испарениями Гольфстрима, покрыта пышной растительностью и снабжена водотоками, одни из которых, как Ихархар, несли в Средиземное море объем воды, превышающий тот же у Роны, а другие заполняли обширные русла, ныне высохшие, бороздящие Сахару от Атласа до Нигера.

Чтобы воссоздать такое положение вещей, было бы достаточно построить запруды Кей-Вест у Гаваны. Пятое оледенение, вероятно, соответствует эпохе, когда естественная плотина была затоплена, и огромные массы испарений внезапно устремились в наши области. Так как температура была низкой, эти испарения породили огромное количество снега, откуда некоторое усиление ледников, закончившееся вскоре по причине установления равновесия между водяным паром в атмосфере и понемногу разогреваемой мягким дождливым климатом земной поверхностью.

Не стану подробно разбирать географические изменения, резко проявившиеся в плейстоцене. Различные слои этой эпохи в Алжире, Тунисе и Марокко испытали огромное множество локальных поднятий и опусканий. Заимствую точный эпитет из лексики лесорубов — «каждый регион работал», и эта работа производилась неравномерно во все времена и более или

солнца, касательно падающие на земные полюса, были сходящимися, тогда как сейчас они являются расходящимися. (Книга написана в XIX в., когда ученым были неизвестны точные расстояния между планетами и размеры их диаметров. Лучи никогда не были расходящимися, солнечные лучи были и остаются сходящимися, и этот факт совершенно не влияет на нагрев поверхности. — Прим. ред.) Любые смещения полюса, не противоречащие небесной механике, а также сплющивание Земли не могут объяснить наличие в третичных отложениях Гренландии и Шпицбергена на широте более 81° теплолюбивой флоры *Taxodium distichum* — мексиканской формы. В этих регионах полярная ночь длится три, четыре или пять месяцев. Даже предполагая постоянную температуру, эти растения не выжили бы в месте, где солнце треть всего времени остается под горизонтом. Даже смещение полюса на 20 или 30° не смогло бы объяснить их наличие. (В действительности смещения полюсов были значительно большими. — Прим. ред.)

Изотермы с тех пор спустились и будут спускаться и впредь к экватору. Приближается смерть из-за охлаждения.

менее повсюду. В результате этого отдельные слои теплой воды оказываются на уровнях, отличных от тех, где они сформировались, и стратификация аллювиальных отложений разного времени происхождения часто оказывается несогласной¹, даже за пределами выклинивания. Со стороны моря поднятые следы отмелей указывают на более высокий топографический уровень территории в целом. Все эти изменения, которые в некоторых пунктах изменили облик земли или течение вод, в целом не имели особой важности.

По-другому обстоит дело с этим в случае явлений, произошедших в областях, ныне затопленных, в направлении Италии. Нам известно, что на Сицилии и в Калабрии морские слои плейстоцена, сицилийские и сахарские, сегодня подняты на высоту нескольких сотен метров. Эти поднятия являются частными случаями качельных движений, связанных с системой внушительных грабен. Во время нижнего и среднего плейстоцена весь регион, вплоть до Корсики и Тосканы, был ареной движений различного спектра: одни — медленные, другие — внезапные. Корсика была связана с Тосканой, и глубина моря между Корсикой и островом Капри, между островом Капри и островом Эльба все еще не превышает 300 м. Разделение было вызвано тирренским грабеном, который постепенно переходил в корсиканский канал. Корсика также связывалась с Сардинией и, возможно, через нее с Южной Италией. Сицилия, наоборот, была в значительной мере связана с Африкой. Наличие *E. meridionalis* и прочих видов в Европе доказывает, что временами коммуникации между двумя главными средиземноморскими бассейнами полностью прерывались. Отсутствие карликовых слонов на европейском континенте и на двух больших островах — Корсике и Сардинии, наоборот, свидетельствует о том, что эти виды, следы которых встречаются в Барбарии, Пантелларии, на Мальте и Сицилии, не смогли найти проход через Мессинский пролив. Эти различные пути сообщения, по всей видимости, прерывались в начале четвертого межледникового, а географические изменения, вероятно, на современном уровне научных знаний, относились к небольшим регионам.

---

¹ Геологический термин. — *Прим. перев.*

Протяженность Тирренского грабена была равна трем Сицилиям, и он уже в значительной части оказался покрыт водой. Но 30% его поверхности погружалась в воду и становилась еще глубже. Глубина впадины грабена — 3731 м на северо-западе и 3639 м — на юго-востоке. Ионический грабен, борта которого срезают современные берега Сицилии и Калабрии, еще более глубокий и столь же обрывистый, как мыс Пассера. На протяжении 40 км глубины стремительно возрастают со 100 до 3600 м, тангенс равен 10 см глубины на 1 м продвижения.

Таковы все возможные изменения, происходившие в плейстоцене по северо-западу Африки. Условия в данном регионе в конце этой эпохи и вплоть до установления пустынного режима ни в коей мере не подошли бы для трансформации какой-нибудь долихоцефальной брнетической расы в *H. Europæus*. Влажность однозначно была недостаточной, а свет был в избытке. Если мы предполагаем, что на Барбарю была наброшена вуаль густых туманов, то в Африке, наоборот, было жгучее, высоко расположенное над горизонтом солнце. Среда не способствовала нигресценции, и белокурая раса могла бы здесь сохраниться, но совершенно невероятно, что она могла здесь образоваться. У меня будет случай вернуться к оценке этих условий при изучении филогенетического происхождения ариев и при перечислении завоеваний белой расы в Северной Африке в глубокой древности.

Русско-Каспийский регион. Весь этот регион в плейстоцене и почти до наших дней имел облик, совершенно отличный от привычного нам. Зато понто-каспийская палеогеография и палеогеография исчезнувшей эгейской территории тесно взаимосвязаны.

В течение третичного периода область, ныне покрытая архипелагом, составляла единое целое с Малой Азией и Турцией — Эгейское плато. Западнее — там, где сейчас Альпы, — располагались морские проливы, посредством которых Средиземное море сообщалось с обширными заливами на территории нынешних Австро-Венгрии и России. Эгейское плато, имевшее, вероятно, немалую высоту, продолжало существовать почти на всем протяжении плейстоцена. Резервуары соленой воды, расположенные

севернее, уже перестали сообщаться со Средиземным морем, и так продолжалось до тех пор, когда Эгейское плато обрушилось и возникли проливы Босфор и Дарданеллы.

Таким образом, следует различать две фазы в плейстоценовой истории Русско-Каспийского региона: предшествующая эгейскому грабену (длилась почти весь плейстоцен) и последующая за ней. В таком порядке я собираюсь выяснить три вопроса: древнее состояние региона, эгейский грабен, недавнее состояние региона.

В течение всего первого периода регион Черного моря составлял приподнятое плато, простиравшееся от Малой Азии и Кавказа до Крымских гор и территории, где ныне расположена Болгария. Между двумя этими пунктами простирается горная цепь, являющаяся продолжением Великих Балкан. Регион к северо-западу представляет низменность или, скорее, обширный эстуарий — место впадения Дуная в Азовское море, к северу от Крыма. На плато находилась система горько-соленых озер, некоторые из которых оставили небольшие отложения. Их воды впадают в Азовское море. Его размеры были гораздо больше, чем сейчас: на север оно простиралось до Донецкого плато, а на юг — до местности между Кубанью и Кавказскими горами. Длинный и обширный пролив, позаимствовавший свое название от города Ставрополя, связывал Азовское море с Каспием. Каспий, также выглядел совсем по-другому, он был более сужен в своей южной части, впоследствии увеличившейся благодаря грабену, но зато был в три раза обширнее в северной части. Его воды плескались у подножия северных склонов Кавказских гор, а берега проходили там, где ныне Нальчик и Владикавказ. На западе Каспий упирался в Ергенинскую возвышенность и возвышенности правого берега Волги. Реки Волга и Кама впадали в залив в его северо-западной части. Другой залив находился прямо рядом с Оренбургом. На восток Каспий простирался до плато Устюрт и получал воды Аральского моря, размеры которого были значительно больше современных, но оно не доходило, как полагали еще совсем недавно, до озера Балхаш. Последнее всегда было мелким, и его размеры сегодня значительно сократились.

К северу от этих областей северные моря иногда осуществляли значительные трансгрессии, покрывающие часть Север-

ной России и северо-запад Сибири, образуя обширные заливы, между которыми массив Уральских гор выдавался словно мыс. В периоды поднятий, наоборот, берег отходил далеко к северу и вклинивался в Новую Землю.

Добавим для завершения картины, что Кавказ и Урал были значительно более высокими, чем сейчас, так как эти горы стали поставщиками почти всего материала, который ныне покрывает юг России и области к востоку.

И вот в таком обрамлении разворачиваются локальные феномены нижнего и среднего плейстоцена. Об их различных фазах мы располагаем слишком малым количеством документов. Еще не найдены отложения с теплолюбивой фауной, соответствующие Сен-Престу и Шеллю. Во время Великого оледенения ледяной купол продвинулся настолько, что между ним и Азовским морем осталась полоса, ширина которой была менее 400 км. Урал, равно как и Кавказ, был центром внушительного оледенения. На Кавказе ледник продвинул морену до известковой тектонической гряды между реками Ардоном и Тереком. Эта морена высотой 3000 м сложена кристаллическими породами с высот Кавказа. А вот гряда на юге, лицом к Кавказу, представляет крутой склон очень большой высоты, у основания которого останавливались морены последующих оледенений. Морены же Великого оледенения были настолько мощными, что перекатывались через него.

Фауна данной эпохи была описана Черским. Она включает мамонта и шерстистого носорога, сайгака, до сих пор здесь обитающего, овцебыка, лошадь, однако не встречались пещерный медведь и северный олень. Многочисленный в Европе и Восточной Сибири северный олень в промежуточной области во все эпохи, вплоть до наших дней, по-видимому, был представлен очень скудно.

Верхняя фауна — благородный олень (вапити), косуля, — кажется, принадлежала концу плейстоцена. Лошадь распространилась с запада на восток, до Сибири, по-видимому, только в период окончания плейстоцена. В некоторых пещерах, например в Нижнеудинске в Сибири, обнаружили в зоне вечной мерзлоты, в слоях ила, всю фауну верхнего плейстоцена в абсолютно неразложившемся состоянии.

В целом, на протяжении среднего плейстоцена Понто-Арало-Каспийский регион пребывал в менее дилuviальном режиме, чем Восточная Европа. Он в меньшей степени был обделен солнцем, средняя температура зимы, без сомнения, была более холодной, чем в странах, расположенных западнее, а летняя температура — более теплой, более близкой к экстремальному режиму современной эпохи. Этим объясняется тот факт, что современная фауна почти аналогична ископаемой.

Возникновение на большом южно-евразийском перешейке Балканского полуострова, Эгейского моря, Малой Азии — результат деятельности нескольких грабенов, отделенных друг от друга относительно короткими временными интервалами. Фауна четвертого средиземноморского яруса, современная верхнему плиоцену, встречается в различных регионах Пелопоннеса, в слоях, ныне поднятых на высоту до 500 м над уровнем моря. Она встречается вплоть до Родоса, Мило и до острова Кос. Здесь пролегал крайний предел распространения средиземноморских заливов в этом направлении в начале плейстоцена. В северной части находились многочисленные тепловодные озера — от Боснии до Малой Азии, и на берегах Эгейского моря, на берегах его островов местами видны явственные разрезы с их отложениями — на разных высотах залегания. Эти разрезы демонстрируют нам, как происходили оседания — из-за обрушения сводов. Отделенные друг от друга части проваливались на несколько тысяч метров, а берега, наоборот, часто оказывались поднятыми выше своего первоначального уровня.

Эта работа была завершена совсем недавно, если вообще допустимо говорить о ее окончании. В Дарданеллах, Галлиполи¹, близ Салоников в морских отложениях, на десяток метров возвышающихся над уровнем моря, встречаются останки современной средиземноморской фауны. В Галлиполи в этих слоях нашли также кремневый резак, датируемый, таким образом, временем после открытия Дарданелл, но до понижения уровня вод.

Изучение отложений Ставропольского пролива дает нам новые подробности касательно времени, когда Босфор и Дарданеллы были открытыми. С севера и юга эти отложения граничат

---

¹ Ныне Гелиболу — город в Турции. — *Прим. ред.*

с черными землями, *черноземом*, образующимся благодаря разложению растительности великих степей плейстоцена и составляющим сельскохозяйственную ценность юга России. То есть пролив оставался открытым вплоть до почти полного формирования этого слоя. С другой стороны, морские отложения пролива содержат огромное количество спустившихся с Кавказского хребта блуждающих глыб, буквально «упакованных» в лед в течение гляциальных эпох. Однако на поверхности нет ни одной такой глыбы. В любом случае пролив существовал после четвертого ледниковья, четвертого межледниковья и, возможно, после пятого.

После открытия Босфора и Дарданелл и завершения формирования Черного моря Каспий, уровень которого был, по крайней мере, на 30 м выше современного уровня Средиземного моря, влил в него огромный объем воды. Следовательно, галлипольское отложение датируется этим периодом искусственного поднятия мелководья вверх. Система «Азовское море — Каспий — Аральское море» в течение очень непродолжительного периода являлась продолжением Средиземноморья. Оставленный без своего главного притока — Дуная, Каспий стал получать меньшее количество воды, которое уже не могло покрыть расходы на испарение и на только что упомянутый сток, поэтому он не замедлил сократиться в размерах — настолько, что однажды порог Ставропольского пролива оказался обнаженным. Уровень воды все более понижался, прекратилось сообщение с Аральским морем, которое стало обособленным, а Каспий постепенно приближался к современным размерам.

А сегодняшний день размеры Каспия окончательно не установлены. Уровень продолжает медленно падать. Геродот отводит Каспию протяженность в 15 дней перехода на веслах по параллели и только восемь дней — по меридиану. Следовательно, если данные Геродота соответствовали истине, он всегда сообщался с Аральским морем. Птолемей тоже дает ему 23° по долготе и 9° по широте. Эти сведения и в наши дни остаются почти точными, так как Каспий не потерял почти ничего в своих границах, за исключением подвижки к устью Урала.

Из всего этого мы можем сделать вывод об условиях жизни в Южной России и Туркестане в конце плейстоцена. Во время

четвертого межледниковья степной режим, длящийся и по сей день, уже существовал тогда, но был более мягким. Влажность, обусловленная наличием троекратно увеличенных по площади водных масс, площадь которых была, по крайней мере, в три раза больше, смягчала суровость зимы, жару и сухость лета. При таком более умеренном климате туркменская пустыня была гораздо менее аридной. По мере исчезновения вод установился современный режим, который будет со временем усугубляться.

В прошлом регион не дает нам ничего из необходимых условий, объясняющих трансформацию брюнетов в лимфатических блондинов. Бактриана и Памир, которые считались колыбелью ариев, еще дальше отстоят от этих необходимых условий. Первая получает лишь остатки влаги, достающейся Туркестану, второй был столь же малообитаем, как и в наши дни.

Северо-запад Европы. Изучение плейстоцена совершалось, в основном, согласно данным, поставленным из Франции, Германии, Скандинавии и с Британских островов, то есть с северо-запада Европы и соседних областей. Особое исследование по региону Северного моря и Балтики, которое мы собираемся предпринять, оказывается, таким образом, в значительной степени подготовленным; особо подробно нам останется рассмотреть лишь конец плейстоцена, являющийся к тому же единственной эпохой, представляющей для нас непосредственный интерес.

В конце плейстоцена в данном регионе оставался уже только один, сильно урезанный, морской бассейн. Он занимал южную часть современного Северного моря. Это был остаток того моря, которое оставило отложения Юры, Мела и третичного периода в парижском и лондонском бассейнах. Он немного выступает за современные границы Англии в районе Норфолка, а на континенте вторгается на территории современных Бельгии и Голландии. Севернее бассейн был меньше, не достигая ни Шотландии, ни Скандинавии. к северу он был замкнут. Вся область Шотландии, Фареров, была частью межконтинентальной суши, соединяющей Европу с Америкой, к тому времени уже сильно изломанной грабенами. Студеное море непосредственно от полюса распространялось, вероятно, до пространства между Норвегией и Фарерами. Впервые контуры Северного моря были обрисованы

смычкой этого студеного моря и бассейна, о котором я только что говорил. Эта смычка стала причиной появления на берегах Норфолка первой холодолюбивой морской фауны — Вейбурна и Чилсфорда. Так в регионе началось первое оледенение, но в Скандинавии в плиоцене уже были мощные ледники. Великолепные врезки фьордов были выдолблены в породе в плиоцене продолжительным воздействием мощных горных ледников. Глубина фьордов, иногда простирающаяся на более чем 600 м ниже уровня моря, доказывает, что это рытье предшествует современному состоянию. Весь массив между Шотландией и Норвегией претерпел со времен этого рытья вертикальное оседание от 1000 до 1500 м, соответствующее по времени, несомненно, первому оледенению и первой «редакции» Северного моря. Это понижение позволило морским водам осуществить трансгрессию на огромную равнину, ныне занятую Балтикой. Очертания последней, впрочем, совершенно отличны от тех, что были вначале, и устье располагалось в низменной области, отмеченной сейчас Скагерраком и цепью больших шведских озер.

В теплый период, который затем последовал — в эпоху *E. meridionalis*, — бесполезно напоминать, что он почти нигде, кроме юга Англии, не появлялся и в Швецию не проникал. Возможно, что фауна в Скандинавии и Шотландии в этот теплый период должна была быть промежуточной между холодолюбивой и теплолюбивой, присущей регионам Центральной и Восточной Европы. В эту эпоху Северное море чувствительно уменьшилось.

Второму, или Великому, оледенению предшествовал период оседания, который сделал Северное море больше современных размеров. В Шотландии затопленными оказались области на 100–120 м ниже нынешних высот. Во время шельенского межледниковья Северное море оказалось вновь значительно уменьшенным в размерах, затем — новое оседание во время третьего оледенения, когда оно покрывало равнины и долины Шотландии. На сегодня контрольная терраса вновь поднята на 30 м над уровнем моря. В Шотландии продолжались такие колебания, вторжение вод во время четвертого оледенения сформировало 25-метровую террасу и 10-метровую — во время пятого. В промежутке высыхание постигло почти все Северное море на данной широте по мере того, как его дно поднималось

из-за гляциальных обломков. На юге Англии колебания были менее заметными, еще менее — в Бельгии, и возможно, что во времена, когда район Севера почти весь выступал из-под воды, по соседству с бельгийским побережьем оставалась весьма протяженная водная поверхность.

В скандинавском направлении колебания, вероятно, были сильнее, чем в Шотландии, что и объясняет нам необычайные изменения в области, лежащей между этими двумя регионами. Затопленный в начале ледниковых периодов, покрытый льдами во время сильных второго и третьего оледенений, частично замерзший во время первого и четвертого, этот регион в периоды высыхания являл собой причудливую систему обширных лагун, топких трясин, мокрых песков, извилистых протоков — что-то вроде огромной Голландии, выставленной под все удары морской стихии, — и береговая линия которого пребывала в постоянном изменении. Хаос песков, ила и протоков устья Эльбы и Везера на карте дает некоторое представление о том, что должны были собой представлять эти обширные низинные участки суши (V. Habenick, *See-Atlas*, n° 13, Gotha, Perthes).

Изогипса глубины 100 м представляет почти идеальную линию, проходящую от шотландского Абердина до норвежского Ставангера. Она охватывает Шетландские, Оркнейские острова и всю систему Британских островов, и косой Бретань примыкает к юго-востоку Ирландии. В Северном море данная линия представляла собой почти край суши во времена великих поднятий, если абстрагироваться от местных поднятий-опусканий. Западнее грабены окончательно исказили рельеф суши, посредством которой между Европой и Америкой производился обмен видами в среднем плейстоцене. На дне плато Рокаль, ныне погруженном на глубину 180 м, можно обнаружить недавние прибрежные раковины, что подтверждает средневековые легенды о существовании суши в этом регионе во вполне современную эпоху¹.

---

¹ Островок Рокаль — это неприступный утес, расположенный в 420 км от Ирландии, что составляет треть расстояния между Европой и Америкой. Он сложен порфировым гранитом, именно от него получившем название *рокалит*. Этот утес возвышается над банкой из базальтовых утесов размерами 100 на 80 км, расположенной на глубине 180 м. Этот базальт, также как базальт Шетландских, Фарерских островов и т. д., по всей видимости,

Между Ирландией и Англией, по-видимому, всегда был узкий пролив, иногда перекрывающийся на самом севере Ирландии. *E. meridionalis* вполне мог там пройти. Его нашли в Ирландии. Значит, в отдельные периоды пролив в некоторых местах бывал осушенным.

Неизвестно, в какой мере изменение уровня коснулось областей между Испанией и Ирландией. У меня есть основания полагать, что их береговые очертания в эпоху, смежную с V в. до н. э., были гораздо ближе, и что внушительные грабены в плейстоцене и в недавние времена абсолютно изменили топографию региона. В Ренне аллювий из известковой гальки и из красных сланцев шестого оледенения доказывает, что в ту эпоху Вилена несла свои воды с юга департамента, то есть текла в сторону прямо противоположную своему нынешнему течению и впадала в Ла-Манш. Значит, на тот момент современное побережье юга Бретани должно было быть, по крайней мере, на 100 м своего нынешнего уровня. Качельные движения были вызваны образованием глубокого котлована на севере Испании. Что касается Балтики, то она в периоды поднятий представляла то уменьшенный морской, то горько-соленый бассейн, сообщающийся с открытым морем через глубокую Норвежскую котловину, то низменность, покрытую болотами и солоноватыми озерцами либо просто озерцами с теплой водой, то огромное озеро с теплой водой — *Ancylus See*.

Труды бельгийских геологов дают нам чрезвычайно подробную историю южного побережья области Северного моря. Не менее подробно шведские геологи изучили историю Балтики. Климатический режим центральной и северной областей Северного моря, сейчас находящихся на глубинах 50–100 м, мы можем

принадлежит системе базальтовых площадей разлившегося в несколько приемов по всей протяженности обрушившегося Евроамериканского континента. Эти разлития, как представляется, соответствуют различным фазам грабена. Одни являются плиоценовыми, другие — плейстоценовыми. В Америке находится другая обширная поверхность базальта на востоке США, но эмиссия которого влекла за собой потопление занятых областей не в равной мере. Суше, частью которой был Рокаль и которая должна была существовать еще в Средние века, рыболовы дали название Бюсс. V. *Revue scientifique*, 1898, I, 283; *Tour du Monde*, 1898, couverture du 19 fevrier.

установить лишь посредством индукции, с помощью данных из Норвегии и Шотландии.

Бельгийские пласты начала плейстоцена менее важны, особенно наземные. Трансгрессия моря, благодаря которой возникли пордельенские отложения, по всей видимости, связана с началом плейстоцена. Та же трансгрессия, что сформировала мозенские пласты, вероятно, принадлежит второму оледенению. После образования этого пласта почва поднялась, высохшие устья стали местом обитания бизонов и оленей, и на сцену вышел человек. Кремний месвиньенских аллювиев, скорее всего, соответствует по времени шельенским топорам, тогда как гипопотам и слон в этих слоях отсутствуют. Ни *E. meridionalis*, ни *E. antiquus* не появлялись в Бельгии, хотя они в изобилии водились в Норфолке — на другой стороне залива, который тогда образовывал южную часть Северного моря. Впрочем, эти месвиньенские аллювии еще больше, чем шельенские во Франции, перетерты проливными дождями, предшествующими третьему оледенению. Эти ливни оголили горы, переработали предыдущие отложения и вплоть до больших высот оставили кучи делювиального щебня, сформировавшие кампий в Бельгии с *Elephas primigenius*, *Rhinoceros tichorhinus* и шельенскими топорами, соответствующий надшельенским гравиям Франции и гравиям со дна М. Ладриер.

Проливные дожди с наступлением холодов прекратились, а оставленные материалы становились более редкими — это, в первую очередь, песок, потом глина и, наконец, торф. Потом устанавливается режим сильных морозов, перемежающихся с оттепелями, что заставляет поверхностный щебень колотиться. Такие расколотые щебни, гляциальные гравии, составляют основу среднего пласта М. Ладриер. Это остатки более или менее толстого слоя отложений, смытого дождями, последовавшими за гляциальным режимом, который дал начало третьему межледниковью. Растрескавшийся ил разных фракций представляет аллювий конца этого дождливого периода, во время которого илистые хесбайенские отложения разнеслись водными потоками от Фландрии до открытого моря. Потом наступила сушь, и этой эпохой датируется ил с останками моллюсков и растений, который утончает средний слой на севере Франции. Этот ил

образует светло-коричневые, не стратифицированные илистые отложения Бельгии и смежных областей Голландии, эолового происхождения. Бельгия была практически непригодной для обитания не только во время сильных оледенений, но и в хесбайенский период из-за сильной общей обводненности.

Четвертое оледенение предшествовало оседанию и трансгрессии моря, во время которого образовались фландрские отложения. Это четвертое оледенение в наземной стратиграфии обозначено новым слоем щебня, расколотого морозами и оттепелями. В наших аллювиях севера Франции этот щебень образует основу верхнего слоя. Во Франции в нем находят мустьерскую фауну и следы деятельности человека того времени. Не стоит забывать, что этот слой произошел в процессе промывки верхней части существовавших тогда аллювиев, поэтому эти останки датируются эпохой, непосредственно предшествовавшей максимуму похолодания, когда страна была непригодной для обитания и, возможно, необитаемой.

Четвертое межледниковье сопровождается поднятием почвы. На севере Франции и в Бельгии оно называется эржеронским — по названию ила, отложившегося в это межледниковье.

С Шельена и до этой эпохи страна была обитаема лишь в отдельные периоды. В конце четвертого межледниковья присутствие человека становится вполне ощутимо, а пещеры предоставляют множество магдаленских сюжетов. Пятое оледенение не оставило следов в Бельгии, но сопровождалось легким оседанием, во время которого морю наконец удалось преодолеть порог Па-де-Кале. В итоге весь регион вокруг южной части Северного моря оказался в тех же условиях, с той разницей, что во время Великого оледенения ледниковый купол распространился до Лондона, Анвера и Брюсселя, поместив две зоны, привыкшие быть в условиях одинаковых, в условия разные.

Пятое межледниковье отмечено поднятием почвы. Сегодня море вновь покрывает на расстоянии, самое большее, 10 км от современной береговой линии, слой торфа, возникновение которого восходит к этому межледниковью. Согласно расчетам М. Рюто, образование этого торфа потребовало бы 7 тыс. лет. Нижний слой не поставляет доисторических артефактов, но средняя часть богата сюжетами эпохи полированного камня, от-

носящимися к 4000 г. до н. э. Этот слой торфа был вновь скрыт морем ближе к эпохе варварских вторжений, о чем сохранилось упоминание в истории.

Когда в Бельгии происходили все эти перипетии, Англия, расположенная напротив, по-видимому, наслаждалась более благоприятным климатом. Это различие отмечается со времен Шельена, когда *E. antiquus* населял Норфолк, в то время как в Бельгии и на севере Франции он не присутствовал постоянно. Конец четвертого оледенения в Англии отмечен увеличением площади лесов, как в Пиренеях, а пятое оледенение было несущественным. Тогда как в Шотландии это оледенение отмечено возвращением ледников, в Англии оно сводится к замене торфяной растительностью растительности лесов, а последние в конечном итоге одерживают верх. По причине большей высоты земной поверхности климат в Англии был менее влажным¹. Продолжительность шестого оледенения Гейки (нижние террасы покрыты торфом, верхние — ледники Корри, линия вечных снегов проходит по высоте 1100 м), как свидетельствуют наблюдения М. Пьетта за Маасом д'Азиль, кажется, была более короткой. Эти последние оледенения знакомы нам в подробностях, поскольку их отложения не были унесены серьезным оледенением, но если таковое, по интенсивности как второе или третье, должно когда-то произойти, то вполне возможно, что ему присвоят номер пять или, может быть, четыре. Так как оно заставит исчезнуть слабые следы своих предшественников. Так, слабовыраженные оледенения могли произойти до третьего и четвертого, не оставив после себя следов, достаточных для того, чтобы мы могли их сегодня засвидетельствовать.

Анализируя то, что было, мы можем сделать вывод о том, что будет. В южной части Северного моря и на Британских островах, исключая Шотландию, климат всегда был влажным, начиная с конца четвертого межледниковья, а во время пятого оледенения он не был слишком холодным. Впрочем, археология доказывает, что присутствие человека было постоянным во всех частях этого региона, доступных сегодня непосредственному наблюдению. О тех областях, которые оказались залиты морем,

---

¹ Спорное утверждение. — Прим. перев.

известно только, что в районе Доггер-банки были обнаружены скребки и зуб мамонта, покрытый серпулами (червями).

Для Скандинавского региона и региона Балтики наблюдается значительно большее количество материальных доказательств. Все слои, относящиеся к окончанию четвертого оледенения, стали объектом тщательных исследований, древние береговые линии и их топографические отметки нанесены на карты, торф и ил исследованы под микроскопом, чтобы оценить частицы и древесные останки, диатомеи и рыбную чешую. Эти педантичные исследования, сравнимые с исследованиями Ньюша в Швейцарии, подчеркивают то легкомыслие, которое свойственно французским исследователям, из которых только одному — М. Пьетту — удалось, изучив эти отложения, сделать точные выводы. Можно ли утверждать, что прошлое Скандинавского региона известно досконально, а плейстоцен Франции известен только в общих чертах? Период, который мы собираемся описывать, составляет не более 10 тыс. лет.

До конца четвертого межледникового Скандинавский регион оставался почти необитаемым. Балтика была замерзшим морем, отложения которого характеризуются наличием *Yoldia arctica*. Это море сообщалось с Северным морем цепью шведских озер, а датских проливов тогда еще не было. Через Финляндию оно сообщалось с Белым морем, небольшим заливом которого оно и было. Наземные отложения этой эпохи представляют лишь флору тундры. *Betula odorata*, *Populus tremula*, *Pinus silvestris* появляются к концу этого периода, и почва испытывает поднятия на несколько десятков метров в зависимости от региона. Именно тогда произошло пятое оледенение, отмеченное усилением ледников и кратковременным возвратом к субарктической флоре. В конце четвертого межледникового и во время пятого оледенения человек уже утвердился в Дании и Швеции (Кьёккенмеддинг).

Пятое межледниковье, примерно соответствующее эпохе полированного камня, отмечено новой фазой поднятия почвы и заметным улучшением климата. Это второй бореальный период Блитта, флора в котором характеризуется ясенем и орешником. В Балтийском регионе леса наступают на торфяники пятого оледенения, а в Дании яшень замещает сосну в качестве доминирующей породы. Такое положение вещей наблюдается до границ

Финляндии, где оно соответствует периоду южного климата Хул-та. Этот южный климат ни в коей мере не расценивался бы нами как южный. Финская флора, отмеченная Хултом, Андерссоном и Нэтхорстом включает также *Pinus silvestris*, *Betula intermedia*, *odorata*, *Populus tremula*, *Arctostaphylos uva-ursi*, *Empetrum nigrum*, *Alnus glutinosa*, *Scirpus silvaticus*. В Балтийском регионе этот период называется еще *Ancylus-Zeit*. Почва поднялась, морская вода полностью отхлынула, поэтому Балтика превратилась в озеро с теплой водой, уровень которого гораздо выше уровня современного Балтийского моря. Это озеро, похожее на великие североамериканские озера, со своей системой второстепенных озер в Финляндии, возможно, лишь протокой сообщалось с Северным морем, или, сказать более точно, — с Каттегат, так как Северного моря как такового тогда не было: поднятие поверхности земли в Дании, Скандинавии и Шотландии было выше современной глубины Северного моря в его центральной части.

Этому факту я придаю особое значение. Далее мы увидим, что этот факт является предопределяющим. Точную дату Анцилус-Цайт дает нам инструмент из кости, полученный из лучевой кости *Cervus Alces*. Мунтхе описал этот сюжет в специальной работе (*Om fyndet af ett Benredskap I Ancylus lera nära Norsholm I Ostergötland*, Ofvers. K. Vetensk. Akad. Förh., 1895, 151–177). Нет никакого сомнения касательно даты отложения. Там отсутствует какая-либо порча, и инструмент — явственно неолитический.

Медленное оседание района Дании открыло озеру Анцилус нижнюю протоку на уровне шведских озер, и вскоре озеро теплой воды было смещено Балтикой, очертания которой стали близки к современным. Данная фаза эволюции Балтики носит имя *Littorina-Tide*, а само море — *Littorina-Meer*. Период соответствует, вероятно, шестому оледенению, но в Скандинавии не видно никаких следов большого роста ледников. Морская фауна богато представлена *Ostrea*, хрупким моллюском. Лесная растительность остается очень развитой, это эпоха дуба, *Quercus sessilifera*. Климат, скорее, дождливый, чем холодный — вот почему Блитт дал этому периоду название субатлантического и атлантического. Однако горные ледники, питаемые обильными снегами, продвинули свои морены в долины. Таким образом, мы различаем обычный порядок явлений: оседание поверхности,

делювиальный режим, наступление ледников. К счастью, это оледенение не получило развития. Если бы оно развилось в полной мере, то развитие цивилизации понесло бы огромный урон, так как по срокам оно соответствует первому скандинавскому бронзовому веку и созданию Египта и Халдеи.

В конце эпохи бронзы Датский регион вновь испытал поднятие. Морские воды с меньшей легкостью проникают в Балтику, и она вновь становится озером теплой воды. Это озерная эпоха, *Lymnæa-Tide*. Именно тогда мы на современной территории Северного моря в последний раз видим земли в надводном положении, и, возможно, речь идет только о цепи в несколько десятков километров вдоль побережья. В начале эпохи железа морские воды снова вторгаются в Балтику — это эпоха Миа, *Mya-Tide*, продолжающаяся по сей день и соответствующая современному положению вещей. Этот последний период оседания, как мы видели, простирался до Бельгии, правда, с запаздыванием на несколько веков. Этот пример доказывает нам, что медленные движения не начинаются и не заканчиваются одновременно в центре и на периферии обьтой площади¹.

---

¹ Пифий сообщает, что в своей экспедиции по Северному морю глубина водного слоя не позволяла грести веслами. Такое наблюдение стало предметом самой резкой критики. Возможно, что Пифий ничуть не преувеличивал. Корабли той эпохи, как правило, ходили вдоль берегов, а путешествие Пифия соответствует периоду оседания, когда на морской равнине Бельгии оно достигло максимума. Северное море почти достигло современных очертаний, но от Па-де-Кале до Норвегии они были еще нечеткими. Корабль исследователя продвигался над едва прикрытыми водой илистыми отмелями, где весла увязали в грязи. Он сталкивался с теми же трудностями, что современные крупнотоннажные суда, вынужденные ходить вдали от берегов, чтобы не скрести по мягкому илу, зимой полузамерзшему, покрытому хрупкими льдинками, которые Пифий сравнивает с медузами. с таким и сейчас еще сталкиваются навигаторы региона. Между Эльбой и Везером панцирь, дрейфующий у берега, не может образовываться на расстоянии более, чем 30 км от берега. По мере того как нам все больше приоткрывается положение дел в древности, получает объяснение бесконечное множество парадоксальных фактов, которые были охвачены критикой, целью которой было бросить тень недоверия на утверждения древних историков и географов. Катастрофа Атлантиды и прогрессирующее затопление Страны кимров находятся в прямой связи с древней ситуацией, относительно которой литературная критика придумала много вздора. Впрочем, не стоит негодовать на критиков, так как наше поколение является первым, в точности знающим тот факт, что облик Земли пребывает в постоянном изменении.

Перипетии, происходившие в Шотландии, — в точности те же. В конце четвертого межледниковья установился мягкий климат. Выросли непроходимые чащи лесов. Во время пятого оледенения произошло оседание, след которого мы видим, например, в Обане, где кбёккенмеддинги с гладкими азийскими гарпунами прерываются слоем морского гравия. Пляжи, датируемые этой эпохой, местами покрыты ледниковыми моренами — последним свидетельством пятого оледенения. Сегодня эти пляжи возвышаются на 16–20 м над уровнем моря. Следовательно, уровень должен был быть на 15–20 м ниже современного. Затем наступает период поднятия, и новая растительность лесов вновь покрывает торфяники, хранящие останки древних лесов. Потом идет последний период оседания, примерно на 10 м, сопровождавшийся дождливым режимом, благодаря которому обнажился верхний слой торфяника. Таким образом, в Шотландии и Скандинавии великолепно проявлена синхронность между состояниями земной поверхности и климата. Из этого мы можем сделать вывод, что центральная область Северного моря испытала те же колебания, с менее заметными отклонениями в климате. Эта обширная равнина, сложенная илистым аллювием, вся в протоках и болотах, непосредственно открытая Гольфстриму, но в немалой степени открытая и северным ветрам, должна была быть менее холодной зимой, менее теплой летом, постоянно покрытая вуалью испарений, изливающейся теплыми дождями.

Колыбель ариев. Именно в этот регион, не имеющий строгих границ, являющий собой то сушу, то море, а чаще всего — и сушу, и море одновременно, Латтам помещал колыбель ариев. Этот писатель умер, так и не дождавшись, когда геологи подтвердят этот тезис об англо-скандинавской равнине, ныне затопленной морем. Я даже думаю, что такая вера Латтама не вышла за пределы круга его друзей и что он никогда не уточнял свои тезисы письменно. Я с ними познакомился лишь через доктора Беддо. Латтам прежде нас предчувствовал, какие условия необходимы для арийской колыбели. Вот почему я присвою его имя англо-скандинавской равнине, которой еще нет в палеогеографии.

Не нужно слишком напрягать воображение, чтобы восстановить бытие протоариев. На этих обширных равнинах, до бесконечности изрезанных и раздробленных протоками и лагунами, без рельефа, без укрытия, жизнь — монотонная и печальная — не должна была в то же время быть трудной. Почва — повсеместно влажная, затапливаемая дважды в день на безграничных пространствах — была покрыта тучными лугами. Там, где скапливались дождевые воды, образовывались торфяники, вдоль проток и лагун росли солончаки. Низкий прилив покрывал обширные пространства, где песок и ил чередовались с кучами водорослей. Луг давал пищу многочисленным травоядным, обнажавшиеся отмели в избытке снабжали моллюсками, водная дичь водилась в необычайном изобилии, богатые рыбой водоемы были пригодны для легких способов рыбной ловли. Таким образом, материальная жизнь была легкой, и у многочисленного населения находилось достаточно пропитания. Туманная, но безморозная зима не чинила никаких препятствий охоте и рыбной ловле, травоядные находили, что пощипать даже в самый неблагоприятный год, а облачное лето никогда не иссушало лугов.

Духовная жизнь протоарийца должна была быть монотонной и печальной, как природа, на лоне которой он влачил свои дни. Этот покачивающийся в дымке горизонт, душащий его, подобно стеклянному колпаку, низкое небо, покрытое свинцовыми тучами, из-за которых редко пробивался солнечный луч, эти полутени облачных вершин и туман внизу, рассеивающие наклонно падающий свет, непрекращающиеся дожди — теплые и мелкие, но обложные, соприкосновение с северным ветром — холодным, влажным и сильным, который без конца сбивал его с ног, — вся эта меланхолическая среда сформировала его дух, подобно тому как избыток воды и отсутствие света мало-помалу сформировали его тело.

Легко понять, как трудно переносить такой климат. При том, что равнина Латтама была необычайно богата пищей, число ее жителей продолжало оставаться крайне малым, и среди потомков иммигрантов на протяжении тысяч лет происходил суровый естественный отбор. Когда вся раса, каждый ее индивид веселы, подвижны, любят солнце и жизнь, то она фатально оказывается на обочине жизненного процесса. В этой изобильной, но

суровой, однообразной, бесконечно печальной природе выжили только те, которые, наряду с упорным темпераментом, обладали холодным и меланхоличным духом, спокойной, но неистощимой энергией.

Так возникла раса рыбаков, охотников, моряков, пастухов — могучая, но лимфатическая, умная, но печальная, энергичная, но холодная, которая от века к веку прирастала числом, оттачивала свои свойства и, наконец, на заре античности превратилась в арийцев.

Постепенно эта раса распространялась по великой равнине Севера, в район Балтики, в густые галльские леса, в Германию, в Скандинавию, смешиваясь с комплиментарными элементами, которые в этой прохладной, влажной, закрытой среде почти ничем не должны были от нее отличаться по телесным характеристикам и были с ней связаны общим происхождением. Именно из огромного, тенистого леса Средней Европы, простиравшегося от Атлантики до Черного моря, исходили племенные группы ариев, отправляющиеся на покорение жары, света — всего, чего им не хватало в их младенчестве — тусклом, однообразном и тягостном. За первыми отправятся, в свою очередь, другие. По мере того как околдовывала природа, благоуханный воздух, играющие солнечные лучи, раздвинутые горизонты и сладкая и беззаботная жизнь Востока и Средиземноморья должны были уложить первых в землю, коварную и покрытую цветами, так как солнце всегда притягивало арийца — оно его бесконечно притягивает, размягчает, обезоруживает и убивает.

Генеалогия человека. Нам теперь остается установить расу, которая, будучи помещена в особые условия региона Латтама, под влиянием среды и естественного отбора дала форму *H. Europæus*. Иными словами, встает вопрос о генеалогии *H. Europæus*, то есть всего-навсего о ветви человеческой группы. Следовательно, об общем корне я буду говорить сдержанно, об отдаленных ветвях — вообще речи не пойдет, так как чрезвычайно сложное исследование общей генеалогии человека в данном случае не представляет интереса.

Нам неизвестны допотопные предки человека, кроме питекантропов, которые уже являются людьми. Приматы — слишком

древние. Братья Амегиньо нашли и описали многие виды обезьян мелового периода и нижнего третичного периода Патагонии. Среди этих форм некоторые являются более близкими к человеку, чем это можно было бы предположить, а в целом, обезьяны тем больше являются обезьянами, чем более они приближаются к нашей эпохе. Виды с выдающейся челюстью, как горилла, шимпанзе или павиан, виды с лапами, приспособленными действовать, как крюки, и лишенными большого пальца, как у толстотелов (африканских обезьян), виды со сложным устройством желудка, как семнопитеки, все формы с длинным хвостом, служащим балансиrom, с очень удлинненными конечностями и с невероятно щедедушными телами, гениально приспособленными к жизни на деревьях, — все эти эволюционно продвинутые виды обезьян, по-видимому, являются недавними, а известные нам ископаемые виды очень далеки от столь же совершенной специализации. Рискую вызвать удивление, я полагаю должным заявить, после длительного изучения приматов, что из всех этих существ наименее отличающимися, наименее удаленными от прародительского типа млекопитающих, опять же являются человекообразные. Ведь если мы изучали зародышей или малышей человекообразных обезьян, мы вынуждены заключить, что их сходство с человеком с возрастом сокращается и что поэтому предки гориллы или шимпанзе не обладали ни выдающейся челюстью, ни костистым гребнем на черепе, что их стопы были более приспособлены к ходьбе и что по общему внешнему виду тела — по конечностям и, особенно, по голове — они были гораздо меньше удалены от человека¹.

---

¹ Череп молодых горилл и шимпанзе в возрасте менее года напоминает череп питекантропа. Надбровные дуги проявлены даже меньше, основное сходство касается лица. Начиная с годовалого возраста начинают проявляться различия, и по мере развития костистых выпуклостей сходство уменьшается и исчезает. Невероятный прогнатизм гориллы и шимпанзе при рождении, однако, не превышает прогнатизм взрослого бушмена. То есть эволюция человека была все более и более длительным сохранением зародышевых черт, а эволюция человекообразных — выпячиванием у взрослых множества новых черт. Вот почему можно точно сказать, что человекообразные, имевшие наряду с человеком общий исходный пункт эволюции, просто не сумели вовремя остановиться. У человека медленное сглаживание черепных швов было вызвано развитием мозга. Костная ткань, служащая у него увеличению черепной коробки, крупными обезьянами была исполь-

Из этих наблюдений, которые станут предметом особого исследования, вытекают, по моему мнению, две вполне вероятных вещи: первая — *человек не происходит от обезьяны*, вторая — обезьяны являются младшими, а не старшими родственниками человека. Общее происхождение, на сегодня принимаемое по умолчанию, не подлежит обсуждению — ближайшее родство с человекообразными очевидно, но именно человек, как мне представляется, является более прямым потомком общего предка.

Я не думаю, что это не унизительно для науки, которая на сей момент сделала столь много открытий за столь короткое время, — признать полное невежество касательно того, где мы являемся восходящей линией родства с человеком. Благодаря случаю недавно нам в руки попало недостающее звено цепи — *питекантроп*. Возможно, мы получим и остальные, но было бы безрассудно слепо на это рассчитывать. Открытие, которое сделал я сам относительно *Anthropodus Rouvillei*, доказывает, что нам неизвестны все ископаемые приматы Европы, но вряд ли этот континент оставил нам большие сюрпризы. Новые отложения впредь будут поставлять все меньше новинок. Оставшаяся часть древнего континента не была изучена досконально, но открытия Амегиньо заставляют опасаться, что колыбель приматов окажется в Южном полушарии. Совсем недавно на Мадагаскаре обнаружили обезьяну с зубной формулой, схожей с формулой американских обезьян, *Nesopithecus Fors. Maj.*, а с другой стороны, исследования Селенки наглядно демонстрируют частую встречаемость дополнительных коренных зубов у орангутанга. Значит, вполне возможно, что добрая половина прародительских видов проживала в областях, ныне покрытых глубоким океаном¹.

зована по другому назначению — она поставляла им материал для мощного лицевого и черепного костяка, предназначенного нести сильные мышцы. Эволюция человекообразных аналогична эволюции, которую претерпели крупные хищники.

После появления диссертации Деникера (*Recherches anatomiques et embryologiques sur les singes antropoïdes*, Paris, 1886) были опубликованы интересные документы по эмбриологии человекообразных. Например, работа Селенки будет иметь огромное значение.

¹ Об ископаемых человекообразных см. недавние работы: Gaudry, *le Dryopitheque*, Mem. de la Soc. geol. de France, Paleontologie, 1890, I, 1; Harlé, *Une mâchoire de Dryopitheque*, B. Soc. geol. de Fr., 1898, S. III, XXVI, 377–383; Dubois, *Ueber drei ausgestorbene Menschenaffen*, N. Jahrb. für Mineralogie,

Питекантропы. Научные обзоры и журналы подвергли вульгаризации *Pithecanthropus Erectus Dub.*, открытого доктором Дюбуа в Триниле, на острове Ява. От этого вида известны только черепной свод, два зуба и одна бедренная кость. Свод очень похож на свод неандертальца, но является средним между ним и черепом гиббонов. Зубы также занимают промежуточное положение между человеком и человекообразными. Бедренная кость — совершенно человеческая — характеризует существо из Тринила совершенно однозначно. Род *Pithecanthropus* должен рассматриваться как возвращающийся к роду *Homo* и образующий самый низко стоящий его подвид¹.

По-видимому, *Pithecanthropus erectus Dub.* жил в очень позднюю эпоху плиоцена, может быть в начале плейстоцена. Очень трудно установить точный синхронизм ископаемой фауны Европы и Малайзии. Общих видов не так много, а про-

---

1897, I, 83–104; Branco, *Die menschenähnlichen Zähne aus dem Bohnerz der schwäbischen Alb*, Jahreshefte des Ver. für Naturk. In Wurt., 1898.

По *nesonuteкусусм*. Годри, сообщение в Академии наук, C. R. Ac. des Sc., 1896, CXXIII, 542. Эта плейстоценовая обезьяна достигала человеческого роста; тип прорезывания зубов у нее был схожим с макаками и семнопитеками, но у нее было 36 зубов, как у американских обезьян. *Nesopithecus Roberti* известен лишь на Мадагаскаре. По орангутангу см. Селенка, *Die Rassen und der Zahnwechsel des Orang-Utan*, Sitzungsberichte der K. K. Akad. der Wissenschaften zu Berlin, 1896, XXXVI, 391–392.

¹ Фундаментальным трудом по этому *питекантропу* остается особое исследование Дюбуа, *Pithecanthropus erectus, eine menschenähnliche Uebergangsform aus Java*, Batavia, 1894. Его извлекли из вороха библиотечных работ, лучшей из которых, может быть, является труд Мануврие, *Deuxième etude sur le Pithecanthropus erectus*, Bull. Soc. d'Anthr., 1896, VI, 553–641.

В качестве других работ по человеку третичного периода см. обзор Буччана, V Tertiärmensch, *Handwörterbuch der Zoologie*, t. VII (Breslau, Trevendt, том вышел в 1897), а также Issel, *Liguria geologica e preistorica*, II, 319–330 и pl. XXIV. Сомнительно, что приведенные фрагменты являются доисторическими, но и доказательств обратного не приводится, и открытия Тринила и Таубаха требуют при их отрицании немалой осмотрительности.

По доисторическому человеку плейстоцена см. Катрфаж и Ами, *Crania ethnica*, p. 1–146. Эта часть, как, впрочем, и весь сборник, совершенно незавершенная и на сегодня устаревшая. Ами в докладе на X Антропологическом конгрессе в Париже преподносит неплохое критическое исследование материалов, известных на 1889 г. (*Materiaux pour servir à l'étude de la paleontology humaine*, с. 403–456 отчета). См. еще, в качестве общего критического исследования, Mortillet, *Formation de la nation française*, Paris, Alcan, 1897, особенно ч. VI, гл. 1 и 2.

межуточных вех в нашем распоряжении недостаточно, чтобы установить синхронность по сходным промежуточным формам. Наверняка можно сказать лишь, что *Pithecanthropus* составлял часть вымершей фауны, что эта фауна была вымещена фауной сегодняшней без промежуточных форм. Это последнее вытеснение уже является довольно давним, так как общие формы на Малайском архипелаге и в окрестностях достаточно многочисленны и должны были существовать в период, предшествующий погружению соседних областей.

Pithecanthropus Erectus определенно принадлежит группе видов, положивших начало видам современного человечества. Может быть, он даже является косвенным предком австралийцев, на родство которых с неандертальским типом часто указывали. Я не думаю, что они должны фигурировать в числе прямых потомков *H. Europæus*. Возможно, что были различные региональные разновидности *Pithecanthropus*. Неандертальский тип *P. Neanderthalensis* King — определенно одна из этих разновидностей, но нет причин рассматривать питекантропа Явы скорее как отца, а не дядю или кузена питекантропа Европы, а с другой стороны, не вполне очевидно, что *H. Europæus* происходит от *Pithecanthropus Neanderthalensis*.

Известные следы существования человека в Европе не распространяются дальше второго межледникового. Имеются крайне обоснованные сомнения относительно искусственного происхождения кремня и других предметов из верхних пластов. Объемные шельенские каменные топоры, наоборот, очевидным образом, антропогенного происхождения, и их находят разбросанными в переменчивом изобилии в аллювиях второго межледникового и даже последующих эпох. Данные орудия, даже в облегченном и усовершенствованном виде, в Европе совершенно исчезли к началу четвертого межледникового, но в других точках земного шара они, по-видимому, оставались в употреблении дольше.

Человек, выточивший кремни, нам неизвестен. Единственными подлинными человеческими останками, найденными в пластах второго межледникового, являются два зуба. Они были найдены в туфе, содержащем останки знаменитого отложения Таубах близ Веймара и изучены Нерингом (*Ueber einen fossilen*

Menschenzahn aus dem Diluvium von Taubach bei Weimar, Verh. D. Berliner anthrop. Gesellschaft, 1895, 338–340; *Ueber einen diluvialen Kinderzahn...*, ib., 425–433; *Ueber einen menschlichen Molar...*, ib., 573–587). Эти зубы — первый коренной молочный слева снизу и первый коренной взрослый слева снизу — очень большие и указывают на силу челюстей, что напоминает человекообразных. Коренной взрослый, как у шимпанзе. Антропогенная деятельность Таубаха отличалась от шельенской и была очень развитой — до той степени, что невозможно сделать вывод об идентичности этих популяций (V. Reinach, *La station de Taubach*, *Anthropologie*, 1897, VIII, 53–60).

Останки человека эпохи мамонта и пещерного медведя более многочисленны. Одни из них принадлежат *P. Neanderthalensis*, а другие — настоящим *Homo*.

У первого из этих видов нам на сегодня известны все кости — благодаря почти целиком сохранившимся скелетам из Спай и благодаря различным фрагментам, особенно, черепным сводам и челюстям, обнаруженным в огромном количестве в ряде мест Центральной, Восточной и Южной Европы.

Господа Фрайпонт и Лохест посвятили скелетам Спай две взаимодополняющих монографии (*Recherches ethnographiques sur des ossements humains decouverts dans les depots quaternaries d'une grotte à Spy*, Congrès int. d'Anthr., 10 session, Paris, 1889). Она появилась после многочисленных работ различных авторов, не содержащих ничего нового. *P. Neanderthalensis* был относительно маленьким и коренастым — того же примерно роста, что современные лапландцы. У него была большая голова, массивное туловище, короткие конечности — даже верхние, что сильно удаляет его от человекообразных, выгнутые вперед ноги (в районе коленного сустава), он держал тело вертикально. Такое телосложение давало ему большую легкость при ходьбе, но меньшую при стоянии. Ему была присуща походка гонца, как говорят бельгийцы, то есть слегка на полусогнутых, — она наиболее практичная и дает необычайную устойчивость тем, кому сегодня удается ее освоить¹. Череп был долихоцефалический,

---

¹ Походка на полусогнутых была изучена Мареем, который, основываясь на хронофотографическом методе, констатировал ее физиологическое пре-

платицефалический, малоемкий, лоб — низкий, скошенный, с выступающими надбровными дугами, как у шимпанзе или гориллы. Орбитальные дуги, по-видимому, были обширные и закругленные, лицевые кости мощные, без особого прогнатизма, нижняя челюсть лишена подбородка.

Эти морфологические черты подтверждаются черепами из Гибралтара, из Неандерталя, подчеркивающими животные черты типа, а также всеми прочими фрагментами. В работе Мортилье (*Formation de la nation française*, s. 275–295) есть итоговое исследование аутентичных фрагментов, относящихся к Мустьеру, известных на 1896 г. Автор опустил примерно такое же количество документов, у которых разве что дата неизвестна и которые вполне достоверно соотносятся с неандертальской расой. Я считаю такую недосказанность мало обоснованной, так как эту расу никогда не находили в отложениях, более позднее происхождение которых можно считать установленным¹. При этих условиях фрагменты датируют себя сами, как это было бы в случае останков пещерного медведя. Впрочем, здесь для нас это неважно, поскольку мы изучаем расу саму по себе, не отягощая себя изучением эпохи, в которую ее бытие могло пресечься².

восходство над обычной походкой. Впоследствии были проведены эксперименты при участии II корпуса под командованием команданта Рауля. Войска смогли без усталости проделать 20-километровый марш-бросок за 1,5 часа (*Comment on marche*, par F. Regnault et Raoul, pref. de Marey, Paris, 1898).

¹ Основные данные измерения черепов питекантропа, наименее искаженные

Происхождение	Высота, мм	Ширина, мм	Черепной индекс	Количество че- репов в серии
<i>P. Erectus</i> , Тринил	185	135	72,97	—
<i>P. Neanderthalensis</i> , Неандерталь	200	144	72–74	106
— Канстадт	—	—	—	92
— Спай 1	200	140	70	104
— Спай 2	198	150	74,8	106
— Эгисейм	200	150	74–76	—
— Брешан	—	—	75,5	—
— Марсильи	—	—	75,5	—

² В Южной Америке известен другой питекантроп среднего плейстоцена, который, по-видимому, выжил и оставил кое-какие следы в современных популяциях, но все недавние неандертало-подобные фрагменты, найденные в Европе, с питекантропами обладают лишь ложным сходством.

По-видимому, *P. Neanderthalensis* не обладал внушительным мозгом. Внутренний объем черепа, оцениваемый приблизительно в 1200 мм³, на 200 мм³ больше, чем у сюжета черепа из Тринила, но настолько же меньше, чем у рас *Homo*. Все же, надо признать, степень его цивилизованности была выше, чем обычно принято считать. В Спай и различных пещерах найдены фрагменты гончарных изделий. Возможно, люди Спай были похоронены в земле? В Спай также найдены очаги. Маска в отложении Предмост в Моравии, датируемом эпохой мамонта, тоже нашел очаги, погребения и гончарные изделия, но было бы слишком смелым по аналогии заявить, что сюжеты черепов из Предмоста, по-видимому, принадлежали к расе *Homo*. С другой стороны, в Таубахе раса с коренными зубами шимпанзе, о которой я говорил ранее, демонстрирует орудия труда, очень схожие с магдаленскими и солжотрскими. В самом разгаре шельенской эпохи она пользовалась орудиями из кости, оленьих рогов и кремня, причем последние очень тонко отделаны. Оценку способностей питекантропа делает еще более высокой возможность приписать ему авторство скульптур из кости мамонта, найденных в Брассампуи и окрестностях. Некоторые из этих очень высокохудожественных фрагментов, в которых уже выступают черты греческого искусства, раскрывают подлинный художественный гений.

Это черепа, передняя часть которых очень убегающая и иногда выпуклые орбиты — пусть из-за атавистического эффекта, поскольку питекантропы однозначно фигурируют в числе предков многих наших современников, если только не у всего человечества, пусть и с индивидуальной изменчивостью. В моей коллекции есть череп с выдающимся надбровьем. Я нашел его в Рестэнклиере близ Монпелье в могиле, сложенной плитами, наряду с двумя вполне нормальными сюжетами. Он датируется несколькими веками раньше или позже нашей эры. Один раз я путешествовал из Арвана в Безьер с носильщиком, чей череп был весьма впечатляющим. Путешественник, которого я не посмел допрашивать по причине сдержанности, которой он подавал мне пример, читал *Temps* и протестантские брошюры. Я полагал и продолжаю полагать, что он, вероятно, был протестантским пастором. Еще я описывал из своей коллекции черепов Монпелье одну любопытную форму с убегающим лбом, что нередко встречается по направлению к Тарну. С *P. Neanderthalensis* у всех этих форм сходство лишь в строении лобной кости. Дарвин, чьи глаза были скрыты под огромными нависающими дугами, уже не имеет отношения к питекантропам, но, в целом, лоб сего выдающегося натуралиста был отчетливо патологическим.

Номо. Современные представители *Номо* — это, прежде всего, раса Предмоста, затем Трюшера и Ольмо, наконец, та, которая знакома нам только по скульптурам.

Станция Предмост предоставила необычайное количество сюжетов. Только мамонт представлен более чем в 25 тыс. фрагментов. Кроме того, имеется дюжина неполных скелетов человека — погребенных и перекрытых обширной плитой, под которой лежал нижележащий пласт. Восстановили 11 черепов, указывающих на четкую расовую принадлежность, с не столь покатым лбом и с орбитальными дугами, выступающими не слишком сильно, как у питекантропов. Череп был долихоцефалическим, а рост — высоким. Судя по скелету, рост одного индивида достигал 180 см. Это открытие чрезвычайной важности, но им не смогут воспользоваться до полной публикации материалов. До этого момента частично опубликованные работы, скорее, возбуждают законное любопытство, чем его удовлетворяют (*Maska, Nalez diluvialniho cloveka u Predmosti*, J. s. Olmutz, 1897).

Череп из Трюшера был найден в синеватых мергелях с *Elephas primigenius*, перекрытых останками плейстоценового леса, под слоем речных отложений, но в таких условиях, которые исключают возможность распахивания. Он рассматривается как подозрительный и случайно здесь оказавшийся, учитывая его условия залегания, брахицефалию и аналогию с черепами современных обитателей страны. Фактически, в одной и той же витрине Лионского музея я нашел череп с похожими пропорциями. Скажу по этому поводу, что отношусь к возможности существования такой расы в эпоху мамонта только как к гипотезе. Недавние открытия доказывают, что рассматривать человека той эпохи, как полуживотное, было ошибочным. Эти клеветники не смогли бы выточить из куска кости статуэтку, описанные несколько лет назад. Несомненно, существовали расы абсолютно разные и с различной степенью морфологической и психической эволюции.

Череп из Трюшера мог бы что-то разъяснить нам лишь приблизительно, так как он откровенно патологический. От верхней части носа до темени встречаются следы вормиевых косточек, а метопический шов открытый. Он заканчивается примерно в 2 см

от саггитальной линии, что позволяет допустить патологическое расширение, по крайней мере, на 3 см на высоту коронального шва. Покатый лоб проявил бы это качество в еще в большей степени, не будь он высоким, как бы «вздувшимся». Также череп из Трюшера имел совершенно аномальную вместимость (1925 см³) и индекс, равный 84,5. Основной интерес к этому фрагменту проистекает потому, что он показывает нам, как череп, вероятно очень низкий, со скошенным лбом, может быть похожим на череп обитателя планеты наших дней. Он показывает нам эволюцию, которую проделали современные расы, реализованную у каждой своим способом, посредством гидроцефалии. Впрочем, я не хочу сказать, что сюжет из Трюшера является гидроцефалическим *P. Neanderthalensis*. Такой, каким я его вижу в нормальном состоянии, — он должен был, скорее, походить на черепа с неандерталоподобными лбами, о которых я сообщал из Тарна, или на череп из Бужана, фигурирующий в *Crania ethnica*. Более я не мучаю читателя черепом из Трюшера, подробное описание и четыре изображения которого он найдет в работе Лорте и Шантра, *Etudes paleontologiques sur le bassin du Rhône*, четвертичный период, Arch. du Museum de Lyon, I, 59–130.

Череп из Ольмо, также найденный в глинах и датированный по бивню слона, нижней челюсти *Equus Larteti* и острию кремневого гарпуна, некоторыми лекторами был соотнесен с шельенской эпохой, так как бивень, казалось, не принадлежал мамонту — редкому зверю в Италии. Нет никакой уверенности, что череп современен отложению, и он, как и предыдущий, — единственный такой формы, если он действительно принадлежит эпохе между третьим оледенением и серединой четвертого межледниковья. Свод этого черепа не сполна представлен — его куски плохо срослись. Впереди он сужен меньше, чем у *P. Neanderthalensis*, но тоже долихоплагицефалический. Лоб был невысоким, но умеренно покатым. У господ Катрфажа и Ами возникла странная идея рассматривать эту форму как женский тип неандертальской расы. В Монпелье, в аристократическом захоронении XVII в., я нашел череп, очень похожий на череп из Ольмо. Этот последний — какой бы эпохой ни датировался — определенно представляет форму из той группы, которая дала рождение *H. Europæus*. На шкале он помещается немного

ниже, рядом или ниже неолитических типов, но он принадлежит аристократу. Будет интересно сравнить его с черепами из Предмоста.

Мне остается рассказать о расах, известных только по скульптурам. Некая раса эпохи мамонта, начала четвертого межледниковья, совершенно определенно, обладала изумительным художественным талантом. Она работала с костью мамонта с редким изяществом и вытачивала из этого трудно поддающегося обработке материала шедевры, осколки которых заставляют скульпторов изумляться. Когда М. Картальяк показал мне статуэтку из Брассампуи, реставрацию которой он только что закончил, я был буквально ошеломлен. И такое впечатление фигурка произвела на всех, а некоторые даже решили, что имеют дело с подлогом. Затем были найдены еще несколько статуэток, и все сомнения улетучились.

Господин Пьетт описал и представил этот фрагмент в Антропологии (*La station de Brassempouy et les statuettes humaines de la periode glyptique*, 1895, t. VI, 129–151). От него остались только средняя и нижняя части туловища, вылепленные с документальной точностью. Не представлялось возможным воссоздать верхнюю часть и ноги, так как хрупкая кость была разбита на мелкие куски ударом мотыги. Живот объемный, обвислый, со складками. Бока скошенные и большие. Необъятные бедра и ягодицы, равно как и подчеркнутая вульва напоминают по сложению Босхиманов и нимф. Насечки обозначают волосистой покров — короткий, но густой. Эти черты встречаются во многих других частях, одна из которых — сохранившиеся груди, длинные и цилиндрические. Еще в Брассампуи была найдена значительно лучше сохранившаяся статуэтка — не столь подверженная стеатопигии, с грудями грушевидными, но обвислыми (Piette, *Fouilles a Brassempouy en 1896*, *Anthropologie*, 1897, VIII, 165–173). Этот замечательный фрагмент выполнен так же изящно, как фигурка из Танагра.

Все найденные до сегодняшнего дня в разных пещерах фрагменты — без головы. Впрочем, есть отдельная голова молодой девушки, но с прической в виде шлема, что делает оценку черепа затруднительной. Длинный и тонкий нос, очень изящная в нижней части фигура производят приятное впечатление. Лицо,

в целом, напоминает лица женщин аннамитов, чем на представительниц европейских рас. Черепной индекс — 94,87, но на это значение совершенно не стоит полагаться. Стоит усвоить, что у этого фрагмента и у некоторых других, выполненных гораздо хуже, лоб низкий, немного покатый, череп платицефалический, а сзади более приподнятый.

Эти документы, представляющие значительный интерес с точки зрения искусства, говорят нам, что в эпоху мамонта в Центральной Франции обитали расы, четко принадлежащие к *Pithecanthropus Neanderthalensis*, который, в свою очередь, принадлежал к группе *Homo*. И были они довольно продвинуты в эволюционном отношении. Я полагаю, что рискованно сопоставлять эти изображения с какой-нибудь человеческой расой. Единственное, что мы можем — исключить неандертальский тип.

Господин де Мортилье хотел сопоставить с расой из Брасмапуи — мохнатой и со стеатопигией — двух субъектов, родившихся в соседнем департаменте, в Артезе (Нижние Пиренеи). Брасмапуи находится в Шалосс, в южной части Ландов. Господин де Мортилье (*Formation*, s. 244) утверждает: «Такой живот, действительно ненормальный, я видел в одной семье в том же регионе... Но странная вещь — у одной из их дочерей, 12-летнего возраста, не сформировавшейся, те же тенденции в том, что касается живота. А совершенно уникальный феномен, который у нее наблюдается — это коричневые пятна на коже, которые, кроме того, характеризуются наличием явно выраженного волосяного покрова».

Я изучил останки этих двух субъектов. Живот женщины — совершенно обычный для деревенской жительницы 40 лет, матери шестерых или семерых детей. Я наблюдал такое много раз, и такое сложение является обычным у женщин из окрестностей Партене (Дё-Севр), даже в возрасте 20–30 лет. Такие персонажи, и это правда, образуют особую расу. Что касается девочки — это случай уникальной патологии. Субъектов я сфотографировал и сделал замеры, мои заметки сейчас у меня перед глазами — четыре большие фотографии стоя, две фотографии, меньшей величины, пятна, покрывающего левое плечо и шею и черновые образцы состриженных волос головы и тела, — и я могу утверждать, что от головы до стоп девочка покрыта дегенеративными

изъянами. Волосяные пятна — сильно увеличенные родимые пятна, шероховатая и грубая кожа которых затвердела на глубину. В некоторых местах кожа по внешнему виду мало отличается от негритянской. На этих нёвусах волосяной покров еще гуще, аномальный, волосы в сечении неправильные, совершенно отличные от волос на голове. В правом паху — грыжа. Живот, впрочем, не представляет никакой патологии, он такой, какой должен быть у девочки этого возраста, и изображения господина Мортилье явно подчеркивают отсутствие у дочери характерных черт ее матери. У нее очень стройный стан, немного изогнутый, с формами и отклонениями часто встречающимися у долихоцефальных рас и у басков — даже у брахицефалов. Нижняя часть крестца неправильная. На одной из моих фотографий что-то вроде видимой костистой шишки, но она не видна на репродукции Мортилье. Челюсти дефективные, зубы неправильные, сопровождаемы внешними «надзубьями», что составляет два ряда неполных зубов¹. Все остальные члены семьи, которых я тоже наблюдал, совершенно нормальные.

Раса Шанселада. Верхний палеолит, то есть часть четвертого межледниковья, последующая вымиранию мамонтов в наших краях и предшествующая вымиранию северного оленя, оставил очень мало аутентичных человеческих останков. Господин де Мортилье приписывает ему только скелеты Нижней Лаугерии и Шанселада (оба из Дордонь) и скелет из нижнего слоя Сордов (Ландов). Господин Эрве допускает в этом смысле еще череп из Плакарда (Шарент). Господин де Мортилье этот последний отбрасывает, равно как и все кости из захоронений. Он считает, что человек палеолита не знал почтения перед мертвыми. Недавние открытия не позволяют следовать по этому пути. Художники, о которых я говорил выше, определенно не были столь уж неразвитыми по прочим психическим показателям, чтобы пренебрегать памятью своих усопших. Впрочем, открытия Маски улаживают данный вопрос, и я думаю, что сюжеты из Спай, предположи-

---

¹ Мари Л., 40 лет, рождена в Артезе (Нижние Пиренеи), родители д'Артез, Ф. Ф., нос ДА, 49, 37, лицо 119, 113, череп 180, 149, индекс 82,77. Ирма Л., ее дочь, 13 лет, рождена в Артезе, родители д'Артез, М. Ф., нос ДА, 48, 34, череп 181, 146, индекс 79,78.

тельно, были захоронены. Следовательно, мы должны избавиться от всякого предубеждения и не приписывать человеку четвертого межледниковья рудиментарную смышленость, а также период пребывания человека в умственных и моральных яслях отнести к более древним формам. Я, впрочем, отбросил бы и многочисленные фрагменты из захоронений, но только по причине их принадлежности к какой-то другой расе и немного более позднего происхождения — совсем в конце эр северного оленя или в промежуточный период между палео- и мезолитом, включающий в себя эпоху, смежную с пятым ледниковьем.

Скелет из Шанселада был темой монографии доктора Тестю, снабженной иллюстрациями и фототипиями (*Recherches anthropologiques sur le squelette quaternaire de Chancelade*, B. Soc. d'Anth. de Lyon, 1889, VIII, et triage a part). Субъект в возрасте 55–65 лет был маленького роста — около 159 см; у него объемистая голова, сильно долихоцефалическая, необычайно удлинённая; лицо очень высокое и очень широкое; высокие орбитальные дуги; нос узкий и удлинённый: нижняя челюстная кость мощная; верхние конечности относительно длинные; большие руки и особенно большие ступни, кости мощные; массивные, коренастые; развитая мускулатура.

Доктор Тестю у своего индивида отмечает ряд черт, свидетельствующих о недоразвитости, большая часть из которых является общей с *Pithecanthropus*: массивные формы, мощный скелет, развитая нижняя челюсть, конфигурация коренных зубов, когда первый пересекается с третьим, короткие нижние конечности, кривизна дистальной конечности плечевой кости и проксимальной конечности локтевой кости, сплющивание большой берцовой кости, покатость диафиза этой кости над суставными дисками, что влечет подвижность в сгибе и делает затруднительным прямохождение, форма бедра, зазор большого пальца ноги позволяет ему скрещиваться со вторым.

Несмотря на такое сходство, сблизить расу Шанселада, которую я буду называть *Homo Priscus*, с питекантропами невозможно. Строение черепа совершенно разное. Лоб, относительно большой, высокий, почти прямой, совсем не скошенный, область иниака гораздо менее выпуклая, череп, в целом, высокий, хорошо развитый в основании и в вертексе, хотя последний почти

горизонтальный. Две более фундаментальные черты вносят в эти формы еще большее различие. У *Homo Priscus* орбиты совершенно нормальные, без очков, без козырьков, напоминающих гориллу, и он обладает хорошо развитыми сосцевидными отростками височной кости. Я был поражен, изучая один из черепов в Спай в 1889 г., констатируя небольшой объем сосцевидных отростков, и эта черта, на самом деле, — одна из наиболее характерных для питекантропов. Настоящий сосцевидный отросток иногда встречается у человекообразных, но он очень слабо выраженный. Мы отрицаем его наличие, но в моей коллекции есть объекты, доказывающие обратное. Как правило, он заменен отличающейся от него выпуклостью. У человека апофиз всегда присутствует.

Из этой морфологии вытекает, что череп из Шанселада гораздо более объемный, чем у питекантропа. Не достигая феноменальной емкости черепа из Трюшера (одного из самых известных), он настолько же превышает среднее современное значение, насколько черепа из Спай остаются ниже его. Емкость, оцениваемая у *P. Erectus* в 1000 см³, у *P. Neanderthalensis* из Спай составляет 1200 см³, у современного европейца — в среднем 1565 см³, у *H. Priscus* из Шанселада — по меньшей мере, 1710 см³.

Этот вместительный мозг, вычисленный вес которого должен был быть 1487 г, по всей видимости, не был особо богат извилинами. Господин Тестю заявляет: «Ведь поскольку бороздки, которые на эндочерепе соответствуют своим щелям, являются непрерывными, то есть я хочу сказать, они не прерываются на протяжении от одного своего конца до другого, я из этого вывел следующее: 1) на мозге темпоральные щели протягивались непрерывно, от последующей своей конечности до предыдущей; 2) темпоральные извилины не соединялись одни с другими никакими переходными складками, и из-за этого они были даже совершенно изолированными и незамысловатыми... Морфология мозжечка: 1) у человека из Шанселада боковые доли мозжечка, разделенные один от другого интервалом от 1,5 до 3 см, были менее развитыми, что у современного человека не так; 2) наоборот, срединная доля, или *vermis*, попадающая в данный интервал, должна была представлять развитие более значительное, чем сегодня; в то же время надо заметить, что сзади она была мало

выпуклая, так как в точке ее соприкосновения с эндочерепом нет лунки, предназначенной для ее восприятия. Именно в этом проявляется недоразвитость».

Однако не стоит думать, что человек эпохи северного оленя был психологически ниже художников — современных мамонта. Он не оставил нам статуэток из кости, но он мог вытачивать изделия из рога. В любом случае он оставил нам значительное количество барельефов, простых гравюр и гравюр с зубчатыми контурами, изображающих животных, растения и разные бытовые сцены. Господа Пьетт и Картальяк изобразили кое-что из этих сюжетов, а в различных сборниках можно найти огромное количество разных сцен¹. Эти гравюры и скульптуры выточены из оленьего рога, реже — из кости или камня, причем мы видим, как точно художники уловили пропорции изображаемых объектов. Стиль немного отличается от предыдущей эпохи. Эбурнейское искусство (заимствуя термин Пьетта) больше напоминает протоегипетское, туземное искусство до VI тысячелетия до н. э., до прибытия египтян из

---

¹ Кроме классических *Reliquiæ aquiticae* Ларте и Кристи и *Album pre-historique* Мортилье основными большими сборниками, по которым можно проконсультироваться, являются две работы Пьетта, находящиеся в стадии публикации, — *L'Art pendant l'âge du renne*, и работа Жиро и Массена — *Stations de l'âge du renne dans les vallées de la Vézère et de la Corrèze*. См. также Homes, *Urgeschichte der Bildenden Kunst*, Wien, Holzhausen, 1898. Множество изолированных фрагментов было опубликовано в Ревю д'Антроположи, в Антропологии и, особенно, в Материалах по натуральной и древнейшей истории человека, 1869, 1873–1877, 1880, 1885 гг. Есть хорошие серии в музее Парижа и Британском музее.

Сборники и музеи искусства, коллекционирующие множество безвкусных безделушек, не предоставили доступа к творениям доисторического искусства, и они не получили торговой стоимости, которая могла бы гарантировать их сохранность. Статуэтки из кости из коллекции господина Пьетта я рассматриваю как равные по искусственной ценности знаменитым терракотам из Танагра; их ценность неизмеримо выше, так как они датируются, по крайней мере, тридцатью тысячами лет до эллинистической прекрасной эпохи. В то же время гроты, содержащие шедевры доисторической глиптики, отданы под фосфаты, ценность которых неизмеримо ниже, чем любого самого малоценного изделия Танагра, и шедевры вперемену с останками их творцов отправлены на мельницы. Это доказывает, насколько утонченность предметов искусства является делом вкуса, а их ценность определяется влиянием конкуренции, где снобизм имеет больший вес, чем чувство прекрасного.

Менеса, тарандское искусство пользуется средствами, немного отличными от халдейского древней эпохи, даже манерой изображать рельеф мышц, и охотники за оленями оставили нам изображения в разрезе, демонстрирующие их анатомические познания. Скульптурные изображения колосьев ячменя наводят на вопрос: «Может, они культивировали этот злак, как ближе к эпохе пятого оледенения их преемники элафийского времени возделывали пшеницу?»¹. Те же охотники за оленями оставили нам во многих гротах — в Мут, Пэр-нон-Пэр — цветные гравюры, образующие на стенах что-то вроде фресок². Со своими незамысловатыми извилинами и немалой массой мозга (одно уравнивает другое), я думаю, они вылепили бы неплохую фигуру в наших школах изящных искусств.

А нам, чтобы найти примитивного человека, нужно спуститься по исторической лестнице в начало плейстоцена. Определение филогенического происхождения *H. Priscus*, его родственников и потомства является вопросом крайне тонким. Ближе всех к нему находится знакомый нам сюжет из Шанселада из Ложери, обладающий чуть более утонченным костяком. Череп из Плакарда, не столь удлинненный, попадающий даже в пределы брахицефалии, поскольку его цефалический индекс достигает 80, отличается от него лишь заметно уменьшенной задней частью, что, вероятно, является индивидуальной чертой, которая, однако, сближает его с *H. Contractus*. Новый скелет, обнаруженный в пещере Отто близ Русильона (департамент Эн), обнаруживает цефалический индекс, равный 77,34. Так как этот субъект не вполне взрослый, то можно предположить, что его индекс должен был бы стать чуть ниже 77, то есть промежуточным между черепом женщины из Плакарда и черепами мужчин из Шанселада с индексом, равным 72,02, и Ложери — 74,87³.

¹ Со всей определенностью можно сказать, что они одомашнили лошадь, как раз с эпохи северного оленя. См. Пьетт, *Notes pour servir à l'histoire de l'art primitive*, Anthropologie, 1894, V, 129–146. Автор изображает (с. 139 и 141) головы лошадей с очень сложными чумбурами.

² Rivière, *La grotte de la Mouthe*, C. R. Ac. des Sc. de P., 1896, CXXIII, 543–546; 1897, CXXIV, 731–734. Daleau, *Les gravures sur roches de la caverne de Pair-non-Pair*, Actes de la Soc. archéologique de Bordeaux, 1897.

³ В целом, по экземплярам, известным как *H. Priscus*, см. Hervé, *La race des Troglodytes magdaleniens*, R. de l'Ec. d'Anthrop., 1893, III, 173–188.

Вообще, по одной из гипотез, *H. Priscus* — результат местной эволюции *P. Neanderthalensis*. Я ничего не имею против. У двух этих рас огромное сходство. Один и тот же могучий скелет, тот же небольшой рост, та же объемная голова, вплоть до мелких деталей конечностей все аналогично. Только в черепе произошло некоторое утончение черт, который от почти обезьяньего эволюционировал до вполне человеческого — вполне развитым даже до средних параметров наших дней по форме и объему. Лицо мало изменилось, только верхняя часть трансформировалась из-за эволюции черепа. В целом, оно осталось высоким, широким, утончающимся кверху и в то же время выпуклым — таким, какое демонстрирует голова девочки в капоре, выточенная из кости. В то же время нижняя челюсть обрела подбородок, что придает еще более выступающий рельеф нижней части лица.

Однако нужно настоятельно отметить, что такое родство — совершенно гипотетическое. Это совершенно отвлеченная концепция, основанная на вероятных путях эволюции, но до сих пор у нас нет никакого промежуточного этапа между этими видами. Некоторые экземпляры *P. Neanderthalensis* производят впечатление сближения с типом *H. Priscus*. Нижняя челюсть из Арси-сюр-Кюр представляет пример наличия рудимента подбородка. Череп № 2 из Спай, череп из Брешана и еще в большей части лобная кость из Марсильи ослабляют среднюю платицефалию, тогда как черепной свод из Неандерталя ее увеличивает¹. Какой

Раскопки в Отто не были подтверждены большинством методов. Они были проделаны юре. Этот довод не представляется мне достаточным. Мне кажется, что автор был прав, но не стоит забегать вперед, прежде чем оценку не дадут специалисты.

Мой друг и давний ученик Боби в Эстажеле открыл скелеты эпохи северного оленя, которые, как кажется, не связаны ни с одной из известных рас и которые, вероятно, внесут сумятицу в современную научную систематику. Нужно дождаться публикации о фрагментах профессора Денере. См. Donnezan, *Grotte d'Estagel*, Bull. de la Soc. Agricole, Scientif. et Litt. des Pyrénées-Orientales, 1895, XXXVI.

¹ Швальбе отделяет свод черепа из Эгишейма от неандерталоидной группы по причине меньшей платицефалии (*Ueber die Schädelformen der ältesten Menschenrassen*, Mitt. der philom. Gesellschaft in Elsass-Lothringen, 1897, V). Мануврие рассматривает черепа из Марсильи и Брешана как сглаженные формы (R. de l'Ec. d'Anthrop., 1897, VII). Те же представления

ни возьми, все эти фрагменты сильно гомогенные, и между самыми совершенными, с одной стороны, расой *H. Priscus* — с другой, интервал гораздо больше, чем между этим последним и любой другой человеческой расой. Следовательно, возможно, что *H. Priscus* произошел от какого-то *Pithecanthropus* по-другому, чем *Neanderthalensis*, или даже произошел в результате эволюции, параллельной *Pithecanthropus*, через формы, досель неизвестные, и что он произошел из неизвестной страны, наслонившись на расу Неандерталя и в конце концов истребив ее. Еще возможно, что данная форма сосуществовала с питекантропом в эпоху мамонта и что фигурка девочки в капоре является тому свидетельством.

Еще уместно допустить близкое родство *H. Priscus* и современных гренландцев, *H. Arcticus* Геккеля, — тоже расу небольшого роста, очень долихоцефалическую, с объемным черепом и большим лицом. Определенно можно сказать, что антропометрия и тип лица предоставляют аналогии столь многочисленные, что это не может быть совпадениями. Гренландцы и в целом эскимосы живут в условиях совершенно аналогичных тем, что были у нас в эпоху северного оленя. В недавнюю эпоху они занимали весь север Соединенных Штатов и Канады, где с ними имели дело скандинавы в Средневековье, и я уже заставил отметить идентичность климата Франции конца плейстоцена и климата современной Канады. Вытесненные во льды — от Гренландии до Аляски — краснокожими, они мало изменили свой образ жизни. Цивилизованные датчанами и американцами, они обратили на себя внимание благодаря своим способностям. Сейчас у них есть литература, типографии, журналы на их языке, и в течение одного поколения эта раса прошла больший путь, чем негры за 10 тыс. лет.

Возможно, что наши магдаленцы были братьями эскимосов. Это можно объяснить пусть миграцией, пусть параллельно развивающейся эволюцией, но мы можем строить лишь безосновательные гипотезы. Северный олень среднего плейстоцена был *Groenlandicus*, в отложениях той эпохи и вплоть до *Carabus*

содержатся в работе Ньютона касательно нового палеолитического скелета, найденного в Галлей-Хилл, Кент (*On fossil remains found in paleolithic gravels, Quart. Journ. of the geolog. Soc.*, 1895, LI, 505–527).

Groenlandicus найдена гренландская собака. Олень Канады был тот же, что в Европе, равно как и множество видов. Не пристало никоим образом удивляться, что человек эпохи северного оленя в Северной Америке выжил, как многие другие его современники.

Сообщение по суше единожды, а может неоднократно, восстанавливалось на протяжении плейстоцена, и может быть, что путешествия человека были облегчены благодаря навигации в некий момент, когда уже могло иметь место нарушение сообщения. Я не стану обращаться к примеру индейцев, высадившихся в Германии в романскую эру¹, так как Гольфстрим благоприятствует путешествиям из Америки в Европу и препятствует путешествиям в противоположную сторону, но мы знаем, что таких условий во время четвертого межледниковья не существовало. Помимо отмеченного сходства с эскимосами — смежной, но вполне четко определенной расой *H. Asiaticus*, — которые могли бы заставить нас принять магдаленских охотников за желтых, есть и еще более достоверные сходства с долихоцефальными лептопросопными расами Европы — собственно средиземноморцы и собственно *H. Europæus*. Вытянутое и широкое лицо, смягченное книзу, свойственное обладателям черепа из Форбс-Кворри, что в Гибралтаре, черепа из Спай, черепов из Шанселада, Ложери, Нижнего Сорда, Плакарда, Отто, субъекту из пещеры Гурдан, статуэтке в капоре — это почти что прототип, правда грубый и топорный, германца из Райхенгребера и итальянца из Сицилии.

Кроманьонская раса, *H. Spelæus* Lap. Я не настаиваю на доисторической расе, хорошо известной под именем Кроманьон, или Бом-Шод, которой я дал имя *H. Spelæus*. Эта раса явно является близкой родственницей *H. Priscus*, но от нее она отличается по многим характеристикам. Рост выше среднего, около 180 см, тогда как у питекантропа и у магдаленского человека он не превы-

---

¹ Сей факт сообщен Плинием (*H. Nat.* II, 67) и Помпонием Мелой (III, V, 45), если верить Корнелию Непосу. Де Селенер рассматривает этих индейцев как вдохновивших автора одной из бронзовых голов Лувра, поразительно смахивающей на портрет краснокожего (*Type d'Indien du Nouveau-Monde représenté sur un bronze antique du Louvre*, Mem. cour. de l'Acad. de Belgique, serie 8, XLV).

шает 160 см. Скелет гораздо менее массивный, большая берцовая кость очень платикнемическая, малая берцовая кость рифленая, тоже не округленная, мощная, нижние конечности гораздо длиннее, череп более долихоцефалический, имеет более заметную покатость спереди и сзади и является, таким образом, менее эволюционно продвинутым. Лицо совсем другое. Орбиты мало приподняты, а внешний апофиз лобной кости не загибается. Кости верхней челюсти объемные и мощные, но мало приподнятые. Благодаря такой структуре физиономия совершенно особенная, его характерной особенностью является ширина. Сравните череп старика из Кроманьона, который превосходит расовый тип, или череп из Саржель, который его в точности воспроизводит, — одно и то же впечатление. Простого исследования лица этого индивида оказалось достаточно, чтобы увидеть разную генеалогию *H. Spelæus* и *H. Europæus*, хотя господа Топинар, Картальяк, де Мортилье рассматривают *H. Spelæus* как представителя первых вторжений блондинов.

H. Spelæus, вероятно, представляет более развитого *H. Priscus*, но может также происходить вследствие параллельной эволюции. Кажется, он североафриканского происхождения. Его находят во французских пещерах с конца четвертого межледниковья. В Мантоне он, по-видимому, был современником магдаленцев, с немного отличающейся индустрией и был обделен художественными талантами. Однако удалось обнаружить статуэтку, выполненную *H. Spelæus*. Возможно, это он жил в Солютре — тогда получила бы объяснение трудность различения четвертичных скелетов неолита в пределах этой знаменитой стоянки. В неолитическую эпоху его находят почти по всей Европе, но особенно на юго-востоке континента. Туземная раса Канарских островов отчасти принадлежит такому типу, и сегодня он в изобилии встречается в Марокко, Алжире, Испании. Можно даже считать эту расу разновидностью, с немного более увеличенным индексом, средиземноморской, или прибрежной, расы Деникера — очень брюнетической, черепной индекс которой составляет 77–78, а у живых — 79–80.

Раса *H. Spelæus* дает множество разновидностей по росту, по индексу и по окрасу. У многих субъектов лицо менее широкое, менее приплюснутое, и орбиты тоже менее сплюснутые. Эти

нюансы легко видны, если изучить даже небольшой статистический ряд неолитических черепов. В случаях, когда несхожесть физиономий становится более явной, — это говорит о смешениях с популяциями *H. Europæus* или средиземноморского типа. Впрочем, нужно сказать, что у популяций типа *H. Europæus* часто встречаются субъекты с коротким лицом, хотя окрас остается светлым. Дело в том, что, видимо, элементы происхождения *H. Spelæus* в эволюционном процессе сливались воедино, что придало *H. Europæus* его столь характерные особенности. Вероятно также, что речь шла о разновидности расы *H. Europæus*, аналогичной той, что произвела *H. Spelæus* за счет другой расы. Не менее очевидно, что эти индивиды атипичны и что тип *H. Europæus* допускает лицо большое и высокое одновременно.

В момент потепления наших регионов, ближе к концу четвертого межледниковья, *H. Spelæus* начинал продвигаться к нам, вытесняя *H. Priscus*, который уже отступал к северу. Обе расы, таким образом, находились в некоторой зависимости от климата, выбирая наиболее подходящий. Понятно, что в таких условиях племена кроманьонской расы могли прибыть в район, где происходила трансформация *H. Europæus*, и смешаться с ним.

Недавние исследования высветили наличие в Центральной и Восточной Европе множества рас в эпоху, последующую пятому ледниковью. Некоторые могли существовать уже в наших странах в предыдущие эпохи, но у нас нет никаких свидетельств, позволяющих это утверждать. Эти расы не могут иметь ничего общего с *H. Europæus*. Один *H. Contractus* очень маленького роста отмечен уплощением лица, задняя часть его черепа скошена, что ставит индекс в самое начало брахицефалического ряда. Вероятно, эта раса является угнетенной формой, развивавшейся параллельно здоровой форме *H. Spelæus*, имеющей схожие очертания лица. Также всесторонне описаны долихоцефальные пигмеи, все еще мало изученные. Несколько укороченных черепов также предполагают наличие очень брахицефалических рас, продуктом скрещивания с которыми они должны бы были быть. Среди этих брахицефалических рас с большой вероятностью можно назвать некоторые формы группы *H. Acrogonus*, почти типичные экземпляры которых найдены на Иберийском полуострове, в Пиренеях и Севеннах (Сэнса, Саллель) и даже в Па-

риже (карьер Эли). Черепа этих рас относительно редки, так как подавляющее большинство захоронений дают в основном типы Кроманьона, средиземноморские и *H. Europæus*. Порой ошибка происходит на уровне толкования первичных вещественных свидетельств, а эти последние в наши дни преступным образом уничтожаются фосфатами. У Революции была отговорка, когда наши поля сражений оказались усыпаны архивами, превращенными в зарядные картузы, что она совершает великое дело, распространяя по всему миру вздор наших философов. Но сегодняшняя Франция покрывается вечным позором, так как она, без всякой причины и необходимости, превращает архивы человечества в удобрения.

Средиземноморская раса (*H. Meridionalis*). Нам осталось только поговорить о неолитической расе, чья историческая роль была значительной и которая до сих пор покрывает своими потомками часть средиземноморских территорий и острова. Это раса небольшого роста, хрупкого телосложения, очень брюнетическая, долихоцефальная и лептопросопная, которую до сих пор часто путают с кроманьонской под именем средиземноморской. Между двумя этими расами есть заметное сходство, череп и скелет имеют много общего, но различий все-таки больше. Средиземноморская раса *Sensu stricto* отличается от всех прочих наших рас своим более низким цефалическим индексом, узким и крайне высоким лицом, от *H. Spelæus* и всех его разновидностей она отличается лицом, увеличенным по длине, а не по ширине, и своим гораздо более низким ростом — несколько больше, чем у пигмеев. Она ближе к *H. Europæus*, чем к любой другой, и от него она отличается, главным образом, окрасом и ростом.

Эти сведения о близости между *H. Europæus* и средиземноморской расой весьма важны. По-видимому, две эти расы почти идентичны по происхождению. Высокий рост и депигментация являются чертами чрезвычайно важными, но у первой они являются новыми, и ее предки не были ни очень высокорослыми (поскольку от эпохи к эпохе скрещивание усиливалось), ни депигментированными. Собственно средиземноморец, которому я вынужден присвоить имя *H. Meridionalis*, тоже не всегда обладал утонченными формами, его лицо тоже не всегда было удлинен-

ным, а череп — узким. Как мы увидим со всей очевидностью, у самых примитивных форм *Ното* индексов ниже 70 не бывает. Таким образом, две расы пребывают в процессе расхождения, но могут разделяться некоей общей ветвью. С другой стороны, лептопросопные средиземноморцы могут быть в значительной мере результатом скрещивания долихоблондов с другими расами, ныне широко распространенными вплоть до Сомали и Сенегала, кожа которых приближается к черной, но которые неграми не являются.

От сомалийца и сенегальского мавра, от нубийца и феллаха до самого чистокровного норвежца имеются все переходные формы в том, что касается окраса, а разница в скелете столь мала, что она едва превышает пределы индивидуальной изменчивости между самыми крайними типами в каждой расе. Все эти популяции являются просто одним и тем же видом, адаптированным к различным климатам, облаченным в разную наружность, но все разновидности которого все еще находятся в некоей преемственности друг к другу. Они смешались и смешиваются без конца таким образом, что исключена вероятность полного разделения. Египтяне демонстрируют нам Северную Африку, населенную блондинами до самой Сахары. Прокопий (*de Bello vandalico*, XI, 3) преподносит нам блондинов как обитателей Южной Сахары, а, с другой стороны, брюнетические расы безостановочно наводняли Европу по примеру расы Кроманьон. Напомню, что я даже нашел в Кастильено череп аутентичной негритянки, занесенной, вероятно, из Нигера или Сенегала в аргарскую эпоху.

Такое несомненное сходство между *H. Europæus*, средиземноморцем, *H. Nuba* Геккеля и т. д. объясняет, почему Бринтон и Серджи помещают колыбель расы долихоблондов в Африке и почему последний энергично настаивает на том, чтобы представить долихоцефального блондина простой ветвью средиземноморцев. Серджи изобрел систему номенклатуры черепных форм, весьма ограниченной по количеству, которая позволяет делать более впечатляющие соответствия, чем сравнительные таблицы. В результате исследования серии германских черепов он опубликовал в *Centralblatt für Anthropologie*, 1898, III, 1–8 короткую работу *Ueber den sogenannten Reihengräbertypus*, посвященную демонстрации многочисленных общих форм этих серий

с древними средиземноморскими сериями Италии. Он отмечает как общие следующие формы группы Эллипсоидов: *planus*, *rotundus*, *africus* и группы Пентагоноидов: *acutus*, *obstusus*. Я видел гораздо более многочисленные фрагменты и могу лишь подтвердить наблюдения Серджи.

Образование арийской расы. Впрочем, я не считаю, что все происходило так, как думает Серджи. Высокое лицо *H. Europæus* в то же время является широким, и этого вполне достаточно, чтобы не делать вывод о том, что данная форма вначале прошла через тонкий тип лица, как у неолитического средиземноморца. Я совершенно уверен, что было продвижение с юга на север, по мере того как поднималась зона теплых дождей. Еще я думаю, что предок *H. Europæus* уже мог быть в процессе эволюции на южной границе обитания *H. Priscus*, тогда как последний все еще процветал во Франции. Возможно даже, что этот предок проживал неподалеку от района проливных дождей четвертого оледенения, но эту древнюю обитель я поместил бы ближе к Португалии, в регион с влажным и уже умеренным климатом, где могла бы начаться эволюция, чтобы впоследствии продолжиться по мере продвижения расы к северу. Это крайнее, что я рассматриваю как вероятное в гипотезе Бринтона и Серджи. Я уже на деле показывал, насколько мало климат Барбарии в плейстоцене благоприятствовал эволюции типа в направлении блондина.

Эти вхождения в подробности, впрочем, не обладают особой важностью — был ли предок в большей или меньшей степени близок типу *H. Priscus* или типу средиземноморца, важно то, что его эволюция происходила в регионе Латтама, и сообщения о генеалогии *H. Europæus* можно схематизировать так: *H. Spelæus*, *H. Contractus*, *H. Nuba*, *H. Arabicus*, *H. Meridionalis*, *H. Europæus*, *H. Arcticus* Геккеля, *H. Priscus*, *Pithecanthropus*.

ГЛАВА 4

Доисторические арийцы

Первобытные арийцы. Вплоть до сегодняшнего дня мы не располагаем ничем, что бы относилось к *Homo Europæus* древнейшей эпохи. Когда эта раса занимала регион Латтама, она не могла достичь Норвегии, от которой была отделена глубоким морским проливом. Проникнуть в Скандинавию с этой стороны арийцам помог прогресс в навигации. Мы находим следы первобытных арийцев и даже их скелеты в юго-западной части Британских островов, в Нидерландах, на юго-востоке Западной Германии, то есть на территориях, которые не были отделены от земли Латтама и которые обладали схожим климатом, а также в Шотландии, Англии и Скандинавии. Останки человека, имеющиеся в нашем распоряжении, относятся, к сожалению, лишь к среднему неолиту, за исключением черепов, найденных в Скандинавии в кьёккенмеддингах Стэнгенэс (Nillson, *Les habitants primitives de la Scandinavie*, tr. fr., Paris, 1868, 153–159 et pl. XV).

Череп Стэнгенэс вполне совпадают по времени с отложениями, в которых были найдены, и эти отложения принадлежат эпохе, предшествующей поднятию, которое сформировало озеро Анцилус. Значит, их можно датировать приблизительно пятым ледниковым периодом, то есть эпохой, когда предки *H. Europæus* в процессе становления были вытеснены из Латтамы оседаниями почвы, которые были характерны для региона. Сохранился замечательный фрагмент — средний между *H. Europæus* и *P. Neanderthalensis*. Однако стоит ли его рассматривать как доказательство прямого родства? Я считаю, что чрезмерное развитие надбровной области — индивидуальная особенность индивида или самое большее — доказательство скрещивания с потомками *P. Neanderthalensis*. Параметры одного из черепов

таковы: максимальная длина — 200 мм, ширина — 147 мм, окружность — 550 мм, индекс — 73,5. Параметры другого, менее выраженного: 196, 147, 556 мм, индекс — 75 (лобная часть последнего ближе к *H. Europæus*).

Пещеры Англии и Шотландии предоставили весьма многочисленные сюжеты начала и середины неолитической эпохи, одни из которых неопределенные и представляют собой типаж средний между *H. Meridionalis* и *H. Europæus*, другие — гораздо ближе к последнему. Среди этих черепов — не столь удлинённых, утолщённых сверху и с боков — черепа из пещеры Перти-Шварё в стране галлов, обладают индексом 76,5 и странным образом напоминают современные формы *H. Europæus*. Таким сходством отличаются черепа из пещер, в отличие, например, от черепов из дольменов *long-barrows* (последние более раннего происхождения и датируются концом неолита).

По-видимому, на Британских островах раса *long-barrows* — более долихоцефальная, с более прямыми линиями черепа — появилась лишь в среднем неолите, прибыв из Испании и Южной Франции. Возможно также, что эта раса, чье сходство с *H. Meridionalis* поразительно, сформировалась без процессов иммиграции и скрещивания, в процессе эволюции части *H. Europæus* к более мелким формам, аналогичным тем, что у *H. Meridionalis*. Наконец, не следует отрицать вероятность того, что эта раса формировалась обоими путями.

Long-barrows, впрочем, тоже предоставляют нам, особенно на севере, неплохую подборку индивидов *H. Europæus*, чрезвычайно похожих на современные разновидности этого типа. Два черепа, изображенные когда-то Вильсоном в «Доисторических хрониках Шотландии», как типичные представители самого древнего населения дольменов Шотландии, принадлежат расе долихоблондов и отличаются от средиземноморской расы. То же самое можно сказать о черепе из кургана Гет из Кейтнесса, индекс которого равен 76,5, и о других там же найденных семи черепках, средний индекс которых, согласно Хаксли, составляет 75,14. Впрочем, Тюрнам делает различия между *chambered long-barrows* и *simple long-barrows*. Средний индекс 40 черепов представителей первых составляет 75,5. Что касается вторых, их черепа долихоцефалические, довольно узкие, поэтому они,

вероятно, принадлежат разновидностям *H. Meridionalis*. Так как Турнам берет максимальную длину офриона, а не межбровья, как это делают со времен Брока, то размеры оказываются слишком небольшими, и надо бы понизить средний индекс до 74.

Великолепные иллюстрации в натуральную величину из *Crania Britannica* Турнама и Дэвиса позволяют отличить долихоцефалов, приближающихся к *H. Europæus*, от долихоцефалов, которые тяготеют к *H. Meridionalis*. Два черепа из Феникс-Парка в Дублине, череп из Ньюбигтинга, Оркнея, череп из Веттона, черепа из Литтлтон-Дрю, Морганс-Хилла и Бэнкомба тоже вполне могли бы происходить из какого-нибудь галльского захоронения на Марне или Райхенгребера франкской эпохи. Черепа некоторых долихоцефалов, чрезвычайно удлинённые, сжатые с боков, напоминают черепа древних обитателей Средиземноморья. Эти объекты, сотнями проходившие через мои руки, различаются затылочной областью, а также некоторым количеством деталей и представляют собой, скорее всего, промежуточный вариант.

К аналогичным выводам приводит и изучение роста. Средняя длина бедренной кости 13 субъектов *long-barrows*, выделённая в таблицах *Crania Britannica*, составляет 45,6 см. Применяя формулу Мануврие, я рассчитываю рост, скорее всего, мужчины, который оказался равным примерно 166 см. Средняя длина трех бедренных костей, принадлежавших женщинам, — 41,9 см. Тогда рост этих женщин, вероятно, достигал 155 см (что подтверждает предыдущий результат, поскольку общепринятая разница между ростом мужчины и женщины составляет около 11 см).

Данные по росту являются промежуточными между *H. Europæus* и *H. Meridionalis*, а если мы думаем, что первый в доисторическую эпоху не был таким, как сейчас, то придется попытаться исключить его аналогию с *H. Meridionalis*. Действительно, рост субъектов *long-barrows* (если только измерения Турнама были точными, как это принято считать) в точности такой же, как рост галлов периода марнского вторжения и франков Райхенгребера.

В конце эпохи полированного камня мы видим, что в Англию проникает некий другой народ. Вслед за *long-barrows* идут *round-barrows*, которые являются представителями эпохи бронзы. Черепа новой расы очень отличаются от черепов древ-

него населения, по-видимому, покинувшего страну, потому что в захоронениях нового типа оно в меньшинстве. Новая раса, слегка брахицефалическая, — высокорослая, ее рост аналогичен росту современных англичан и составляет примерно 170 см. Лица высокие и широкие, орбиты глаз выпуклые, лоб покатый. Представители этой расы, ныне обитающие в Англии, рыжие с зелеными глазами. Этот вывод сделали по останкам волос, найденным в захоронениях. К тому же нет никакой аналогии с нашим современным брахицефалом, *H. Alpinus*, рост которого ниже среднего, лицо, вероятно, маленькое и короткое, цефалический индекс на 3–4 единицы больше, чем у темной масти.

Эта раса была найдена в датских дольменах, особенно в Бёрреби, откуда и происходит ее имя — раса Бёрреби. Она, по-видимому, обладает огромным сходством с большим белокурым метисом *H. Europæus* и *H. Dinaricus* — ныне широко распространенным в Северных Альпах, Германии и на востоке Франции, — это раса высокого роста, с большим, массивным лицом, слегка брахицефалическая и со свирепой внешностью, хорошо известная по портретам одного из своих типичных представителей — графа Бисмарка.

Появление этой новой расы в Англии, по-видимому, совпало с Великим переселением народов. Долихоцефалы Британии с давних времен начали передвижение к югу, заняв континентальную Бретань и ее окрестности, Пуату и Лимузен, Гиен и Лангедок и, наконец, достигнув Средиземноморья на участке от Нарбонны до Роны. Этой волне переселенцев я приписываю бесчисленные дольмены Франции, которые по времени соответствуют второй половине неолитической эпохи и началу эпохи металлов. В этих захоронениях мы находим типы, представленные в *Crania Britannica*, смешанными с потомками более долихоцефалического древнего населения — результат переплавки средиземноморцев с кроманьонской расой.

Понятно, что в таких условиях расе Бёрреби было легче утвердиться на площадях, полуопустошенных эмиграцией. И действительно — долихоцефалам никогда не удавалось взять верх, вплоть до прибытия галлов на острова. Со своей стороны, раса Бёрреби могла быть изгнана с континента контрударом отхода арийцев, которым в их владениях угрожала трансгрессия в эпоху

образования Литоринового моря¹. Эта трансгрессия в действительности соответствует последним временам скандинавского полированного камня и началу эпохи металлов и стартует ближе к IV тысячелетию до н. э.

Данные, предоставленные шведскими геологами, позволяют предположить, что длительность периода предыдущего поднятия составляла около 4 тыс. лет, а длительность периода предыдущего погружения, максимум которого совпадает с эпохой кьёккенмеддингов, — 3 тыс. лет. В эту эпоху население региона Латтама должно было совершить первое вторжение на континент. Это привело к рассеянию по всей Центральной Европе первых *H. Europæus*. Скрещивание с расами, о которых пойдет речь в главе 5, происходило начиная с этой эпохи. Наступление в других направлениях менее долихоцефалических популяций, вышедших из Центральной Европы, ближе к последним временам полированного камня или к началу эпохи бронзы, было спровоцировано вторым вторжением. Именно начиная со второго вторжения на континент я отметил бы начало арийской цивилизации в Центральной Европе.

Эта цивилизация не могла предшествовать многим классическим цивилизациям, от которых она отделена лишь одной стадией. Однако она родилась не в гомогенном племени, а в достаточно сложной этнической среде. Важно не забывать это различие между арийцем антропологическим и арийцем этнографическим. Мы как раз находимся в той точке повествования, где такая путаница должна быть устранена.

Сейчас среди ученых бытует мнение, что арийские языки вышли из ветви финно-угорских языков. Сходство действительно немалое, и его нельзя объяснить иначе, как ариизацией этих последних либо прямой связью. Вероятно, известные нам финно-угорские языки должны были претерпеть несколько сдвигов частичной ариизации, но, в целом, сходство, как кажется, восходит к более древней эпохе. Казалось бы, что на обширных пространствах говорили на финно-угорских языках и что эволюция, произошедшая на части этого пространства, привела

---

¹ Морской бассейн, существовавший в последледниковое время (около 7–7,5 тыс. лет назад) на месте современного Балтийского моря. — *Прим. ред.*

к образованию арийских языков. Эта трансформация, вероятно, произошла под влиянием второй волны, исходящей из региона Латтама.

Эту гипотезу финно-угорского происхождения арийской культуры нельзя путать с гипотезой Прюнер-Бей или Тэйлора, которые рассматривали арийцев как брахицефалов, вышедших из финно-угорских брахицефалов. Я повторяю, что этнография — это одно, а антропология — совсем другое. Совершенно определено — эта популяция, финно-угорская по языку, которая, как я полагаю, занимает огромную часть Европы в конце неолитической эпохи, не имела ничего общего ни с монголоидными брахицефалами, ни даже с финно-угорскими народами нашего времени.

Доисторическая археология совершенно точно установила, что территория России, включая Западную Сибирь, а также Кавказ, до середины неолитической эпохи не была заселена. Когда Западная Европа в эпоху топоров из полированного камня уже знала тонкие отделанные стрелы и свайные постройки, Восточная Европа еще не была заселена человеком. Можно сделать исключение для нескольких стоянок вдоль Балтики или на Балканском полуострове. Это важное замечание отсекает все гипотезы, связанные с нашествиями азиатов. Эти последние могли исходить разве что из Малой Азии.

Русские палеоэтнологи в своих трудах устанавливают, что с середины неолитической эпохи вплоть до Средних веков народонаселение в тех областях России, которые ныне являются более или менее монголоидными, составлял *H. Europæus*. Этот регион не был его колыбелью, но именно там он долгое время сохранялся в наиболее чистом виде, почти не встречая распредшественниц, с которыми мог бы смешаться. Современные финно-угорские народы приобрели свой нынешний тип только со времен Средневековья, и для большинства из них, история которых нам хорошо известна, в средневековых и недавних захоронениях можно отследить прогресс в сторону арийского антропологического типа. Современные формы, которые некоторые антропологи относят к угорским, являются результатом множественных недавних метисаций, и если бы за цивилизацией и наречиями угорских популяций мы искали антропологиче-

ский тип, мы бы опять встретили *H. Europæus*. Этот феномен объясняет сходство некоторых доисторических черепов народов Центральной и Западной Европы с черепами нынешних угорских племен. Речь не идет о потомстве, но как раз подобные скрещивания в различных областях и в разные эпохи с неизбежностью давали подобные или схожие результаты.

Итак, мы вплотную подошли к следующей концепции: синтезу бесконечного множества фактов различной природы. К середине эпохи полированного камня Центральная Европа была занята смешанным населением. Доминирующим элементом был *H. Europæus*, говорящий на языке финно-угорского происхождения, но уже эволюционировавший к арийским формам. Натиск, вызванный приходом значительных масс *H. Europæus*, поднимавшихся вверх по течению грандиозных водотоков, по мере того как море затопляло прежние места обитания, предопределил миграцию этого населения во всевозможных направлениях, а особенно к востоку, где отсутствие жителей делало колонизацию наиболее легкой. Собственно арийская лингвистическая и этнографическая эволюция произошла в Центральной Европе в результате этого нового наплыва элементов *H. Europæus*.

Я намереваюсь подробно изучить миграцию во Францию с Британских островов, которая имела судьбоносное значение. После того как я закончу с этой важной, но ныне угаснувшей ветвью, я возвращусь к собственно арийцам, чтобы отследить их судьбы вплоть до наших дней. Такой хронологический порядок на время отдаляет меня от основной массы ариев. Однако он мне навязан фактами, поскольку ветвь, о которой я собираюсь говорить, была предшественницей ариев по расе и языку во многих странах.

Племя дольменов. Если мы посмотрим на карту дольменов, особенно на ту, которая приведена в «Кельтской и галльской археологии» Бертрана, мы заметим, что эти памятники, необычайно многочисленные на Британских островах, есть и во Франции — от Бретани до департаментов Од, от Эро до Гар, но при этом их площадь составляет обширную зону, с юга ограниченную Гаронной, а с севера — Артуа и Пикардией. К востоку от линии, проходящей от Реймса к устью Роны, дольмены очень

редки. Археологическое изучение погребальных принадлежностей показывает, что самые древние дольмены расположены на севере области, а дольмены Южной Франции почти целиком совпадают с границами эпохи бронзы.

Эти памятники, таким образом, являются захоронениями некоего неолитического племени, которое вышло с Британских островов и продвигалось к Средиземноморью, а затем плотно расселилось на западе Франции: от устья Сены до устья Жиронды, а частично — в верхних бассейнах Сены и Луары. Отдельные дольмены на юго-западе, востоке, северо-востоке и юго-востоке, видимо, обозначают только этапы набегов или отдельные и милетные расселения.

Внутреннее убранство дольменов показывает, что племя, останки которого они хранят, состояло из мореплавателей. Они охотно селились на берегах и легкодоступных долинах крупных рек.

Точно такие же дольмены, расположенные в Западной Испании и Португалии, показывают, что это неолитическое племя охотно отправлялось в плавание в открытое море и частично колонизировало берега вплоть до Гибралтарского пролива. Часть таких поселений была расположена даже на марокканском побережье.

В другом направлении мы обнаруживаем эмигрантский поток, идущий от побережий Лангедока и дельты Роны, который оставил следы на островах Средиземного моря, в некоторых пунктах побережья Италии и во всей области между Алжиром и Египтом. В последней из упомянутых областей использование дольменов, по-видимому, продолжалось довольно долго, и захоронения этого типа доходят до исторической эпохи.

Сейчас я не буду ничего говорить о дольменах Северной Европы и Азии. Я упомяну лишь, что дольмены Палестины можно сопоставить потоку переселенцев из Лангедока на острова Центрального и Восточного Средиземноморья. Все эти дольмены и некоторые менее роскошные захоронения поставляют нам антропологические типы, аналогичные типам *long-barrows* Англии, которые были смешаны либо с более средиземноморскими индивидами, либо с долихоблонтами, либо с местными расами, предшествующими племени дольменов.

Самый многочисленный тип среди черепов дольменов Франции это, конечно, *H. Meridionalis*, более или менее смешанный с *H. Spelæus*. Эти две формы составляют древний фонд неолитического населения. Мы находим их в древних гротах (Кроманьон), в захоронениях, предшествующих вторжению, которое мы изучали (некрополь Мопа, Вена) и в относительно недавних пещерах, где покоятся останки популяций, обделенных вновь прибывшими (Бом-Шод, Л'Ом-Мор). Элементы, прибывшие с Британских островов, дают серии с более высоким средним индексом — 74, 75, 76. Разница в индексе ощутима в Лозер, где выясняется, что для Бом-Шод он составляет 72,6, для Л'Ом-Мор — 73,2, для дольменов — 75,8. Но на дольмены Лозер я предпочитаю не полагаться. Среди 25 черепов данного происхождения шесть обладают индексом более 80. Мы даже обнаруживаем случай необычайно сильной брахицефалии с индексом 89,8. Это, видимо, указывает на позднюю дату дольменов Лозер, не только относительно вторжения с северо-запада, но также и относительно вторжения с северо-востока, которое обрушило на нашу страну второй вал иммигрантов — типичного *H. Europæus*, *H. Contractus* и различных брахицефалов. Серии пещер Лозер тоже не представляются нам вполне древними и являются, несмотря на тип населения, современными сериям дольменов — самый конец полированного камня, эпоха меди или начало бронзы. Люди пещер и люди дольменов, видимо, были героями последней схватки туземцев с завоевателями в регионе, куда докатилось вторжение.

Некрополь Мопа со своими многочисленными кремневыми резаками, наоборот, имеет датировку более древнюю, чем первое вторжение. Из-за того, что серия довольно многочисленная, это захоронение наилучшим образом подходит для сравнения древнего населения с населением дольменов. Жаль, что меня не было на свете, чтобы исследовать его, когда оно было открыто до своего разорения в 1863 г. Мой отец водил меня смотреть только что открытые курганы, и это было моей первой встречей с доисторическим миром. Итак, некрополь был весьма внушительным, а раскопки Тартарена основывались на каких-то жалких остатках. Тип Мопа, 18 сохранившихся экземпляров которого я мог наблюдать, сугубо *H. Meridionalis*. Череп очень до-

лихоцефалический, с индексом 72,6. Лицо узкое и высокое, нос лепторинический, рост малый.

Рост, рассчитанный по мужским бедренным костям 13 субъектов *long-barrows* (по таблицам *Crania Britannica* максимальная длина бедренной кости составляет 45,7 см), оказался равным 161 см. Средняя длина трех бедренных костей, принадлежавших женщинам, — 39,4 см. Следовательно, их рост достигал 155 см. Это подтверждает предыдущий результат, поскольку общепринятая разница между ростом мужчины и женщины составляет около 11 см. Вычисления с помощью формул Мануврие, преувеличены почти на 1 см. По внешнему виду раса очень гомогенная. Самый большой индекс — 75,2, самый малый — 69,0. Эти цифры подтверждают внешнее впечатление однородности.

Данные по росту являются промежуточными между *H. Europæus* и *H. Meridionalis*, а если мы думаем, что первый в доисторическую эпоху не был таким, как сейчас, то придется попытаться исключить его аналогию с *H. Meridionalis*. Действительно, рост субъектов *long-barrows* (если только измерения Турнама были точными, как это принято считать) в точности соответствует росту галлов марнского вторжения и франков Райхенгребера.

Этот тип практически в одиночестве представлен в погребальных пещерах и цистах Западной и Центральной Европы. Но только в Шаранте он стал скрещиваться с кроманьонским типом. Нет ни одной знакомой мне серии черепов дольменов Запада, которую можно сравнить с цистами Мопы. Раскопали невероятное количество дольменов в Турене, Пуату, Берри, Лимузене, в Ангумуа и Гиене, но сохранились всего лишь, как правило, по одному или по два редких черепа. Однако я имел возможность изучить около 40 объектов данного происхождения, среди которых обнаруживается 5–6 объектов с выпуклыми черепными профилями, являющимися аутентичными *H. Europæus*. Среди них только один обладает индексом свыше 80. Собрав больше материалов, я рассчитываю опубликовать монографию, которая наглядно покажет разницу между населением дольменов Запада и Парижского региона — позднейшего, в целом, по отношению ко второму вторжению и содержащего множество коротких черепов, принадлежащих самым характерным *H. Europæus* и мень-

шинству представителей туземной расы. Британские дольмены дали около 50 абсолютно долихоидных черепов.

В Британии везде, где есть тенденция к брахицефалии, она обнаруживается во вторичных захоронениях с предметами из бронзы или железа. Я не буду говорить о лангедокских дольменах. Они из того же разряда, что захоронения Лозер, и очень немногие из них являются чисто неолитическими. В Эро дольмены стали редкими, но более скромные кладбища и простые цисты покрывают буквально все возвышенности.

Я говорил, что племя дольменов высадилось на Атлантическом побережье Испании и Португалии. Рядом с местными элементами фрагменты из этих дольменов показывают нам присутствие некоторых других индивидов со средним индексом 74 или 75, аналогичных кроманьонскому типу, но с более высоким лицом. Эти черепа знакомы мне только по нескольким иллюстрациям и измерениям, но по лбу и подъянниакской области, мне представляется, что они настолько же отличаются от *H. Spelæus* и по лицу. Эти древние обитатели представляются мне идентичными неолитическим шотландцам Вильсона и типам *H. Europæus* французских дольменов Запада. Серьезная проверка неолитических черепов Испании, возможно, установила бы, что инфильтрация не ограничилась Атлантическим побережьем. Некоторые черепа из серий, опубликованных братьями Сире в их великолепной монографии, определенно ближе к *H. Europæus*, чем к *H. Spelæus*, с которыми все сходство состоит в заметной кривизне вертекса и в височных областях. Мне представляется, что неолитические черепа из серий Сире — это результат инфильтраций британского вторжения, в частности череп из Пуэрто-Бланко. Что до черепов из Аргара, то они определенно являются современниками позднейших великих вторжений, и экземпляры первого типа, ни в коей мере не являющиеся *H. Spelæus*, соотнести с британским вторжением с уверенностью нельзя.

Ливийцы. С потомками британской миграции я соотношу белокурое население, которое греки называли ливийцами, а египтяне — лебу и темеху. Этот народ обосновался на пограничных с Египтом территориях уже в XL–L вв. до н. э. Именно ли-

вийцы возводили дольмены, кромлехи и цисты Барбарии и Сахары. Одни из них являются современниками дольменов Франции, другие — более поздние; есть даже возведенные в начале нашей эры.

Эти белокурые племена с древнейших времен известны нам по египетским изображениям и рассказам о попытках их вторжения. Далее я буду говорить о «народах моря» и их союзниках на севере Африки, но первые принадлежат к собственно арийской группе и представляют волну миграций эпохи более недавней, чем та, которая меня занимает. «Народы моря» играют значительную роль в истории XV до н. э. и смежных с ним веков. Было известно, что их союзники ливийцы утвердились на западных границах Египта. Эти последние, говорившие на берберском языке, как и все племена, сформированные из элементов *Spelæus* и *H. Mediterraneus*, занимавших север Африки и юго-запад Европы, определенно принадлежали первой волне — той, следы которой я в данный момент изучаю. Однако неизвестно доподлинно, в какую эпоху они поселились в Африке.

Открытия Флиндерс Петри и Моргана пролили свет на данный вопрос, и если гипотезы господина Моргана подтверждаются, то дату первого появления белокурых племен в Африке надо будет отодвинуть далее I в. до н. э. Такой анализ фактов, которые, как мы полагаем, имели место, позволил бы нам косвенно уточнить датировку первой миграции и отнести ее к VI тысячелетию до н. э.

Господин Флиндерс Петри открыл в Египте серию стоянок и некрополей, которые он считает ливийскими и предположил, что ливийцы являются современниками египетской цивилизации. Господин Морган доказал, что эти стоянки и некрополи отчасти предшествовали основанию Древнего Египта, отчасти были ровесниками первых фараонов. Открытие могил Менеса¹ и первых суверенов Египта, а также изучение предметов, которые они в себе таили, разрешили вопрос. Если до сих пор и позволено сомневаться, что основатели государственности в Древнем Египте были чужеземцами, возвращенными в школе халдеев, то

---

¹ Основоположник I династии фараонов, живший приблизительно в 3050 г. до н. э. — *Прим. ред.*

не подлежит сомнению, что это событие почти совпадает с появлением меди и бронзы и что предыдущая цивилизация является неолитической и туземной¹. Я ограничусь тем, что отошлю к от-

¹ Египет в большом количестве поставляет нам палеолитические и неолитические стоянки и цеха. Древние стоянки есть в основном в Верхнем Египте или на плато, ограничивающих русло Нижнего Нила. Неолитические стоянки встречаются вплоть до дельты, вокруг Каира. И те и другие расположены столь удачно, что с той эпохи они были постоянно обитаемы. Количество каменных предметов, которыми усеяна земля, заставляет считать, что они датировались исторической эпохой, поскольку их в изобилии находят на руинах. В действительности, в нетронутых погребальных памятниках специально положенные кремневые орудия датируются лишь эпохой Древнего царства, а с IV династии все формы, кроме резцов, уже являются редкими.

Египетские стоянки трудно классифицировать. Все они на поверхности земли и содержат останки, различные по времени. В то же время, похоже, что в Египте, как и по всему северу Африки, древние формы были в обиходе наряду с самыми недавними — непосредственно до неолитической эпохи. Мы присутствуем при трансформации шельского топора в топор Сент-Ашель, а этого последнего, посредством ряда промежуточных форм, абсолютно отсутствующих в Европе, — в полированный топор. У нас топор исчезает с *P. Neanderthalensis* и появляется вновь, в полированной ипостаси, лишь с *H. Meridionalis*. Этот последний, видимо, ввел в обиход полированный топор от Африки до Европы, разве что мы не можем признать таковым удлиненные резакы кьёккенмеддингов древнего неолита Скандинавии. Стоянки севера Африки и, в частности Египта, демонстрируют почти все формы оружия и инструментов, известных в Европе, бесконечное разнообразие которых можно видеть в Доисторическом музее Мортилье и в великолепном атласе братьев Сире. В Египте к тому же есть особая форма топора плоского, короткого, закругленного подобно бердышу, которой нет в Европе и которая характеризует конец африканского неолита. Из этой формы выходит египетский бронзовый топор — столь отличный от всех европейских форм, которые, в свою очередь, также неизвестны в Египте.

Египтяне никогда, вплоть до классической эпохи, не хотели вводить в обиход железо. Возможно, по религиозным соображениям, они в течение 2–3 тыс. лет, а может и дольше, оставались в низшем положении по сравнению с халдеями. Хотя они были знакомы с этим металлом с древних времен. Что касается меди и бронзы, с начала первых династий мы находим мелкие предметы из них, что доказывает знакомство с этими металлами и в то же время их редкость. В могиле в Негаде, где покоился Менес — основатель I династии, обнаружили одну пуговицу, несколько обрывков медной нити и относительное обилие золота. Могила Дена (Удиму) — фараона Древнего царства (III династия) немного богаче, а в некоторых других захоронениях фараонов находили даже топоры и вазы из бронзы. В захоронениях Древнего царства преобладает медь. В медных рудниках на Синае нашли надписи с именами фараонов Созира и Снофру из IV династии — это где-то 3000 г. до н. э. Во время IV династии медный жезл Пепи I показывает, что

крытиям двух археологов, которым принадлежит честь открытия доисторического Египта, и особенно — ко второму тому Моргана «Царская могила в Негаде».

Эта цивилизация полированного камня — более развитая, чем в Европе, — от нее, впрочем, ничем существенным не отли-

---

к 3500 г. до н. э. этот металл оставался редким и драгоценным. Он перестает быть таковым у следующих династий, так как появляется изобилие олова и медь употребляется редко. V. Flinders Petrie, *Nagada and Ballas*, London, 1897; Morgan, *Recherches sur les origines de l'ancienne Egypte*, Paris, Leroux, 2 vol. parus 1896–1898; de Bissing, *Les origines de l'Egypte*, Anthr., 1898, IX, 241–258; Berthelot, *Sur les mines de cuivre du Sinai*, C. R. Ac. des Sc., 1896, II, 365–367.

В долинах Тигра и Евфрата о неолите неизвестно. Начиная с эпохи самых древних из известных предметов, около 4500 г. до н. э., медь считается драгоценным металлом. Сделанное господином Бертело исследование одной статуэтки эпохи Урнины (около 4500 г. до н. э.) показало, что она была из чистой меди. Также и ритуальное копье Телло той же эпохи, и статуэтка под именем Гудеа, и различные более недавние предметы (Бертело, *История наук*, I, 364, 391–393; *Медный век в Халдее*, C. R. de l'Ac. des Sc., 897, I, 1328–1331).

Бронза, вначале редкая, до 3500 г. до н. э. почти не появляется. Итак, бронза (сплав меди с оловом) была известна с очень давних времен. Также с давних пор люди догадывались, что некоторые блестящие камни одних и тех же отложений, подверженные термической обработке, превращались в медь. Исследование схожих руд привело к открытию олова, свинца, сурьмы — металлов очень давно известных и легко получаемых простым разогревом на огне. Железо, наоборот, требовало больших усилий и работы мехов. Бронзу могли обнаружить, плавя вместе медную и оловянную руды.

Египет и Халдея свое олово и бронзу ввозили извне. Эти страны не поставляют олова. Возможно, олово вначале было открыто в Саксе или Лимузэне. Оттуда оно могло проникнуть в Египет тем же путем, что амбра из области Эльбы, которая появилась уже в захоронениях IV династии.

Открытие меди произошло синхронно в разных местах. Можно предположить, что олово, по причине редкости месторождений, впервые обнаружили во Франции или Германии, ближе к XLV в. до н. э. Это заставляет нас отодвинуть начало эпохи неолита в Европе до этой даты, а возможно, и еще дальше. Археологические открытия этих последних лет в Египте, на островах Восточного Средиземноморья, в Халдее, точно установленное наличие торговых связей между этими областями и северо-западом Европы, начиная с этой эпохи, а также масса других причин беспрестанно вынуждают отодвигать даты европейской праистории.

Следует отметить, что медь осталась в обиходе до эпохи железа в Венгрии, России, Центральной Азии и Сибири. Центр производства олова и бронзы, похоже, находился в Центральной или Северо-Западной Европе, откуда они экспортировались вплоть до Египта и Халдеи. Протиположная гипотеза Мортилье и его тезис об индокитайском происхождении олова сейчас отвергнуты как противоречащие всем наблюдаемым фактам.

чается. Ее апогей — L в. до н. э., если мы принимаем эту дату за царствование Менеса. Дату менее далекую принять трудно, так как аргументы, приводимые для «омоложения» Древнего царства, были отвергнуты недавними открытиями. Разные династии, которые, как полагали, царствовали одновременно с другими на разных территориях во время периодов раздробленности Древнего Египта заканчивают тем, что становятся известны нам по памятникам, не оставляющим никакого сомнения касательно характерных черт царей, в них входящих. Эти цари правили в обоих Египтах¹, но они не были подобающим образом включены в манускрипты, и лишь недоразумение до сих пор мешало узнать историю их царствования. В итоге стало известно, кто из царей не фигурирует ни в монументальных списках, ни в списках Манетона, а реальная дата Менеса, благодаря позднейшим открытиям, может быть датирована ранее L в. до н. э.

Эта эпоха, по всей видимости, является эпохой апогея неолита в Европе. В более поздние века обработкой камня европейцы не пренебрегали, как это случалось в Египте, поэтому у нас эпоха бронзы в течение долгого времени поставляет искусно выполненные кремневые изделия, тогда как в Египте ремесло обтесывания камня находится в упадке с XV в. до н. э. Начиная с этой эпохи европейская и египетская цивилизации быстро расходятся. В каждой области происходит своя эволюция, в то время как предыдущая эпоха была отмечена необычайным сходством цивилизаций на территории Европы, Северной Африки и Восточной Азии.

Цивилизация L в. до н. э. не превосходила по общественному и художественному уровню цивилизацию Судана и Конго наших дней, но, как и они, была очень разнообразна, а связи были легкими и многочисленными. У нас сложилось ложное представление о тех варварских временах, однако человек тогда был таким же, как и сейчас. Как и сегодня, караваны объединяли Средиземноморье, Сокото и Багирми, побережье Сенегала и Томбукту, Занзибар и Конго, налаживая торговые связи по всему Черному континенту, переправляя толпы торговцев, носильщиков и рабов из одного конца Африки в другой. Точно так же караваны и многочисленные торговые суда в Средиземном

---

¹ Верхнем и Нижнем Египте. — *Прим. ред.*

море и океане связывали прямо или опосредованно Испанию и Сузиану, Египет и Скандинавию. Множество открытий и новшеств переносили на огромные расстояния, они быстро распространялись, и повсюду появлялись люди-космополиты, налаживающие интеллектуальное общение между самыми удаленными друг от друга племенами. Так объясняется уникальное единство неолитической цивилизации.

Стоит ли тогда присутствие блондинов в неолитическом Египте объяснять случайными индивидуальными миграциями? Означает ли это, что белокурые ливийцы проживали в этом регионе уже с I в. до н. э.? Это, я полагаю, вторая гипотеза, которая привлекла бы к себе внимание, если бы в доисторических некрополях и некрополях эпохи первых фараонов были обнаружены белокурые волосы.

Среди огромного множества скелетов из неолитических некрополей некоторые, благодаря бальзамированию и сухости почвы, сохранили следы волос. Волосы почти всегда черные, более или менее волнистые, но тонкие, совсем не кудрявые. И действительно, в захоронениях Древнего Египта еще не найдено ни одного аутентичного негра. Несколько особняком стоят субъекты с оттенком волос от белокурого до темно-русого. Господа Морган и Фуке, не колеблясь, видят в них различных представителей лебу (ливийцев). Господин Флиндерс Петри сделал даже еще большее обобщение и рассматриваемые некрополи целиком приписал ливийцам.

Доктор Фуке описал многих белокурых субъектов. Например, человек из некрополя Эль-Амрах — мужчина среднего роста (163 см), внешний вид которого, в целом, очень отличается от древних египтян. Те представляли собой смесь доминирующего *H. Nuba* с некоторыми другими расами, не столь легко идентифицируемыми: вероятно, *H. Arabicus* и, возможно, *H. Meridionalis* и *H. Spelæus*. Мужчина из Эль-Амрах, наоборот, — чистый *H. Europæus*, и его можно было бы не заметить, будь он включен в какую-нибудь серию галлов или саксов. Только лицо у него более массивное, с очень большим подносовым расстоянием. В целом, субъект напоминает индивида, найденного в долине Виала (Авейрон) и занимающего достойное место в моей коллекции. В то же время его индекс меньше — 69,85 (вместо 73,73).

Субъекта из Кавамила, тоже блондина, не смогли измерить, так как от его черепа сохранились только фрагменты. Тот же некрополь дал целую подборку образцов темно-русых волос. Останки субъекта из Гебель-эль-Силсила свидетельствуют, что он тоже был шатеном.

Различные образцы волос были исследованы Вирховым. Он заявил, что своей светлой окраской они были обязаны искажению *post mortem*. Я не считаю, что такое невозможно, но задаю вопрос: «Почему обесцвечивание не носит общего характера и поражает только очень небольшую часть индивидов, волосы которых мы обнаружили?». Я также задаюсь вопросом, по какому необычайному стечению обстоятельств объект из Эль-Амрах обладает всеми характеристиками — череп, лицо, рост — наиболее древних представителей белокурой расы Европы. Я также попрошу заметить любопытный факт: одна белокурая прядь была обнаружена в свернутом виде в вазе. А в *Crania Britannica* описано точно такое же открытие, сделанное в одной цисте Йоркшира, раскопанной Кендаллем.

Вопрос, поднятый Флиндерсом Петри, таким образом, не решен. Остается надеяться, что это скоро произойдет, и если подтверждение будет получено, у нас появится точная датировка самой древней британской миграции.

Какой бы ни была дата первого появления белокурых племен в долине Нила, она определенно предшествует III династии фараонов. Действительно — в живописи той эпохи есть изображения людей такого типа. Это были люди низших сословий: пастухи, земледельцы, лодочники, путешественники, а возможно даже — рабы, со светлой кожей, бородатые и рыжеволосые. Начиная с 1878 г. Мариетт идентифицировал их с ливийцами позднейших памятников, но ливийцы были иностранцами, а эти рыжеволосые субъекты составляют часть народа египтян (Morgan, *Origines*, I, 197; II, 221; Petrie, *History*, 11; Mariette, *Galerie de l'Egypte ancienne*, 20).

Нужно отметить, что по внешнему виду эти рыжие люди, изображенные на фресках эпохи Снофру (IV династия) и позднейших времен, не похожи на ливийцев. Выражение их лиц несколько зверское, череп чрезмерно сплюснут по вертексу — гораздо в большей степени, чем у *H. Meridionalis*, — тогда как ливийцы

однозначно являются одним из красивейших типов белокурой расы. Но мы понимаем, что невозможно эту депрессивную живопись принять за результат неопытности художника. Это эпоха расцвета египетского искусства, и изобразительные методы в живописи и скульптуре Древнего царства (III–IV династии) гораздо более реалистичны, чем во времена Среднего и Нового царства. На сахарских гравюрах на камне мы видим людей того же типа со сжатым вертексом и бритой головой, которые соседствуют с изображениями каменных топоров, а также носорогов, слонов, буйволов, жирафов и других вымерших видов (по крайней мере, в Алжире). Эти гравюры на камне принадлежат эпохе, когда Сахара еще не была аридной, и являются ровесниками живописи Дахшура¹. Вероятно, речь можно вести о некоей деформации. В любом случае эти свидетельства — самые важные в пользу диссертации Бринтона и доказывают очень древнюю дату первых миграций блондинов в Африку.

Ливийцы появляются уже на надписях VI династии. Надпись Хершуфа в Асуане показывает, что они были распространены внутри страны вплоть до областей за первым водопадом (*Schiaparelli, Una tomba egiziana della VI-a dinastia, Roma, 1892*). Когда господин Шампольон впервые оказался в Бибан эль-Молук и увидел множество изображений людей племени темеху, он идентифицировал этот народ как европейский и нордический. Изображения ливийцев очень многочисленны и различны по датировке, но представленный тип всегда один и тот же. Голова удлинённая, с выпуклым вертексом, лицо узкое, с общим прогнатизмом и подносовой областью, как у семитов. Нижняя губа выступающая, нос прямой или с небольшой горбинкой. На изображениях видно, что бороду они носили заостренную, клинышком, волосы коротко остриженными, но при этом оставляли длинные косы, которые закручивали на висках.

Мы знаем довольно много наименований ливийцев (темеху). Все эти имена берберские. Имя самого народа отождествляется с именем туарегов. Например, «темеху» то же самое, что «ама-хер», во множественном числе «имохар'», в женском роде «тама-хак», «тимохок». Эти формы — собственно туарегские, в шауйа

---

¹ Или Дашура. — Прим. ред.

чередование по правилам «х» на «з» дает «амазир'». Под этим последним именем ливийцы известны в Египте начиная с XV в. до н. э. Надписи Рамзеса дают его в форме «масхуасх». Греки исказили это наименование на свой манер: Μάξυες, Μάζυκες. К тому же история темеху не претерпевает изменений. С IV тысячелетия до н. э. до эпохи арабского завоевания она выглядит в общих чертах так: набеги, опустошения, карательные экспедиции, поражения, восстановление и новые набеги (Basset, *Диалект Сиуах*, Paris, Leroux. 1890. P. 2–4).

Темеху говорили на диалекте, точнее, на многих диалектах огромной группы берберских языков, на которых говорят также народы Северной Африки — от Красного моря до океана, от Средиземноморья до Нигера. У них принято обрезание. Два этих факта, как кажется, противоречат гипотезе об их нордическом происхождении. Однако такой вывод был бы слишком смелым. Действительно, можно ведь предположить, что эти племена переняли язык и обычаи их предшественников на африканской земле. Однако я полагаю, что это не так и что племя дольменов говорило на языках хамитской группы. Баскский — причудливая смесь всех языков, на которых говорят в регионе Пиренеев с самых давних времен до наших дней — включает принципиальную берберскую основу, измененную финикийскими и индоевропейскими элементами. Топонимика Западной и Южной Европы предлагает множество берберских форм, а подобие имен собственных у людей не менее впечатляющее. Имена героев Кориппуса «*Иоаннида*» обнаруживаются в Лангедоке, наряду с другими именами египетской эпохи. Я бы не смог сказать, берут ли начало эти хамитские языки на юго-западе Европы, но их введение в оборот средиземноморцами я бы рассматривал как более вероятное. Средиземноморцы имеют общее происхождение с народами севера Африки, и в то же время они привнесли в Европу самую древнюю цивилизацию полированного камня, а также топор — столь характерный для среднего неолита.

Блондины первого вторжения усиливались множеством подкреплений: сначала, с XX по XV в. до н. э., — «народы моря», затем, в эпоху вторжений варваров, — вандалами, готским племенем. От всех этих белокурых популяций мало что осталось. У берберов Алжира, Туниса и Марокко в некоторых племенах не

так уж и мало представителей светлой масти. Однако недавние исследования Коллинсона и ряда других антропологов показали, что даже в Ауресе и Риффе уже не осталось племен с преобладанием блондинов. У некоторых знатных туарегских родов тоже есть следы масти блондинов, но в шатры представителей племени имохар было вхоже слишком много арабских и черных женщин, чтобы сохранить чистоту арийской крови.

В любом случае представляется, что такое вытеснение нордической крови — феномен недавний и почти везде принадлежавший построманской эпохе. Писатели античности рисуют нам на севере Африки только белокурые популяции. Мне неизвестно, чтобы на египетских памятниках, даже на самых недавних, находили изображения африканцев брюнетического типа, за исключением негров и племен красной расы, как сами египтяне, — *H. Nuba*. Типы, хорошо знакомые нам, кажется, были совершенно неизвестны египтянам. Греки говорят нам разве что о неграх, эфиопах с гладкими волосами, или *H. Nuba*, а также о белокурых племенах.

По свидетельству географа Скилака: «Περιοικοῦσι δὲ αὐτὴν Λίβυες Ζυγάντες [πάντες] ἔθνος, καὶ πόλις τὰ ἐπέκεινα πρὸς ἡλίου δυσμᾶς· οὗτοι γὰρ ἅπαντες Λίβυες λέγονται ξανθοί, ἄπαστοι καὶ κάλλιστοι (*Scylax. Periplus*, 110) («А живут вокруг него¹ гидзанты; и по ту сторону [залива], на закат солнца, [есть] город; и говорят, что эти ливийцы гидзанты светловолосы... все [имеют скудный рацион] и очень красивы»)². Жаль, что доступ к этому тексту не всегда возможен. Прилагательное «белокурые» (ξανθοί) можно отнести ко всем ливийцам-гидзантам, а потому и ко всем ливийцам, так как гидзанты перечислены в последнюю очередь. Общие черты представителей прочих племен — адирмахидов, мармаридов, насамонов, мацес, лотофагов — не были указаны.

Павсаний при описании Афины упоминает, что у нее были голубые глаза (*Pausanias. Graeciae descriptio*, I, 14.6): «Τὸ δὲ ἄγαλμα ὁρῶν τῆς Ἀθηνᾶς γλαυκοὺς ἔχον τοὺς ὀφθαλμοὺς Λιβύων τὸν μῦθον ὄντα εὕρισκον· τούτοις γάρ ἐστιν εἰρημένον Ποσειδῶνος

¹ Залива Тритонида у г. Тапс. — *Прим. перев.*

² Цит. по изд.: Скилак Кариандский. *Перипл обитаемого моря* / Пер. Ф. В. Шелова-Коведяева // Вестник древней истории. 1988. № 2 (185). С. 264. — *Прим. ред.*

καὶ λίμνης Τριτωνίδος θυγατέρα εἶναι καὶ διὰ τοῦτο γλαυκοὺς εἶναι ὥσπερ καὶ τῷ Ποσειδῶνι τοὺς ὀφθαλμούς» («Но глядя на эту статую Афины, имеющую голубые глаза, я нашел, что таково было и сказание ливийцев. У них говорится, что она дочь Посейдона и озера Тритониды, и поэтому у нее голубые глаза, как у Посейдона»)¹.

Это можно понимать двояко: вероятно, он имел в виду только то, что она была дочерью водных божеств, характерной чертой которых являлись голубой или зеленый цвет глаз, волос, а порой и кожи. Либо автор считал, что голубые глаза — естественное следствие ливийского происхождения, так как ливийцы и их божества обладали голубыми или зелеными глазами.

Каллимах из Кирены — современник Птолемея Филадельфа — в речи, посвященной основанию своего родного города Сирены (Callimachus. *In Apoll.* 85–86), упоминает о белокурых ливийках, которые танцевали с дорийцами, прибывшими основать этот город:

«...ἣ ῥ' ἐχάρη μέγα Φοῖβος, ὅτε ξ[ζ]ωστῆρες
Ἑννοῦς ἀνέρες ὠρχήσαντο
μετὰ ξανθῇσι Λιβύσσης»

(«Фебово сердце смеялось, когда приспели впервые
Сроки Карнейских торжеств и² в кругу белокурых ливиек
Начали пляс, доспехи надев, браноносные мужи»)³.

Ясно, что речь идет именно о ливийках, а не дорийках, тем более что город Сирена действительно находится на территории, которая граничит с Египтом, где жили лебу. Свидетельство Каллимаха, даже спустя тысячу лет после последнего египетского документа, демонстрирует нам, что ливийцы выглядели точно так же.

Совершенно нечего извлечь из эпитета, данного Феокритом (Theocr. *Idyllia.* 17.103) царю Птолемею: «...ξανθοκόμας

¹ Цит. по изд.: Павсаний. *Описание Эллады* / Пер. С. П. Кондратьева. Под ред. Е. В. Никитюк. СПб., 1996. Т. 1. С. 67). — *Прим. ред.*

² В греческом оригинале слова, соответствующие «приспели впервые Сроки Карнейских торжеств и», помещены в стих 87, не приведенный у Ж. В. де Лапужа. — *Прим. перев.*

³ Цит. по изд.: Каллимах. *К Аполлону* / Пер. С. С. Аверинцева // Античные гимны / Сост. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1988. С. 148). — *Прим. ред.*

Πτολεμαῖος» («...в светлых кудрях Птолемей»)¹. Птолемей был чистокровным македонцем. То же наблюдение относится и к описанию, данному Луканом (X, 129–132) слугам Клеопатры: «*Hæc Libycos, pars tam flavos gerit altera crines Ut nullis Cæsar se dicat in arvis Tam rutilas vidisse comas; pars sanguinis usti Torta caput, refugos que gerens a fronte capillos*» («Ливии кудри у тех, у иных же волосы светлы. / Так что и Цезарь в полях далекого Рейна не видел / Столь золотистых кудрей; чья кровь загорела под солнцем, / Тот головою курчав, и назад его волос ложится»)².

Судя по всему, эти белокурые слуги были рабами, купленными в Европе, или македонцами, или греками. Волосы ливийцев, противоположные белокурым, то есть черные, отныне не соотносятся здесь с мастью этнических ливийцев. Но вполне вероятно, что поэт имел в виду египтян, которых было бы странно не увидеть в кортеже их царицы. Африка, Ливия, Египет для поэта, пишущего этот стих, — одно и то же.

Выражение «мавры», часто встречающееся у латинских авторов, всегда сопровождается эпитетами, указывающими на темную расу, но чаще всего дополнительные черты позволяют идентифицировать суданских негров, доставленных в Рим в качестве рабов.

В любом случае очевидно, что начиная с римской эпохи белый элемент в Африке начинает исчезать. Климат уже не тот. Страбон говорит о крокодилах, обитающих в водотоках сахарской Мавритании, — и они действительно еще остаются там, правда, эти протоки уже не достигают Нигерии. Сахара была менее протяженной, менее аридной, чем сейчас, так как ее можно было пересечь на лошади, но римские колонисты в Африке уже начали эксплуатировать артезианские воды. Для белых климат становился слишком суровым, и темные популяции юга и запада — *H. Nuba*, *H. Spelæus* — понемногу начинали теснить *H. Europæus*. Последний, кто сообщает нам о белокурых племенах в Африке — историк Прокопий. Ведя речь об Ортайе — маврском царе, он говорит: «...длинная фраза на греческом (C. S. H. V.,

¹ Цит. по изд.: Феокрит, Мосх, Бион. *Идиллии и эпиграммы* / Пер. и комм. М.-Е. Грабарь-Пассек. М., 1958. С. 83. — *Прим. ред.*

² Цит. в пер. А. Е. Остроумова. — *Прим. ред.*

Procopius, T. I, 466, 13 — Bell. vand. II, 13.). Владения Ортайи распространялись к западу от горного массива Орес, и эти блондины должны были обитать на Ахаггаре¹. Вряд ли стоит дополнять, что они не имели ничего общего с вандалами.

Прокопий и Корипп (современник Юстиниана и сам африканец) дают описание мавров, по которому они сильно напоминают нынешних сомалийцев. Присутствие всадников на одnogорбых верблюдах, незнакомых в Африке классической эпохи, показывает, что страна была оккупирована племенами, пришедшими из Центральной Африки, куда они прибыли из Эритреи, области, где арабы давным-давно приручили верблюда. Это вторжение, произошедшее за 200–300 лет до первого арабского вторжения, видимо, значительно изменило население Северной Африки и сделало его похожим на наших современников.

Эгейцы. Недавние археологические открытия, сделанные на островах Средиземноморья, в областях, примыкающих к восточной его акватории, и в некоторых пунктах его западной части открыли нам целую цивилизацию, предшествовавшую собственно Микенской и близко примыкавшую к египетскому неолиту. Господин Рейнах и я недавно увидели еще одну, более непосредственную связь между этой Эгейской цивилизацией и цивилизацией племен дольменов. Открытия господина Моргана, по-видимому, говорят об обратном. Мне в любом случае кажется очевидным, что до ахейцев, осков и турсенов Микенской эпохи, то есть эпохи арийской в собственном смысле слова, регион Восточного Средиземноморья уже был в распоряжении белокурых пришельцев. Поэтому для меня продолжает оставаться соблазнительной версия, что часть племени дольменов, сформировавшая ливийские этносы, уже владела Грецией, островами архипелага, частью побережья Малой Азии и островами Крит и Кипр, где эти представители племени дольменов повстречали иммиграционный поток из Центральной Европы, устремившийся на восток.

---

¹ Ахаггар — нагорье в Сахаре, на юге современного Алжира, к востоку от города Таманрассет. Высшая точка — гора Тахат, высота — 2918 м. — *Прим. ред.*

Что представляется очевидным — это то, что алфавитная или силлабическая письменность эгейцев может непосредственно брать начало из той, которую господин Пьетт обнаружил на многих образцах Мас д'Азиль и в других местах. С другой стороны, мы находим ее на глиняной посуде и прочих предметах быта неолитического Египта в более совершенном виде, чем в дольменах Европы, Алжира и Марокко. Наиболее изящные образцы письменности представлены в гробнице в Негаде. Этот феномен — довольно редкий, потому что иероглифическая письменность превалировала над этой, гораздо более практичной древней неолитической письменностью, из которой вышли финикийский, греческий, ливийский алфавиты, а из них, в свою очередь, — все современные алфавиты¹ (V. Morgan, II, 166–170).

Тема эгейцев — в прямой связи с темами хеттов, финикийцев, пеласгов и семитов. У меня будет повод сказать об этом

---

¹ Человек — современник северного оленя и даже мамонта — уже в четвертом межледниковье применял для росписи на камнях пиренейских гротов (пятое межледниковье) вполне устоявшуюся систему письма. Вынужден даже предположить, что конструкции из камней, обнаруженные в разных пещерах господином Пьеттом, являются школьным материалом тех времен — подвижные литеры предназначены для словообразования и облегчения усвоения учебного материала, как и учебные скульптуры и гравюры магдаленской и папальенской эпох свидетельствуют, возможно, о существовании художественного обучения. Об этих литерях см. Пьетт, *Разрисованные валуны Мас д'Азиль*, Paris, Masson, 1896.

Письменность дольменов изучал Летурно. Есть сообщение от 19 января 1893 г. в Антропологическом обществе Парижа, фигурирующее в бюллетене. Данная работа проанализирована в *Revue scientifique* того же года. Т. I. P. 463–467. Также см. того же автора: *Мегалитическая палеография*, R. sc., 1897, 3-е Ser., VIII, 142–144 и Мортилье *Образование французской нации*. 166–172. По расписанным камням Алжира — см. *Flamant. Note sur les stations... de pierres ecrites... du Sud-Oranais*, *Anthropologie*, 1892, III, 145–156; *Note sur deux pierres ecrites*, *Anthropologie*, 1897, VIII, 284–293.

Эгейская письменность стала темой значительных работ А. Эванса: *Primitive pictographs and a Præ-Phenician Script from Crete*, *J. of Hellenic Studies*, 1894, XIV, 270, и London, Quaritch, 1895; *Further discoveries of Cretan and Ægean Script, with Libyan and Proto-Egyptian comparisons*, 1897, XVII, 327–395.

Финикийская письменность — всего-навсего производная эгейской письменности, от которой столь же независимым образом отделились многие другие. Однако это не помешает ученым еще долгое время твердить о финикийском происхождении наших форм письма, равно как и о бактрийском происхождении наших праотцов.

несколько слов, когда я поведу речь о «народах моря», особенно об ахейцах.

Арийцы в Центральной Европе. Дольмены не являются исключительной особенностью ветви белой расы, отправившейся к югу. Мы находим дольмены по всей прибрежной Германии, в Скандинавии, России вплоть до Кавказа, Персии, Афганистана и Индии. Эти памятники скрывают останки арийской ветви, в собственном смысле слова, и финно-угорской ветви примитивной белокурой расы.

В Германии нашли огромное количество черепов и костей неолитической эпохи. К сожалению, нет ни одной обобщающей работы, позволяющей сориентироваться в сотнях публикаций, в которых разбросаны результаты раскопок тамошних антропологов.

Вирхов много внимания уделил вопросу неолитических долихоблондов, но опубликовал лишь монографии по частным случаям. Некоторые данные есть в работах Аммона, Ранке, Вильзера, Эккера, но они относятся, в основном, к южной части, куда долихоблонды проникли с запозданием. По Скандинавии материалы более доступны, по Швейцарии присутствуют в полной мере.

Древнейшие неолитические захоронения Германии расположены ближе к устью реки Эльбы, а некрополь Тангермюнде можно соотнести с эпохой, когда долихоблонды обитали на равнине Латтама и уже распространялись по северо-западу Германии. Тип черепов чисто *H. Europæus*. По всей Северной Германии этот тип доминирует с самых давних времен до наших дней.

В Прирейнской области неолитические кладбища обнаруживают присутствие той же расы. Вирхов изучал черепа расы Вормса (*Eröffnung prähistorischer und römischer Gräber in Worms, Verhandl. der Berliner anthrop. Gesellschaft, 1897, XXIX, 464–470*). Эти черепа — долихоцефалические, с высоким лицом и достаточно узкие — по своим меркам и выдающимся профилям чисто *H. Europæus*¹.

---

¹ Вайнцирль описал черепа из цист Лебошниц на Эльбе (*Der prähistorische Wohnplatz und die Begräbnisstätte auf der Lösskuppe von Löbositz, Zeitschrift für Ethnologie, 1895, XXVII, 49*). Три черепа дают индексы соответственно 67,3; 69,1; 68,1. Эти индексы весьма малые и заставляют задуматься

Весьма трудно ориентироваться по индексам, когда речь идет о немецких работах. Большая их часть вычислена по методу Иеринга, который дает длину всегда меньше максимальной и тем меньшей, чем ниже расположена выступающая часть затылка. С такой системой приходят к тем более значительному завышению индекса, чем форма черепа более подходит к форме *H. Meridionalis*. Черепа такой формы уже не выделяются своей откровенной долихоцефалией и почти все имеют индекс *Europæus*. Значит, возможно, в неолитических могилах Германии обнаружены черепа *H. Meridionalis*. Что касается кроманьонского типа, то он тоже встречается, но совершенно напрасно отнесли к *H. Spelæus* большую часть черепов, которые таковыми выглядят. Настоящий *H. Spelæus* — с выступающими орбитарными апофизами, с широким и коротким лицом — не имеет ничего общего с субъектами, которых мы поспешно к нему отнесли во Франции. Я думаю, что в Германии в этом смысле то же самое, к тому же там одержимы идеей, что древние черепа должны принадлежать *H. Spelæus*.

Неолитические захоронения Северной Германии, по видимому, дали мало черепов, принадлежавших другим расам, в частности брахицефалам. Появление последних в Бельгии, Франции и других местах ближе к концу эпохи полированного камня, когда медь и бронза были уже известны, но считались драгоценными и использовались только для украшений, в то же время нам доказывает, что арийцы должны были вытес-

---

о *H. Meridionalis*. Вирхов же, наоборот, провозглашает черепа из Вормса чисто арийскими. Индекс первых четырех варьирует от 72,3 до 73,5, индекс пятого равен 78,7, но данный субъект метопический (*Virchow, Eröffnung prähistorischer Gräber in Worms, Zeitschrift für Ethnologie*, 1897, XXIX, 464).

Неолитики Германии в Богемии появились довольно поздно — мы не находим там следов человека между эпохой мамонта и эпохой дольменов. Нидерле с большим тщанием изучил неолит Богемии (*Prispevky k antropologii zemi ceskych*, II, Prag, Simacek, 1894). Цефалический индекс черепов колеблется в пределах от 62,65 до 78,8. Следов брахицефалов нет — два найденных субъекта являются *H. Meridionalis* и *H. Europæus*. *H. Spelæus* не найден. У всех субъектов высокое лицо, узкий нос. У всех платикнемия.

Вирхов описал три неолитических черепа из Ленгхиле (Южная Венгрия). Возможно, они принадлежали предкам греков и представляют собой чистые типы *H. Europæus*, хотя в то же время у них были немного «слабые» индексы: 67,5; 68,8; 74,3 (*Zeitschrift für Ethnologie*, 1890, Sitzber., 96).

нить население, состоявшее из различных рас с более коротким черепом. Далее я расскажу об этих, пока малоизвестных расах.

Со стороны Скандинавии проникновение долихоблондов произошло частично по суше, частично по морю. Внутренние районы северного полуострова, видимо, были заняты лапландцами, принадлежавшими расе *H. Hyperboreus*. Данная раса, с появлением долихоблондов, видимо, оказалась задвинутой на Крайний Север, где она пребывает и поныне — от Норвегии до Оби. Ее образ жизни связан с северным оленем, который к менее бореальным регионам уже не приспосабливается. Вплоть до самой недавней эпохи у нее была своеобразная индустрия каменного века. Долихоблонды вытеснили туземцев к северу и к Норвегии. Саму же Норвегию они заселили позже, переправившись через горы. Как раз к потомству лапландцев, видимо, восходят немногочисленные брахицефалы, рассеянные по побережью Норвегии. Эти остатки древнего населения совершили отход на полуострова, вместо того чтобы подальше от посторонних взглядов обитать в горах. Такие же примеры наблюдаются в Голландии и Испании, где схожие группы населения были прижаты к морю.

В Скандинавии и Дании исследованы 100 черепов неолитической эпохи. Данные черепа датируются эпохами, возраст которых может достигать более 4 тыс. лет, так как дольмены в этих областях появились очень давно. Примерно десять черепов носят следы родства с лапландцами и являются более или менее брахицефалическими. Часть других, менее брахицефалических, принадлежит типу Бёрреби. Подавляющее большинство, по меньшей мере 80 черепов, — явно типа *H. Europæus* и абсолютно ничем не отличаются от форм, ныне распространенных в регионе.

Эти соображения не позволяют никоим образом принять гипотезу Пенка, что Скандинавия, *lato sensu*, была колыбелью ариев. В действительности именно здесь эволюция завершилась, так как скандинавы — самые арийские арийцы, но когда тип утвердился в Скандинавии, он уже был достаточно совершенным. Данный регион — Британские острова, северо-запад Германии — был частью колыбели расы, но Центральный регион — тот, что дал собственно архетип, — сейчас скрыт под водой.

Если мы хотим узнать, каким образом происходила экспансия расы долихоблондов, нам нужно перенестись на периферию Центральной Европы, в Швейцарию, где тщательные и хорошо скоординированные исследования многих ученых извлекли на свет всю протоарийскую цивилизацию.

Доисторический период в Швейцарии, с точки зрения археологии, освещен во многих публикациях, снабженных иллюстрациями. Я назову только последний и наилучший из этих сборников — *Antiquités lacustres*, изданный van Muyden и Colomb, Lausanne, Rouge, 1896.

Доисторическая антропология известна по книге Штудера и Баннварта (*Crania helvetica Antiqua*, Barth, Leipzig, 1894), которая воспроизводит в фотографиях все известные черепа в натуральную величину, за исключением тех, которые уже изображены Рютимайером (*Crania helvetica*, Basel, Georg, 1864). Воспользовавшись работой де Нюша по Швайцербильду и особенно работой, зачитанной Шенком 19 января 1898 в Обществе Водуаз (*Arch. des sciences*, 1898, CIII, 366–368), а также его «Этюдом по человеческим останкам неолитических захоронений Шамбланда» (*Archives*, 1898, CIII, 536–549), я пришел к выводам, представляющим интерес благодаря своей точности. Я собираюсь их привести, предупредив, что применял для восстановления роста костей формулы Мануврие — более точные, чем те, что в *Crania antiqua*.

Палеолитические и мезолитические расы Швейцарии все еще неизвестны. Богатый пласт Швайцербильда в слое северного оленя не дал ни одного черепа. В неолитическом слое было найдено только пять сюжетов, из которых один — ребенок, но этот слой принадлежит древнему периоду эпохи, поскольку в нем не нашли полированных топоров (кроме какого-то неясного фрагмента). Эти останки принадлежат двум расам.

Первая представлена индивидом, цефалический индекс которого равен 77,6. Внешний горизонтальный орбитарный апофиз и орбитарный показатель, составляющий 77,3, исключают всякую возможность родства с долихоцефальной белокурой расой. Рост другого мужчины той же расы, от которого у нас имеется только бедренная кость, нам неизвестен. Таким образом, мы имеем дело с более или менее чистыми экземплярами *H. Spelæus*. Вмести-

мость черепа умеренная — 1310 мм³, что предполагает массу мозга равной 1250 г. Цефалический индекс черепа шестилетнего ребенка той же расы составляет 73,2.

Вторая раса представлена останками мужчины и двух женщин, основные показатели которых таковы.

Таблица

Основные измерения черепов, принадлежавших трем индивидам, обнаруженным в Швайцербильде

Пол	Возраст, годы	Длина лица, мм	Ширина лица, мм	Цефалический индекс	Орбитарный индекс	Носовой индекс	Вместимость черепа, мм ³	Масса мозга, г	Рост, см
Ж	16	173	132	76,3	—	46,5	1180	1127	141
Ж	30	189	125	71,4	86,8	44,4	1140	1110	135
М	40	179	130	75,5	—	—	1245	1189	150

Вторая раса отличается от первой своим пигмейским ростом, хрупкостью скелета и очень вытянутым, узким лицом, с высоким тонким носом и скругленными орбитами. За исключением карликового роста данная раса напоминает *H. Meridionalis*, но было бы крайне неблагоприятно делать другие выводы, кроме констатации сходства.

Швайцербильд находится близ Шаффхаузена¹. На другой, западной, оконечности Швейцарии, в Шамбланде близ Лозанны обнаружили ряд других пигмеев, похороненных в цистах. Существо женского рода имело цефалический индекс 75,5, узкое лицо, лепторинический нос (индекс 41,9), рост по данным реконструкции — 146 см. Другой, мужчина, обладал цефалическим индексом 76,7, но лицо у него было широкое, короткое, орбиты низкие, рост — 158 см. В последнем случае речь, возможно, идет о метисе с кроманьонской расой или о форме, которая благодаря округлению дала тип *H. Contractus*.

Два этих черепа описаны в *Crania antiqua*, но не изображены, так как относятся к довольно поздним находкам. Захоронения, подобные Шамбланду, Шателару и Монтаньи (все в окрестностях Лозанны), дали серию, доминирующим элементом которой является *H. Europæus*. Индекс этой серии — 77,5.

¹ Территория современной Швейцарии (нем. Schaffhausen). — Прим. ред.

Эти черепа современны черепам населения свайных построек (палафитов). Последнее, вероятно, было разнородным. Чисто робенхаусовские палафиты, без следов металла, дали семь черепов, средний индекс у которых 81,7. Индексы имеют разброс от 79,4 до 84,0. Далее мы увидим причину такой аномалии.

В энеолитическую эпоху, в которой украшения из металла сосуществуют с изделиями из камня, одна серия из 20 взрослых субъектов дает 74,9. У обоих полов индекс один и тот же. Серия из пяти детей дает индекс, равный 73,1. Только два очень долихоцефальных черепа имеют индексы, составляющие 67,9 и 68,5. Все индексы варьируются от 66,8 до 83.

По останкам, которые датируются эпохой бронзы, определили, что шесть мужчин дают индекс, равный 75,3; три женщины дают индекс 73,5; (суммарный — 74,5), а индекс четырех детей — 76,4.

Если мы посмотрим на распределение, то получим следующие результаты:

	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84
Неолит																			
Пигмеи						1				2	2								
Палафиты															1	1	2	1	1
Лозанна							1	1		4			1	2	1			1	1
Энеолит	1	2	1		1	1	3	1	4	1	2	2		1	4			1	
Бронза						1	2	1	2	3	1	1	1		1				

Изучение распределений показывает полную расовую противоположность населения палафитов по отношению ко всем прочим. Индекс серии палафитов начинается с 79, энеолита или металлических украшений — с 66, бронзы — с 71. Индекс самого короткого черепа палафитов не превышает 84, в то время как у *H. Acrogonus*, *H. Dinaricus* и *H. Alpinus* средние значения серий составляют 85 и 90. Остаются только, если не принимать во внимание метисацию, расы *Фурфооза* и *H. Contractus*. Пожалуй, только они могут быть причастны к столь значительному повышению индекса. Серия неолитических захоронений с индексами от 72 до 80 — нормальная, но случай с индексом, равным 84, указывает на инородный этнический элемент. Энеолитическая серия — с индексами от 66 до 83 — тоже явно разнородная. Та-

кие показатели не могут соответствовать одной расе. Индексы ниже 70 заставляют задуматься о *H. Meridionalis*, 80 и выше — о серии палафитов. Средняя часть соответствует обычным индексам *H. Spelæus*. Наконец, серия бронзы целиком в пределах этих двух последних форм.

Длинные кости крайне редки. Штудер одной женщине присваивает рост 147 см, двум мужчинам — 160 и 170 см. Один женский скелет энеолитической эпохи дает рост 149 см. Плечевая кость другого субъекта, неопределенного пола, дает 16,4 или 16,2 см, в зависимости от пола, локтевая кость — 16,7 или 16,5 см. При любой гипотезе раса не слишком высокая. Эти субъекты соотносятся с короткими черепами. По *Crania Antiqua*, согласно таблице Хамфри, рост расы бронзы из Овернь составляет 165 см — для мужчины, 158 см — для женщины. Таблица не дает абсолютных длин, поэтому я не могу ничего подкорректировать, но такой рост соответствует, скорее, *H. Europæus*. Собственно, и черепа говорят о том, что это чистый тип долихоблонд.

В целом черепа, относящиеся к периоду позднего полированного камня, бесспорно, относятся к *H. Europæus*. Типичными являются объекты энеолитической эпохи из Овернь (эпоха бронзы). Избыточная длина у некоторых черепов заставляет задуматься о *H. Meridionalis*, но профили более мягкие. У ряда других индивидов лица коротковаты или орбита немного низкая, но мы не обнаруживаем ни внешнего орбитарного апофиза, характерного для *H. Spelæus*, ни сильно расширенного в верхней части лица, контрастирующего с сужением книзу. Расы *H. Meridionalis* и *H. Spelæus*, если и примешиваются, то лишь случайными сомнительными скрещиваниями.

Добавим, что господин Шенк считает, что нашел у субъектов с более коротким черепом, сопровождавших *H. Europæus* в его серии, форму Фурфооза и Гренеля (последняя вышла из *H. Acrogonus* посредством скрещивания). Напомним также о пигмеях Ньюша и его *H. Spelæus*, и у нас будет точный анализ черепов Гельвеции, известных до сегодняшнего дня, — где-то около 70 индивидов до эпохи железа¹.

---

¹ Свайная постройка из Консиз дала один череп без определенного гражданского состояния, вероятно, эпохи бронзы, может быть более поздней. Он описан господином Верно (*Anthropologie*, 1894, V, 54–66). Автор

Точное исследование, которому мы только что доверились, не может быть проведено ни для какой другой страны — это достаточная причина, чтобы провести его со всей тщательностью. Во время неолита оно показывает нам следующее: вначале крома-ньонская раса, известная по всей Западной Европе, и пока загадочные пигмеи, затем раса слегка брахицефалическая, возможно идентичная форме *H. Contractus*, которая появляется вскоре в Северных и Авейроне, но никаких следов рас, господствующих ныне и очень брахицефалических — *H. Alpinus*, *H. Dinaricus*, и метисов последнего. Значит, надо условиться: когда речь идет о неолитических брахицефалах Швейцарии, они не имеют ничего общего с брахицефалами современными.

Начиная с эпохи неолитических палафитов вместе с этими расами мы находим *H. Europæus*, который начинает доминировать в эпоху бронзы. Так как цивилизация первобытных ариев имела дело с медью (ее название с единым корнем есть во всех языках вплоть до Индостана), то энеолитическая цивилизация в Швейцарии представляется нам, как цивилизация арийской эпохи, и она совпадает с присутствием *H. Europæus*. Таким образом, захват территории Швейцарии этим последним предшествует разрыву или ослаблению связей между основными арийскими ветвями. Мы видим, что эта оккупация совпадает с вытеснением брахицефалов.

Вытеснение брахицефалов. Такое вытеснение, пример которого мы только что наблюдали в Швейцарии, разбросало

вопрошает себя: идет ли речь о новом типе? Нет, череп брахицефалический, с индексом 91, который он очень верно сопоставляет с черепами из аллен, открытой Медоном (эпоха бронзы), представляется мне типичным для *H. Acrogonus* (похож на те, что в моей серии из Монпелье), а также напоминают черепа Сенса и Саллеля. Он точно походит на образец *H. Acrogonus*, который я выставлял в 1889 г. на Марсовом поле, и на иллирийские типы, описанные и изображенные Дзампой в *Ревю д'Антроположи* (R. d'A, 1886; S. III, I, 625–647).

На стоянке Тен (эпоха железа) тоже были обнаружены черепа. Гросс (*La Tene, un oppidum helvete*, Paris, Fetscherin, 1886. P. 51) говорит, что два из них, из археологического слоя, дают средний индекс 70,7. Вероятно, это галльские черепа. Однако восемь других черепов представляются более недавними, вероятно из современных могил. Их индекс, равный 79 6, — тот же, что у современных обитателей страны.

по Франции и другим областям, расположенным вокруг Центральной Европы, определенное количество брахицефальных племен, которые привнесли в эти страны — в то время все без исключения долихоцефальные — новые этнические элементы. Большая часть этих брахицефалических элементов ушла не сама, а теснимая экспансией долихоблондов. Впрочем, некоторые значительные части этих брахицефалических популяций остались в Центральной Европе.

В данном труде у меня нет притязаний исследовать тему брахицефалов, по поводу которой никто, по понятным причинам, не имеет здравых суждений. Однако мне нужно вторгнуться в некоторые детали, так как познания многих антропологов в этом вопросе плетутся далеко позади. Таким образом, я дам определение различным брахицефалическим расам Центральной Европы и смежных областей, в каком родстве они состоят друг с другом, я выставлю на обозрение наиболее правдоподобные гипотезы по их происхождению и буду пытаться узнать их прошлую судьбу.

Основными формами брахицефалов являются: *H. Hyperboreus*, представленный самоедами и лапландцами; *H. Contractus*; *H. Alpinus*; *H. Dinaricus* и его белокурая форма; *Acrogonus*; раса Фурфооза.

H. Hyperboreus. Маленького роста, приземистый, со смуглой кожей, черными волосами, карими глазами, рассматривается как разновидность или даже как особый вид. Лицо очень низкое, очень широкое, череп шаровидный, в верхней части расширенный, лобная кость чуть-чуть сплюснутая. Индекс 85 (высушенный череп). Это низшая раса, определенно очень древняя, хотя пока и неизвестная в ископаемом состоянии, ныне вытесненная на Крайний Север, где существует благодаря северному оленю. Вероятно, она заселяла Центральную Европу в четвертом межледниковье или чуть позже и оставила в Центральной Европе и во Франции потомство малочисленное, но очень легко узнаваемое, скрывающееся в горной местности в виде части морозоустойчивой фауны, оставшейся в нашем регионе после завершения эпохи бореального климата¹.

---

¹ Харузин опубликовал монографию по лапландцам (*Дневник*. 1890. Вып. 4), анализ которой см.: *Антропология*. 1891. II, 80–82. Индекс чистокровных лапландцев: у живых — 87,5 у мужчин — 87,1; рост женщин, со-

Н. Contractus. Низкорослая раса, которую я открыл в севеннских пещерах, она также обнаружена в более недавних захоронениях Эро, наконец найдена в живом виде во многих местах Бретани — играла значительную роль в этногенезе Европы. По своему черепу и росту данная брюнетическая раса примыкает к группе азта, андаманцев и прочих пигмеев. Мы с ней знакомы уже в слишком смешанном виде, чтобы понять, какой она была изначально. Характерной чертой черепа являются утолщение лобной кости, двойной изгиб в области лобных и теменных шишек, округлый затылок, небольшое, короткое лицо, в уменьшенной копии похожее на лицо *Spelæus*, но со скругленными орбитами. Индекс — 79 или 80.

Н. Alpinus. Среднего роста, с темной кожей, волосами и глазами, с лицом коротким, но не избыточно широким, черепом округлым, расширяющимся в верхней части, с наклонной подборельонной плоскостью, округлым затылком. Индекс — 85.

Н. Dinaricus. Высокого роста — 170 см и выше, с темной кожей, глазами и волосами, с большим высоким лицом, выступающим затылком, вдавленной лобной костью, выступающими надбровными дугами, затылок покатый. Нос, как правило, крупный, высокий и узкий, немного напоминающий нос семитов. *Н. Dinaricus* составляет более или менее явную разновидность, произошедшую в результате скрещивания с *Н. Europæus*. Он очень распространен в Центральной Европе, а его скелет соответствует скелету расы Бёрреби эпохи бронзы.

Acrogonus. Составляет группу, европейские формы которой, все еще плохо определяемые, характеризуются крайней брахицефалией, трапециевидной формой *norma verticalis*, сильно выступающими теменными шишками, средним по размеру и достаточно высоким лицом, ростом выше среднего. Индекс — 90.

Раса Фурфооза. Представляет метиса-долихоцефала, для которого характерен череп почти брахицефалический, с полу-

---

ответственно, — 150 см и 143 см. У них мы обнаруживаем отражательную способность волос — 34%, а незамутненных глаз — 64%. Эти последние значения указывают либо на смешение с *Н. Europæus*, которое не подтверждается в росте, либо некую трансформацию в сторону чистого типа. Саамы России, очень метисированные, обладают более высоким ростом, меньшим индексом и более светлой мастью.

шаровидной задней частью и профилем, достигающим уровня теменных шишек. Индекс — 78. Я отмечал сходство такой формы, компоненты которой неизвестны, с формой затылочной части черепа некоторых алжирских метисов — *Arabicus* — с индексом около 80.

Вопрос брахицефалов можно разъяснить с помощью множества гипотез, ни одна из которых вплоть до сегодняшнего дня не подтверждена наблюдениями. Маловероятно, что брахицефалические формы изначальны. Хотя известно много обезьян горных местностей Восточной Азии, обладающих строением, весьма схожим с *Acrogonus*, общий план сложения приматов включает долихоцефалию, хотя и умеренную. Следовательно, брахицефалия происходит, вероятно, из некоей более или менее древней эволюции за счет долихоидных форм, но пока еще неизвестно, нужно ли поместить точку расхождения родословных вне современных видов или же некоторые брахицефалы происходят от метисов и известных долихоидных форм, современных или четвертичных.

Трансформация гипотетически может быть объяснена так:

- 1) простым расширением черепа;
- 2) некоей инволюцией;
- 3) деформацией, которая стала передаваться по наследству;
- 4) атрофией иниака.

Простое расширение объяснило бы такие формы, как у *H. Hyperboreus*, у которых череп имеет тенденцию становиться шаровидным из-за общего бокового утолщения. Именно так Коллиньон объясняет происхождение черепа басков, такого же длинного, как долихоидные черепа, но более объемного. К такому же явлению относится меньшая долихоцефалия интеллектуалов. Это расширение, в принципе, не включает компенсационного уменьшения длины.

Инволюция состояла бы в загибании в дугу черепа и мозга из-за атрофии или остановки развития базиллярной области. Такое загибание действительно существует у форм группы собственно *H. Hygmæus: nigrutilus* Lap. Центральной Африки, *H. Contractus*, *Akkalis Haeck.*, *Veddalis H.*

H. Contractus, таким образом, мог бы произойти в результате остановки развития какой-то захиревшей формы *H. Spelæus*.

Стоит заметить, что у эмбриона такое строение в порядке вещей. Итак, гипотеза определенно правдоподобна. Лобные и теменные шишки, характерные для *Pygmæus*, тогда бы объяснялись автоматически. Если взять цинковый или картонный желоб и согнуть его в двух местах, он преобразуется в складки с выпуклостями, тем более выступающими, чем сильнее сгиб.

Инволюция отсутствует у *H. Pithecanthropus*, *H. Priscus*, *H. Spelæus*, была отмечена у *H. Contractus* — законченная и частичная и у *Acrogonus*, кроме теменных шишек.

Форма черепа *H. Acrogonus* еще лучше объясняется наследственной деформацией — намеренной или случайной. Она может произойти из-за того, что затылок спящего ребенка покоится на чем-то твердом, например на дне колыбели или на слишком жесткой подушке. Такой обычай существует, и деформация, возникающая из-за него, определенно существует тоже. Однако невозможно прибегнуть к такому объяснению, пока наследственность деформации не будет продемонстрирована. Ведь до сегодняшнего дня нам неизвестно ни одного примера передачи по наследству уродств или деформаций. Единственными переданными по наследству качествами, видимо, являются те, которые происходят из-за общего химического изменения протоплазмы.

Гипотеза регрессии инака напрямую взаимосвязана с констатацией большей склонности брахицефала к услужению. Он совершенный раб, идеальный слуга, образцовый субъект, и в республиках, подобных нашей, — гражданин на самом виду, так как он покорно сносит все злоупотребления власти. Значит, можно предположить, что из поколения в поколение наименее смелые особи имели наибольший успех. Отдельные случаи совсем легкой брахицефалии сначала становились более многочисленными, затем доминирующими. И продолжавшийся в этом направлении отбор привел к случаям крайней брахицефалии. Таким образом, последние должны были бы стать правилом. Если бы склонность к услужению продолжала оставаться основой цивилизации, такое объяснение, которое я выдвигаю под названием «кастрация инака», прекрасно объясняет увеличение числа брахицефалов. Однако, как и все теории отбора, она не объясняет причину первоначального изменения. Соответственно она может служить только вспомогательным объяснением.

Неизвестно время появления брахицефалов. С неолитической эпохи мы видим их в различных формах по всему земному шару, а субъекты спорной даты появления могут принадлежать четвертичному периоду, а более точно — к четвертому межледниковью. В наших областях, начиная с древнего неолита, брахицефалы присутствуют повсюду. По-видимому, их гнездо существовало на северо-восточной окраине Пиренеев: Саллель-Кабардес (Од), Сэнса (Арьеж), Эстажель (Восточные Пиренеи). Эта последняя стоянка может быть эпохи северного оленя, другие — эпохи древнего неолита. Кьёккенмеддинги Португалии и Скандинавии тоже дали отдельных брахицефалов. В Швейцарии брахицефал — очень относительный — появляется лишь в эпоху неолита, но он, если наблюдения заслуживают доверия, более древний на востоке Франции. То же самое — на Балканах. Можно предположить, что многочисленные следы слабохарактерного населения происходят из очень давней ситуации и что брахицефалы сосуществовали с другими расами с некоей отдаленной эпохи — с середины, даже с начала плейстоцена.

За что можно ручаться — так это за то, что к концу полированного камня мы наблюдаем всевозможные виды брахицефалов, разливающихся из Центральной Европы по Бельгии, Англии, Италии, Польше и Южной России. И мы можем предположить, что они происходят от населения, отброшенного ледниками в долину Нижнего Дуная и на Балканы, затем вернувшегося в Центральную Европу, потом снова частично отброшенного, а частично поглощенного населением расы *H. Europæus*. Также совершенно точно, что не надо искать корни этого населения Центральной Европы во вторжении монголоидных племен. Как я показал выше, в наших брахицефалах нет ничего монголоидного, и если они, начиная с древних времен до их особых современных форм, не являются автохтонами, можно искать их отправную точку разве что в Малой Азии. Сегодня Балканский и Малоазиатский полуострова — основной оплот брахицефалии. Может быть, так было, начиная с тех времен, когда эти два полуострова составляли единое целое? Установленное наличие Древнего Эгея предоставляло легкий переход из Азии в Европу даже до того, как появились зачатки навигации, тогда как проход на север из Понто-Каспия стал воз-

можным только в полуисторическую эпоху. Этот факт важен, и чтобы облегчить его демонстрацию, я настойчиво указывал на палеогеографию Востока.

В исследованиях по филогенезу жужелиц *Carabus* я показал, что современные формы областей, когда-то покрытых ледяным покровом или тундрой, берут начало от форм двух областей — иллирийской и субпиренейской, в которых жизнь, не без борьбы, была законсервирована. То же самое для большинства видов фауны и флоры, а также для человека, который, видимо, заселял Европу двумя потоками, исходящими из истоков на испанском и балканском полуостровах.

Представляли ли эти брахицефалы неолитической эпохи плотную популяцию? Их останки, которыми мы располагаем, свидетельствуют против этого. Я показал, что *round-barrows* Англии предоставили 62 черепа с индексом 80 и выше против 60 черепов ниже 80. *Long-barrows* предоставили 87 черепов — все с индексом ниже 80. Для Швейцарии мы обнаруживаем 14 черепов с индексом 80 и выше и 47 — с индексом ниже 80. Для Галлии статистика Салмона (*Подсчет и типы неолитических черепов Галлии*, Paris, Alcan, 1896) дает 147 черепов с индексом 80 и выше против 541 черепа с индексом ниже 80. Среди субъектов, имеющих индекс ниже 80 (77, 78, 79), наблюдается определенное относительное возрастание из-за скрещивания с брахицефалами — иногда вполне видимого. Данная статистика включает даже черепа энеолитической эпохи и множество фрагментов сомнительных, либо происходящих из вторичных захоронений. Две эти последние категории и дают больше всего брахицефалов. Несмотря на все вышесказанное, брахицефалы там, где они встречаются, везде в меньшинстве, а на большинстве стоянок Южной и Восточной Галлии они вообще отсутствуют. Центральное плато и Севенны, которые ныне столь брахицефальны, на картах, которые я составил по индексу в неолитические, энеолитические и известковые эпохи, — долихоцефальны.

Соответствует ли это реальности? Как произошло, что брахицефалы стали столь многочисленны там, где их не было вообще, и там, где не отмечается их дальнейший приток? Светлые умы полагают, что причина не в увеличении брахицефалов, а в уменьшении долихоцефалов. Общественный отбор лишь вы-

явил брахицефалическую основу — куда более значительную, чем показывает статистика сохранившихся черепов.

Захоронения, из которых извлекли доисторические и антропологические коллекции, почти все являются могилами царей и начальников. Никто не мог позволить себе на том свете люкс в дольмене, а некоторые похоронные принадлежности указывают на немалое благосостояние людей, там покоящихся. На данном этапе антропосоциологии возможно ли предположить наличие расы начальников посреди расы простолюдинов? Такое становится все более и более сомнительным, так как общественные отношения в расах, наблюдаемые от начала времен до наших дней в Западной и Центральной Европе удостоверяют, что сейчас во всех странах мира внимание уделяется этим новым исследованиям.

Значит, вполне возможно, что с эпохи полированного камня многочисленное брахицефалическое население жило вокруг своих, известных нам, начальников. Возможно также, что эти брахицефалы жили почти в обезьяньем состоянии в лесах и горах и высывались из своих логовищ только для того, чтобы послужить долихоцефалам в качестве рабов. Долихоцефалы, таким образом, решили бы, в некотором роде, проблему Клеманс Руайе по одомашниванию обезьян. Но чтобы таким образом разрешить социальный вопрос, они должны были бы иметь некий недостающий нам элемент — человека в еще животном состоянии.

Надо отметить, что большая часть известных нам брахицефалических черепов могла дойти до нас лишь случайным образом. Многие из них могут быть охотничьими или военными трофеями, или происходить от рабов, умерщвляемых при смерти их хозяина или, может быть, далеко увезенных в процессе торговли.

Все эти гипотезы не кажутся мне вполне убедительными, но все-таки не стоит их сходу отбрасывать. Они могут отчасти разрешить столь сложную проблему, как происхождение брахицефалического населения в современной Европе, а некоторые наблюдения позволяют утверждать, что в некоторых особых случаях, которых набралось уже немалое количество, брахицефалические черепа принадлежат инородным элементам.

Поскольку палафиты предоставили очень мало длинных костей, швейцарские палеоисторики рассматривают черепа

подобного происхождения как трофеи — если не всегда, то в большинстве случаев. Захоронения (Овернье, Швайцербильд, цисты близ Лозанны) едва ли дают следы брахицефалов; черепа без туловищ, предоставленные палафитами, часто обработанные, могут являться трофеями или фетишами, сделанными из черепов брахицефалов, ставших жертвами охоты в лощинах швейцарской юры. Во Франции в захоронениях эпохи меди и даже железа (в эпоху бронзы мертвых сжигали) *H. Contractus* представлен лишь индивидами женского пола. На 24 женских черепа мне известны лишь 3–4 мужских. Мужские черепа, за исключением одного, происходят из Торана, где нашли серию скелетов без украшений, составлявших свиту долихоцефалического вождя, который был захоронен при полном вооружении.

Женщин — по одной-две — находили в могилах, содержащих мужской скелет. Женщины всегда были очень молодыми, а возраст мужчины мог быть любым. Наложницы были погребены одновременно с вождем, так как их скелеты были в совершенном порядке. Мои раскопки в Эро дали множество примеров такой практики, все еще употребительной в эпоху, смежную с нашей эрой.

В Слабосцево, в окрестностях Познани, в славянских могилах XI в. н. э. нашли серию из 29 черепов. Все мужчины принадлежат типу *H. Europæus*, они долихоцефалы с индексом 74,3, женщины принадлежат типам, полученным из *H. Dinaricus* посредством скрещивания с *H. Europæus*, с индексом 78,4. То же самое в Зарновке и Попове (R. d'Anthr., 1886, S. III, 1, 324). В этом случае скелеты местных брахицефалов были сохранены, поскольку мужчины расы долихоблондов, прибывшие в регион без женщин, смешались с туземцами. Останки последних, сохранные благодаря каменным могилам долихоблондов, дошли до нас. Если бы пришельцы привели женщин своей расы, у нас бы не было никаких данных о предсуществовании брахицефалов. Пример свежий, но легко догадаться, что такое происходило и в доисторические времена.

Следовательно, разные брахицефалы существовали в немалом количестве 2 тыс. лет назад, и редкость их останков связана с тем, что классовые и иерархические законы уже были применимы при их взаимоотношениях с *H. Europæus*.

Весомым фактом является уже то, что в наши дни проклятие черепного индекса побуждает брахицефалов всех брахицефалических рас искать новых хозяев, когда они теряют прежних, — это общий инстинкт только брахицефалов. Очень весомым фактом является то, что везде, где они существуют, они живут под господством долихоблондов, а за неимением арийцев — семитов или китайцев. Если бы подобная субординация восходила непосредственно к происхождению рас, то мы имели бы прекрасный пример естественного подразделения по общественным функциям. Долихоидам — умственная деятельность, словесность, наука, искусство, управление; брахицефалам — физическая работа, особенно земледелие — самое тяжелое, самое материальное из всех.

В историческом изложении эволюции первобытных ариев особенно важно запомнить предыдущие факты. Во-первых, долихоблонды обнаружили в Центральной Европе население, состоящее из разных брахицефалов, неизвестной плотности, и к концу неолитической эпохи они их частично вытеснили. Во-вторых, значительное количество брахицефалов должно было остаться в смешанном с долихоблондами виде, так как позднейшие перемещения последних вовлекли еще и много брахицефалов. В-третьих, эти последние из-за непонятных пока процессов, но благодаря отбору, стали хозяевами Центральной Европы.

Еще раз повторю: в эпоху развития собственно арийской цивилизации, когда создавались арийские языки, население составляли разные компоненты. *H. Europæus* господствовал в обществе, но с количественной точки зрения мы пока не знаем, какую долю от всего населения он мог составлять.

Вытеснение финно-угров. Мы уже знаем, что чистокровные финно-угры являются долихоблондами, представляющими форму *H. Europæus*, запоздавшую в своей эволюции. Финно-угорские языки представляют древнюю ступень языковой эволюции, предшествовавшую образованию арийских языков. Эти доарийцы и протоарийцы, занимавшие Центральную Европу, оттесненные последовательными вторжениями более типичных блондинов, были отброшены к востоку. Весьма вероятно, что к середине эпохи полированного камня субъекты, чьи черепа

обнаружили в Германии и Швейцарии, говорили, скорее всего, на финно-угорских диалектах и что структура арийских языков сформировалась в энеолите. Народы, отброшенные к востоку, до этой эпохи не участвовали в последних фазах эволюции, и их идиомы остались финно-угорского типа.

В то время как к югу и западу процессу миграции препятствовало многочисленное население, в восточных регионах лесу и степи не было конца¹.

Русские палеоисторики, которые землю своей страны перерыли с рвением и со знанием дела, открыли множество неолитических захоронений. Однако среди них нет ни одного, который бы соответствовал Мустеру или Магдалену. Есть, однако, несколько палеолитических стоянок — только очень древних, — шельских или ашэльских. Господин Никитин в своем докладе *«О структуре четвертичных отложений в России»*, зачитанном на Конгрессе доисторической археологии в Москве (с. 1–34), перечисляет три стоянки эпохи мамонта — в Гонцах, Костёнках и Карачарово. С тех пор их называли примерно столько же (де Бэй). Польша этим богата чуть в большей степени. В течение относительно теплого периода пятого межледниковья человек, видимо, был не более распространен: Кунда в Эстонии, может быть Бологое. Неизвестно, найдутся ли другие стоянки с полированным кремнем, которые укажут на более позднюю дату.

На обоих склонах Урала, в Европе и Сибири, в пещерах Пыжмы, в торфяниках озер Молебское и Шагирское под Екатеринбургом обнаружили довольно древний неолит. Озера Юринское, Аяцкое, деревня Палкино на Иссете, озеро Кизи-Куль представляют неолит совсем недавний. Чтобы обнаружить следы человека до эпохи металлов, надо дойти до Центральной Сибири (Савенков. *Кремний шельского типа*. Красноярский, Московский конгрессы. С. 128).

---

¹ По русской палеонистории см.: *Отчеты Конгресса доисторической археологии и антропологии в Москве, 1892*. В 2-х т. Особенно обратите внимание на работу Богданова *«Какая раса является самой древней в России?»* (Приложение к т. 1). С тех пор вышли: де Бей *Заметки по каменному веку на Украине*, Anthr., 1895, VI, 1–39; де Бей *Заметки по эпохе металлов на Украине*, *ibid.*, 374–392.

К югу, в областях, смежных с Черным и Каспийским морями, ничего не обнаружено, даже неолитического. И мы знаем почему. Ни на Кавказе, ни далее — в Армении и на севере Персии — нет палеолита, но присутствует неолит — в основном, недавний. Однако господин де Бэй только что в предгорьях Кавказа нашел палеолитическую стоянку с останками мамонта. Можно сказать, что господство палеолитического человека в Северной Африке, Западной Европе вплоть до Шотландии не распространялось на север дальше центральных областей Германии, а на восток — дальше Польши и Балкан. Дальше обнаруживаются только отдельные, довольно редкие следы — дюжина стоянок на всю эту восточную и северную половину Европы. Все эти стоянки датируются очень древним палеолитом. По-видимому, территория страны в четвертом межледниковье была незаселенной. И только к середине неолитической эпохи следы человека становятся достаточно многочисленными, что указывает на его основательное и постоянное присутствие в России и областях Русской Азии, соседствующих с Европой.

До современной эпохи — это стоянки, захоронения и особенно маленькие дольмены, называемые курганами, холмики которых покрывают склоны близлежащих долин рек. Из этих курганов к доисторической эпохе относится меньшая часть, так как чаще всего они воздвигнуты в Средние века.

Самые древние показывают нам расу и цивилизацию, тождественные тем, которые предлагает нам Центральная Германия в эпоху среднего неолита. На севере находят своеобразную промышленность, как у гипербореев, чей ареал обитания с тех пор мало сократился. Неолитические черепа этого региона частично относятся к типу *H. Hyperboreus*; так, например, четыре черепа из коллекции Иностранцева, найденные недалеко от Ладожского озера, брахицефальны. Черепа из остальной России относятся к расе *H. Europæus*. Причем долихоблонды уже продвинулись до Ладожского озера, так как коллекция Иностранцева представляет 10 черепов данной расы — большей частью типичных, другие — с немного укороченным лицом. Я видел муляжи этих черепов, некоторые из них — с укороченным лицом — были отнесены к кроманьонской расе. Я думаю, что это неверно. Лицо первобытного долихоблонда было менее узким, чем не

осталось у германцев Райхенгребера, зато черты *H. Spelæus* стали многочисленными, сводящимися не только к укорачиванию лица. Это укорачивание у субъектов с Ладожского озера такое же, как у самых древних долихоблондов и не имеет ничего общего ни с лицом *H. Spelæus*, в целом, ни с его дополнительными чертами. Эти черепа походят на энеолитиков Швейцарии и на неолитиков Лозанны.

Финно-угры в V–IV тысячелетиях до н. э. проникли в Азию по южным берегам Черного моря. Я думаю, что они на этих территориях оказались раньше, чем восточные арии. Действительно, по всей Передней Азии и далее, до подножия Иранского плато, в предыдущую эпоху переселения восточных ариев мы находим население скорее рыжее, чем белокурое. Я намереваюсь заняться этими первыми миграциями, когда начну изучать вопрос о происхождении семитов. Открытия сыплются с такой скоростью, что я ограничусь лишь несколькими указаниями. Этот вопрос хотелось бы изложить как можно шире, поэтому он невольно окажется неполным и устаревшим на два-три года.

Самый древний язык Вавилонии — аккадский, или шумерский, — филологи рассматривают как связанный с финно-угорской группой. Различия значительные, но не стоит забывать, что аккадо-шумерские тексты написаны до 4000 г. до н. э., поэтому они представляют собой очень древнюю форму прародительской группы арийских и финно-угорских языков. Возможно, именно благодаря аккадо-шумерскому языку — современнику палафитов — мы имеем возможность составить наиболее полное представление о языке наших далеких предков. Этот тезис был поддержан Оммелем на Конгрессе ориенталистов в 1895 г. На сегодняшний день археологи накопили больше текстов, чем черепов. Впрочем, несколько субъектов Древней Халдеи, останками которых мы располагаем, не противоречат гипотезе об их европейском происхождении. Все они долихоцефальны, со средним индексом 73, лептопросопны, лепториничны. Об окраске нам ничего неизвестно, кроме того, что халдеи отличались от своих соседей сузийцев — малорослой черной, покрытой шерстью расы из группы *H. Pygmæus*.

На западных отрогах горного массива Персии в контакте с халдеями жили племена гути, которые, как мы предполагаем,

были белыми. Рабы из данной области были чрезвычайно востребованы. Один контракт времен Аммизадуги (2147–2113 гг. до н. э.) гласит следующее: «3 pa 4 ²/₃, ka samni, gisbar an Samas, libbi ¹/₃, mana ²/₃, siklu kaspi, ana simi sag ardâni Gutii namrutim...» («3 pa 4 ²/₃ ka масла, мера Самас, стоящая ¹/₃ мины¹, и ²/₃ сикеля серебра — цена белых рабов гути...»). Этот текст (В. U. 88–5–12, 215; Meissner, *Beiträge zum alibabylonischen Privatrecht*, Leipzig, Hinrich. 1893. P. 18) не вполне точен. Опперт переводит слово *namrutim* как «белокурые», но точный смысл — «светлая масть». Текст не уточняет, идет ли речь о волосах или о коже. Тот же контракт выдает далее следующее указание: «Ana arhi l kam sag ardani Guti namrutim ubbalam» («Через месяц он приведет белых рабов гути...»²). В контракте времен его преемника Самсу-Сатана (V. A. Th. 778; Peiser, *Texte Juristischen und Geschäftlichen Inhalts*, Berlin, Reuther, 1896, p. 45) еще нахожу: «...l sak ardu Suri namraam...» («...l белый раб из Сури»). Вместо *ri* Майсснер читает *edin* (С. 7). Я хотел сказать, что эти тексты относились к племенам готов и шведов. Тот факт, что готы пребывали в Вавилонии во времена первых вавилонских династий, удивил бы даже самого Иордана! В то же время название народа «гути», прочтение которого однозначно и установлено многими историческими текстами, а географическая привязка точна, дало бы

¹ Мина — мера сыпучих тел. — Прим. перев.

² Самые древние знакомые мне упоминания о гутиях и амореях восходят к Саргону из Агады, ближе к 3800 г. до н. э. Это таблички, найденные в Телло в 1895 г. Господин Тюрро-Данжэн передал их в Академию надписей 28 августа 1896 г. (С. R., 1896, S. IV, XXIV, 355–361). На одной можно прочитать: «Царь Усум-гал, год, когда было наложено ярмо на страну Гути». Господин Тюрро-Данжэн приписывает деяние Саргону, но для этого он изменил буквальный перевод. В другой сказано: «В год, когда Саргон, царь города Агады, страна Амурру...». У этой таблички есть дубль, который дополняет ее так: «...*mati Amurram, in bazaar shade*» («...страна Амурру, на отрогах гор»). Саргон распространил свои завоевания до Кипра. Он должен был на Оронте найти Амурру.

Агум Юный (*Какрими*), царь касситской династии Вавилона, около 1600 г. до н. э., перечисляет среди своих титулов «*sar mâtu Gutii, nisi sak-lati*» («царь страны Гути, людей...»). Упоминания, относящиеся к Амурру и стране Гути, необычайно многочисленны, но не описывают внешность этого народа. Упоминания о стране Гути обнаруживаются вплоть до «Хроник Набонида и Цируса». Я считаю, что под белыми рабами из Сури подразумеваются народы амурру. Это, судя по всему, было самое древнее упоминание Сирий.

повод к размышлению, если бы смысл слова *namrutu* был таким, который предпочитает Опперт.

В письменах Нового царства мы очень часто находим упоминание *amelu Amurru* («житель Амурру — аморей»). Аморей были аутентичными долихоблонтами. Египетские памятники рисуют их нам блондинами высокого роста, долихоцефалами с орлиными, крупными носами. Библия утверждает, что они были огромными, как кедры. Аморей хоронили своих усопших под погребальными дольменами. В стране Моав обнаружено более 700 дольменов. Мы еще мало осведомлены об этом народе, руины которого мы сейчас откапываем. Он играл значительную роль в этногенезе евреев и также, возможно, состоял в родстве с пеласгийскими народами, о которых скоро пойдет речь.

Финно-угры совершили в Центральную Азию и в Сибирь экспедиции, которые более известны, и основали нации, которых понемногу, целых 2000 лет, теснили монголоиды. Однако они все же сохранили свое бытие. В «Естественной истории человеческих рас» Демулена (Paris, Méquignon, 1826) есть одно очень хорошее исследование восточных документов, относящихся к рыжеволосым народам Северной Азии. Господин де Уйфальви в данный момент изучает эти народы, останки которых он видел на месте.

Проникновение в Сибирь для народа-охотника было легким, потому что был хорошо известен проход, хотя и узкий. Сегодня Великий Каспий при отступлении оставил обширную равнину между Уралом и морем. Когда-то все было по-другому, но проход у подножия гор всегда был. Море же, начиная с момента, когда освоили навигацию, само стало путем сообщения. Возможно, что если топоры из жадеита происходят из алтайских скал, а литологическое исследование заставляет в этом сомневаться, то материалы либо сами вещи пришли в Центральную Европу по Арало-Каспию, по Ставропольскому проливу, если он уже существовал, по Черному морю и Дунаю.

Мы не располагаем документами относительно присутствия белокурых рас в Северной Азии с эпохи полированного камня. Самые древние могилы — эпохи металлов. Предметы, почти все медные, — совсем недавних типов и совершенно отличные от эпохи бронзы в Европе. Я не считаю, что нужно возводить эти

типы к европейским, они происходят разными эволюционными путями. Можно потрудиться и изучить красивый альбом фототипий, опубликованный господином Мартеном (*Эпоха бронзы в музее Минусинска*, Стокгольм, Samson, 1893). Есть сходство с китайскими вещами, а датировка — немного до или после наступления нашей эры.

Если данные предметы, как полагают, имеют финно-угорское происхождение, то это означает, что финно-угры подпадали в ходе своей промышленной эволюции под влияние народов расы *H. Asiaticus*, возможно, древних китайцев, которые, чтобы отличаться от них, называли себя народом с черными волосами. Они располагали индустрией, аналогичной той, которая была развита у народа, останки которого найдены в сибирских захоронениях.

Китайский историк Мату Ан-Лин говорит о белокуром или рыжем населении Сибири и Центральной Азии. Его очерки относятся к началу нашей эры, до вытеснения финно-угров монголоидными народами. Он рассказывает об обитавшем на Енисее, в районе Минусинска, народе с зелеными глазами и рыжими волосами, который он именует тин-лин. Этот народ — предок киргизов-казахов, основательно монголизированных на сегодняшний день. «Среди нынешних варваров, — добавляет автор, говоря о своем времени (XII в.), — все те, кто имеет зеленые глаза, рыжую бороду, и кто похож на обезьян, — вышли из этой расы». Сравнение с обезьянами весьма нелестно. В другом месте Мату Ан-Лин сравнивает фигуры белокурых людей с лошадьми.

В ряде других текстов говорится, что эти народы похожи на обезьян, от которых они происходят. Было бы любопытно идентифицировать вид обезьян, от которых в китайских бестиариях¹ происходят разные человеческие расы, за исключением их собственной. Впрочем, стоит заметить, что китайцы всегда были трансформистами и что обезьянья родословная в их бестиариях не всегда повод для презрения.

Уйгуров Мату Ан-Лин называет народом с желтыми головами. К западу от уйгуров располагалась страна Кашгар, населенная людьми с голубыми глазами и белокурыми волосами, которые культивировали рис, сахарный тростник, но ко времени

---

¹ Бестиарий — описание и аллегорическое истолкование зверей. — Прим. перев.

первых Хань насчитывали всего около 1,5 тыс. семей. К юго-востоку от уйгуров, к верховьям реки Иравади, располагалось другое синеглазое племя, рыжебородое, весьма походящее на кого-то вроде огромных обезьян, от которых они ведут свой род. На северо-запад — чудь, тоже белокурые.

В Западной Сибири китайские географы помещают кьё-кья-ссе — народ, насчитывающий многие сотни тысяч. Там у них все мужчины огромного роста, с рыжими волосами, белым лицом и зелеными глазами. Черные волосы для них чудо.

Усуни, многочисленный народ, обитающий сначала в Восточной и Центральной Сибири, оттесненный к западу, а на заре Средневековья обитавший в Центральной Азии, — тоже, согласно ханьскому историку Вен-Ссе-Ку, представлен людьми с зелеными глазами и рыжими волосами¹.

В целом, за исключением страны Хотан, населенной народом той же расы, что и китайцы, или, скорее всего, какой-то фракцией китайцев, китайские историки в этой части Северной Азии, где монгольский элемент сегодня доминирует столь заметно, рисуют нам только долихоцефально-белокурые народы. Видимо, эти народы были первыми обитателями страны. Они оккупировали ее, прибывая из Европы в разгар эпохи металлов, примерно во II тысячелетии до н. э. Они принадлежали к финно-угорской группе, судя по тому, что большая часть их имен имеет тюркское или финское происхождение.

В заключение я проведу аппроксимацию до настоящей эпохи следующего резюме из работы Демулена, прибегая и к помощи разных других работ и, особенно, труда Уйфальви по белым гуннам (Anthr., 1893, IX, 259–277). В этой последней я нахожу упоминание китайского путешественника Пан-Ку (VI в.) об усунях, обитавших тогда в Центральной Азии: «Этот народ

---

¹ Ивановский (*Дневник*, 1890, 174) три черепа, выуженных из Иссык-Куля, приписывает усуням. Данные таковы: цефалические индексы — 80,7; 78,6; 82,9; назальные индексы — 47; 52,4; 48,9; бизигоматические диаметры — 115, 116, 121 мм, межорбитарные расстояния — 22, 23, 27 мм. Принадлежность этих черепов усуням очень сомнительна. Талько Гринцевич (*О человеческих костях, найденных в окрестностях слободы Усть-Кыякта*, Иркутск, 1893) описывает два черепа из Кыякта, в той же области, датированных концом сибирской эпохи меди и относит к концу нашей эры. Они идентичны находкам в русских курганах скифской эпохи. Индексы — 73,2; 73,5.

обладает рыжими волосами и голубыми глазами. Он сильно отличается от других варваров. В усунях многое есть от великих юэ-чи и от сай (саки)». На сегодня монголоидная масса уже потопила в себе белокурые народы и, благодаря гуннскому вторжению, проникла до Европы.

Ужасный Аттила, видимо, был монголоидной расы¹, но племена, которые в разные времена набрасывались на цивилизованные народы, управлялись белыми. Великий Чингисхан, Тамерлан относились к расе *H. Europæus*, и портреты, которые с них писали их современники, подошли бы к германским или скандинавским королям. Рубруквис сравнивает Чингисхана с нормандским джентельменом, Жаном де Бомонтом.

В 921 г. Фозлан рисует башкир еще отчасти белыми: «В Халебе я видел много башкир с красными волосами и лицами». На сегодня этот народ почти завершил свою монголизацию».

Хорошо известным феноменом является значительное превосходство монгольских черт над долихоблондами при скрещиваниях. В последние 1500 лет, прошедшие с момента завоевания монголоидами Восточной Сибири, Центральной Азии и областей, граничащих с Европой, цефалический индекс постоянно рос, а удельный вес белых сокращался. В Сибири еще остаются народы относительно долихоцефальные и белокурые, как остяки и вогулы, но туркоманы² — некогда долихоцефальные и белокурые — в огромной степени монголизированы. Что касается тюрков, то своим нынешним типом они обязаны скрещиванию с брахицефалами Малой Азии и Кавказа. Но все же, какой бы ни была трансформация, русские антропологи в своих исследованиях народов Сибири доказывают, что недавняя монголизация финно-угров Азии совсем неполная и что повсюду встречается значительная часть элементов европейского происхождения³.

¹ Иордан. *Historia Gothorum* (XXXV, 182) описывает его так: «*Forma brevis, lato pectore, capite grandiore, minutis oculis, rarus barba, canis aspersus, semo nasu, teter colore, origenis suae signa restituens*» («Низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединой, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения») (пер. Е. Ч. Скржинской). — *Прим. ред.*

² Или турмены — тюркский огузский народ. — *Прим. ред.*

³ Соммьер (*Сиремы, остяки и самоеды Оби*, Archiv. per l'Anthropologia, 1887, XVII) приводит следующие данные. Зыряне: рост мужчин — 164 см,

Арийские вторжения в Азию. Вслед за финно-уграми восточные арии с давних пор проникали в Азию. Тождество названия меди у народов арийской Индии и Азии доказывает, что разделение самых восточных ветвей не простирается далее эпохи металлов, но некоторое количество общих терминов в то же время подразумевает дату достаточно отдаленную для этого разделения, когда цивилизация на Востоке еще не была земледельческой. Разделение индоиранской ветви нельзя датировать ранее, чем 4000 г. до н. э., и я бы сказал, что к 2000 г. до н. э. она еще находилась на территории России. Некоторая часть русских дольменов и курганов должна принадлежать этим предкам. Как проходило Великое переселение народов — по предгорьям Урала, огибая Арал? Именно таким путем следовали финны, но я не думаю, что он был уже освоен. Через Крым и Кавказ или, что очень вероятно, через Фракию — вот где происходило переселение. Господин де Морган считает, что нашел в дольменах в Ленкорани, на юго-западных берегах Каспия, останки еще неразделенного индоиранского народа. Индустрия этих дольменов та же, что в микенском периоде бронзы и начале эпохи железа,

---

рост женщин — 154 см; глаза светлые, только у 10% населения глаза темноватые и среднего оттенка; волосы светлые, но уже у 35% населения волосы средних оттенков и даже темные; средний индекс черепов, принадлежавших 24 мужчинам, составил 82,44, средний индекс 13 женщин — 83,28. Остяки Оби: рост — 156 и 144 см; только 13% населения — белокурые, 38% — темные; индексы — 79,28 и 79,01. Два этих народа основательно смешаны с самоедами. Более чистые племена являются более светлыми и более долихоидными. Вогоулы — менее смешанные, по большей части светлые, с индексом около 78. То же относится и к башкирам, у которых в зависимости от племени индекс составляет 80–84. Чистые туркоманы [иранские туркмены] обладают еще меньшими индексами. Яворский (*Anthropologische Skizzen der Turkmenen*, Arb. der Anthr. Ges. der militar-medizinischen Akademie, 1897, II, 145–206) исследовал 59 туркоманов и получил следующие данные: длина черепа — 193 мм, ширина — 146 мм, индекс — 75,64 (от 68,77 до 81,78), окружность в горизонтальном сечении — 548 мм; средний рост — 167 см (157–193 см). Видно, что повышенные индексы тюрков обязаны смешению с брахицефалами Кавказа, Армении и Малой Азии. Во всех финно-угорских популяциях Азии в сериях находят заметную часть долихоцефальных белокурых элементов. В Европе чудь, эсты, ливы, в зависимости от местонахождения, обладают индексами 79–80. Разные группы финнов, смешанные с лапландцами, имеют значения индексов более повышенные. См. карты цефалического индекса по России у Рипли (*Расовая география Европы*, Pop. Science Monthly. 1898. LIII. P. 740) и на лицевой стороне (P. 724).

некоторые — относительно недавние. Самые древние можно датировать примерно 1500 г. до н. э.

Раскопки господина Моргана были прерваны по приказу петербургского правительства. Несмотря на вмешательство французского посольства, поверенный французской миссии прекратил эти раскопки. Сейчас аборигены наперегонки расхищают архивы индоиранцев, как у нас фосфаты — доисторические цивилизации Франции. Русская и французская администрации, кажется, заключили один и тот же союз с невежеством и вандализмом, что неудивительно, потому что неотесанные казаки Петербурга никогда не претендовали на звание самых духовных представителей мира.

Тип черепов, разведанных в Ленкорани, — тот же, что скифских курганов России. Так как книга Моргана *«Научная миссия в Персии»*, затрагивающая вопросы антропологии, еще не вышла, я ограничусь этим указанием русского источника. Первая часть т. IV, вышедшая в 1896 г., содержит археологические результаты. Я ограничусь тем, что сошлюсь на эту работу.

Индийская ветвь знакома нам по звучным легендам, которые вплоть до нашего времени внушают иллюзию о древности своего происхождения. Фантастическая эпопея разворачивается где-то в бесконечности веков, а подземелья и руины Индии имеют вид почтенной древности. Я не скажу, что все это чистые небывлицы — ведь не бывает вымысла, в котором не содержалась хотя бы доля правды. Что совершенно точно — это то, что ведическая фаза индийской цивилизации и прибытие индусов на берега Инда не могли бы иметь место до XV в. до н. э. Эта эпоха, вероятно, как раз и является эпохой дольменов Индии, сконструированных из камней, пригнанных друг к другу и часто обработанных, огороженных перфорированной плиткой с дырой посередине, как в европейских дольменах эпохи бронзы, более недавней имитацией которых они (индийские дольмены) являются.

Кроме этих дольменов и нескольких очень древних топоров шельского типа, Индия не дает почти ничего более древнего относительно веков, ближайших к нашей эре. Не находят ни следов дворцов или могил, ни крепостных стен, ничего, что напоминает о великих цивилизациях Египта и Халдеи. Не говоря уже о неолитических укреплениях Прованса, авейронских статуях

бронзового века, древних эгейских поселениях. Необычайно мало следов неолитической эпохи, почти нет меди и бронзы, едва нашлось несколько гончарных черепков: индийская предыстория чрезвычайно бедна. Видимо, этот регион до прихода ариев был населен последними живыми остатками редких и малочисленных племен цивилизации, такой же как андаменская.

Цивилизация пришельцев была не более развитой. Они уже знали железо, но едва перешли к фазе земледелия. Считается, что Ригведа датируется XVI в. до н. э., но эта датировка ни на чем не основана, а цивилизация ведической эпохи — поздняя относительно перфорированных погребальных дольменов. В любом случае придется обратиться к IV в. до н. э., чтобы обнаружить в Пенджабе — самой развитой области Индии — какие-то рудименты подлинной цивилизации¹.

Первое упоминание об Индии в истории обнаруживается в надписи на Бехистунской скале². Дарий среди многих сатрапий перечисляет и индийскую, то есть Пенджаб. Персидское влияние выражается в первом импульсе, давшем начало цивилизации, но она развивается и распространяется только под влиянием греков³. В 327 г. Александр завоевал индийскую сатрапию и оставил греческие гарнизоны в Пенджабе. С этого момента страна управлялась македонскими царями, как и сатрапия Бактриана, к которой относилась индийская. Относительное единство, царившее при Диодоте, Эфидемии I, Деметрии I, вскоре прервалось. В течение 200-летнего периода мы обнаруживаем в долине Пенджаба многие греческие царства, наиболее известными правителями которых были Архебий, Аминт, Агатоклея, Антиалкид, Менандр, Аполлодот. От этих греческих династий остались многочисленные медали, огромное разнообразие промышленных объектов, руины зданий и статуй. Для изучения этой эпохи я отсылаю к введению в книгу моего друга Уйфальви «*Арийцы на севере и юге Гиндукуша*».

¹ После открытия Хараппы и Мохенджо-Даро в эти рассуждения Лапужа стоило бы внести коррективы. — *Прим. перев.*

² Клинописный текст на трех языках (древнеперсидском, эламском и вавилонском) о событиях 523–521 гг. до н. э. на скале Бехистун (Иран), высеченный по приказу царя Дария I. — *Прим. ред.*

³ Известное заблуждение, характерное для эпохи написания этой книги. — *Прим. перев.*

Туземный авантюрист на службе у Александра, Чандрагупта¹, в 324 г. до н. э. основал в Магадхе первое цивилизованное царство Индии. В его правление Панини издал санскритский грамматик. Может быть, именно в эту эпоху местная письменность стала отделяться от индо-бактрийской, которая напрямую выходит из арамейской письменности ахеменидских персов. Кажется, Индия никогда не знала письменности более древней, чем персидская, заимствованная у ассирийцев. Впрочем, самые древние известные надписи — это надписи Ашоки (273–232 до н. э.), распространителя буддизма. С этого момента начинается история Индии, по которой быстро распространяется цивилизация. Самые древние подземные храмы принадлежат I в. н. э., монументы, развалинами которых мы любуемся по всей Индии, Индокитаю и Зондским островам, были возведены только в Средние века, а богатая брахманическая и буддийская литература, кроме Вед и некоторых сюжетов, появилась после соприкосновения Индии с Персией и Грецией.

Если я настаиваю на этой хорошо известной истории, то потому, что ее все еще недостаточно. Многие верят в существование античной индийской цивилизации, и эта вера способствовала поддержанию мифа бактрийского происхождения цивилизаций. Но на данный момент как раз Франция дает древнейшие следы живописи, скульптуры, письма и земледелия — все предшествующие неолиту.

У нас мало данных о физических чертах завоевателей Индии. Уйфальви считает, что с эпохи вторжения в индийцах почти не осталось крови долихоблондов. В то же время Махабхарата показывает нам пандавов белокурыми и рослыми. С другой стороны, мы скоро увидим, что персы чистой расы были белокурыми. По-видимому, кастовая система была внедрена, чтобы сохранить чистоту европейской крови. По этому вопросу стоило бы изучить обширную индийскую литературу, не упуская из виду, что поэтов мог вдохновлять белокурый тип македонцев, популяризированный индо-греческими художниками.

В касте брахманов есть достаточно большая доля белых, особенно на северо-западе. На отрогах Памира тоже можно

---

¹ Или Сандрокоттос, как называли его греки. — *Прим. ред.*

наблюдать отдельных белых индивидов, которые в сознании наших людей превратились в племена. Господин де Уйфальви, который ездил на них посмотреть, утверждает, что белые очень редки. Некоторые племена (пуштуны, рохиллы), недавно перешедшие из Афганистана в Индию, содержат значительную долю белых. Монументальная статистика Рисли показывает нам, что брахманы по росту, цефалическому и назальному индексам являются наиболее близкими к типу долихоблондов. Соотношение брахицефалов, вследствие скрещивания с монголоидами, возрастает с запада на восток, а низкорослых и с приплюснутыми носами — с севера на юг. Все это хорошо подтверждает прибытие долихоцефальных, высокорослых, лептопросопных элементов с северо-запада, но кажется, что среди них белокурый элемент представлен небольшим правящим классом и что остальные относятся к типам *H. Indicus* и *H. Arabicus*. Джонстон (*Расы и касты в Индии*, *Anthropologie*, 1895, VI, 176–181) соотносит кшатриев с красной расой *H. Nuba*. Такая гипотеза не так уж невероятна.

Греческие и латинские авторы оставляют мало указаний о типе обитателей Индии. Следует заметить, что изображенные на портретах античных мастеров туземцы далеки от того, чтобы судить о них, как о белых. Белый элемент, слишком малочисленный, не принадлежал к кастам, которые связывали себя с пришлыми, — вот почему описания древних, как кажется, относятся только к аборигенам.

Галиен (Περὶ κρῶσεων, II, 5) берется за труд объяснить нам, почему индийцы темные. Он ставит такую задачу в различных текстах, цитируемых в связи с теорией климатов. Как и Гиппократ — в вышеупомянутом «*Трактате о воздухе*».

Авиен (Perieg. 1299–1300) описывает их так:

«*Sed genti Indorum teter color, efflua simper
His coma liventes imitator crine hyacinthos*».

(«У индийцев страшный цвет, всегда вьющаяся грива,
Которая похожа на иссиня-черные волосы гиацинтов»).

Манилий, рассказав о белых народах, упоминает эфиопов, а также индийцев (*Astronomicon*, IV, 722–725a):

«*At Syrios produnt torti per tempora crines.
Aethiopes maculant orbem, tenebrisque figurant*

*Per fuscas hominum gentes. Minus India tostas
Progenerat mediumque facit moderata tenerem»*

(«Волосы детей Сирии выются на висках,
Эфиопы омрачают расу черных людей;
Индия дает жизнь менее
Опаленному солнцем народу»)¹.

Иранцы подверглись опеке цивилизации гораздо раньше. Первое известное упоминание о парсах восходит к XII в. до н. э. Салманасар II имел дело с этим народом, жившим тогда в Армении, позади Гути, близ озера Урмия. Во времена Саргона II (722–705) парсы уже обосновались в Фарсистане, который будет центром их державы при Ахеменидах. Со времен правления Рамман-Нирари (810–781) мидийцы вписываются в историю Ассирии. Мидийцы и персы по очереди доминировали на Востоке. Империя персов будет простирается от Индии до Дуная и от Туркестана до Нубии; народы Испании, юга Галлии, севера Африки станут вассалами их вассалов — финикийцев и карфагенян².

¹ Цит. в пер. Е. М. Штаермана. — *Прим. ред.*

² Египтяне во время великих кампаний в Азии, около 1700 г. до н. э., сталкивались в долине Евфрата с царством Митаннии, которому подчинялась Ниневия. Ассирийцы до тех мест не добирались. Царь Митаннии Тушратта (Душратта) около 1450 г. до н. э. выдал свою дочь Тадухеппу замуж за Аменхотепа III. Дипломатические архивы Тель-эль-Амарны сохранили до наших дней переписку по этому браку и список вещей, составивших приданое царевны. Там мы находим много слов на языке Митаннии, который мы считаем арийским. Такие документы являются древнейшими известными памятниками арийского языка. Я не вижу в нем больше арийских элементов, чем в ассирийском, в любом случае — ничего похожего на зенд или санскрит.

Вскоре царство Митаннии было разрушено. Ассирийские цари воевали в горах к востоку от Ассирии и Верхней Вавилонии с некими матиенами, которые, быть может, были остатками этого народа и которые пытались присоединиться к мидийцам. Одна фракция матиенов обитала в долине реки Галис (Кизил-Ирмак) в Малой Азии.

Что касается мидийцев, то одно их племя обитало в Македонии. Венеты претендовали на происхождение от мидийцев. Стоит ли видеть в этих племенах задержавшихся в Европе мидийцев или же наоборот? Это осколки, вернувшиеся из Азии, по аналогии с персами и армянами, которые должны были бы колонизировать Марокко?

Мэтр Амьо, по которому я скорблю, считал, что переселение персов имело место во времена Саргона, под предводительством Ахемениса (*Cyrus, roi de Perse. Mélanges Rénier, 242–260*). Я собрал и перевел все тексты, относящиеся к арийским народам, с которыми вавилоняне и ассирийцы

Сейчас начали проводить раскопки Персеполе, а потому пока не отрыли обширные по площади руины Экбатаны. В недалеком будущем мы будем располагать массой письменных документов по истории мидийцев и персов, которые при составлении своих надписей пользовались клинописью. Грандиозные памятники, раскопанные Дьёлафуа (*Сузский акрополь*, Paris, Nachette, 1893) дают нам представление о развитии у персов архитектуры и искусств. Господин де Морган в данный момент пишет работу о Сузах.

К VI в. до н. э. иранские племена распространялись от Армении до границ Индии и от Бактрианы до Фарса¹. По мнению историков, народ всех племен делится на благородных господ и их слуг, последние часто являются скифами. Еще сегодня мы находим на Кавказе, в Центральной Азии и на Иранском плато народы иранские по языку. Однако между ними нет никакого антропологического сходства. Таджики — это темноволосые брахицефалы, идентичные брахицефалам Европы, и наоборот — мы находим белые племена у курдов, и все эти народы происходят от мидийцев и персов. Скажу лишь о черных сузийцах, череп которых идентичен *H. Contractus*. Вероятно, брахицефалов вытеснили из Малой Азии или Европы арийские переселенцы. В Азии мы действительно, за исключением Передней Азии, не находим других брахицефалов, кроме желтых, место происхождения которых, вероятно, располагается в районе Тибета. Эти желтые брахицефалы, столь неудачно названные *H. Scythicus*, по всей своей морфологии отличаются от тех, кого мы знаем. Они, видимо, были распространены во всех направлениях лишь непродолжительное время в период, предшествовавший нашей эре. Что касается черных сузийцев, то это определенно туземные негры, связанные со своими индийскими собратьями.

Классические авторы не указали нам физический тип персов. Тексты эпохи Парфянских войн относятся к этническим элементам, отличным от древних иранцев². Персидские памят-

---

были в контакте. В приложении мы найдем основные части этих текстов. Я пользовался изданием *Keilinschriftliche Bibliothek*.

¹ Латинизированное название Персии — Фарса. — *Прим. ред.*

² Аммиан Марцеллин, *Res gestae*, XXIII, 6, так описывает персов своей эпохи: «Graciles pæne sunt omnes, subnigri vel livido colore pallentes,

ники дают нам долихоцефальный тип — очень лептопросопный, очень лепториничный, с чертами необычайной чистоты. Портрет Дария — потрясающий. Масть, видимо, менялась в зависимости от класса. Языческие боги, изображенные в цвете у Дьёлафуа, — одни белые, другие смугловатые, но все черноволосые. Смуглые солдаты отнесены Дьёлафуа к сузийцам, но среди них нет негроидного типа. Люди со светлой и почти черной кожей встречаются в Персии даже сегодня. Благородный класс — истинные арийцы — представлен на саркофагах Сидона, описанных Хамди-Беем и Рейнахом. Великолепный цветной атлас этого сборника показывает нам персов, чрезвычайно отличающихся от тех, останки которых обнаружены в Сузском акрополе.

На двух сторонах саркофага представлены барельефы под названием «Плачущие». На них изображены 17 персонажей, среди которых только две женщины с темными волосами, остальные — светлые шатенки и блондинки. Этот саркофаг — чисто греческий. На фронте другого огромного саркофага изображен Александр в гуще схватки. Он, скорее, русский, чем блондин. Его окружают три перса, один из них — белый, более или менее русский. Главный барельеф изображает охоту на гепарда. Все пятеро персонажей — персы, среди них трое русских и двое палевых блондинов. Изображения представляют собой исторические портреты, большинство персонажей опознаны. Греки и персы лептопросопны и лепториничны; у персов более резко очерченные лица, почти как у галлов и германцев. В них ничего нет ни от персиянского типа, ни от типа таджиков; они больше похожи на курдов (Хамди-Бей и Рейнах, *Царский некрополь Сидона*, Paris, Leroux, 1896).

По мере того как мы движемся в западном направлении, удельный вес белых элементов возрастает. Рисунки гробницы Рек-Мара (XVII династия) показывают нам вереницу рутенов,

---

caprinis oculis, torvi et superciliis in semiorbium speciem curvatis junctisque, non indecoribus barbis, capillisque promissis hirsute» («Вообще они тонкого склада, с черноватой или бледно-желтой кожей, взор у них козлоподобный, брови полукруглые и сросшиеся, бороды довольно благообразны, а волосы на голове длинные»; цит. в пер. Ю. А. Кулаковского и А. В. Сонни). Эти персы уже не были похожи на ахеменидских, как французы не похожи на франков и галлов. Зато портрет вполне подходит современным персиянам.

то есть сирийцев, что стало предметом исследования Хами (*Исследование этнических рисунков тебаиновой гробницы XVIII династии*, Paris, Leroux, 1885). Эти рутены — блондины и русые. У некоторых из них деформированный череп, как у алавитов, другие — чистые долихоцефалы. Среди рутенов, изображенных на других памятниках, мы находим этот белокурый тип. Мы встречаем его даже среди портретов хеттских воинов — преимущественно среди военачальников. Хеттский царь, побежденный Рамзесом, является долихоблондом. То же относится и к амореям. Все эти изображения датируются примерно XIV в. до н. э.¹.

Такие сведения из египетского источника позволяют нам утверждать, что в эту эпоху белокурые народы во множестве проживали в долине Оронта и Евфрата, в окрестностях Каркамыша. Позже амореи высадились в Палестине, и мы знаем, что в Ниневии и Вавилоне они составляли значительный элемент населения. Может быть, из-за этих белых элементов вавилонские владыки, чтобы подтвердить превосходство над другой расой, говорили о себе, как о повелителях *черноголовых*.

Хетты, образовавшие в центре Малой Азии и на севере Сирии с XIV по XII в. до н. э. ряд великих государств, видимо, были смесью брахицефалов и долихоблондов, возможно, говоривших на одном арийском языке — предшественнике армянского. Следует ожидать, что расшифровка хеттских надписей станет более адекватной, и остается надеяться, что эти надписи будут многочисленными. Время научит нас, какие корреляции следует установить между хеттами египтян и Махабхараты, ку-те китайцев, гутиями вавилонян, гхатами Пенджаба, ухаваран-кетами Кашмира, скифами и т. д.

Очень вероятно, что эти народы в разные времена представляли одну и ту же основу кочующих популяций, весьма малочисленных, живущих рассредоточенно среди других, более цивилизованных народов, терроризирующих своих соседей, в том случае, если их мощь возрастала. В том случае, если удача изменяла их оружие, победители поселяли их на какой-нибудь территории.

---

¹ См.: Сэйс, *Белая раса Палестины*, Nature, 2 Aug. 1888. Петри опубликовал иконографию рас в соответствии с египетскими памятниками, на которую полезно сослаться.

Древние историки говорят нам о некоем периоде продолжительностью в 1500 лет, во время которого скифы должны были господствовать в Азии. Продолжалось это до 1000 г. Об этих скифах мы не знаем ничего более точного, кроме сведений, касающихся древней мидийской династии Ассирии. Однако благодаря раскопкам нам удалось узнать содержание обрывков ассирийских анналов, соответствующих эпохам владык, дворцы которых были обнаружены.

В несколько большей степени мы осведомлены о скифах Европы. Они жили на юго-западе России. Геродот относит к ним многочисленные племена, населявшие территории, которые простирались от Кавказа к Оксу Бактрийскому, а на юге примыкали к Каспию. Эти скифы классической эпохи также смешаны с хеттами, и Иордан, путая хеттов с готами, чертит некую генеалогию и описывает некое переселение, которое сблизило бы готов и скифов со скандинавскими владыками и Скандинавией.

В чем можно быть абсолютно уверенным? В том, что скифы, видимо, были неоднородными по расе и, возможно, по языку. Однако то, что мы знаем о скифском языке, скорее, сблизает их с индоиранцами, а не с германцами. С другой стороны, надо рассмотреть их физический тип и место их проживания — по двум этим параметрам скифы ближе к германцам.

Тип скифов известен нам по их останкам и по многим классическим текстам. Не стоит приписывать огромную важность физическим чертам, формирующимся в результате образа жизни, которые сблизают этих вечных всадников с татарами. Наследственные черты совсем другие. Адамант в пассаже, явно подражающем Полемону, сравнивает скифов с кельтами.

Гален (Περὶ κρίσεως, II, 5) выражается, как Полемон (*Galenus. De temperamentis. II, 5*; цитируется по изданию: *Helmreich G. (ed.) Galeni de temperamentis libri tres. Leipzig, 1904. P. 618*). Впрочем, смотрите весь «Трактат о темпераментах». У иллирийцев, германцев, далматов, савроматов и всего скифского [рода] волосы растут достаточно быстро, они тонкие, прямые и рыжие (*Helmreich G. (ed.) Galeni de temperamentis libri tres. Leipzig, 1904. P. 627*).

У кельтов, германцев и всего фракийского и скифского рода кожа холодная и влажная, а волосы — мягкие, светлые и тонкие.

То же сказано и в главе 5 (Clemens Alexandrinus. *Paedagogus*. III, 3.24): «Καὶ τῶν ἐθνῶν οἱ Κελτοὶ καὶ οἱ Σκύθαι κομῶσιν, ἀλλὰ οὐ κομ[σ]οῦνται· ἔχει τι φοβερὸν τὸ εὐτρίχον τοῦ βαρβάρου καὶ τὸ ξανθὸν αὐτοῦ πόλεμον ἀπειλεῖ· συγγενές τι τὸ χρῶμα τῷ αἵματι» («Из языческих народов кельты и скифы носят волосы длинными, но не прихорашиваются. Все же роскошные волосы варвара представляют собой нечто ужасное, а светло-красный цвет их напоминает собой войну; этот <...> цвет волос родствен цвету крови»)¹. Впрочем, смотрите весь «Трактат о темпераментах».

Это авторы, жившие в эпоху нашей эры. Гиппократ, живший ближе к 400 г. до н. э., когда скифы имели бóльший вес, описывает их с психологическими примечаниями, представляющими большой интерес. Ни один из авторов не характеризовал с такой же силой лимфатический темперамент *H. Europæus*. Если список неполон, то скажу, что скифы изменили до последнего совместимого с жизнью предела патологические черты расы. Я рекомендую прочесть «Трактат о воздухе» Гиппократа, предпочтительно в подлиннике, так как переводчики не всегда понимали идею автора. Так, в большинстве случаев они переводили слово *πυρρός* как «желтый». Но это слово, наоборот, характеризует лимфатическое состояние загорелой кожи, раскрасневшейся на морозе, — состояние плохо одетого *H. Europæus*, который подвергается сильным холодам. Это неправильное толкование было внушено предвзятым представлением о том, что скифы были монголами. Все без исключения тексты, наоборот, представляли скифов белыми.

Я не знаю, стоит ли видеть в сатархах и албанцах иранцев или скифов. Впрочем, это неважно — два народа, видимо, состояли в самом близком родстве. Гай Валерий Флакк (*Аргонавтика*, VI, 144) говорит о сатархах Понтийского Кавказа: «*Flavi crine Satarchæ*» («Желтые волосом сатархи»). Он же говорит нам (XVIII, 37) о Медее Колхидской — эпоним мидийцев, согласно грекам: «*Ac sua flavis reddita cura comis graditurque oblita malorum*» («И отбросив заботу, с желтыми волосами ступает, забыв о преступлениях»)². Солин утверждает, что у албанцев голубоватая

¹ Цит. по изд.: Климент Александрийский. *Педагог* / Пер. Н. Н. Корсунского, отца Георгия (Чистякова). М., Нью-Йорк, 1996. С. 229. — *Прим. ред.*

² Цит. в пер. А. В. Белоусова. — *Прим. ред.*

радужная оболочка (*glauca* (лат.) — «серая»). Таким образом, речь идет об арийцах, очень сильно депигментированных. Леон Диакр (IX, 6) приводит один отрывок из утраченной части кругосветного плавания Арриена, приписывающий Ахиллу скифское происхождение. Леон отмечает соответствие классического типа Ахилла типу скифов — с русыми волосами и голубыми глазами. Эти данные подходят скифам времен Леона, если не временам Ахилла, — около 1200 г.

Мы располагаем немалым количеством скифских скелетов, или, точнее, скелетов, найденных в скифских гробницах на юго-западе России. Богданов описал их серии (*О могилах скифо-сарматской эпохи в Полтавской губернии и о краниологии скифов*, Антропологическая выставка, III, 263–279). Со времен той работы (1880 г.) был собран ряд других серий. Скифские могилы поставляют три категории черепов:

- 1) чисто *H. Europæus* — примерно 75%;
- 2) более или менее схожие современному брахицефалическому населению и никаких монголов — около 20%;
- 3) очень близкие к *H. Europæus*, но с более широкими лицом и носом.

Русские антропологи соотносят эти последние, составляющие около 5%, с началом инфильтрации желтой крови, которое датируется началом нашей эры. К данному объяснению я отношусь сдержанно, так как Райхенгребер поставляет лица совершенно похожие, а скрещивание с *H. Alpinus* или *H. Hyperboreus* может дать такой же результат. Я добавлю, что долихоцефальный тип обладает общими внешними чертами с популяциями России эпохи камня и бронзы и что в этих популяциях брахицефальный элемент присутствует также на юго-западе и на северо-востоке России, в контакте с ныне брахицефалическими областями Карпат и страны самоедов. Каврайский в «Дневнике» 1890 г. описывает одну серию из 14 черепов на Волыни, скифо-сарматской эпохи, то есть начала нашей эры. Индексы составляют пока 72,6–76,5, без следов монголоидных черт.

Вот два текста, в которых говорится либо о финнах, либо о скифах. Мне представляется, что они относятся, скорее, к русым, а не к светлым блондинам. Первый текст принадлежит перу Геродота (IV, 108). Второй — менее известный — гораздо

более поздний и относится к одной популяции из Центральной Азии — серам, которые обитали в Эмодских горах. Плиний (VI, 24, 8) узнает о них от одного римского путешественника, а он, в свою очередь, — от путешественника-индийца: «*Ipsos vero excedere hominum magnitudinem, rutilus comis, caeruleis oculis, oris sono truci, nullo commercio linguae*» («А сами они превосходят человеческий рост, с русыми волосами, синими глазами, с громким голосом, не общаются ни на одном другом языке»)¹. В те времена, когда языки не были столь развитыми, индиец, вероятно, мог понять скифа, как в наши дни итальянцу удастся понять речь испанца. И это — более чем основательная причина полагать, что серы были вовсе не скифами, а финно-уграми, вероятно усунями. Стоит заметить, что во всех прочих текстах делается намек на черноту серов — возможно, настоящих серов китайской расы, обитавших в Центральной Азии (Овидий, *Am.*, XIV, 6).

Последняя популяция индоиранской ветви — это трасы, геты и фригийцы. Из других классиков, особенно из Геродота (VII, 73), мы знаем, что фригийцы были ветвью трасов. Эти последние, как и скифы, определенно принадлежали к иранской ветви. Все известные нам слова языка трасов являются индоиранскими. Для общего развития я отсылаю к Pauli (*Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos*, Leipzig, Barth, 1886. P. 20 и следующие). Геты были ветвью трасов, или, если угодно, скифским народом, относящимся к трасам. Ксенофан пишет, что трасы изображают богов по своему подобию — русыми или блондинами (ξανθοῦς), с голубыми глазами. Гален в уже цитировавшемся тексте сравнивает трасов со скифами, галлами и германцами. Племена трасов могли намного предвзвешивать появление истинно индоиранских племен на Востоке. Мы не располагаем аутентичными останками всех этих народов. Вирхов опубликовал череп из одного болгарского дольмена — он долихоцефалический, типа *H. Europæus*. Трасам он также приписывает, возможно ошибочно, черепа воинов из раскопок Гиссарлыка².

¹ Цит. в пер. А. В. Белоусова. — *Прим. ред.*

² Гиссарлык — холм в Турции, примерно в 7 км от входа в пролив Дарданеллы. Известен благодаря тому, что Генрих Шлиман обнаружил там остатки города Трои, который описан в поэмах Гомера. — *Прим. ред.*

«Народы моря». Миграции ариев через Западную Европу в Африку начались в давнюю эпоху, так как присутствие темеху на границах Египта констатируется с XLV в. до н. э. и, может быть, восходит даже к L в. до н. э. Миграции через Дарданеллы, Крым и Кавказ почти столь же древние, раз уж мы должны учитывать упоминание о гутях и амореях в XXXV в. до н. э. и, особенно, если мы рассматриваем шумерскую цивилизацию Халдеи как творение финнов, или протоариев. Переселения из центра Европы в Галлию, Италию, на Балканский полуостров до эпохи бронзы, наоборот, не имели большого значения. С конца полированного камня и до энеолитической эпохи вырисовываются подвижки народов из Центральной Европы в Галлию, происходит подготовительный этап, но в течение 2 тыс. лет популяции Центральной Европы с запада удерживались популяциями более могущественными, на востоке — скифо-иранскими племенами Трасы, на юге — горным массивом Альп. Это период окончательного формирования арийских языков и племен.

К 2000 г. до н. э. колоссальные волны арийцев обрушиваются на Азию (это мидийцы, персы, индийцы); на Галлию (предки италийцев); на Адриатику (предки эллинических народов). Два этих последних потока заполняют нынешнюю Италию, острова — от Корсики до Кипра, а также берега Эгейского моря. Этими отважными мореплавателями основаны многие государства по всему восточному побережью Средиземного моря, и они даже пытаются захватить Царство фараонов. Блистательная цивилизация, называемая нами Микенской, наследует цивилизации Эгейской, позже из этой цивилизации сформируется греческая.

Дольмены и гроты Бельгии, Центральной и Восточной Франции сохранили самые древние останки этих центрально-европейских арийцев. Также мы их находим и в палафитах.

Гроты Бельгии и востока Франции поставляют многочисленные следы брахицефалических популяций, существовавших до прихода арийцев. В некоторых гротах присутствуют останки чистого или почти чистого брахицефалического элемента в сочетании с первобытными ремесленническими находками. Камень грубо отесанный, неполированный, не содержит высеченных форм, характерных для начала неолита, отсутствуют также фрагменты искусно выделанных дольменов и палафитов. Сле-

довательно, мы не знаем, принадлежат ли оссуарии отдаленной неолитической эпохе, когда брахицефалы должны были обитать в этих областях на правах хозяев, или же они датируются позднейшей эпохой, в которую прибывшие одновременно из Франции и Германии долихоцефалы уже оттеснили брахицефалические племена. В последнем случае гроты, о которых я говорю, оказались бы погребениями отсталых дикарей, живущих в рабском состоянии посреди арийских наций.

Фрепон и Тион (*Научные экспедиции в пещеры долины Мезнь*, удостоенные Бельгийской академии, серия 8, LIV) тщательно описали типичный оссуарий под скалой Сандрон. Все 15 найденных там черепов — брахицефалические, кроме трех, индексы которых тоже не очень низкие — 76,0; 77,1; 79,1. Три самых брахицефалических черепа обладают индексами 83,5; 83,9 и 87,5. В целом только этот последний не содержит примеси крови долихоцефалов, и серия указывает на скрещивание, зашедшее уже далеко. Назальный индекс мезориничный — 48,8, лицо относительно узкое. Рост составлял 159–160 см. Изучение фототипий позволяет распознать у сюжета ряд схожих черт с *H. Acrogonus*, но довольно трудно определить прочие, являющиеся результатами различных смещений с современными типами. Однозначно отсутствует срез, характерный для *H. Alpinus*, однако данное отрицательное указание не дает нам сведений о точном происхождении элементов.

Из 33 черепов пещеры Д'Астьер 17 экземпляров имеют индексы, составляющие 80 и выше, у одного из них индекс достигает 88,4. У долихоцефалов самый длинный череп обладает индексом 71,6. Долихоцефалический элемент представлен лучше, чем в Сандрон. В Фурфооз, Тру-Розетт и Фронталь нашли 3 черепа с индексами 79,3; 81,4; 86,5. В Скленё — 3 черепа, индексы которых соответственно равны 81,7; 86,3 и 88,3. с этими оссуариями в гротах нужно сопоставить оссуарий погребальных шахт Кюмьер (Мёз), в котором обнаружено 6 черепов с индексами, составляющими 76,7–85,4.

Эта брахицефалическая популяция была частично вовлечена в поток племен, прибывающих из Германии, которые завоевывали Галлию в конце эпохи дольменов. В дольменах парижского бассейна и Центральной Европы мы находим некоторое количе-

ство брахицефалов. Были ли эти дольмены воздвигнуты вновь прибывшими, в подражание дольменам Запада? Обусловлено ли присутствие человеческих останков, которые они содержат, только тем, что вновь прибывшие переняли местный обряд захоронения? Трудно ответить на эти вопросы. В Бретани в нетронутых дольменах мы никогда не находим никаких брахицефалов эпохи меди, но нет никаких доказательств относительно брахицефалов бассейна Сены и Центрального плато. Что до брахицефалов Лангедока, то они, в целом, явно энеолитические.

Пещера Фей в Брюэй (Сена и Уаза) дала 10 черепов с индексом от 68,1 до 76,3 и 6 черепов — с индексом от 80,0 до 83,7, без промежуточных значений. Это пребывание по соседству друг с другом может натолкнуть на любые предположения. В Шапель-су-Греси (Сена и Марна) найден 21 череп с равномерным распределением индекса от 70 до 88. Это означает, что здесь расы были тесно слиты друг с другом. То же самое в пункте Круа-де-Козак, близ Шалона-на-Марне, но черепов с индексом, превышающем 80, насчитывается 4, а самый брахицефалический — всего один, его индекс равен 81,4. В Этанля-Вилль (Сена и Уаза) 3 черепа — все брахицефалические — с индексами от 84,2 до 85,8. В Вореаль (Сена и Уаза) рядом, без слияния, обитали представители разных типов; их индексы составляют 72,6–82,6. В Винё (Сена и Уаза) уже не в дольмене, а в могилах с плитами найдены 9 черепов, их индексы — от 76,9 до 83,8, то есть без подлинных долихо- и брахицефалов. С данными сериями стоит сопоставить серии из вырытых пещер Пети-Морэн (Марна), составляющих коллекцию де Бэй. Это 44 черепа, которые измерены по методу Брока, с индексами 71,6–85,7.

В Ардеке, Лозере, Авейроне привнесенный брахицефалический элемент остается малочисленным. Например, 25 черепов из дольменов Лозер, измеренных по Брока, составляют две несвязанные серии, одна — из 19 сюжетов с индексами 69,7–78,7, другая — с индексами 80,6–89,8. Брахицефалы этой области почти всегда женщины типа *H. Contractus*, либо *H. Acrogonus* — чистые или смешанные. Гроты энеолитической эпохи — такие, как Дюрфор, Брамабьё, Торан — также в течение всей неолитической эпохи поставляют неизвестного типа *H. Contractus* по

всей Севеннской области. Доминантная раса — Бом-Шод, помесь *H. Spelæus* и *H. Meridionalis*. Вторым по значимости идет элемент *H. Europæus*.

После этого вторжения с востока карта цефалического индекса Франции стала существенно отличаться от сегодняшней. В неолитическую эпоху долихоцефалия была почти единообразной и универсальной, со средними величинами по департаментам, насколько возможно их восстановить, от 72 до 75. В то время как Бельгия была занята популяцией с индексом более 80. После вторжения индексы населения Западной, Центральной и Южной Франции еще остаются ниже 77, но в бассейне Сены и к востоку индексы уже более близки к нынешним. В Сене и Марне — 78,7 (по 37 субъектам), в Сене и Уазе — 76,97 (по 101 субъекту). Современные индексы насчитывают, вычитая две единицы от индекса живых, 81,9 и 79,4. В департаменте Гар индекс составлял всего лишь 73,9 вместо нынешнего 81,1, в Авейроне — 74,4 против нынешнего, равного 85. Вследствие позднейшего социального отбора распределение индексов стало совершенно другим, так как Севеннский массив ныне является оплотом интенсивной брахицефалии, а север Франции и Бельгия — регионом наименее брахицефалическим. Это изменение ясно показывает значение арийского натиска.

Племена Франции и Швейцарии, которые я рассматриваю как италийские, долгое время, примерно 2 тыс. лет, воздерживались от перехода через Альпы. В ту эпоху север Италии был под властью почти не смешанных средиземноморских популяций. Таким образом, данный регион, столь брахицефалический сегодня, был долихоцефалическим. *Crania italica vetera* Дзампы на 35 неолитических или энеолитических черепов Северной Италии насчитывает всего 2 черепа с индексом 80 и 4 — с индексом более 80. Согласно Ремеделло, 8 черепов близ Къёзы имеют следующие индексы: 68,3; 72,9; 74,1; 75,2; 75,5; 80,7; 84,4 и 88,6. Видно, что брахицефалический элемент уже сосуществует с *H. Meridionalis*. Дзампа относит эти черепа к двум группам, которым соответствовали индексы 73,2 и 84,1.

Вторжение из Испании произошло раньше. Об этом говорят черепа прекрасной аргарийской эпохи, численность которых составляла до 2,5 тыс. экземпляров. Они отчасти принадлежали

к типу *H. Europæus*, однако обнаруженные вместе с ними керамика и орудия напоминают больше эгей, чем энеолитик Швейцарии.

Около 2000 г. до н. э. либо немного ранее греко-иллирийские племена, занимавшие тогда территории современных Восточной Швейцарии, Австрии, Венгрии, а также Иллирии¹, начали завоевание обоих побережий Адриатики и спускали на воду флоты, которые в течение многих веков несли опустошение Восточному Средиземноморью.

Один из этих народов, либурны (либурнийцы), одним из племен которого были япиги, оккупировал берега Адриатики. Вероятно, к нему стоит отнести некоторые белокурые племена Киренаики — то есть лебу, ливийцев, в собственном смысле². Нам известно, что либурны и иллирийцы были белокурыми. Черепа из некрополя Бутмир, из более недавних некрополей Сан и Гласинатц, в подавляющем большинстве принадлежат типу *H. Europæus*, и только 25% индивидов обнаруживают следы скрещиваний. В классическую эпоху владения либурнов уже ограничивались далматинским побережьем и юго-востоком Италии, где мы находим иллирийские надписи, но еще хранилась

---

¹ Древнее название западной части Балканского полуострова, которую населяли иллирийцы. — *Прим. ред.*

² Федерб опубликовал результаты раскопок 14 дольменов Рокнии (*Антропологические исследования могил мегалитиков Рокнии*, Bône, 1866). У 18 черепов средний индекс составил 75, но из трех самых высоких индексов серии два — 79 и 80 — принадлежали женщинам, которые, видимо, относились к другой расе; а третий имел индекс 84 и принадлежал субъекту, пол которого не определен. Длинные женские кости указывают на рост 155 см, мужские — на 174 см. Рост субъектов был рассчитан по таблицам Орфила, которыми пользуются судмедэксперты, но которым грош цена. Работу надо проделать заново.

Я думаю, что после Федерба не было опубликовано ни одной серии, зато было замечено много случаев мародерства. Действительно жаль, что многие раскопки, сделанные в алжирских дольменах, на сегодня по большей части разрушены и не представляют интереса для антропологов. Когда в эти края придут серьезные исследователи, им не останется ничего, кроме как подбирать остатки в пунктах, опустошенных археологами-любителями.

Принадлежат ли фрагменты ливийцам — нам неизвестно. В любом случае господствующий тип — *Europæus*, а с другой стороны, совершенно точно, что древние белокурые туземцы, темеху, получили подкрепление от племен, пришедших из Европы около XX в. до н. э. или ранее. Именно с этого момента общий термин «темеху» заменяется многочисленными именами племен.

память об их присутствии в Центральной Италии и Кампани. Ныне иллирийский регион является центром *H. Dinaricus*, но до гальштаттской эпохи (Гласинатц) и даже до Средневековья элемент *H. Europæus* оставался преобладающим.

Другая группа народов удостоилась куда большей известности — это группа пеласгов. Они были основными представителями великой Микенской цивилизации в Италии, на Сицилии, на островах, в Греции и на Востоке. Двумя основными самыми известными племенами являются сиккулы и турсены, или этруски. С XVIII в. до н. э., а может быть и ранее, пеласги заняли самую большую часть Италии, и при этом они уже утвердились на берегах Восточного Средиземноморья, которые они во всех смыслах прочесали в качестве купцов и пиратов. Таким образом, они наслаиваются на все еще плохо идентифицируемые народы эгейской цивилизации, а результатом этого смешения является блистательная микенская цивилизация.

В Азии цивилизация хеттов, еще малоизученная, представляется продолжением эгейской, с легким наслоением восточных элементов на основу брахицефалической популяции, подобной нынешним армянам, — известно по египетской живописи и скульптуре.

Греки первого призыва, греки в собственном смысле этого слова — ахейцы, — видимо, быстро последовали за пеласгами. В XIV в. мы видим, как они, пришедшие из Адриатики в Восточное Средиземноморье, заселяют берега и острова. Они отваживались доходить даже до Черного моря, где основали колонию между побережьем и Кавказом, по соседству с колониями иберийцев и лигуров (лигурийцев).

Эпоха между апогеем господства финикийского флота и XX в. отмечена интенсивным колонизационным потоком с запада на восток, в котором принимали участие даже народы Восточного Средиземноморья (во второй половине этой эпохи). Рейнах в аргариях видит народ алиб, который посылал подкрепления Приаму.

Балканский полуостров и Малая Азия в то время были слабо заселены трако-иранскими племенами и крайне примитивными брахицефалическими популяциями. Эти менее цивилизованные народы, несмотря на относительную близость Сирии и присут-

ствие на их берегах эгейских колоний, приняли активное участие в социальном движении лишь после прибытия пеласгов и греков. С момента, когда ассирийская и финикийская цивилизации получили превосходство в Малой Азии, отливная волна части этих эмигрантов захлестнула Италию, Адриатику и Восточное Средиземноморье. Возвращение компаньонов Энея и этрусков — два знаменитых эпизода этого отлива.

В ту же эпоху чисто восточные народы совершали различные перемещения с востока на запад. Я полагаю, что в странной истории о персидских и армянских колониях в Мавритании есть доля правды. Также есть доля правды и в том, что примерно в XIV в. в Тунисе обосновались беженцы из Палестины, а генеты из Пафлагонии — в Иллирии.

Из египетских памятников мы узнаем о движении восточных народов к западу. Об этом говорят не только живопись и иероглифы, но и клинописные архивы Тель-эль-Амарны, которые раскрывают нам правду о присутствии лигулов и сарданов (сардов) на востоке в эпоху, предшествующую египетским кампаниям.

Архивы Тель-эль-Амарны — это глиняные таблички с надписями, сделанными клинописью, как правило, на вавилонском — дипломатическом языке того времени. Эти таблички являются документами канцелярии резиденции Аменхотепа IV и относятся к его правлению и к правлению его предшественника Аменхотепа III. На сегодняшний день опубликовано около 300 посланий вавилонских, ассирийских и сирийских владык, дипломатических донесений, писем вассальных принцев, подвластных городов и т. д. Датируются все эти документы второй половиной XV в. до н. э., то есть Микенской эпохой. Я цитирую издание Винклера (*T. V. Keilinschriftliche Bibliothek*). Аменхотеп посетовал царю Алазии (Кипра), что его подданные присоединяются к жителям страны Лукки в их операциях на египетском побережье. Царь Кипра отвечает: «*Amili sa mâtu Luukki saatta satama ina matiia alu Zihra eligi*» («Люди из страны Лукки каждый год сеют опустошения на города острова Кипр»). Риб-Адди, царь Гебала (Библоса) сетует, что его владения сжаты до предела Абд-Асратом, царем Амурру и хабирис (евреями). Египетский генерал, представляющий в Палестине Аменхотепа, не шевелится, «*amelu Sutisu u amelu Siirdanu laa nidi...*» («его наемники скифы

<?> и сарды не знают [что им делать?]]. «*Ussiir Bihura amili mâtu Suti daku amili Siirdani*» («Бихура послал людей страны скифов воевать с сардами»). Кстати, о том же деле: «*Pahura apaas ibsa raba ana iasi. Ussiir amili mâtu Suti u daku amili Siirdani*» («Бихура дерзко посягнул на меня. Он прислал людей из страны скифов атаковать сардов»). Абимилки, царь Тира, посылает донесение о делах страны Кинаахна (Ханаан): «*Sar mâtu Danuna mît*» («Царь страны Дануна умер»).

Эти тексты показывают нам, что начиная с той эпохи на службе у фараонов состояли наемники — сарды, действующие вокруг Гебала¹, что жители Лукки занимались пиратством, а в Ханаане были данайцы. Тутмос III в прошлом уже принимал племена «данайцев с островов». Его представителя в их стране звали Тутии. Что касается обитателей Лукки, то ассирийские анналы сообщают о том, что они в более позднюю эпоху обосновались на севере Пальмиры.

Рамзес II тоже упоминает сардов среди своих наемных воинов, называя их ливийцами и нубийцами (около 1400 г. до н. э.). В одной из своих экспедиций он задействовал 620 сардов, 1600 кахаков, 70 нубийцев (Chabas, *Путешествие одного египтянина*, 51–72). Масперо (II, 391) описывает этих сардов.

Немного позднее, около 1320 г. до н. э., разворачивается первая большая кампания против Египта. Она известна в подробностях по многим памятникам. Царь ливийцев, Мармайю, сын Деида, сосредоточил в своей стране мощную армию, состоявшую из африканцев, ливийцев, нубийцев, кахаков, разных нестроевых, пришедших из-за моря, ахейцев, сардов, шекелешу. Армия вошла в Египет через Киренаику и 3 эпифи (epîphî)² была разгромлена Менефтахом I. Египтяне убили 6 военачальников, 6359 ливийцев, 222 шекелешу, 542 этруска, 9376 человек взяли в плен. Перечисленная добыча включает 9111 бронзовых клинков, 1308 волов, 3171 разный сосуд и другое. Рассказ о данной кампании упомянут в Карнакском храме в Луксоре, между четвертым и шестым пилонами. Шаба предоставил полный перевод

¹ Древнееврейское и финикийское название города Библ (Финикия). — *Прим. ред.*

² Эпифи — название 11-го по счету месяца коптского календаря, которых всего было 13. — *Прим. ред.*

этой очень важной надписи (*Recherches pour servir à l'histoire de la XIX-e dynastie*, Paris, Maisonneuve. 1873. 84–92). У Менефтах в армии были, видимо, нестроевые сарды. Морские бои не велись, все военные действия фараон сосредоточил на восточном побережье дельты Нила.

Менефтах в нескольких местах настаивает на давности таких вторжений, от которых, как он полагал, он очищал Египет: «Этот район был разорям со времен предков. Все цари Верхнего Египта были похоронены в своих усыпальницах»; «Что касается царей Нижнего Египта, то они пребывали посреди своих городов...»; «Они опустошили страну Тааху, в точной аналогии с тем, что происходило со времен царей других, неизвестных, эпох...»; «Они убивали всех, кого настигали. Во времена царей Нижнего Египта такого не было видано...»; «... в эпоху царей Верхнего Египта их не могли отражать...».

Доверие Менефтаху было обмануто. Четверть века спустя ливийцев образумил Рамзес III. Для Египта, который подвергся нападению одновременно Киренаики, Палестины и флота война была очень опасной. Рамзесу посчастливилось разбить три корпуса вторжения, атака которых не была синхронной. Кампанию на запад возглавляли ливийцы, сабаты, кайкасхи, схайсы, хасасы, баканы, нубийцы, которых Брюгш идентифицировал с племенами, известными в классическую эпоху под именами ливийцев: *asbytæ*, *ausæi*, *bacules*, *maxyi*.

Кампанию на восток возглавляли палестинцы, во вспомогательных частях армии служили текари и данайцы. Армия, судя по всему, была громадной и отправилась из Малой Азии, по пути, походя, раздавив державу хеттов, затем взяла их столицы Кати и Каркамыш (на Евфрате) и Арад. После чего расположилась в центре Палестины, рядом с Амурру, прежде чем подвергнуться разгрому Рамзеса.

Десантный флот включал в себя «данайцев, сардов и осков...». Атрибуция названий этих народов породила споры. Это всегда деликатное дело — дискутировать об аналогиях имен, когда речь не идет о какой-нибудь кампании, за которой можно следить шаг за шагом. Здесь же мы говорим о людях, пришедших со всех сторон света. Одного из хананейских царьков, письма которого нашли в Тель-эль-Амарне, звали Лапажа. Постепенное

оглушение срединных гласных легко дает Лапож, а потом Лапуж. Наверно, было бы неблагоприятным заключить из этого, что данная книга и есть творчество князька — современника Аменхотепа III.

В целом, принимается переход *tourshas*, или *tursanes*, — турсены, или этруски; *shakalaschas*, или *sicules*, — сикулы; *ouashahas*, или *osques*, — оски; *danaounas*, или *dauniens*, — данайцы, *shardanas*, или *sardanes*, — сарды Сардинии; *lekous*, или *ligures*, — лигуры, пелесты, или *philistins*, — филистимляне, *akhaioushas*, или *acheens*, — ахейцы и другие. Например, нам известно, что в Палестине во времена Абимилки были дануны, а греки говорили нам о тирсенах и сикулах Эгейского архипелага.

Я думаю, что в основном правы все. Возможно, что флоты сардов не приходили с Сардинии, осков — из Италии, шекелешу — с Сицилии. Но все эти острова и побережья расположены недалеко от Египта. Действительно, на Сардинии и Сицилии нет египетских предметов того времени, а одеяния, вооружение захватчиков — более высокого уровня, чем то, с чем знакомит нас археология на западных островах. Не менее вероятно, что народы, описанные Русильоном, — сардес, сардэни и сордоны — были племенами одного и того же народа. Акеушас одновременно обосновались на Крите и в Микенах, данауны островов, дануны Палестины, данайцы Калабрии и греков представляли собой единый народ, а пелесты, филистины и пеласги были фракциями, а может и единым народом. У всех этих людей была одна отчизна — море, и они во множестве расселялись на всех побережьях, как позже поступали норманны и саксы.

Кто из всех этих народов был арийцами, кто арианизирован завоеванием, кто принадлежал к совсем другой расе и в итоге оказался изгнан арийским вторжением? Только одно можно утверждать точно — в начале Микенской эпохи наблюдалось перемещение арийских народов к Италии, к островам, к Востоку. Археология позволяет нам проследить этот процесс. Могилы Нью-Грэйндж — в Ирландии, Коллорг — в Гаре, Кастеле — в Буш-дю-Рон, похоронные пещеры Марны являются прототипом могил с куполом на Сицилии, а они, в свою очередь, предшествуют грандиозным куполам Микен и Орхомены. Сарды пользовались кинжалами, аналогичными тем, которые датиру-

ются концом эпохи меди и найдены в Северных и Швейцарии; характерный сардский шлем — восточного происхождения. Укрепления Мюрвьель близ Безье, укрепленные лагеря Нижних Альп являются прототипом циклопических конструкций Италии, Сицилии, Греции и Востока. Между народами не было коммуникаций, но происходили постоянные миграции, при этом предметы и обычаи Микенской эпохи не оказывали влияния на Восток. Ни в Центральной Европе, ни даже на Сицилии и Сардинии пока еще не найдено предметов, привнесенных с Востока до эпохи железа. Бронзовые топоры со стабилизатором, наконечником, изобретения Центральной и Западной Европы, датированные периодом, более поздним по сравнению с миграцией, никогда не проникали в Грецию и на Восток, где эмигранты, прибывшие с простым плоским топором, адаптировали ассирийский, или египетский, топор с рукояткой, как у нас.

То же самое с точки зрения религии. Так называемая фигура совы из Марны, Коллорга, Труа, вероятно, представляет собой парную повязку на глаза, найденную в Испании в Аргаре, во Франции в Кастельно. В Микенскую эпоху этот религиозный символ, как и свастика, был очень распространен во всем восточном бассейне Средиземноморья, но в дальнейшем религиозные символы, созданные на Востоке, не проникали на Запад. Как, собственно, и кремация. Этот похоронный обряд, который со странным легкомыслием сочли пришедшим из Азии, возник в Центральной Европе в конце полированного камня, распространился по ограниченной территории в эпоху бронзы, однако в эгейский бассейн проник лишь в классическую эпоху и на непродолжительный период. Ни один азиатский, африканский народ или народ Восточной Европы не сжигал своих усопших до и в течение эпохи, когда кремация процветала у нас¹. Крема-

---

¹ Могила Менеса в Негаде и могилы многих других владык первых династий сохранили следы сильного пожара, который разрушил деревянные части, подношения и тела. Так как частные захоронения той эпохи не указывают на следы кремации, то думается, что речь идет не о ритуале, а о предосторожности, предпринятой против алчности грабителей. Впрочем, Амелино приписывает этот пожар монахам соседнего монастыря, оставившим на стенах граффити на коптском.

Некоторые повелители Ассирии и Халдеи хотели быть сожженными в своих дворцах со всеми своими богатствами. В некрополе Мугхейр и его

ция в Азии стала распространяться около V в. до н. э., начиная с территории Индии, причем независимо, так как ни иранцы, ни ведические индийцы кремацию не применяли. Эту археологическую истину все еще не знают многие люди. Домикенские переселенцы не были знакомы с этим обычаем, равно как с западными топорами и фибулами, и таким образом ученым удалось установить датировку их окончательного отделения.

Значит, рассматривая «народы моря», нам следует учитывать, что они уже окончательно отделились от своих восточных собратьев и соименников. Это обстоятельство объясняет полное отсутствие древнеегипетских предметов на Сицилии и Сардинии, несмотря на схожесть шлемов и бесконечное множество общих черт народов, обитавших на этих островах.

Понятно, насколько смешанной должна была быть раса «народов моря», которая жила среди других рас. Такие факторы, как альянсы завоевателей с пленниками, победы смелых переселенцев и туземных народов, а также рабство и его последствия, должны были быстро портить, исказить типы. Я сильно сомневаюсь, что переселенцы представляли собой чистую расу. Прежде чем броситься на Восток, они сплотили многие средиземноморские элементы. А на Востоке обнаружили настоящий Вавилон языков и рас. Начиная с XIX–XX династий изображения в египетских храмах и дворцах демонстрируют нам огромное разнообразие типов среди врагов Менептаха и Рамзеса.

окрестностях также нашли могилы, в которых тело и сопроводительные предметы носили следы огня. В этих случаях мало вероятно, что захоронения принадлежали приверженцам некоего упадочного культа. Причиной кремации, вероятно, является гигиеническая предосторожность, предпринятая во время эпидемии. Ритуальный способ похорон включал и погребение — даже после кремации, — и урны не использовались.

Следовательно, можно сказать, что у народов, проживающих в долинах Нила и Евфрата, кремация предпринималась в самых исключительных случаях и не носила религиозной окраски. У народов Европы кремация, наоборот, была религиозным ритуалом. Тогда как люди Востока всячески стремились, например бальзамированием, предохранить тело от разложения, люди Запада рассматривали разложение тела как необходимое, чтобы дать душе полную свободу. Вот почему тела полностью сжигали, тогда как, например, халдеи в случае кремации довольствовались устранением плоти, оставляя кости почти невредимыми и на них даже мягкие ткани. Потом в огне хоронили лишенный плоти скелет.

Ливийцы почти всегда относились к типу *H. Europæus*, в то время как палестинцы в точности напоминают классический греческий тип и уже меньше похожи на *H. Europæus*. Мы обнаруживаем, что лица сардов чисто хананейские. Ханаан уже кишел этими народами-бастардами, часто рыжебородыми и с армянскими профилями. Они и дали рождение финикийцам и евреям. Из этих элементов одни были древними — например амореи, другие пришли между XX и XVI вв. до н. э.¹

Костные останки эпохи бронзы чрезвычайно редки. В Центральной Европе, Франции, Италии причина этого — кремация. На Востоке, где сожжение не было традицией, отсутствие вещественных документов имеет место из-за плохого научного образования исследователей. Шлиман оставил нам несколько черепов. Два черепа воинов и один череп девочки, описанные и изображенные в шлимановском «*Илионе*»² (с. 645–655), являются чисто *H. Europæus*, с индексами 73,8; 68,6; 71,3. Их сопровождал один череп женщины, индекс которого 82,5, а тип — совершенно отличный, напоминающий расу Фурфооза. Обнаруженные во втором сгоревшем городе фрагменты датируются первой эпохой бронзы — до 2000 г. до н. э. Вирхов относит их к фракийско-иранским племенам. Возможно, он ошибается относительно воинов, поскольку вооружение не позволяет рассматривать их как современников второго города. Возможно, слой был мало приподнят и скелеты относятся к более поздней дате и к Микенской эпохе.

Микены, вероятно, были столицей данайцев и только спустя некоторое время — ахейцев. Описание этих останков дало нам превосходное представление об Ахейской цивилизации

---

¹ «История» Масперо — драгоценный клад сведений, часто беспорядочных и лишенных оглавления, однако иллюстрированных тщательно вырисованными персонажами. Я дам характеристики следующих этнических портретов: амореев (147), ливийцев (431), черных ливийцев (461), пуласатов (жителей острова Крита) (462, 463, 699, 701), военачальника народа шекедеша (465), одного заккала, схожего по типу с *H. Europæus* (698), принца Кхати брахицефалического типа (474), северных сирийцев брахицефалического армянского типа (146), хетов того же типа (353). См. также *Crania ethnica*. С. 151.

² Автор имеет в виду произведение Генриха Шлимана «Илион — страна троянцев». — Прим. ред.

(см.: Перро и Шипье, *История искусства в античную эпоху*, VI). В Микенах нашли скарабея, посвященного царице Тэе, жене Аменхотепа III, два фрагмента египетских гончарных изделий, посвященных Аменхотепу. Микены были данником Египта, и данайцы признавали верховных фараонов времен Тутмоса III. Рехмар обнаружил на перегорожке могилы изображения греков древнемикенского типа — они приносили дары фараону. В гимне Тутмосу III говорится: «Острова народа данайцев под властью твоей воли». Значит, принцы, могилы которых нашел Шлиман, были вассалами Египта. Их тип совершенно *H. Europæus*, но метисированный. Цефалический индекс черепа из могилы № 6 в Микенах составляет 80,7 (*Общественный отбор*, 412).

У трех черепов из Спата и Наупли тоже повышенные индексы: 79,4; 79,3; 80,9. Разумеется, пришельцы встречали в Греции автохтонов-брахицефалов, с которыми они скрещивались, возможно насильственно, в случае если они не приводили с собой женщин своей расы. На островах долихоцефальный элемент более чистый и незамутненный. Серджи на четыре критских черепа Микенской эпохи дает среднее значение индекса, равное 75,3.

Италийцы. Судя по всему, народы этнической италийской группы не совершали передвижений в сторону Италии до тех пор, пока народы иллиро-греческой группы не нашли выход на Восток. Сикулы, предполагая их тождество с шекеleshу, по-видимому, принадлежали к группе пеласгов или лигуров, чем к италийцам. Что касается осков, то о них тоже встречаются упоминания, однако было бы неблагоразумно утверждать это с полной уверенностью. Среди народов Палестины я отмечаю шашу, притом белокурых и голубоглазых. Шекеleshу могут быть просто помесью с шашу. И наоборот, можно утверждать, что шашу представляют собой незавершенную форму, что позволило бы идентифицировать их с осками. Нельзя утверждать, что леку являются ветвью лигуров, и с еще меньшей уверенностью — что луккис, лицийцы и леку являются одним и тем же народом.

В итоге на сегодняшний день нам неизвестно ни одного фрагмента италийского языка от предыдущей эпохи до классической истории. Сейчас начинают расшифровывать микенские

надписи и те, которые поддаются переводу, дают греческий (см.: Kluge, *Die Schrift des Mykenier*, Cothen, Schulze, 1897). Что касается хеттского, то для одних это опять же греческий, для других — армянский. Возможно, речь идет о каком-то языке-гибриде. Сейчас мы пока в процессе работы над митанскими документами, а также документами Телль эль-Хези и прочими. Но эти тексты не имеют отношения ни к греческому, ни к языкам италийской группы.

При изучении италийских миграций мы вынуждены довольствоваться археологическими и историческими данными. Но первые — двусмысленны, так как италийская и иллиро-греческая цивилизации были почти идентичными, а микенская трансформация, испытанная иллиро-греческой, произошла на Востоке через длительный промежуток времени. Вторых данных — то есть исторических — совершенно недостаточно, и они датируются временем, довольно поздним по отношению к событиям.

В Италии археологические находки свидетельствуют о том, что после эпохи камня и эпохи, когда медь и бронза наравне с золотом ценились как драгоценные металлы, был некий период меди, когда данный металл производился и использовался на промышленной основе. Эта эпоха, соответствующая Себеннской во Франции и Швейцарии, характеризуется плоским топором и маленькими медными кинжалами, копирующими каменные модели. В Египте и Халдее такие формы уже к 4000 г. до н. э. уступают место локальным улучшенным формам. В Европе они, по-видимому, продержались дольше — может быть, до 3000 г. до н. э. Эта эпоха (4000–3000 гг. до н. э.) представлена древними палафитами и террамарами. Затем идет эпоха (3000–2000 гг. до н. э.), когда топор, по-прежнему плоский, делается медным, как и кинжалы. С 2000 до 1700 г. до н. э. идут топоры с выступающими краями, первые мечи, появившиеся в результате развития кинжалов. На севере эта эпоха представлена в палафитах и террамарах. Единственный метод погребения — захоронение. Северная Италия, в точности копирующая обычаи Центральной Европы, отстает с точки зрения погребальных ритуалов.

Кремацию переняли лишь к 1700 г. до н. э., в эпоху бронзовых топоров, снабженных стабилизаторами, обоюдоострыми ножами с рудиментарной фибулой-смычком. Вероятно, все это

появилось вместе с мигрантами из Центральной Европы. Это были не пеласги и иллирийцы, практиковавшие погребение. К 1200 г. до н. э. развитие форм приводит к появлению топора с наконечником, змееобразным фибулам и диску (Бисмантова, Фонтанелло). К 1100 г. до н. э. начинает появляться железо, но пока редко — это начало этрусского периода. Под восточным влиянием этрусков погребение берет верх.

На Сицилии энеолитическая эпоха имеет много общего с той же эпохой в Трое, Аргаре и на Крите. Эпоха бронзы отличается материальной культурой, очень схожей с Микенской. Первая из вышеупомянутых эпох приписывается сиканам, вторая — сикулам. Погребение практиковалось постоянно, в могилах энеолитической эпохи, конструкция которых является прототипом микенских могил с куполом, обнаружены богатые похоронные принадлежности.

Рассказы древних историков, сильно искаженные современными критиками, в целом, подтверждаются археологическими открытиями. Не стоит забывать, что этруское письмо в IX в. до н. э. уже было в употреблении, есть одна надпись на вазе той эпохи на могиле Регулини Галасси. У нас пока нет доказательств, что до этого пользовались эгейским алфавитом, но маловероятно, что древние обитатели Италии не имели письменности.

Сначала историки показывают нам лигуров на севере, а сиканов — на юге Италии, затем — лигурийские, сикульские племена, оттесняющие сиканов к югу (сиканы принадлежат иберийской расе). Затем в Центральной Италии между лигурами и сикулами обосновываются оски. Умбрийцы должны были бы тоже иметь давнюю датировку. Пришествие пеласгов произошло, скорее всего, за 17 поколений до Троянской войны, около 1800 г. до н. э. Эти пеласги должны были быть окончательно поглощены умбрийцами и осками, которых они покорили. Они должны были раствориться с ними и с сикулами. Ряд многочисленных либурнских племен, пришедших в то же время, должна была ожидать та же участь. Затем, в районе XII в. до н. э., следуют перемещения. Основание умбрами Америи должно бы датироваться 1135 г. до н. э. Первые этруски ведут отсчет с 1050 г. до н. э. Вероятно, это эпоха действительного наступления их господства в Тоскане. Вытеснение обосновавшихся в Лациуме сикулов оскскими

племенами, вероятно, произошло за три поколения до Троянской войны, то есть около 1280 г. до н. э. Альбы, судя по всему, была основана на 100 лет позже. Эти народы должны были вытеснить или поглотить пеласгийские народы, этруски оказались бы пеласгами, возвратившимися в Италию после пребывания на Востоке, откуда они были изгнаны греками.

Лингвистические документы, имеющие отношение к лигурам и сиканам, отсутствуют, зато они изобилуют в случае этрусков. Умбры, оски, латины, наоборот, по языку и обычаям были полностью итальянскими народами.

Стоит ли видеть в умбрах тех, кто ввел топоры со стабилизатором, мечи, фибулы, огненный обряд погребения? Археологические данные согласились бы с такой гипотезой. Кремация практиковалась, в основном, в умбрийской области, а вторжение шло, надо полагать, из Верхней Австрии, Швейцарии — областей, где кремация уже давно практиковалась. Вероятно, именно это вторжение должно было вытеснить многочисленных брахицефалов на север и в центр Италии. В любом случае, если амброны и умбрани были связанными с данной этнической группой, то по ту сторону гор остались умбры. Древние намекали на такое происхождение, квалифицируя умбров как *veterum Gallorum propago*.

Их собратья оски и латины, скорее всего, прибыли по морю. Замечательная система заградительных крепостей, изученная Кастанье в томе I его «Истории Прованса во времена античности» (Paris, Marpon, 1893) рисует нам проход через Вар и прибрежные Альпы почти непроходимым. Я не могу сказать, были ли эти крепости, большая часть которых датируется энеолитической эпохой и эпохой медных топоров, делом рук друзей или врагов, но во втором случае проход из Италии был бы крайне затруднен.

Я думаю, что оски и латины в энеолитическую эпоху проживали в Галлии и что переход состоялся по морю где-то в XV в. до н. э, при этом портами отправки были устье Роны близ Арля и устье Лез в Кастельно.

В недавней работе (Языки Галлии до галлов, Bull. hist. et philol., 1898, 328–349) я показал, что туземной идиомой нимской области до галльского завоевания был оскский диалект, очень близкий к латыни. Различные открытия показали, что догалль-

ский этнический пласт в других местах нашей территории тоже говорил на итальянских диалектах. Странная надпись из Рима — Deux-Sèvres («Два Вскормленных») — предоставила нам весьма пространный документ, сходство которого с латынью ощутимо и который при этом не может быть латынью деревенской или испорченной. Значит, на сегодня следует допустить, что люди, некогда обитавшие на территории нашей страны, говорили на античной латыни, что в другом случае я сделал бы весьма неохотно.

Несмотря на практиковавшуюся в течение длительного периода кремацию, остеологические документы весьма многочисленны. Важнейшими источниками являются «*Crania italica vetera*» Дзампы, работы Серджи. Стоит сожалеть, что собранные фрагменты имеют датировку, в основном, позже 1000 г. до н. э. и принадлежат эпохе железа, поэтому годятся разве что для введения в определение типов эпохи бронзы.

Что касается лигуров, то ни одним аутентичным черепом представителей этого народа мы не располагаем. Представляется, что имя «лигуры» в отдаленную эпоху носила огромная общность племен. В исторические времена неизвестны другие лигуры, кроме тех, которые проживали в Лигурии. Также нет ни малейшего недостатка в гипотезах касательно типа этого загадочного народа. Для одних тип лигуров был брахицефалическим, так как альпийский регион сильно брахицефалический. Нет доказательств, что некогда дело обстояло именно так, и древние черепа Лигурии почти все были долихоцефалическими, что заставил увидеть Иссель. Сейчас отмечается меньшая брахицефалия в собственно Лигурии — 82 против 86 в горах, и намечается тенденция относить древних лигуров к средиземноморскому типу. Арийцы по языку, они, возможно, должны были по крови принадлежать к расе *H. Meridionalis*, подобно сиканам. В любом случае они не могли обладать типом *H. Europæus*, так как древние единоголасны в том, чтобы представлять их народом малорослым, сухопарым, стойким и невосприимчивым к цивилизации.

В этой последней гипотезе лигурам приписывают черепа палафитов и террамаров конца полированного камня и начала эпохи бронзы. Это довольно сомнительно. Серии этой эпохи дают в среднем 15% черепов с индексом более 80, оставшие-

ся — частично типа *H. Europæus*, частично — *H. Meridionalis*, частично — различного рода метисов.

14 черепов из древних некрополей сиканов и сикулов были отосланы профессору Серджи. Среди них были обнаружены субъекты средиземноморского типа, типа *H. Europæus*, различные метисы, из них один — брахицефал с 81,8 и один — явный *H. Acrogonus* формы *sphenoides obliquus* Серджи, с индексом 87. Все это указывает на некую вполне устоявшуюся помесь (Sergi, *Crani siculi neolitici*, Boll. di Palethnologia italiana, 1891, XVII; *Crani antichi di Sicilia e Creta*, Atti della Soc. rom. di Antropologia, 1895, II).

Нам неизвестны аутентичные умбрийские черепа, но Дзампа упоминает 8 марсовых доримских черепов со средним индексом 73,1; 4 черепа из Пиценума первой эпохи бронзы с индексом 75,5; 3 более древних черепа из Валь ди Вибрата с индексом 77; 4 черепа доримских вольков с индексом 77. Все эти народы принадлежали к сабейской фракции умбров. Два основных элемента большей части этих черепов, которые я узнаю на фототипиях, опубликованных Серджи, и на других, являются *H. Europæus* и *H. Contractus* в более или менее гармоничном сочетании. Видимо, элемент *H. Contractus* играл значительную роль в итальянском этногенезе, в целом, и умбров, в частности.

Этрусские некрополи предоставили для изучения огромное множество черепов. Серджи подытоживает измерения (*Арийцы и древние итальянцы*, The Monist, 1898, VIII, 161–182). Захоронения собственно Этрурии дали 14 черепов с индексом более 80 из 54 опубликованных, захоронения Болоньи — 8 на 26. Типы очень смешанные. Наиболее многочисленный и представляющий высший класс — явно *H. Europæus*. Брахицефалические черепа принадлежали индивидам, которые происходили частично от *H. Contractus*, а частично — от *H. Acrogonus*. Этрусская популяция была необычайно сложной: это покоренные туземные элементы, брахицефалические элементы, частично исходящие из Ретии, а также пеласгические элементы, вернувшиеся с Востока.

Кроме того, Серджи описал 29 древних латинских черепов, самые недавние — современники основания Рима. Только два из них принадлежали представителям народов, произошедших

от *Acrogonus*. Две огромные серии из Новилары близ Песаро и из Алфидены в Самниуме не дали ни одного черепа, связанного с *Acrogonus*. Единственными элементами являются *Europæus* и *Meridionalis*, со следами *Contractus* в скрещиваниях. Первая включает 45 черепов, вторая — 30. Таким образом, представляется, что брахицефалические элементы сопровождали некоторые группы.

Эти древние серии из Италии были последними находками доисторического периода. Итак, мы подошли к историческому периоду, по которому уже существуют многочисленные и широко известные документы.

ГЛАВА 5

Исторические арийцы

Греки. Этнические недра Греции до сих пор не изучены. Следы палеолитической эпохи чрезвычайно редки. Обнаружено всего несколько ашэльских топоров, но не найдено абсолютно ничего, относящегося к концу четвертичного периода, — никаких отложений в пещерах с орудиями магдаленского периода или древнего неолита. Лишь несколько полированных топоров и небольшое число орудий датируются классической неолитической эпохой. Следы древних обитателей становятся многочисленными лишь в энеолитическую эпоху. Однако у нас нет ни одного черепа, относящегося даже к этой, относительно близкой эпохе; нет ничего, что указало бы нам на расу аборигенов. Безосновательно полагают, что эти последние являлись брахицефалами, которые в давние эпохи были, видимо, более многочисленными в областях, близких к Малой Азии. По представлениям греков, до прихода цивилизации с островов, население этих мест пребывало в состоянии диком, на грани животного.

Пеласги — самая древняя основа цивилизованного населения и первая этническая группа, о которой нам сообщает греческая история. Возможно, что так греки называли разные этнические элементы, в целом принадлежавшие цивилизации, называемой Микенской. Пеласги, по-видимому, были кочевыми племенами, которые пересекали земли и моря, появлялись почти повсюду, не образуя при этом устойчивой этнической общности, которая населила бы Грецию. В некотором смысле они соответствуют тому, что египтяне весьма туманно называли «народами моря».

Греческие традиции повествуют нам о вечных скитаниях и сложных взаимосвязях первых народов Греции с народами Малой Азии, островов, Финикии, Египта и Киренаики. Теперь

мы понимаем эти взаимосвязи, которые приводили эрудитов древности в такое замешательство. Мы знаем, что дануна были одним из их племен в Палестине, а также что пулеста Палестины определенно имели пеласгийскую основу. С XV в. до н. э. протогреки служили солдатами в армиях египетских царей. Что касается египетских наемников, или легионеров (с одной стороны — из Финикии, с другой — из Греции), то они были самой активной частью населения, которая непрерывно коммуницировала с другими народами и участвовала в миграциях.

Также мы яснее видим проблему древних связей между Грецией и Финикией. Есть много теорий, одни из которых приписывают первое основание греческой цивилизации пеласгам, а другие — финикийцам. В действительности правы все. К XV в. до н. э. еще не было той дифференциации, которая произошла позднее между греческим миром и финикийцами. С языковой точки зрения разница была значительной, так как «народы моря» говорят, в основном, на диалектах греческого корня, а финикийцы — в основном, на хананейских диалектах, единственными известными из которых являются еврейский и родственный ему финикийский. В остальном между этими взаимопроникающими народами не было большой разницы.

По-видимому, цивилизация пришла на территорию нынешней Греции с островов. Острова и в первую очередь Крит, как представляется, были изначальной средой обитания протогреков. Несколько племен могли спуститься по суше из бассейна Дуная, но основной маршрут вторжения, видимо, проходил по морю, через Адриатику, Пелопоннес, Крит, и его конечной целью был грабительский набег на Египет. После того как греки потерпели там поражение, они отхлынули на острова архипелага, где вскоре, теснимые растущей Финикией, стали близкими соседями.

Именно путем медленной эволюции греки отделялись от пеласгийской основы. Нам известно, что ахейцы являлись самостоятельным народом уже с эпохи расцвета Микен. Дорийцы — единственный эллинистический народ, прибытие которого имеет историческую датировку. Около 1100 г. до н. э. они высадились на западном берегу Пелопоннеса, а их предыдущим местопребыванием были горы между Фессалией и Эпиром. Возможно, эта последняя волна эллинов недавно спустилась из Иллирии

в Дориду. Язык и цивилизация дорийцев были гораздо менее эволюционно развиты, чем у других греческих народов. Раса тоже была более чистой. Спартанцы считаются одним из самых красивых типов *H. Europæus*, существовавших в античности. В Греции — это однозначно были арийцы из арийцев, и если бы их способности не были парализованы, они добились бы большего, чем просто быть несравненными воинами.

Я посвятил Древней Греции в главе XIV своей работы «*Общественный отбор*». Воспроизведу несколько данных, относящихся к цефалическому индексу, и закончу этюд о масти. У крайне малочисленных греческих черепов, которые были изучены, проявлен тип *H. Europæus*. Греческие археологи не озабочены поиском черепов, зато с охотой рассуждают о людях, которых они не изучают. Например, Николуччи 30 лет назад опубликовал данные о серии, состоявшей из 26 субъектов, индекс которых равен 75,8. Другая серия из 18 сюжетов, фигурирующая в его труде *Selections*, дает индекс 75. Впрочем, мы почти ничего не знаем о социальном происхождении столь малочисленных индивидов. Скорее всего, большинство были рабами. Стоит заключить, что даже среди них тип *H. Europæus* был довольно распространенным, сегодняшние греки, цефалический индекс которых превышает 81, вероятно, имели в большинстве своем отношение к брахицефалическим элементам, спускавшимся из области Балкан с начала нашей эры. Долихоцефалия, высокий рост и белокурая масть ныне в Греции почти не встречаются — они есть разве что у дорийцев в районе Спарты и на Крите, в горах. Среди измеренных Орнштейном 1172 греков обнаружилось всего лишь 63 случая светлых глаз, из них 26 — у блондинов (*Berliner Gesch. für Anthropologie*, 1879, 306). Стефанос получил те же результаты (*Bull. Soc. d'Anthrop. de Paris*, S. III, VI, 658).

Сведения о масти почерпнуты из двух источников: произведения искусства и свидетельства классических авторов. Поэзия белизны мрамора не прельщала греческих ваятелей, для декоративной отделки своих статуй они использовали цвет, при этом полихромия не всегда ставила целью точное воспроизведение натуры. С такой оговоркой нужно отметить, что при передаче цвета волос почти всегда применяли желтые и красноватые пигменты. Редкие исключения замечены для рабов, инород-

цев, людей низших классов. Одним словом, греки видели белыми всех, кого относили к персонам высокого порядка: богов, героев, великих мужей, свободных граждан, знатных дам и даже известных куртизанок.

Тот же идеал встречается и в литературе. Впрочем, нужно различать два вида описаний: одни относятся к богам и нимфам, другие — к героям. Для последних, которые действительно могли существовать, тип, который приписывают им древнегреческие писатели, мог быть традиционным и отражать действительность. Касательно богов описания годятся только в качестве указания состояния души греков. Своим божествам они придавали тот тип, который казался им наиболее совершенным. Эти характеристики оказываются скопированными позднейшими авторами и авторами римской эпохи, с ними можно сравнить описания воображаемых персонажей, также являющихся выражением идеала. Другие указания имеют документальную ценность. Это либо обобщенные портреты реальных персонажей, выполненные современниками, либо характеристики личностей.

Я начал составлять сборник антропологических указаний, содержащихся в трудах античных авторов и авторов Раннего Средневековья. Работа трудоемкая, облегчаемая лишь благодаря хорошим изданиям, снабженным оглавлением, иногда напрасная, поскольку многие великие труды не содержат ни единого указания.

Самыми важными из древних источников являются «Илиада» и «Одиссея». Поэмы Гомера — документы величайшей важности той протоисторической эпохи, и эти документы не противоречат друг другу. Боги и герои всегда огромного роста, всегда блондины, всегда с голубыми глазами. Известны лишь два исключения — Гектор и Улисс. Оба в греческом мире — инородцы. В «Илиаде» (песнь 12) Гектор изображен уносимым колесницей, с растрепанными черными волосами, а волосы Улисса иссиня-черные.

Все греки блондины — и люди, и боги. В «Илиаде» (песнь 1) Минерва хватает Ахилла за его белокурые волосы: «ξανθῆς δὲ κόμης ἔλε Πηλεΐωα». Песнь 23 снова обращает нас к теме волос Ахилла, когда он преподносит их в дар манам Патрокла. Мы знаем, что Ахилл считался скифом по происхождению. Песнь 14

содержит сведения, что он был огромного роста, то же самое мы знаем об Агамемноне. Мы видим, что Минерву называют голу-боглазой, а Менелая — блондином. Эти эпитеты почти всегда сопровождают упоминания о них. Песнь 2 «Илиады» рассказывает нам о белокуром Мелеагре и белокурой Бризеис, песнь 3 — о белокурой Венере, песнь 5 — о белокуром Цересе. Песни 8, 11 и другие — о белокурой Елене. Песнь 9 в связи с Аминтором сообщает читателю о некоей белокурой пленнице. Песни 11 и 14 — о белокурой Аматее, а 19 — возвращается к Бризеис, подобной белокурой Венере. В заключение я скажу лишь несколько слов об «Одиссее». Радамант (песнь 4) изображен блондином, затем возникает тема белокурой Авроры (песнь 5), что представляет не только этнографическую ценность.

Боги и герои Пиндара — блондины: Минерва (*Ne.* VII, 96; *Ne.* X, 7; *Ol.* VII, 11; *Fr.* XXXIV, 9), Аполлон (*Is.* VI, 49; *Ol.* VII, 32; *Ol.* VI, 41), грации (*Ne.* V, 54), Менелай (*Ne.* VII, 28), Ахилл (*Ne.* III, 43), Эвадне (*Ol.* VI, 30). Единственным исключением являются музы (*Is.* VI, 23).

То же самое касается богов и героев у Теокрита: Минерва (XX, 24; XXVII, 1), Венера (VII, 116), Гилас, друг Геркула (XIII, 36). Эпитет «лазурноглазый» применен к трем божествам: к Венере (VI, 59), Эрипилу (XVII, 53) и Амариллис (III, 18). Затем идут несколько реальных персонажей — все блондины: царь Птолемей (XVII, 103), Дельфис и Эвдамип — двое любимчиков поэта (II, 78), волшебница Перимеда (II, 16). Ни одного упоминания о темноволосом типе.

Бакхилид изображает блондинами следующих персонажей: Аполлона (IV, 2), Юнону (X, 50), Бризеис (XII, 135) и в качестве реальных персонажей одного афинянина из Истмиков (IX, 14), Автомеда из Флиаса, пентакль Немезин (VIII, 23). Тесей предстает перед нами блондином (XVII, 51) с черными глазами (XVI, 17), то есть у греков был проявлен и ряд других признаков. Про жителей города Тебеса он говорит, что они черноволосы. О лакедемонийцах сообщает, что они блондины (XIX, 1).

Еврипид (*Heracles*, 361) противопоставляет белые волосы Геракла рыжей гриве льва. Еще (233) он говорит о белых волосах Ликуса. У Павсания я отмечал только вышеупомянутый отрывок о голубых глазах Минервы (1, 14, 6). Аристотель пишет о «на-

родах моря», что у них русые волосы (*Problemata*, XXXVIII, 2; «Περὶ χρωμάτων», IV, 21). Упоминание весьма любопытное, так как оно, видимо, относится только к грекам, а может быть и к финикийцам.

Замечание Аристотеля указывает, что брюнеты доминировали в низших классах (среди инородцев или слуг). Это подтверждают художественные произведения, где изображены рабы-брахицефалы. Греческие физиогномисты мало ценили людей чернявых и курчавых, расценивая их как плутов и корыстолюбцев. Это явно сказано у Адаманта (417, 5).

Латины были верными подражателями греков. Мифологических персонажей они всегда изображали блондинами. Ювеналий: Мелеагр (*Sat.* V, 115). Катулл: Ариана (64), Тесей (64), Протесилай (68). Тибулл: Церес (I, I, 15). Овидий: Европа (*F.* V, 609), кентавр Циллар (*Met.* XII, 395), Асклепий (*M.* XV, 669), Аврора (*M.* V, 440; *Am.* I, 13, 2), Лапиф¹ Харакс (*M.* XII, 273), Медея (*Her.* XII, 11), Фазтон (*M.* II, 319), Ариадна (*Ars.* I, 530), Онон (*Her.* I, 122), Орест и Пилад (*Pont.* III, 2, 74), Церера (*M.* VI, 118; *Am.* III, 10, 3, *F.* IV, 424), служанка Алкмены (*M.* IX, 306), Аполлон (*Am.* I, 15, 35; *Met.* XI, 165), гид Меланф (*M.* III, 617), Минерва (*Ars.* II, 659; *Am.* I, 1, 7; *F.* VI, 652; *Tr.* I, 18, 1), Янт (IX, 714), нимфа Лаодика (*E.* XIX, 113), дочь Хирона (*M.* II, 635), Калаис и Зетес (*M.* VI, 715). Стаций: Ахилл (*Ach.* I, 611), Феб (*Th.* III, 407; I, 698), Минерва (*Th.* III, 507), Диана и Минерва (*Th.* II, 238), Аталанта (*Th.* IV, 314), ее сын Парфенопей (*Th.* VI, 262; VI, 607), греческие воины Гипанис и Политес (*Th.* VIII, 492), греческий воин Кидон (*Th.* V, 220). Лукан: Церера (*Ph.* IV, 411). Клавдиан: Прозерпина (XXXVI, 86), Феб (XLIV, 55). Сенека: Бахус (*Æd.* II, 420).

Исключение надо сделать для водных божеств, которые, как правило, изображались с синими бородой, волосами и даже кожей. Овидий: Панопа, сестра Фетиды (*Ad. Liv.* 435), Нептун (*F.* III, 874; *M.* I, 275), Циана (*M.* V, 431), морские божества (*M.* II, 8–12), Тритон (*M.* I, 333), Протея (*F.* I, 375), Псамафея (*M.* XI, 398), корабли, превращающиеся в нимфы (*M.* XIV, 555), Нерей (*Ep.* IX, 14), Ацис (*M.* XIII, 895), Дорис (*M.* XIII, 742), нимфы

¹ Лапиф — Λαπίθης (греч. «хвастун») — персонаж древнегреческой мифологии, эпоним племени лапифов. — *Прим. ред.*

Сирена (F. I, 365) и Лириопа (M. III, 342), Фетида (M. XIII, 288), Главк (M. XIII, 960).

У латинов упомянуто совсем немного реальных персонажей — несколько куртизанок из Коринфа, о которых повествуется в «*Прекрасной Елене*», и несколько гречишек¹. Под греческими именами Ликорис и Хиона у Марциала могут скрываться личности, не имевшие к Греции никакого отношения. Они описаны как черные, даже очень черные (VII, 13; III, 34). Филида и Хлоя Горация — блондины (Od. II, 4, 14; III, 9, 19).

Как этнографическую черту я нахожу у латинских авторов только уже переведенный отрывок Манилия, который классифицирует греков *per coloratas gentes* («как представителей цветных народов»). В ту эпоху исторические греки уже вымерли — остались только гречишки.

Римляне. Историческую важность римского народа, то есть граждан Республиканского Рима, следует рассмотреть в антропологическом аспекте. Обряд кремации, отличный от обычаев сабинян и этрусков, появился в эпоху царей и стал общепринятым во времена Республики. Некоторые знатные роды сохраняли древний обычай захоронения, однако, несмотря на это, до наших дней не сохранилось ни одного черепа подобного происхождения. Взамен можно было раздобыть черепа представителей низшего класса. На Эсквилине² среди колумбариев все еще остается много могил. Дорогостоящая кремация была недоступна беднякам. Документы подобного рода не смогли бы просветить нас. У нас нет права из типа рабов или вольноотпущенников выводить тип гражданина, а тем более — правящей аристократии.

Таким образом, римская краниология основывается лишь на нескольких фрагментах сомнительного происхождения. В них мы находим доминирующие черты древних черепов Эскилина, то есть серии до- или протоисторической, описанной Серджи: *H. Europæus* господствующий, *H. Meridionalis* вспомогательный,

¹ Их род занятий был схож с первыми. — Прим. перев.

² Эсквилин, Эсквилинский холм (лат. Mons Esquilinus) — это холм, на котором располагалось древнейшее после Палатина римское поселение, в сторону которого развивался Палатинский Рим (лат. Roma Quadrata). — Прим. ред.

брахицефалов нет, почти постоянное скрещивание с *H. Contractus*, влияние которого проявляется в полушаровидной форме задней части черепа, заметной задненижней выпуклости между иниционом и опистионом и слегка укороченной верхней челюстью. Впрочем, эти черты характерны для всех жителей Лация¹.

Указание на масть населения в эпоху Республики встречается крайне редко. Вергилий в вольной манере отметил тип *H. Euporæus* италийцев легендарной эпохи, но при воспевании войн, которые вела Республика, он их уже не упоминает. Историки начинают осознавать необходимость описывать персонажи лишь в первые века нашей эры. Итак, никаких указаний, относящихся к легендарной эпохе, никаких исторических портретов. Лишь более или менее ясные намеки на образ Силлы и такие характерные имена, как Ахенобарбус. *Corpus inscriptionum* изобилует Фульвиями, Флавиями, Руфами, но в большинстве случаев речь идет о традиционных именах, рассматриваемых как патронимические, и редко имя очевидным образом принимает ценность описательного эпитета. Однако из этих эпитетов вытекает, что Фульвии и Руфы отличались от общей массы римлян не по цвету. Светлая окраска, таким образом, с республиканской эпохи была, скорее, исключением.

В последние времена Республики начинают находить некоторые указания. Знаменит анонимный портрет Катона (*Anth. pal.*, V, 22, 1): «Πύρρον, πανδακέτην, γλαυχόμματον, οὐδὲ θανόντα Πόρκιον εἰς Αἴδην Φερσεφόνῃ δέχεται» (*Epigrammata irrisoria* 22 // *Epigrammatum anthologia Palatina cum Planudeis et appendice nova* / Ed. E. Cougny. Vol. 3. P., 1890. P. 445; = *Plut. Vitae parallelae*. Cato Maior 1.4) («Порций был злым, синеглазым и рыжим; ему Персефоной / Даже по смерти его доступ в Аид запрещен»)².

Такие указания становятся многочисленными с первых времен империи, но нас интересуют только те, которые относятся

¹ Лаций (лат. Latium) — регион в античной Италии, прародина современных романских языков. Его территория в настоящее время входит в Лацио — крупное административно-территориальное образование современной Италии.

² Цит. по изд.: Плутарх. *Сравнительные жизнеописания*: в 2-х т. / Под ред. С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, С. П. Маркиша. М., 1994. С. 382. — *Прим. ред.*

к родам аутентичного происхождения. Так, Мессалину нам показывают прячущей свои черные волосы под светлым париком. Поппея¹ была блондинкой. Нерон воспевал свои волосы, подобные желтой амбре (Плиний, *Hist. nat.*, XXXVII, 3, 50).

Я умышленно оставляю без внимания указания, не имеющие исторической ценности. Я думаю, что Вергилий — опытный археолог — описывал древних итальяйцев по данным легенд, но я сомневаюсь, что в портретах Ромула и Лукреция, по Овидию, стоит видеть нечто другое кроме фантазии: «*Suberat flavæ jam nova barba comæ*» (F. III, 60) («И пробивался пушок желтой у них бороды»)²; «*Forma placet, niveusque color, flavique capilli*» (F. II, 736) («Станом он ее пленен, белизной, золотою косою»)³.

Вероятно, два этих портрета — всего лишь подражание греческим поэтам, которые никогда тщательно не вырисовывали героев и героинь, и нельзя быть совершенно уверенными, что Вергилий не подвергся такому же влиянию.

Сведений, касающихся роста, не больше. Историки настаивают на весьма высоком росте некоторых персонажей, но из этого нельзя делать выводы о росте обычных людей. В то же время Береций (*Instituta rei militaris*, I, 5) заявляет: «*Proceritatem tironum ad incommam scio semper exactam, ita ut senos pedes, vel certe quinos et denas uncias habentes inter alares equites vel in primis legionum cohortibus probarentur*» («Я знаю, что всегда существовали определенные требования относительно роста новобранцев по точной мерке, так что считался хорошим рост в 6 футов или по крайней мере в $5 \frac{10}{12}$ фута для всадников из фланговых отрядов и для первых когорт легионов»⁴). Рост 180 см, требуемый в кавалерии, довольно высокий. Я не вижу среди современных народов тех, кто мог бы позволить себе роскошь иметь эскадроны, состоящие из таких гигантов. Если Вегеций не преувеличивает, то он, вероятно, имеет в виду не армию Республики, а войска, в которые рекрутировались варвары. Вероятно, это средний рост легионеров, среди которых были галлы, германцы и другие.

¹ Поппея Сабина — вторая жена императора Нерона. — *Прим. ред.*

² Цит. в пер. Ф. А. Петровского. — *Прим. ред.*

³ Цит. в пер. Ф. А. Петровского. — *Прим. ред.*

⁴ Цит. в пер. С. П. Кондратьева. — *Прим. ред.*

Вероятно, точные указания можно обнаружить на консульских монетах. Стоит их изучить по методу Коллиньюна и Уйфальви, но, насколько мне известно, в этом направлении проводились лишь исследования, не отличавшиеся большой точностью. Что касается скульптуры, то статуи-портреты, общие для эпохи Империи, почти отсутствуют в Древнем Риме и у аутентичных римлян¹.

Галлы. Я вынужден вставить этюд о галлах между римлянами и народами Римской империи. Бесплезно настаивать на исторической необходимости такого порядка, так как галлы сливались с римлянами и многими другими народами в огромной общности народов, подчинявшихся императорам.

Сначала галлы появились в регионе Австрийских Альп, где они составили население I эпохи железа. В этом регионе найдены обширные кладбища, которые дали чрезвычайно богатый материал коллекционерам древностей. В Хальштатте и по другим пунктам также были собраны весьма важные серии костных останков и черепов. Эти фрагменты представляют лишь ничтожную часть от найденных и варварски развороченных археологами. Целостная и добротная работа по антропологии хальштаттских галлов еще ждет своего часа. Известно только, что альпийские некрополи дали подавляющее большинство черепов типа *H. Europæus* и меньшинство брахицефалов. В Баварии и соседних областях тоже было обнаружено очень много кладбищ и отдельных курганов, которые относят к первым галлам. Отдельно было описано мало фрагментов, но тип *H. Europæus* почти единственный известный до сих пор. Все эти захоронения можно датировать эпохой до VI в. до н. э. С этой эпохи в Альпах и Баварии кремация, редкая вначале, начинает постепенно заменять погребение. Таким образом, остеологические документы становятся более редкими. Впрочем, погребение продолжают практиковать для великих личностей.

---

¹ Профессор Пюлле в работе, выполненной необычайно тщательно и сопровождаемой очень практичным атласом, собрал воедино все полезные сведения по народам Древней Италии, а также все, что необходимо знать по физической и социальной антропологии современной Италии (*Profilo antropologico dell'Italia*, Firenze, Landi, 1898). Эта работа содержит цитаты из трудов Паули, Серджи и многих других авторов.

Около VI в. до н. э., а может и несколько ранее, галлы Германии распространились по востоку и северо-востоку Франции. Ами описал два черепа из Овенэй и Кот-д'Ор, средний индекс которых составляет 74,8. Брока изучил более многочисленную серию из окрестностей Шалон-сюр-Марн. Цефалический индекс 15 субъектов составил 76,9. Назальный индекс по 34 субъектам — 45,8. Лицевой индекс (по Брока) по черепам 38 субъектов — 66,8. Фронтально-зигматический индекс по 27 субъектам — 92,8. Вместимость черепа: по 24 мужчинам — 1592 см³, по 10 женщинам — 1457 см³. Орбитарный индекс (по Брока) — 86,3. Нёбный индекс — 76,8. Эти данные показывают, что серия почти целиком составлена из представителей самого чистого типа *H. Europæus*.

Брахцефалы и всевозможные метисы представляют лишь незначительную часть населения. В департаментах Эн, Марн и соседних были раскопаны более 15 тыс. галльских захоронений, которые датируются приблизительно VI в до н. э. Едва ли сохранилось несколько дюжин черепов, разбросанных почти везде. В распоряжении серьезных исследователей еще есть многочисленные захоронения, но в великих некрополях, разоренных археологами, в частности Моро, можно обнаружить лишь перебранные останки. Разрушение кладбищ в Марне (Альпы) делает невозможным углубленное изучение галлов, но сохраненные серии довольно гомогенны, чтобы в целом можно было определить их тип по прибытии в Галлию. Рост галлов не был столь огромен, как воображают. Различные серии длинных костей, обнаруженные в Марне, указывают, что их рост составлял примерно 166 см, а высокорослые индивиды представляли собой исключения.

Видимо, галлы весьма поздно проникли на территорию большей части Галлии. Здесь их захоронений меньше, по крайней мере погребений, которые являются наиболее древними. Впрочем, их находили вплоть до Севенн, Бретани и подножий Пиренеев. Например, четыре черепа рутенов, о которых я рассказывал в монографии об Авейроне, обнаруживают четко долихоцефалические индексы — 77,4; 73,6; 75,4; 74,61. Один женский череп, найденный в Сен-Жорж-де-Люзансон, является более близким к брахцефалии. Его индекс — 79,5, а внешний

вид, скорее, близок к *H. Contractus*. Можно предположить, что он принадлежал представительнице догалльского населения. Доктор Мариньян нашел его в окрестностях Вигана среди множества могил, все черепа в которых являются *H. Europæus*. Черепа, найденные в Жерсе и Бретани, того же типа. Значит, захватчики принадлежали к относительно чистокровному населению.

Мы почти ничего не знаем о предыдущих популяциях, так как они тотально практиковали кремацию, которую галлы не замедлили перенять. Чтобы объяснить нынешнюю брахицефалию Центральной Европы, мы предположили, что эти популяции были брахицефалическими. Сегодня эта гипотеза уже не пользуется большим успехом. На внушительной по площади территории Северо-Восточной и Восточной Европы, которая в энеолитическую эпоху была значимой, обитала самая внушительная доля галлов и германцев. Этот регион был брахицефалическим. Тогда как Центральная Европа, до самого Средиземноморья, была еще долихоцефалической.

Население Центральной Европы последних галло-римских времен не демонстрировало мощной тенденции к брахицефалии, и этим оно, видимо, обязано общественному отбору. Это население рассматривали как представителей смеси очень древних местных рас с первой волной галлов, прибывших за много веков до галлов марнского вторжения. Этих первых галлов хотели противопоставить вторым, названным галатами. (Эти разные наименования — *Galli*, *Galatæ*, *Celtæ* — одно и то же название, произнесенное по-разному, в разные эпохи, иностранцами, говорящими на языках с разными фонетическими тенденциями.) Я никоим образом не отрицаю возможности частичной оккупации Северной Галлии и даже Великобритании галльскими популяциями в эпоху, предшествующую марнскому вторжению. Однако я все более склоняюсь к тому, что до эпохи, непосредственно граничившей с нашей эрой, вся южная часть Галлии была занята итальянскими популяциями. Завоевание в некоторых регионах было даже достаточно поздним и поверхностным, так что итальянские идиомы сохранились до времен римского владычества.

Как я пришел к такому мнению, я изложу в двух работах: «Колыбель умбро-латинов» и «Язык Галлии до галлов». Так как данная тема совершенно новая, я сделаю краткое обоснование.

Одна серия надписей, найденная между Видурлем и Альпами, открыла новый итальянский диалект, которому я дал название нимозийского, так как самые важные надписи находятся в Ниме, особенно, знаменитый текст: «*Iarta bidillanoviacos dede Matrebo natusicabo bratoude*». Этот диалект, судя по некоторым деталям, более архаичный, чем оскский и умбрийский, но в то же время обладает совершенно римскими чертами в синтаксисе, фонетике и морфологии. Он занимает особое место между оскским и латинским и является обособленной ветвью. Написание города Рима (Rom), а также имен Ромула и Рема (*Deux-Sèvres*¹) относится к IV в. до н. э. и является определенно итальянским. Общие черты — нимозийские, но диалект другой. Наконец, в окрестностях Рима обнаружились следы не галльских диалектов, а диалектов, очень близких итальянской группе, возможно, сходных иллирийским диалектам и венецкому.

Сам галльский диалект был гораздо ближе к итальянской группе, чем к староирландскому — самому древнему из известных диалектов кельтской языковой группы. Это не должно нас удивлять, так как галлы в альпийской области жили среди итальянских народов, затем в Галлии в тех же условиях, и были более итализированы, чем можно предположить. Так объясняется тот странный факт, что их имена собственные можно передать только посредством современных кельтских диалектов.

С точки зрения обычаев галлы подверглись местному влиянию древних жителей Галлии и, в целом, переняли кремацию. Поэтому по эпохе между V в. до н. э. и галло-римским периодом у нас нет почти ничего.

Вторжение не ограничилось Галлией, оно распространилось на Испанию, север Италии, Британские острова, а в позднейшую эпоху — на Центральную Европу и даже Малую Азию. Кельтиберских черепов у нас очень мало. Все они долихоцефалические. Среди них нет ни одного черепа, принадлежавшего галлу из Италии, что позволило бы утверждать, будто они были брахицефалами. Представление об этом бытует в Италии и основано на том единственном факте, что ее северный регион ныне брахицефалический.

---

¹ Два вскормленных. — Прим. ред.

Я считаю, что галлы здесь совершенно ни при чем. Наоборот, на Британских островах галльские черепа, предшествующие римскому господству, редки, но можно учесть 109 романо-бритонцев, описанных Беддо. Для других областей Римской империи я тщательно отделяю фрагменты, предшествующие вторжению, от тех, которые относятся к началу нашей эры, так как иммиграция привнесла многочисленные гетерогенные элементы — причем не римские, поскольку их почти не осталось в самом Риме, а итальянские либо заимствованные от всех романизированных народов, включая Африку и Азию. Это великое вихревое движение народов почти не затронуло Британские острова, где римское присутствие ограничивалось лишь гарнизонами.

Индексы черепов этой серии составляли 68–82, с одним отдельным исключением, когда индекс достиг 86. В основном, серия состоит из *H. Europæus*, с несколькими брахицефалами и средиземноморцами, которые могли произойти из подлежащей основы.

В Баварии, Винделиции¹ галльские захоронения были раскопаны в большом количестве, но осталось мало черепов, и была бы очень желательна комплексная работа. Почти ничего из материалов не издано, и нужно ждать. Тип был тот же, что в других местах, но рост, видимо, был выше в Винделиции. Райнекке приписывает трем женщинам рост 154, 160, 159 см, а двум мужчинам — 169 и 179 см, то есть средний рост примерно такой же, как у современного *H. Europæus*. В Богемии индекс, державшийся до эпохи железа в районе, — 72,2 в галльскую эпоху возрос почти до 80, а в славянскую эпоху вновь снизился до 78. В результате представляется вероятным, что галлы попутно увлекли с собой компактный брахицефалический элемент. И действительно, среди черепов одни явно принадлежали *H. Europæus*, а меньшинство других, в основном принадлежавших женщинам, были брахицефалическими.

Я не знаю ни одного фрагмента, происходящего от галлов Азии, тип которых известен только по изобразительным памят-

---

¹ Винделиция (лат. *Vindeliciā*) — окраинная римская провинция на Дунае, на северо-западе, в конце I в. н. э. была соединена с Ретией; на западе граничила с Галлией, где жили гельветы; охватывала нынешнюю северо-восточную Швейцарию, части Бадена, Вюртемберга и Тироля. — *Птим. ред.*

никам и рассказам историков. Они обладали тем же профилем и лимфатическим темпераментом, что и галлы Запада.

Мы подходим к бесчисленным письменным источникам. Отдельно я привожу оригиналы текстов¹. Большинство греческих текстов фигурируют в *«Выдержках из греческих авторов по географии и истории галлов»*, опубликованных Французским

---

¹ Тимаген, греческий автор I в. до н. э. (фрагменты цитируются в переводе Аммиана Марцеллина, книга XV, § 12): «Celsior stature et candidi pæne Galli sunt omnes, et rutuli, luminumque torvitate terribiles, avidi jurgiorum, et sublatius insolescentes. Nec enim eorum quemquam adhibita uxore rixantem, multo fortiori et glauca, peregrinorum ferre potuerit globus: tum maxime cum illa inflata cervice suffrendens, ponderansque niveas ulnas et vastas, admistis calcibus emittere cœperit pugnos, ut catapultas tortilibus nervis excussas. Metuendæ voces complurium et minaces, placatorum juxta et irasscentium: tersi tamen pari diligentia cuncti et mundi... Ad militandum omnis ætas aptissima, et pari pectoris robore senex ad procinctum ducitur et adultus, gelu duratis artubus et labore adsiduo, multa contempturus et formidanda... Vini avidum genus, adfectam ad vini similitudinem multiplices potus; et inter eos humiles quidam obtusis ebrietate continua sensibus... raptantur discursibus vagis» («Почти все галлы высоки ростом, белы телом, русоволосы; взгляд у них живой и угрожающий; они страшно сварливы и чрезвычайно заносчивы. Когда один из них поссорится с другим и ему станет помогать его жена, которая сильнее его и голубоглаза, то целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно когда та, гневно откинув голову, скрежеща зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнет наносить кулаками и ногами удары, не слабее снарядов катапульты, выбрасываемых при помощи скрученных жил. Голос у большинства звучит резко и угрожающе, спокойно ли они говорят или сердятся; все они вообще опрятны и чистоплотны... Для военной службы годятся у них люди любого возраста, и равным образом выступает в поход как старик, так и юноша, поскольку они закалены морозом и непрерывным трудом и способны вынести много трудных испытаний. <...> Они большие любители вина и умеют готовить различные похожие на вино напитки. Некоторые из них, принадлежащие к низшим слоям населения так одурманивают себя постоянным опьянением... что начинают метаться в разные стороны») (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

Латинских текстов очень много.

Виргилий (Æн., VIII, 659):

*«Aurea cæollis atque aurea vestis,
Virgatis lucent sagulis; tum lacteal colla
Auro innectuntur; duo quisque alpine corruscant
Gæsa manu, scutis protecti corpora longis»*

(«Золотом ярко горят и волосы их, и одежды,
Блещут полоски плащей, и вокруг белых шей золотые

Вьются цепи у них; в руках у каждого по два

Дрота альпийских, и каждый щитом прикрывается длинным») (пер. С. Ошерова).

историческим обществом. По возможности я следую этому сборнику, который важно изучить целиком, чтобы составить полное представление о Галлии и галлах. По многим текстам данный сборник — почти единственный из доступных, так как даже в университетских библиотеках отсутствует подобного рода литература. Все тома этого труда содержат хронологическую таблицу авторов, которая оказала бы немалую услугу Мортилье в редактировании одного списка. Недаром «Формирование французской нации» подверглось жесткой и

Тибулл (I, 7, 12): «*Carnuti et flavi cærulea lympa Liger*»

(«Лигера чистая синь — рыжих карнутов страна») (пер. А. Пиотровского).

Силий Италик (*Pun.*, IV, 200):

«*Obcumbit Sarmens, flavam qui ponere victor
Cæsariem crinemque tibi, Gradive, vovebat,
Auro certantem et rutilum sub vertice nodum*»

(«Падает мертвым Сармент, который обещал тебе, Марс, что если победит, принесет тебе свои пышные желтые кудри — рыжий узел <волос> за макушкой соревнующийся <цветом> с золотом»).

Тит Ливий (XXXVIII, 17):

«*Procera corpora, promissæ et rutilatæ comæ;
...mollia corpora, molles ubi ira consedit animos, sol,
pulvis, sitis, ut ferrum non admoveas, prosternunt*»

(«Они высокого росту; их длинные, рыжие волосы <...> Они сникают, лишь только утихнет первый порыв ярости; зной, пыль и жажда вают их, обессиленных, наземь и без твоего удара»).

Клавдиан (*Stil.*, II):

«*Tum flava repexo Gallia crine ferox*»

(«...Свирепая Галлия, с желтыми причесанными волосами»).

Манилий (*Astron.*, IV, 714):

«*Gallia vicino minus est infecta rubore*»

(«Галлия менее заражена соседней рыжиной»).

Лукан (*Ph.*, I, 402):

«*Solvuntur flavi longa statione Ruteni*»

(«Вот и давнишний постой уходит от русых рутенов») (пер. А. Е. Остроумова).

Лукан (*Ph.*, III, 77): «*Celsos ut Gallia currus*

Nobilis et flavis sequeretur mixta Britannis»

(Если б шли за его колесницей Галлии знатной сыны, белокурый бы влекся британец!) (пер. А. Е. Остроумова).

Тацит (*Ag.*, XI): «*Rutilæ Caledoniam habitantium comæ*».

(«Русые волосы и высокий рост обитателей Каледонии») (пер. А. С. Бовича).

справедливой критике Рейнаха. Желая изучить Древнюю Галлию я еще рекомендую *Altceltischer Sprachschatz* Хольдера (Leipzig, Teubner). Под каждым названием народа или города мы найдем транскрипцию всех греческих и латинских отрывков, в которых фигурирует это название. Эти обозначения часто добавлены к весьма многочисленным цитатам из многих работ Ланё, которые в плане эрудиции остаются лучшими работами по древнему населению Галлии.

Все согласны, что галлы были высокими блондинами с голубыми глазами. У меня только два дополнения. Первое: ни один текст не сообщает о смешанном темноволосом населении, подчинявшемся галлам, которые являли бы собой предков наших брахицефалов. Это наталкивает на мысль, что эти предки брахицефалов были достаточно малочисленны и плохо локализованы — в противном случае о них нашлись бы какие-нибудь упоминания, если не у очень древних авторов, то, по крайней мере, у авторов II в. до н. э. и позже. Галльская аристократия, почти уничтоженная, больше не могла утаивать общий тип населения. Мы же, во-первых, находим указание, что галлы по сравнению с германцами были менее русыми. Во-вторых, галлы Италии, Галлии и Великобритании описываются одинаково. Кельтские племена карнутов и рутенов, а также британцы изображены обладающими одинаковыми чертами.

Иордан (*Hist. Goth.*, 14):

«*Sylorum colorati vultus, torto plerique et nigro nascuntur, Caledoniam vero incolentibus rutilæ comæ, corpora magna sed fluida, qui Gallis sive Hispanis a quibusque attenduntur assimiles. Unde conjectavere nonnulli quod ea ex his accolæ continuo vocatos acceperit*»

(«У силуров лица смуглые; они рождаются по большей части с курчавыми черными волосами; у жителей же Каледонии волосы рыжие, тела крупные, но вялые; они сходны либо с галлами, либо с испанцами, смотря по тому, живут ли они против тех или других. Отсюда некоторые домыслиют, что Британия из них-то [из числа галлов и испанцев] и приняла своих обитателей, призванных благодаря соседству») (пер. Е. Ч. Скржинской).

Тертуллиан (*De cultu femineo*):

«*Videó quasdam et capillum croco vertere. Pudet eas etiam nationis suæ, quod non Germanæ aut Gallæ sint procreatæ*»

(«Я вижу, что некоторые женщины непрерывно занимаются мазанием своих волос, чтобы придать им белокурый цвет. Они как будто стыдятся своего отечества и сердятся, что рождены не в Галлии или Германии»).

Я подчеркиваю второе дополнение, поскольку необходимо установить отличие между кельтами, первыми ставшими известными, и галатами, представлявшими вторую волну галлов. Я уже говорил, что разница в названиях не имеет значения. Кельты должны были бы представлять смесь чистых галлов с брахицефалическими народами и должны были быть предками наших брахицефалов центра, столь неудачно окрещенных Брока с кельтской расой во времена зарождения антропологии.

По крайней мере правдоподобно, что первые из пришедших племен не сохранили полностью чистоту своей крови, но я не считаю, что смешение произошло с брахицефалами. Эти последние сами по себе составляли лишь меньшинство в предшествующем народе. Вот почему мы не должны удивляться, увидев, что именем *flavi* называются рутены, страна которых ныне столь брахицефалическая. Далее мы увидим, каким в римскую эпоху было население данного региона. Запомним только эту важную истину: брахицефалы Центральной Европы, Альп и Северной Италии — это потомки не кельтов, рассматриваемых как фракция галлов, а неназванного народа, составляющего часть (в неизвестных пропорциях) догалльского слоя.

Впрочем, я никоим образом не хочу сказать, что чисто галльские племена — племена нашествия — сами по себе не содержали каких-то брахицефалических элементов. Смешение рас, вызванное политикой или просто сексуальной потребностью, — явление, которого никогда не удавалось избежать даже народам эндогамным, а это ни в коей мере не относилось к галлам. Галльские племена должны были волочиться за рабынями различных рас, вероятно, более многочисленных, чем их хозяева. Я утверждаю, что не существовало галло-кельтов (брахицефалов) и галло-галатов (долихоцефалов).

Народы Римской империи. Римляне римлянам рознь. Римлянин III в. до н. э. — это гражданин города Рима, гражданин — то есть не инородец, проживающий в городе, и не раб. Две последние категории, впрочем, принадлежали, почти без исключения, к соседнему италийскому населению. Римлянин III в. н. э. от первого унаследовал лишь название. Он происходил от галлов, греков, иберов, африканцев, сирийцев — завоеванных

и ассимилированных, но у него, как правило, нет ни капли крови квиритов¹, даже если он живет в самом Риме.

До наших дней сохранилось много римских кладбищ. Каждый год огромное их количество распаивается, и посадка виноградников, требующая очень глубокой вспашки, превратила в руины целые некрополи. Много кладбищ было расхищено археологами, представляющими для археологии опасность не меньшую, чем фосфаты. Во многих областях Империи римляне прибегали к кремации, что продолжалось в качестве более или менее общепринятого обряда до триумфа христианства. Таким образом, не все кладбища поставляли черепа и большие берцовые кости, но если бы ученые захотели, собрали бы весьма обильный урожай. Не соизволили. Черепа неолитические вполне бы подошли, но зачем собирать галло-римские?

Было бы крайне интересно узнать географическое и социальное распределение рас на начало нашей эры по конкретным областям. Таким образом, реальных документов весьма немного, и что хуже — почти все они не изданы. Для Рима и Италии мы располагаем несколькими сериями, опубликованными Николуччи, Серджи и рядом других исследователей. В своей *Antropologia del Lazio* (Napoli, 1873) Николуччи для серии из 44 древних латинов выводит следующие данные: средняя длина черепа — 184 мм, ширина — 144 мм, индекс — 78,2, объем — 1525 мм³. Серия из 19 женщин дает, соответственно, — 176 мм; 138 мм; 78,4 и 1338 мм³. Доминирующий тип — модифицированный *H. Contractus*. Шесть римских черепов из Арпино, опубликованных Ами (*Crania*, 197) дают немного меньший индекс — 77,2. В своей *Antropologia dell'Etruria* Николуччи определил для одной серии из 50 римских черепов индекс, равный 77,4. Семь черепов из Помпеи дают индекс 77,5. Индекс чуть меньше на юге, чуть больше на севере Италии, но неизвестно ни одной серии, средний индекс которой превышал бы 80. По мере удаления от Лациума на север именно *H. Europæus* замещает *H. Contractus* в качестве основного типа, а к югу основным

---

¹ Квири́ты (лат. Quirites) — в Древнем Риме эпохи Республики название римских граждан (cives), употреблявшееся в официальных обращениях (Populus Romanus Quiritium). Считается, что этот этноним произошел от имени бога Квирина. — Прим. ред.

типом является *H. Meridionalis*. Но везде мы находим три расы, а с ними различных брахицефалов. А на римских кладбищах, а также в Палермо и Трентино — даже настоящего *H. Acrogonus*. В итоге мы видим, что на юге и в центре индекс в среднем вырос незначительно — на 1–2 единицы, а на севере довольно сильно — на 4–7 единиц.

Для Галлии опубликованные серии либо серии, имеющиеся в моем распоряжении, пока не позволяют провести законченную работу. Мой друг Карьер собрал в музее Нима неплохую серию галло-римских черепов, многие из которых находятся в поименованных саркофагах. Все они обладают индексом, значение которого менее 80, господствующими типами являются *H. Europæus* и *H. Meridionalis*, причем, последний представлен, чтобы понизить индекс примерно до 75. И это несмотря на присутствие в помеси некоторого количества крови брахицефалов. Также очень богаты серии Эро — особенно в моей коллекции, коллекции Мариньяна и лаборатории зоологии Реннского университета. Тип *H. Europæus* явно преобладает — в чистом виде или скрещенный с *H. Meridionalis* и *H. Contractus*.

Последний представлен останками нескольких женщин в сериях из Жиньяка, Тревье, Рестэнкльера. В Жиньяке самые древние могилы принадлежат примерно VII в. до н. э. Мариньян нашел там ракетообразную стеллу, совершенно явно принадлежавшую культуре вилланова (900–700 г. до н. э.). Самые недавние захоронения — примерно каролингской эпохи, которая не представляет интереса, поскольку расы крайне мало варьируются. В сериях Кастельно содержится огромное количество черепов римской эпохи с повышенным индексом из-за присутствия многочисленных черепов позднего происхождения. В Кастельно хоронили с аргарийской эпохи до наших дней. Индексы различных римских серий Эро варьируются от 75 до 77. Кастельно, в целом, дает 78,1. Серии из области Од — между 74 и 76. В Авейроне индекс семи черепов имперской эпохи составляет 76,2 — этот показатель немного превышает индекс пяти черепов первой эпохи железа.

Почти все эти черепа явно принадлежат сельским обитателям и происходят из захоронений без похоронных принадлежностей либо с очень бедными принадлежностями. Я напоминаю, что на

сегодняшний день индексы департаментов Гар, Эро и Авейрон составляют для живых людей 83,1; 81,3 и 86,0.

На севере общий вид галло-римских серий немного другой. Господин де Марикур изучил 23 галло-римских черепа из Эрме (*Захоронения Уазы*, Congr. scient. de catholiques, 1888, II, 710–717). Индекс шести черепов равен 80 и более. Элемент *H. Meridionalis* замещен брахицефалами и *H. Contractus*, вероятно, играет важную роль. Мы уже знаем, что брахицефалы с давних времен занимали восток и смежные области, прежде чем размножиться на Центральном плато. В галло-римскую эпоху север всегда более брахицефалическим, чем юг, а сегодня — наоборот. Значения индексов серии распространяются от 73 до 85; среднее значение индекса должно находиться между 78 и 79 (нужно учитывать, что некрополь Эрме был сельским кладбищем). Индекс живых обитателей Уазе сейчас составляет 82,6.

На многих франкских кладбищах франкских женщин обнаруживается меньшинство, а женщин туземного типа — большинство, и они во многом сближаются с *H. Contractus*. Этот факт, отмеченный Ами на кладбищах Булонне, Кутийем в Мюи (Эр), представляется почти повсеместным на востоке и севере. В Бельгии этот тип, вышедший из *H. Contractus*, очень редок. Индекс женских серий данной категории колеблется от 78 до 80. Казалось бы, результатом социального изнашивания в Галлии и Древней Италии был этот тип, вышедший из *H. Contractus*, как и брахицефал, являющийся результатом изнашивания средневекового и современного населения Франции и Центральной Европе. Этот древний осадок, хотя и тяготеющий к брахицефалии, не имеет ничего общего ни по индексу, ни по внешнему виду с осадком, наиболее известным типом которого является *H. Alpinus*.

В захоронениях, имеющих более позднюю датировку, элемент *H. Europæus* возрастает и легко распознается германический тип. Такое усиление арийского элемента — особенно в сельской местности — заметно до такой степени, что некоторые акрополи, если бы не отсутствие орудий труда, можно было бы принять за кладбища меровингской эпохи. История объясняет нам эту кажущуюся аномалию. В течение четырех веков территорию Империи заселяли варвары, число которых достигало сотен тысяч, их отряды размещались на неводеланных землях. Такое

промежуточное вторжение, одобренное имперской политикой для восполнения недостаточной рождаемости, влило в 100 раз больше варварской крови, чем вооруженные вторжения.

Мы далеко ушли от тех времен, когда представляли себе утверждение варваров в Империи, как кровавое, одномоментное событие, как жестокое завоевание вооруженными отрядами. На самом деле германское население, находившееся на неплодородных землях, в захватах искали лишь средство обеспечить себя землями. С неолитической эпохи сельское хозяйство было распространено до Скандинавии, где в тесте, находящемся в глиняной посуде, датированной до эпохи бронзы, нашли семена ячменя. Достаточно перечитать римских историков, чтобы понять характер этого вооруженного нищенства, этих народов, которые появлялись на границе с требованием земель и соглашались ради их получения на разоружение, рассредоточение и легализацию, определяемые имперскими уложениями. Их статус становился выше рабства, так как человек оставался свободным, но ниже крепостничества, так как он был теснее привязан к земле.

Не надо забывать, что крепостное население Средних веков в подавляющем большинстве происходило от варваро-колонистов. Класс крепостных является продолжением класса галло-римских рабов и германских колонистов, с некоторыми дополнениями и вычетами.

Чтобы не возвращаться к данной теме, я обращаю внимание, что германцы времен завоевания тоже, почти без исключения, селились в сельской местности, где за ними закреплялась определенная часть возделываемых земель. Ливи в недавней работе (*La distribuzione geografica dei caratteri antropologici*, Riv. it. di social., 1898, 415–433) пыталась объяснить меньшую брахицефалию горожан во Франции утверждением германцев в городах и выживанием их потомков со времен завоевания. Это вдвойне ересь. Германцы почти полностью оставляли города галло-римлянам, и достаточно бегло ознакомиться с документами эпохи, чтобы осознать, что даже сами короли бежали от городской жизни. Что до предположений, будто бы в каком-нибудь городе может существовать какой-нибудь единственный род, насчитывающий 15 веков, я не осмелился бы их делать, потому что

такая гипотеза, пусть и сведенная к одному уникальному случаю, неправдоподобна, особенно если учитывать законы утасания городских популяций.

Изобразительным памятникам имперской эпохи нет числа: статуи, барельефы и медали. Мозаики и картины дают представление о формах и цвете. Полезно было бы изучить документы, но до сегодняшнего дня мы имеем всего-навсего частные исследования, сделанные дилетантами в науке.

Латинская литература богата упоминаниями о масти. Римляне эпохи упадка и их наложницы изображены поэтами и историками — первыми больше, чем вторыми. Я оставляю в стороне все, что касается мифологических персонажей: влияние греков настолько заметно, что делает свидетельства их подражателей сомнительными.

У Тибулла Делия — блондинка (I, V), но поэт — брюнет (III, V). Марциал упоминает множество персонажей-блондинов: Клавдия Руфина (XI, 53, 1), Зоиль (XII, 54, 1), жена Вацерры (XII, 32, 4), Филенида (II, 32, 2), но у него мы находим столько же брюнетов: Олус (IV, 36, 1), Клитус (VIII, 64, 7), Меленида (VII, 29, 8), Ликорина (VII, 13), Хиона (XII, 34). Лик у Горация — брюнет (O., I, 32, 11), Телефус (O., III, 19, 25) — тоже, но женщины — блондинки: Пирра (O., I, 5, 4), Филлида (O., II, 4, 14), Хлоя (O., III, 9, 19). От Ювенала мы узнаем, что у Мессалины были черные волосы (VI, 120). У Проперция Кинфия — светская дама и вполне римлянка была высокой и белокурой (*El.* 2). У Галла Лидия — блондинка, Гентия — тоже (*Fr.* 2), поклонник Ликорида — тоже блондин. У Кальпурния блондином является пастух Алькон (VI, 15). Из трех персонажей (все из них — женщины), изображенных Клавдианом, Мария Фесценнина, супруга Гонория, — брюнетка (X, 265), Целерина, невеста Палладия, — блондинка, но, как и Клавдия Руфина, она варварского происхождения: «...*patrium flavis testatur crinibus Istrum*» («...желтыми волосами свидетельствует об отеческом Истре») (XXXI, 125), Серена, мать Марии Фесценнины, — брюнетка (X, 242). Овидий был брюнетом (*Trist.*, 14, 8, 1), а его подруги Хио и Пито — гречишки и меретрикулы — были блондинками (*Am.*, III, 7, 23). Африканец Апулей говорит нам, что сам он был высоким, стройным, с кожей не вполне белой, но и не красной, и что его волосы были белокурые.

Подводя итог, видим, что брюнетов довольно много, но зато и блондинов много, однако нам известно, что дамы той эпохи ничуть не гнушались красить волосы. Они даже, как утверждал Овидий (*Am.*, I, 14), носили парики: «*Nunc tibi captivos mittit Germania crines*» («Волосы пленных тебе прислать из Германии могут»). См. также Проперция (*El.*, II, XIV, 25); Катона (*Or.*); Тертуллиана (*De cultu femineo*; «Поклонение женщине»); Плиния (XXVI, 93, 1).

Аммиан Марцеллин достаточно подробно описывает многих императоров его эпохи: Констанций — приземистый брюнет (XXI, 16), Валентиниан — высокий блондин с голубыми глазами (XXX, 9), Валенс был брюнетом (XXXI, 14). Смутьян Вальвомер — высокий и рыжий (XV, 7).

Кресконий Корипп изображает блондинами двух высокопоставленных военных — Марцентия (*Johan.*, IV, 534) и Гентия (IV, 473).

Гораций питал слабость к брюнетическому типу (*A. P.*, 36):

«*Spectandum nigris oculis nigroque capillo*»

(«Я не больше хотел бы, как нос иметь покривленный,
Черным цветом глаз и волос, вызывая вниманье»)¹.

Овидий любил и темную, и светлую масть (*Am.*, II, 4, 39):

«*Candida me capiet, capiet me flava puella;*

Est etiam fusco grata colore Venus.

Seu pendent nivea pulli cervice capilli,

Leda fuit nigra conspicienda coma;

Seu flavent: placuit croceis Aurora capillis»

(«Белая нравится мне, золотистая нравится кожа;

Смуглой Венерой, и той, я увлекаюсь подчас.

Темных ли пряди кудрей к белоснежной шее прильнули:

Славою Леды была черных волос красота.

Светлы они? — но шафраном кудрей Аврора прельщает...»)².

Максимиан был эклектиком, и его идеал разнородный (*El.*, I, 92):

«*Aurea caesaries, demissaque lacteal cervix*

Vultibus ingenuis visa decree magis,

¹ Цит. в пер. А. А. Фета. — Прим. ред.

² Цит. в пер. С. В. Шервинского. — Прим. ред.

Nigra supercilia, et frons libera, lumina clara»

(«Золотая копна, стройная молочная шея

Кажется больше подходит здесь урожденным лицам,

Черные брови и лоб благородный, ясные очи»)¹.

Германцы. Присущая аллеманам набожность спасла значительное число германских черепов, и непонятно, по какой причине останки варваров-захватчиков тоже были у нас собраны в большом количестве. В коллекциях франкских черепов содержится гораздо больше, чем галльских. Впрочем, почти ни один из этих документов не издан, они хранятся в частных коллекциях или, что еще хуже, в публичных коллекциях, которые тщательно скрываются от антропологов-иностранцев. Например, в Музее научного факультета в Монпелье я никогда не имел возможности изучать какой-нибудь череп иначе, как глядя на него в витрине в часы открытия. Это касается даже тех, и главным образом тех, которые когда-то были принесены туда Жерве.

Представитель германских Райхенгреберов — это почти всегда более или менее чистый *H. Europæus*, но не стоило бы считать, что в сериях отсутствуют инородные элементы. Колльман опубликовал (*Korresp. Blatt für Anthr.*, 1882, 107) таблицу, которая включает 675 германских черепов. Среднее значение индекса составляет 75, но в серии значения индекса колеблются от 64 до 92. Таким образом, таблица содержит две крайности инородных элементов, совершенно чистых, — *H. Meridionalis*, *H. Alpinus*, *H. Contractus*, *H. Acrogonus*. Значения индексов черепов ниже 70 (6%), но выше 80 (15%).

Индекс германцев, переселившихся в Галлию, примерно такой же. Овелак определил по серии бургундов Савойи индекс, который оказался равным 75,4. Значения индексов серии из 14 субъектов колеблются от 72,4 до 78,7. Носовой индекс — 46, орбитарный индекс — 85 (*Череп бургундов*, R. d'Anthr., 1879, 205–209). Тип Белэр Рутимайера и Хиса (*Crania Helvetica*) установлен по бургундским черепам. Индекс — 73,8.

Ами франкам Васселонны дает индекс 74,2 (*Crania ethnica*, 499). Во Франции значения в сериях составляют примерно 75. Одна серия из 98 франков Эрме, изученная господином де Мари-

¹ Цит. в пер. А. В. Белоусова. — Прим. ред.

куром в его работе по захоронениям Уазы, распределяется так: 65–69,7; 70–75,51; 75–79,37; 80–85,3. Гетерогенные элементы малочисленны. Носовой индекс — 49 против 45 у галло-римлян.

Брока для одной серии из 31 черепа из захоронений Шелля V–VIII вв. дает индекс 76,3. В области Вогезов брахицефалический элемент в эпоху Меровингов вполне ощутим. Одна серия черепов из Вьей Этр, описанная Коллиньоном (*Наблюдения над черепами из Вьей Этр*, Mém. Soc. d'arch. Lorraine, 1895), включает семь субъектов очень долихоцефалических (среднее значение индекса — 72), и два очень брахицефалических (значения индекса — 90 и 91). Это область повышенной доисторической брахицефалии, и замеры Блинда показывают, что в Средние века Вогезы были очень брахицефалическими. Кутиль обнаружил в Эр 30 черепов эпохи Меровингов в захоронении варварского типа. Индекс для мужчин колеблется в пределах от 67,7 до 83; для женщин — от 70 до 87,7 (при числе черепов, равном шести). У мужчин средний индекс — 76,6; это почти чистые германцы, у женщин — 80,7; это туземки (Кутиль, *Меровингское и галло-римское захоронение Мюи*, AFAS, 1894, 761–768). В Пэ, под Андели, тот же исследователь откопал серию того же периода, ее индекс составляет 76. Меровингские захоронения Нормандии, изученные Серром и Коше, дали почти те же результаты, за исключением случая, когда серия туземных женщин перекрыла серию варваров.

В своей работе по черепам из Булоннэ (Anthr., 1893, IV, 513–534) Ами пришел к схожим результатам. В Хардентуне индексы у мужчин составляют: цефалический — 73,0; орбитарный — 87,1; носовой — 41,1; лицевой — 71,3. У женщин значения индексов равны 75,9; 86,8; 51,0; 67,7. В сериях из Булоннэ индексы различаются меньше: мужчины — 73,2, женщины — 74,2. Серии Ами относятся к более чистой расе, а женский галло-римский элемент обнаруживается лишь в Хардентуне. Автор очень хорошо различает противодействующую и нейтрализующую функцию туземного элемента — более или менее искаженного *H. Contractus*. Жаль, что единственный официальный антрополог Франции так редко пишет подобные монографии и не публикует почти ничего по антропологии.

В Бельгии цефалический индекс почти всегда ниже, чем во Франции; женские туземные серии являются галльскими и не

привносят искажений в цефалический и носовой индексы (Узе, Франки в бельгийских захоронениях, Bull. Soc. d'Anthr. de Bruxelles, 1892). Гильдемайстер изучил серию из 72 черепов, которые происходят из могил окрестностей Бремена, аналогичных Райхенгреберу. У мужчин индексы таковы: цефалический — 73,6, носовой — 46,6; у женщин — 71,4 и 47,9. У женщин цефалический индекс повышен, носовой — понижен, главным образом, из-за присутствия нескольких черепов типа, аналогичного тому, который он называет батавами и среднее значение индекса которого равно 79. Этот так называемый тип батавов обладает рядом замечательных сходств с *H. Contractus*, от которого он, видимо, прозошел в результате скрещивания. Такая аналогия позволяет задаться вопросом: «А был ли тип *H. Contractus* столь широко распространен в период с постнеолитической эпохи до Средних веков?». Но вплоть до сегодняшнего дня невозможно это уточнить. *Graverow-typus* Гильдемайстера — это тип германцев прибрежной области. Он чисто *H. Europæus*. Мы находим его в Англии в англо-саксонских могилах. Беддо в своей работе «История цефалического индекса на Британских островах», к которой я отсылаю для более пространных подробностей, для 70 саксонских мужских черепов дает индекс 74,6, а для 30 женских — 75,3; в среднем — 74,8. Впрочем, саксонский череп также трудно отличить от бретанского, как германский от галльского. В общей серии из 100 саксов индекс распределен от 65 до 82; это означает, что гетерогенные элементы представлены полудюжиной сюжетов, являющихся более или менее явными метисами. В *Crania Britannica* мы найдем ряд неплохих изображений, на которых тип *H. Europæus* является наиболее заметным. В Скандинавии черепа эпохи железа принадлежат *H. Europæus* почти без исключений.

Если перенестись на восток и юг Германии, документальные свидетельства становятся более редкими. В Баварии Ранке в серии из 200 сюжетов Райхенгребера обнаружил 14% черепов, индекс которых составляет менее 80. В Австрии соотношение почти такое же. В Богемии единственный германский череп, описанный в «*Crania bohémica*» Матьегки, происходит из Угерек. Индексы находки таковы: цефалический — 73,4; орбитарный — 82; носовой — 41,5.

Таким образом, тип германцев является основательно гомогенным. Когда в какой-нибудь серии черепа с индексом 80 становятся многочисленными, это означает, что они принадлежали туземным женщинам. Когда же германцы не лежат вповалку с элементами подобного рода, то индекс составляет около 74–75 и тип является чисто *H. Europæus*.

Франки часто представляют некую аномалию. Лицо слишком короткое, нос слишком широкий и недостаточно высокий, индекс 51 вместо 46. Внешний вид имеет много общего со *H. Spelæus* для всякого, кто не имеет о нем четкого представления. Более внимательное изучение показывает, что эти сюжеты, частые в некоторых захоронениях Франции, являются крайне редкими в Бельгии и Рейнской области и не имеют никакой генеалогической связи с *H. Spelæus*. Особые черты последнего — отсутствие внешнего орбитарного апофиза и основания затылка. Первый является округлым, вместо того чтобы быть прямым, второе — утолщенное вместо того, чтобы быть сплюснутым. Эти ненормальные сюжеты кажутся мне результатом какого-то неудачного скрещивания с *H. Contractus*. Морфология лица промежуточная, череп слегка изменен — только в своей затылочной части. Возможно, много энеолитических и сидеролитических сюжетов, слегка связанных со *H. Spelæus*, являются всего лишь результатом подобных скрещиваний, и вероятно, что неандерталлоидный тип из Рестэнклиер имеет то же происхождение. В любом случае я могу это утверждать для некоторых энеолитических серий севеннских пещер, особенно для некоторых экземпляров музея Нима, опубликованных Каррьером.

Леман Нитше (*Die Körpergrösse der Sudbayerischen Reihen-gräberbevölkerung*, Beiträge zur Anthr. Bayerns, 1894, XI) изучил по большим сериям и согласно методу Мануврие рост германцев Баварии. По его данным, рост баварских мужчин составляет 168 см, рост баварских женщин — 157 см. По швабам и аламанам довольно сходные данные: мужчины — 168 см, женщины — 153 см. Средний рост франков колеблется в зависимости от региона и от чистоты серий между 166 и 168 см. Рост саксонцев и германцев прибрежной области — 167–169 см. Рост исследованных индивидов чуть выше, чем у галлов, еще более высокий, чем у неолитического *H. Europæus*, но ниже, чем у англичан,

скандинавов и американцев наших дней. Средний рост людей за последние 1,5 тыс. лет увеличился на 2 см, то есть настолько же, насколько за 4 тыс. предыдущих лет, и ритм акселерации, видимо, у современных народов типа *H. Europæus* еще ускорится.

В качестве данных о цвете мы располагаем несколькими остатками белокурых волос, найденных в разных нордических погребениях, редкими картинами и мозаиками имперской эпохи и письменными свидетельствами.

Я уже цитировал по разным поводам несколько отрывков, в которых поднимается тема германцев: отрывок Галена, в котором они сравниваются со скифами из-за рыжих волос (Περὶ κρᾶσεων («О винах»), II, 5, 78, 252).

Также в качестве заметки к текстам, касающихся галлов, мы найдем отрывки Дениса Периегета, Страбона и третий отрывок Галена — во всех собраны сведения по физическим качествам галлов и германцев, равно как и в одном из текстов Тертуллиана. В примечании есть ссылки на классические тексты, касающиеся германцев и несколько византийских текстов¹.

¹ Авиен, *Descript. orbis*, 418: «*Flavaque cæsariem Germania...*» («И желтая кудрями Германия»). Лукан (II, 51): «*Fundat ab extreme flavos aquiline Suevos Albis*» («Пусть изольет от крайнего Аквилона желтых свевов»). Клавдий (VIII, 446): «*Ante ducem nostrum flavam sparsere Sicambri Cæsariem*» («Перед нашим вождем распустили желтые кудри сикамбры») (XXIV, 18): «*Illinc flaventes Sicambri Cæsarie, nigris hinc Mauri crinibus irent*» («Оттуда сикамбры, желтеющие своими кудрями, а отсюда — мавры с черными волосами шли») (XXVI, 419): «*Agmina quinetiam flavis objecta Sicambris*» («И даже отряды, противопоставленные желтым сикамбрам») (XXI, 37): «*Nec fida Valenti dextera duxisset rutilantes crinibus aras*» («Если бы верная десница Валента не повела рыжеволосые отряды»). Германцы-эмигранты (XXI, 202): «*Ingentia quondam Nomina, crinigero flaventes vertice reges*» («Большие некогда имена, цари макушкой желтовласые»). Победенные германские короли (VIII, 53): «*Cum geticis ingens premeretur Mysia plaustris*» («В то время, когда Мизия была под натиском гетских телег»). Готы-завоеватели (XXXV, 65): «*Seu flavos stravere Getas*» («Иль расprostерли желтых гетов»).

Тацит (*Germ.*, IV, 5): «*Truces et cærulei oculi, rutilæ comæ, magna corpora*» («Холодные голубые глаза, русые волосы, крупные тела»).

Овидий (*Am.*, I, 14): «*Nunc tibi captives mittit Germania crines... dices... nescio quam pro me laudat nunc iste Sicambrum*» («Волосы пленных тебе прислать из Германии могут, ты скажешь... Хвалят мне какую-нибудь германку-сикамбру»).

Сирий Италик (*Punica*, III, 608): «*Jam puer auricomо formidatе Batavо*» («Уже мальчиком ты был заранее напуган златокудрым батавом») (Батавы — *batavi* — германское племя, заселявшее дельту Рейна. — *Прим. ред.*).

Во всех этих текстах речь идет исключительно о типе доли-хоблонда. Следует обратиться к одному хорошо известному отрывку из Ригстхулы, чтобы усмотреть под арийским слоем некий этнический слой — рыжеволосый и подчиненный, а под ней — еще темную расу, полудикую или рабскую. Я не вижу смысла слишком долго останавливаться на германцах. Вильсер и Пенка в различных своих работах предавались пространным повествованиям, которые для меня ничуть не проливают свет на различные подразделения германских племен, на их миграции и на их последовательные местопребывания. Именно скандинавский регион или, точнее, регион между Балтикой и Северным морем, по-видимому, являлся их колыбелью.

Славяне. Исходя из брахицефалии населения Центрального плато, Брока возомнил себя уполномоченным сделать заключе-

---

Марциал (VI, 60, 3): «*Sic leve flavorum valeat genus Usipiorum*» («Hy его, как и весь род белобрыхих коварных усилов»).

Гораций (Ep., 16, 7): «*Nec fera caerulea domuit Germania pube*» («И не покорила [Рим] дикая Германия ордой синеокой»).

Ювеналий (XIII, 164): «*Cærulea si quis stupuit Germani lumina, Flavam caesariem*» («Кто поразится глазам голубым у германцев, прическам их белокурым, из влажных кудрей торчащих рогами?»).

Кальпурний Флакк (Decl., II): «*Rutili sunt Germaniæ vultus et flava proceritas*» («Румяные лица германцев, их высокий рост и желтые волосы»).

Сидонн Аполлинарий (Pan. Aviti, 42): «*Flavis in pocula fracte Sicambri*» («Разбитый на кубки желтыми сикамбрами»). (VIII, 9): «*Istic Saxona caeruleum videmus*». Pan. Majoriani» («Здесь мы видим синеглазого саксонца») (220): «*Nub erat flavor similes nova nupta marito*» («Выходила замуж за желтого мужа похожая на него [внешне] новая невеста»). Pan. Major. (75): «*Rutili quibus arce cerebri ad frontem coma tracta jacet... tum lumine glauco Albet aquosa acies*» (Их желто-красные волосы с макушки спадают на лоб, а водянистый взгляд светло-синих глаз белеет)).

Есть много меровингских, каролингских и германических текстов. Я не стану их цитировать, но сделаю исключение для одного очень любопытного отрывка из «Ригстхулы» — одной из древнейших исландских поэм, составляющей часть Эдды Сэмунда. Этот текст содержит этногенез нордических народов, который очень близок к тому, к чему мы приходим антропологическим путем. Он очень хорошо передает последовательность эпох (Эдда, Амма, Модир, древняя, бабушка, мать) и рас (Тразль, Карл, Ярл, раб, человек, благородный). Фустель де Куланж (*Invasion germanique*, 271) воспроизвел очень вольный латинский перевод этого отрывка. Текст, который я привожу, — это «*Corpus poeticum boreale*» (Oxford, Clarendon Press, 1883), I, 235 и последующие.

ние о брахицефалии древних кельтов. Поскольку от Польши до Москвы он находил схожие индексы, это позволило ему сделать заключение о брахицефалии славян. Он объединил два народа в одну расу, которую назвал кельтской, или кельто-славянской. Эту весьма сомнительную доктрину признает широкая публика. Однако теория ошибочна как в отношении славян, так и кельтов. Все остеологические и исторические факты указывают нам в славянах общность долихоцефальных и белокурых народов, но остеологические документы следует искать в очень древних захоронениях, а исторические — в очень древних текстах, поскольку в славянских странах, как и в Центральной Франции, древняя основа *H. Europæus* ныне скрыта из-за интенсивного роста брахицефалического населения. Другими словами, поляки, галицийцы, сербы — не больше славяне, чем кельты (лозероты или авейронцы).

Мы располагаем малым количеством черепов западных славян, то есть племен, живущих близко к Балтике и Эльбе. Череп

Бог Риг три раза нисходит на Землю и оплодотворяет трех смертных, от каждой из которых исходит раса, высшая по отношению к предыдущей: «22 Iod ol Edda, ioso vatni... hærví svartan, heto Thrael... vas thar a hændom hrokkit skinn, kropnir knuar... fingr digrir, fulligt andlit, lotr hryggr, langir hælur. Nam hann meir at that magns at kosta, bast at binda, byrdar goerva, bar hann heim at that hris gerstan dag... 77 Iod ol Amma, ioso vatni; kællodo Karl... raudan ok riðan, ridodo augo... æxn nam at temja, ardr at gærva, hus at timbra, hlædor at smida, karta at gærva, ok keyra plog... 130 Svein ol Modir, silki vafdi, ioso vatni, Iarl leto heita. Bleikt var har, biartir vangar; ætul varo augo sem yrmlingi... lind nam at skelfa, leggja strengi, alm at beygja, ærvar s kepta, flein at fleygja, frækkov dyja, hestom rida, hunon verpa, sverdom bregda, sund at fremga». (Я перевожу так: «22 Эдда родила мальчика, омыла его водой... из-за его темной кожи она нарекла его Тразль... Кожа его рук была шероховатая, суставы гнутые, пальцы толстые, лицо безобразное, телосложение плотное, пятки удлиненные. Он начал проявлять свою силу, сдирая полоски коры, делая узы и принося в дом вязанки дров. Он выполнял утомительную повседневную работу... 22 Амма родила мальчика, омыла его водой. Она назвала его Карл... Он был рыжий и румяный, с живыми глазами. Он начал укрощать быков, делать плуги, делать остовы домов, делать риги, колесницы, пахать плугом... 130 Модир родила мальчика, заботливо обтерла его, обмыла водой и назвала его Ярл. Его волосы были белые, щеки румяные, глаза живые, как у молодой змеи. Он стал вытесывать щит из липы, ладить тетиву к луку, натягивать ее, ладить стрелы, запускать дротик, обращаться с копьем, ездить верхом, владеть мечом и плавать»). Карл, наделенный тремя божественными добродетелями, был отцом Кина, который изобрел науки, искусства и письмо. У всех троих детей — Тразля, Карла и Ярла — показательные имена.

из Лёхница, описанный Вирховым (*Ein im Bette der Löchnitz gefundener Schadel*, Verh. der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, 1895, XXVI, 424–425), — чисто долихоцефалический. Вирхов описал другой похожий череп из славянского захоронения Нойбург, близ Потсдама, с индексом 74,7 (*Slavische Schadel*, Verh., 1895, XXVII, 335). В этом захоронении их обнаружили дюжину — все похожие и очень чистого типа *H. Europæus*. Разные другие черепа западных славян ничем не отличаются от германических. Население Бранденбурга, чисто долихоидное, в большинстве своем происходит от этих славян. Население Саксонии, наоборот, обладает повышенным индексом (около 80) из-за увеличения числа брахицефалов.

Данный феномен наиболее показателен в странах, где проживают южные славяне. Сербы, хорваты, боснийцы сейчас брахицефалы, с индексом 83 и выше. Пришлые славяне под теми же именами, наоборот, были типа *H. Europæus*. Имя осталось, раса поменялась. В Боснии сербский элемент был поглощен очень давно. Вайсбах описал (*Altbosnische Schadel*, Mitth. der anthrop. Gesellsch. in Wien, 1897, XXVII, 80–85) одну серию из 14 средневековых и современных черепов, у которой наблюдается повышение индекса от 78,2 до 88,5. Это тем более любопытно, что славяне сами наслоились на некое население — скорее долихоцефальное, так как гальштаттское кладбище Глазнац дает 76% долихоцефалов, а могилы римской эпохи указывают на продолжение древнего населения вплоть до прихода сербов. От самой Сербии имеется несколько черепов древних сербов — все долихоцефалические. То же самое относится и к хорватам.

Мы имеем много данных по славянам Центральной Европы благодаря «*Crania bohémica*» Матъегки (Prag, Gautsch, 1891). Серия из 110 черепов с индексом от 62 до 91 дает средний индекс 78,02, орбитарный индекс — 82,6, носовой — 50,1. Разброс на 30 единиц доказывает основательное расовое смешение. И действительно, на иллюстрациях мы видим представителей всех рас. Господствующий тип *H. Europæus*, но здесь есть также и *H. Contractus* (Libcan 2b), тип Бёреби (Libsic 3b) и различные трудноопределимые метисы-брахицефалы. Череп 10 из Леви Градец, мне кажется, *H. Meridionalis* либо очень древней формы *H. Europæus*, часто встречающейся в английских *long-barrows*.

Данный тип является самым древним в Богемии, он убывает, но характерен для всех эпох начиная с полированного камня. Брахицефалический элемент появляется лишь в наименее древних захоронениях — вначале на западе и юго-западе Европы. Странная вещь — этот элемент многочислен, главным образом среди женщин. Брахицефалические женские черепа составляют 52%, мужские — 32,8% от общего числа серии. Подлинно долихоцефалические женские черепа составляют лишь 9,5%, мужские — 28,1%. Разброс слишком силен, чтобы можно было приписать его половой дифференциации индексов внутри одной и той же расы. Форма *H. Contractus* здесь, как и везде, присуща женщинам.

В Богемии индекс изменился следующим образом. В эпоху камня и бронзы он составлял 72,2; в эпоху железа — около 80; в славянскую эпоху — 78; в XVI в. — 81,7; а измерение черепов, найденных на современных кладбищах, дало индекс, равный 83,3. Сегодня индекс у живых составляет 85, он почти такой же, как у авейронцев. Необычайно забавно наблюдать, как под предлогом расового антагонизма готовы сцепиться друг с другом богемские чехи и немцы. Нынешний обитатель богемского ромба — говорит ли он по-чешски или по-немецки — все не славянин и не немец, но брахицефал. Да помирят сие изречение братьев-ворогов!

В славянских захоронениях Польши элемент *H. Europæus* накладывается на брахицефалический субстрат, представленный женщинами. Впрочем, данный субстрат определяем лишь по сюжетам, обнаруженным в славянских могилах. Я уже упоминал захоронение Слабосцево, где у мужчин индекс равен 74,3, а у женщин — 78,4.

Славяне России, узнаваемые, как и славяне Центральной и Западной Европы, по подвескам к серьгам в форме латинской буквы *S* и по другим характерным украшениям, обнаруживаются в огромных захоронениях в области, соседней с Польшей. Далее они проникли лишь в позднейшую эпоху, в разгар Средневековья. На всей протяженности занимаемых ими территорий мы обнаруживаем тот же тип *H. Europæus*, как и в Центральной Европе. Доля брахицефалов, которая более высока по соседству с Польшей, выглядит так, будто обычные

брахицефалы пришли из области Карпат. Ближе к Уралу мы вновь видим многочисленных брахицефалов, но принадлежащих расе *H. Hyperboreus*. Это распределение такое же, как в скифскую эпоху, и славяне не отличаются от скифов, которые, в свою очередь, сами идентичны доисторическим туземцам по всем физическим характеристикам. При смене миграционных потоков менялись народы, цивилизации, языки, но раса оставалась той же. Только с начала нашей эры брахицефалы стали более многочисленными, а в Средние века они размножаются, распространяются, особенно вслед за монгольским нашествием и игом. Древние скифская и славянская основы были неизгладимо искажены наложением монголов. Победенные в конце концов азиаты почти все остались в стране, и их потомки продолжают влиять на то, что Россия относится к странам относительно брахицефалическим.

По славянской эпохе лучшим гидом всегда выступает Богданов. Я просто воспроизведу основные цифры. В районе Киева все доисторические черепа с индексом более 80 составляют лишь 33%, в славянских сериях их насчитывается 38%, а в средневековых сериях — 36%. В районе Новгорода брахицефалы, редкие до наступления Средневековья, наоборот, в ту эпоху достигают 49%. У волжских булгар — 24% брахицефалов; у дунайских болгар их сейчас насчитывается 25%. Славянские курганы Чернигова содержат только 14% брахицефалов, могилы XII–XIII вв. — 53%. У племени меря (меряне) Ярославля — 14% брахицефалов. В районе Москвы брахицефалы, достаточно малочисленные в доисторических и славянских могилах, в захоронениях XVI–XVIII вв. достигают уже 53%. Этот показатель позволяет проследить прогресс брахицефалии.

Письменные свидетельства весьма многочисленны, поскольку византийцы, арабские и еврейские путешественники довольно часто описывали антов, русов и других славян. По Прокопию, анты были огромного роста, с каштановыми волосами: *De bello Gothico*, III, 14: «εὐμήκεις τε γὰρ καὶ ἄλκιμοι διαφερόντως εἰσὶν ἅπαντες, τὰ δὲ σώματα καὶ τὰς κόμας οὔτε λευκοὶ ἐσάγαν ἢ ξανθοὶ εἰσιν οὔτε πη ἐς τὸ μέλαν αὐτοῖς παντελῶς τέτραπται, ἀλλ' ὑπέρυθροὶ εἰσιν ἅπαντες» (*Proc. De bellis*. VII, 14.27) («Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них [не]

очень белый или золотистый, [но] и не совсем черный, но все они темно-красные»)¹.

Ахмед бен Фоцлан и Схем ад-Дин, Ибн Ханкаль, наоборот, рисуют нам русов Волги огромными, как пальмы, с золотистой или красноватой кожей. Такая разница, по-видимому, указывает, что порода антов уже была искажена скрещиванием с брахицефалами и что раса русов была более чистой. Сегодня, как можно видеть на карте Рипли, в русских областях индекс ниже, чем в тех, которые граничат с Польшей.

Средние века. Постепенное увеличение числа брахицефалов (кроме Англии, Иберийского и Италийского полуостровов) характерно для Средневековья. От века к веку доля брахицефалов возрастает, и площадь их распространения расплывается пятнами, которые становятся все больше и стремятся объединиться. Этот феномен последовательно наблюдается от Атлантики до Урала. Только на Британских островах удельный вес брахицефалов будет иметь тенденцию не к возрастанию, а к снижению. Напротив, на континенте тенденция будет обратная, и она станет более заметной.

Быстрая смена одной расы другой, без вторжения, боев, единственно благодаря эффекту неодинаковой склонности к услужению, — вот, безусловно, одна из важнейших и в то же время легко разрешимых проблем истории общества. Есть бесконечное множество средневековых и современных захоронений, останки в хорошем состоянии — значит, материалов должно бы быть в избытке. Насколько же мы, однако, далеки от того, чтобы проследить век за веком и область за областью поступательный ход брахицефалического нашествия! Ничтожно мало серий было опубликовано в каждой из великих областей Европы.

В Авейроне городская средневековая серия насчитывает 25 черепов из Родэ, индекс которых находится между 75 и 84, средний индекс у мужчин составляет 78,7, у женщин — 79,9. Одна сельская серия из Сент-Радегонд имеет индекс 78,6. На это среднее значение оказывает влияние долихоцефалия чере-

---

¹ Цит. по изд.: *Прокопий из Кесарии. Война с готами* / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950. С. 297. — *Прим. ред.*

пов из других авейронских средневековых могил. До XII в. брахицефалия была представлена — даже в деревнях — лишь меньшинством особей.

В таких пунктах, как Эро, Тарн, Тарн-и-Гаронн, Гар, средневековые серии, в том числе сельские, всегда ниже 80. Сегодня индекс колеблется между 82 и 86.

В Париже индекс изменялся следующим образом: Сен-Марсель (IV–VIII вв.) — 77,6; Сен-Жермен-де-Пре (VIII в.) — 78,4, Сите (XII в.) — 79,1. Элемент *H. Alpinus*, редкий вначале, изобилующий в конце Средневековья, быстро вытесняет элементы *H. Europæus* и *H. Contractus*. С конца Средневековья рост индекса прекратился. Сегодня наблюдается тенденция к его снижению, и парижане обладают индексом в среднем на 3 единицы ниже, чем остальные французы.

В своей докторской Блинд опубликовал ряд важных серий Вогезов Альзаса (*Mittheilungen über... Schädelformen der elsässischen Bevölkerung*, Strassburg, 1897). Мы видим, что брахицефалия устанавливается с XI в. С тех пор она не прогрессирует. В Шаррахбергхайме (XI в.) — 84,03, в Цаберне (XII–XIII вв.) — 84,2; в Аммершвайере (XIV в.) — 84,3, в Дамбахе (XIV в.) — 82,6. В этих областях индекс живых сегодня составляет около 85. Ранке опубликовал важную серию Линдау (Бавария), которая датируется X–XII вв. (*Frühmittelalterliche Schädel aus Lindau*, Sitz. der bayer. Akad. der Wissenschaften, 1897, XXVII).

Таблица

Соотношение цефалических индексов представителей разных рас в различные эпохи, в процентах

Раса / эпоха	Райхенгребер (Бавария)	Линдау	Современные баварские оссуарии
Долихоцефалы	42	32	1
Мезатицефалы	44	36	16
Брахицефалы	14	32	83

Работа Ранке с редкой откровенностью демонстрирует процесс вытеснения *H. Europæus* сервильной расой. Мы наблюдали, как в Средневековье утверждается брахицефалия в Боснии и Богемии. По России мы также располагаем данными Богданова, к которым я не буду возвращаться.

В Англии Беддо вычислил индекс у серии из 135 средневековых черепов, который оказался равен 78,5 (у живых он соответствует 80). Значения серии колеблются от 70 до 87 с отдельными случаями 64, 67 и 90. Брахицефалия, повсеместно распространенная в эпоху бронзы, таким образом, имеет тенденцию брать верх, но на непродолжительное время. В Средние века в Англии индекс очень близкий к французскому, но в то время как Франция с возрастающей скоростью шла к нынешнему индексу 83 у живых, в Англии обратное движение вернуло индекс живых к 77,6, а у сухого черепа — к 76. Таким образом, Британские острова безостановочно становились более арийскими, а континентальная Европа — непрестанно более брахицефалической.

Средневековые изобилуют документами изобразительного искусства. Миниатюры, которыми декорированы манускрипты, иногда наивны и почти бесполезны, но среди них много таких, в которых персонажи выписаны очень четко. Как правило, сакральные или принадлежавшие высшим классам персонажи за редким исключением являются стройными блондинами. Наоборот, среди виланов, инородцев, демонов присутствует множество брахицефалических типов.

То же самое наблюдается и в литературе. Насколько древние авторы экономили на портретных описаниях, настолько средневековые их любили. С начала нашей эры и до сегодняшних дней появляется и усиливается потребность описывать персонажи. Если взять произведение поздней эпохи с описанием исторических персонажей, особенно выполненное поэтом, мы увидим, как точно выписаны типажи. Например, Трувер при описании своих шевалье или прекрасных дам почти не может избежать привычных характеристик аристократического класса своей эпохи.

Многочисленные данные представлены в творениях историков, а еще больше — в героических поэмах. Диссертация Лубье (*Ideal der Schönheit bei den altfranzösischen Dichtern*, Halle, 1890) содержит перечень всех пассажей авторов, пишущих с XII по XIII в. на лангдойле¹. Это золотая жила, к которой я и отсылаю читателя. Аналогичную работу по поэтам, пишущим на окситанском языке, начал один из моих учеников, который был также

---

¹ Язык северных районов Франции. — Прим. перев.

учеником господина Шабано. Эта работа осталась незаконченной. По немецкой литературе работу, аналогичную диссертации Лубье, выполнил Альвин Шуц (*Quid de perfecta corporis humani pulchritudine Germani sæculi XII et XIII senserint*, Breslau, 1866).

Обери дает нам полную картину физических характеристик совершенного рыцаря, обязательно светлой масти. Портрет вилана прямопротивоположный — он обязательно черный. Эта противоположность тем более любопытна, что ее вряд ли возможно объяснить, как это делали Гобино и Брока, франкским вторжением. Феодальная аристократия рекрутировалась как из римских сановников Галлии, так и из галльских сенаторских родов — военачальников, пришедших с Хлодвигом. По этому пункту исторические документы не допускают никакой дискуссии. К тому времени меровингская и каролингская знать почти полностью была истреблена во время Крестовых походов, а знать новая, как правило, происходила напрямую из служивого класса. Это были храбрые воины, которых сеньоры производили в рыцари и давали им во владение земли.

В то же время у предков сервов было столько же и даже больше германских колонистов, найденных на территории Священной Римской империи, сколько рабов галльского или инородного происхождения. В течение беспокойного периода начала Средневековья средний, или свободный, класс деревень, составленный в основном потомками франков, становился сервами добровольно. Картулярии сохранили множество актов, по которым свободные семьи, неспособные себя самостоятельно защитить, предоставляют свою жизнь в распоряжение светских феодалов или аббатств, чтобы получить от них защиту. Столь суровые условия крепостничества были все же предпочтительнее свободы, поскольку в таком случае человек получал защиту и сеньора, и его вассалов. Сеньор обязан был защищать своего серва, и он защищал его, так как тот был его имуществом. О свободном человеке никто не был обязан заботиться.

Социальное противостояние арийского и брахицефалического типов, впрочем, отнюдь не было столь абсолютным. Среди черепов средневековых сеньоров — от Баварии до Лангедока, а также в Италии — находят некоторую долю брахицефалов. Некоторые благородные роды были далеки от того, чтобы быть

долихоблондами — в частности, графы Чилли, изученные Ранке. Однако средневековые захоронения, даже поздние, как правило, содержат гораздо больше долихоцефалов, чем брахицефалов, и лишь к XVIII в. соотношение в большей части областей становится обратным. В целом, для Франции (учитывая относительную брахицефалию северо-востока и долихоцефалию остальной части) я полагаю, что индекс сухого черепа составляет ныне около 82, в галльскую эпоху не превышал 77, в римскую эпоху — 78, в конце Средневековья — 80.

Современная эпоха. Завоевание мира. В конце Средневековья раса *H. Europæus* потеряла север и восток Азии, север Африки. Иберийский и Балканский полуострова, куда она едва ступила, попали в руки инородных рас, пришедших из Африки и Малой Азии. Насчитывается три основных центра брахицефалии, где она интенсивно развивалась: это Вогезы и Черный Лес, Альпы, Карпаты. Вторичный центр в Верхней Нормандии и Верхней Бретани дал иммиграционный поток в Англию. В Центральной Европе и Франции брахицефалия множится в среде низших классов, особенно в деревнях, под влиянием общественного отбора. Раса потеряла 90% территорий проживания, причем лучших. Она сжалась на Британских островах, в области Скандинавии, вокруг Балтики и в центре России — все эти области полудикие, покрытые озерами и лесами, максимальная численность населения которых в тот момент составляла всего 10 млн человек.

В областях, где процветала цивилизация, — Испании, Франции, Южной Германии, Италии — раса была представлена фрагментарно и составляла в одних местах 50%, в других 25% и менее от общего числа населения. По всей территории Востока, на севере Африки она была едва представлена. Эти самые цивилизованные области мира — вне зависимости от того, был там ариец хозяином или нет, — не могли впредь рассматриваться как его подлинный домен. За несколько веков аристократическая порода *H. Europæus* угасла на этих территориях, которые в дальнейшем заселили 100 млн человек.

Заблокированная со стороны суши могущественными и многочисленными народами, арийская раса была вынуждена эволюционировать на месте, вплоть до момента, когда она смогла

посягнуть на господство над морями. Народы, остававшиеся вокруг колыбели расы, сначала возвышались медленно. Бедные, менее цивилизованные, влачащие жалкое существование на неплодородных, глинистых, каменистых или песчаных почвах, не культивируя ни одной из тех культур, которые одаривали богатыми урожаями народы юга, англичане, голландцы, северные германцы и скандинавы под воздействием новых условий претерпевали отбор по пригодности к работе, которая закаливала их психику, не искажая генофонда. Они сохранили отвагу и хладнокровие своих предков, точно так же, как их белокурые волосы и голубые глаза. Кроме того, они стали более приспособлены к ландшафту, на котором обитали. Из всех арийских народов древности только греки претерпели схожую эволюцию, а за скороспелым расцветом их гения последовало такое же скорое угасание. Более медленное созревание британцев, германцев и скандинавов, видимо, ничуть не подорвало их силы. Кажется, их потомкам суждены долгие века процветания и, вероятно, вечное мировое господство¹.

Современная эпоха начинается с завоевания Америки. Колумб открыл Новый Свет для удовлетворения испанской алчности. Антиллы, Мексика, Перу ограблены, оккупированы, выпотрошены. Наиболее активные и отважные испанцы совершили бросок в Америку. Портреты и описания людей, отличившихся в эпоху Великих географических открытий, показывают нам, что элемент *H. Europæus* в Испании был еще многочисленным. Ныне на полуострове он редок, чуть менее редок в испанских колониях Америки. Этот исход для Испании оказался смертельным. Более древний, вялый элемент привыкал жить за счет колоний. Остальное было делом религиозного отбора. Сегодня Испания представляет собой труп, и даже само море, скорее всего, не будет больше защищать ее территорию от посягательств крепких народов с бьющим через край населением. Ее цикл, похоже, завершен, как Китая и Турции, она — нечто вроде европейского Марокко, которое захватит самый наглый².

¹ Нам остается только посмеяться над этим прогнозом. — *Прим. перев.*

² И здесь, как мы видим, Лапуж ошибся. Как раз понимания цикличности ему и не хватило. — *Прим. перев.*

Пока Испания ветшала, голландцы, потом англичане возвышались, становясь наследниками морской империи. Голландия была слишком маленькой, располагала слишком малочисленным населением, чтобы излиться в далекие колонии. Ее амбиции превышали ее возможности. Англия сумела без конца увеличивать население своей национальной территории, разбрасывая по всему свету тысячи, а затем миллионы колонистов. Эта изумительная плодовитость сделала ее царицей.

Сегодня весь мир находится под властью европейских или вышедших из Европы наций. Им остается доля колоний, захваченных некогда Испанией, немного сократившаяся Россия раскинулась на пол-Азии, но все земли, омываемые морями или доступные только по морю, зависят от воли Англии. Положение Германии и Франции по всем параметрам является шатким, Англия завладеет ими, когда захочет окупить ими свои завоевания. Весь океан, то есть большая часть земного шара, находится в руках англосаксов, и это отнюдь не самая ничтожная часть их владений.

Арийская колонизация основательно коснулась Северной Америки, в меньшей степени — Мексики. Раса *H. Europæus* там на своем месте — более крепкая и более расплодившаяся, чем где бы то ни было. Сейчас ее центр уже не в Северном море, а в Атлантическом океане. Соединенные Штаты Америки и Канада противостоят Англии, Северной Германии и Скандинавии. И молодые галлосаксы Америки — законные потомки одновременно и галлов, и германцев — по пылкости и отваге берут верх над англосаксами, являющимися чистыми германцами. В Австралии образуется та же раса — смесь шотландцев, галлов, ирландцев (все — галлы по происхождению, кельты по языку) и англосаксов.

В России самым чистым является великоросский элемент. Это он расселен по Сибири, где новое население является более благородным, чем население любого великого народа Европы.

Совершающийся отбор, несомненно, повредит России, но откроет обширные территории для экспансии *H. Europæus*. Эта колонизационная лихорадка, быстрое преумножение популяций долихоблонда в Европе вернули расе количественное значение, соответствующее древним временам, и через век-два долихо-

блондический элемент станет численно преобладающим среди белых популяций в целом. Вмешательство систематического отбора, в котором американцы смело упражняются, сможет увеличить это преобладание.

На данный момент общее число арийцев практически чистой расы стоит оценить как превышающее 50 млн человек. Под чистой расой понимается соединение фундаментальных признаков — роста, цвета волос и кожи, индекса — и способность передавать их по наследству подавляющему большинству своих детей. (Касательно определения практически чистой расы — см.: «Общественный отбор», с. 3–10.)

Я попытался выяснить статистику по народам. Она достаточно проста для стран, включающих только элементы долихоблонда и брахицефала. Если в качестве *H. Europæus* рассматривать сюжеты с индексом ниже 76, брахицефалов — свыше 86, а метисов — с промежуточными, то посредством простого расчета мы приходим к общему процентному составу крови. Для других стран из актива средиземноморских рас нужно вычитать процент долихоцефальной крови. Общий же процентный состав не дает возможности вычислить пропорцию крови, лишенной примесей. Надо рассчитать в согласии с антропологической статистикой процентный состав индивидов, соединяющих все черты. Так мы придем к познанию двух параметров — процента крови *H. Europæus* в целом и процента крови индивидов чистого типа.

Индекс	Нации	Соотношение крови, %		Чистокровный тип <i>H. Europæus</i> , %
		долихоцефал	брахицефал	
78	Англичане	80	20	25
83	Французы	30	70	4
82	Русские	40	60	7
78	Скандинавы	80	20	25
79	Северные немцы	70	30	20
84	Южные немцы	20	80	3
79	Американцы	70	30	20
80	Голландцы	60	40	15
77	Испанцы	85	15	1
82	Итальянцы	40	60	2
84	Австрийцы	20	80	3
84	Швейцарцы	20	80	3

Для Франции, Италии, а особенно Испании доля чистокровного типа *H. Europæus* мала или очень мала по сравнению с общим числом долихоцефалов из-за большого числа, а иногда даже засилья долихобрюнетических элементов. В странах, где смешение достигло невероятных размеров — во Франции, Швейцарии, Южной Германии, то есть наиболее брахицефалических, — та же самая доля снижена из-за большого числа сюжетов несовершенного типа *H. Europæus*.

Таблица

**Общая численность представителей *H. Europæus*
в отдельных странах и регионах Земли**

Страна	Число представителей <i>H. Europæus</i> , млн человек
Англия	10
Франция	1,6
Россия	9
Скандинавия	2,3
Германия	6
США	15
Голландия	0,6
Испания	0,1
Италия	0,5
Австрия	1,8
Швейцария	0,1
Канада, Австралия, Капская область	1
Испанская Америка	1,5
Остальные области Земли	0,5
Итого:	95,5

Эти таблицы демонстрируют две вещи. Первая — это то, что раса *H. Europæus* пока представлена во Франции (1,6 млн человек), в Швейцарии (0,1 млн человек), в Италии (0,5 млн человек) абсолютным числом особей чистой расы, вероятно, равным тому, что было в первую эпоху железа. Сократился ее удельный вес, так как доля прочих элементов значительно возросла. В прочих странах Европы произошел ее огромный абсолютный прирост. Если мы говорим о представителях чистой расы, то никогда не насчитывалось 10 млн британцев на Британских островах, 9 млн славян или скифов в России, 600 тыс. германцев в Гол-

ландии и 8 млн германцев в Германии, что, впрочем, не мешает *H. Europæus* быть в многих этих стран в меньшинстве.

Относительное влияние и, главным образом, будущее влияние наций почти точно пропорционально абсолютному числу индивидов *H. Europæus* чистой расы. Численность *H. Europæus*, выраженная в миллионах, следующая: США — 15, Англия — 10, Россия — 9, Германия — 6, Австрия — 1,8 и Франция — 1,6. Следует заметить, что присутствие в демократических странах огромной доли брахицефалов может парализовать полезную активность долихоблондов. Это как раз случай Франции. Следует заметить также, что очень маленькая страна может обладать меньшим влиянием, чем предполагало бы абсолютное число ее популяции *H. Europæus*. Так, Скандинавия и Голландия не обладают весом, сравнимым с итальянским, но Швецию, Норвегию, Данию, Голландию это не умаляет. Несмотря на свой статус маленьких государств, они более активные, чем Италия. Психическое превосходство расы компенсирует, насколько это возможно, недостаточность численности и территории. А когда раса, численность и среда содействуют величии нации, как это имеет место в США, экспансия приобретает впечатляющие размеры.

ГЛАВА 6

Психология арийца

Психология расы. В облике каждого человека есть физические черты, свойственные только ему и не позволяющие спутать его с кем-то другим. То же самое можно утверждать и относительно его психологии. Человек, являющийся синтезом бесконечного числа предков, позволяет отнести себя к какой-то категории. Даже если он не представляет собой четкого типа, можно сказать, к каким расам он имеет отношение. Данную классификацию легче всего провести для тела — в этом нам помогают инструменты и глаза. Что касается такой тонкой материи, как психический тип, то он индивидуален для каждой расы и для каждой человеческой категории.

Психология расы мало изучена, в первую очередь из-за фундаментального заблуждения о человеческой природе. Церковь и философы всегда рассматривали человека как существо особенное. Чтобы сформулировать более осмысленное понятие, стоило бы вернуться к античной мудрости. Философия XVIII в., страдавшая заблуждениями как никакая другая, больше самой Церкви превознесла догму о фундаментальной идентичности. Возьмите, например, Кондильяка или Канта, психология у них всегда является психологией индивида. В то же время самые передовые мыслители верили в человека как такового и спекулировали на этом.

Благодаря знанию о происхождении человека все эти измышления канули в небытие. Я не хочу сказать, что они научно не обоснованы. О нет! Предрассудки тем более стойкие, чем более они устаревшие. Проштампованные официальной печатью, ставшие основой всех современных учреждений, заблуждения философов предыдущих столетий ныне стали святыней для толпы. Тщательно подсчитав, мы найдем во Франции двух, а может,

даже трех философов, занимающихся научной психологией, и я с сожалением сообщаю, что за пределами страны Жан-Жака Руссо и Денни Дидро ситуация обстоит не лучше.

Развившаяся из психологии животного, медленно и бесконечно изменяясь, психология человека сформировалась, формируется и продолжает развиваться. Каждый из нас, приходя в мир, обладает своим психотипом, который одновременно является синтезом психотипов бесконечного множества предков. Мысли и действия человека основываются на опыте бесчисленного легиона погребенных предшественников. Он впитал в себя все, что чувствовало, о чем думало, что желало человечество на длинном отрезке родословной, который связывает личность — через миллионы лет, посредством миллиарда всевозможных предков — с первыми сгустками живой материи.

Человек не может избавиться от бесконечного могущества предков. Он не может поменять черты своего лица, он не может игнорировать то, что управляет его мышлением, что заставляет его волноваться так же, как волновались и реагировали его предки. Орудие, которое в нем таким образом размышляет и действует, у другой расы совсем другое. Это всего лишь ощущения либо память о действиях, совершенных предками. Наследование приобретенных черт, столь ограниченное в области физической, совершенно не очевидно в области психической, но отбор вытеснил многочисленных индивидов, умерших, не оставив потомства, а психология живых — это психология предков, которые смогли выжить.

Значит, психические черты рас формируются точно так же, как физические — исключительно благодаря выживанию одаренных индивидов. И следовательно, психология расы неизбежно довлеет над психологией индивида. Именно в этом заключаются фундаментальное понятие дарвиновского монизма и противоположные ему мечтания о девственной душе, измышленной философами.

Психологию расы можно будет изучать методами физиологии. Когда знание психофизиологии станет более полным, потребуются методы, аналогичные тем, которые применяют в антропологии, чтобы из всех черт отфильтровывать индивидуальные этнические черты, свойственные каждой расе. Нынешнее

поколение не в состоянии провести такое исследование с необходимой точностью. Ограничимся общими обзорами, заметными отличиями в манере мыслить и действовать, особенно в манере действовать, так как социальная значимость деяния бесконечно превышает значимость размышления¹.

Отличить, какие из поступков индивида навеяны общим психическим человечества, не всегда легко. Я не слишком верю в свободу действий каждого индивида. Возможно, свобода просачивается в наши поступки через некую трещину? Впрочем, ее роль должна быть весьма скромной, так как исследование всегда показывает реальные определяющие факторы, каковыми являются собственные наклонности, влияние среды, а особенно других индивидов. Надо уметь отделять то, что идет из глубины сознания человека, от влияния внешней среды или привычек, приобретенных под воздействием внешнего давления. Также не следует смешивать то, что зависит от групповой психологии, с тем, что принадлежит расе. Вне расовых психических типов мы обнаруживаем социальные психические типы — например тип священника, солдата — очень схожие у различных рас.

Можно с уверенностью сказать, что в одинаковых условиях английский министр не будет мыслить и поступать, как испанский монах или африканский колдун. Точно также английский солдат будет вести себя иначе, чем неаполитанский или яванский. Изучение индивидуальных психических черт, характерных для каждой расы, является, таким образом, наиболее важным с точки зрения расовой психологии и антропосоциологии.

---

¹ Труды господина Фулье заслуживают особого упоминания. Автор с необычайной легкостью усвоил самые свежие результаты чистой и прикладной антропологии. Можно поставить ему в упрек некоторые ошибки и заблуждения, но причина их коренится чаще всего в изменении смысла слов. Так, он рассматривает ирландцев и другие народы, говорящие на кельтском языке, как брахицефалов, поскольку Брока когда-то назвал кельто-славян брахицефалической расой. Он вопрошает, почему негр-долихоцефал не является высшим, подобно долихоблону, забывая, что превосходство последнего есть свойство его расы, отличительной чертой. См.: *Психология французского народа*, Paris, Alkan, 1898; *Греческий народ, психологический эскиз*, R. des Deux-Mondes, 1898, cxlvii; 46–76. См. также: Ле Бон. *Психологические законы эволюции народов*, Paris, Alkan, 1894; *Психология толпы*, 3-е изд., Paris, Alkan, 1898.

Психология расы не обязательно обнаруживается у всех ее индивидов в любой момент их жизни. Следует учитывать бесконечное множество причин, которые могут служить причиной этого. Англичанин, как правило, флегматичен, но бывают англичане совершенно иного свойства. Дело в том, что в реальности индивиды очень чистой расы везде необычайно редки, а каковы последствия скрещивания — мы с вами уже знаем. Дело также в том, что психология расы искажена в гораздо большей степени, чем морфология. Когда мне представится случай изучить нацию, я продемонстрирую глубинное влияние на будущий умственный склад отбора, испытанного в целом в течение столетий. Так, например, условия, при которых среда влияет на индивида, являются бесконечно разнообразными, и силы, вступающие в игру, неравны.

Наконец, следует различать психологию индивидуальную и коллективную. Личность думает и действует совершенно по-разному, когда является частью группы, где мозг каждого делает выводы в результате совместной деятельности, и когда она в одиночестве. В не меньшей степени, чем индивиды, толпы различных рас будут по-разному реагировать на одни и те же обстоятельства.

Греческий гений и варварский дух. Сама идея эволюции исключает идею полной идентичности арийской психологии во все времена и во всех странах. Фактически мы не знаем ничего о душе изначального *H. Europæus*, затерянного в нордическом тумане. Картина, которую мы себе рисуем, является восстановлением эволюционного процесса, из которого выводится состояние души арийца, жившего в предыдущие исторические эпохи. Мы почти ничего не знаем о народах неолитической эпохи и даже о народах, живших в начале бронзовой эры. Мы знакомы с тем, какие предметы быта они производили — вазы, украшения, оружие, орудия труда и искусства. Мы знаем, что у них уже были религиозные ритуалы и что кремацию применяла только часть арийских народов, которая была, впрочем, больше всего была смешана с брахицефалами. Мы знаем, что уже тогда они были отважными мореплавателями и осмеливались на более рискованные экспедиции, чем самые рискованные среди совре-

менных. Нам также известно, что их цивилизация — вначале единообразная, а затем, в странах наиболее развитых, все более сложная — простиралась от Северного моря до Оманского залива и от Марокко до сердца России. Этих данных явно недостаточно, чтобы восстановить психологию арийцев. Придется оставаться в рамках гипотезы, и я не думаю, что нам удастся из них выйти.

Самые древние из сохранившихся документов — это поэмы Гомера, творения доисторических времен, исследованные и приведенные в порядок в относительно недавнюю эпоху. В кадре цивилизации первой эпохи железа, наложенной на Микенскую, мы видим четко очерченных персонажей, похожих на паладинов Средневековья. Это ахейцы — воинственные, храбрые, алчные любители добычи, сварливые и рыцарственные, обнаруживающие энтузиазм и очень быстро падающие духом, то есть подлинные братья исторических галлов и французов героических романов. Гомер и его герои дают нам грандиозное и великолепное представление о психологии арийской расы. Никогда с тех пор литературные персонажи не были столь величественными, а поэты никогда уже не живописали лучших образов. Блеск и изумительную гармонию греческого гения также никто никогда не превзошел. За два столетия небольшой уголок Земли произвел больше великих людей, чем вся Вселенная с древнейших времен. Великолепие эллинского гения до сих пор довлеет над земной цивилизацией!.. Во всяком случае, никто и никогда больше не воспевал так культ красоты. В наследство от Греции нам достались произведения художников, мыслителей и поэтов, которые до сих пор считаются совершенством.

Греческий гений эволюционировал быстро. Высокоодаренная раса, внезапно оказавшаяся в сфере влияния развитой цивилизации Микен, была захвачена, преобразована, сожжена, как воск в жарком пылающем костре, и если сияние было несравненным, то продолжительность его — слишком короткой.

Только одно из греческих племен всегда жило исключительно своими интересами, было озабочено сохранением чистоты своей расы и тем, как избежать разлагающего влияния цивилизации. Это спартанцы. Они оставались представителями греческой расы, именно такой, какой она была вначале. Для спартанцев стало законом превозносить героические добродетели и пре-

подносить чудесную ценность своей расы в манере, отличной от афинян. У афинян всегда реализовывались самые элегантные, артистические аспекты мышления, у спартанцев — непреклонная холодная воля. Психический тип англосакса сродни спартанскому — в чем-то преувеличенный, в чем-то неполный. Если бы спартанцев не сломила милитаристская селекция и если бы им удалось стать хозяевами Греции, вероятно, что они дали бы античному миру народ, который соединил бы в себе стойкую римскую волю и художественный гений греков.

Было бы неблагоприятно на основании этих прекрасных образцов арийской расы делать вывод, что вся она в античные времена состояла из таких индивидов. Греция показывает нам лишь элитную расу, возникшую в исключительной среде. Большая часть варварских племен барахталась в среде, где эволюция была затруднительной, и могла задействовать лишь малую часть своих качеств. Может быть, и жили бы гомеры в германских лесах, в шведских болотах, но у варваров не нашлось бы места ни для аристофанов, ни для фидиев. Эти народы были еще совсем незрелыми, и именно из более длительной эволюции их потомки, видимо, извлекли силу сопротивления и окончательную зрелость, которые были незнакомы античности.

Греческая физиогномика, по-видимому, установила некую связь между общим психическим типом с варварами и необузданностью характера. Данные психические тенденции были для них представлены скифами и галатами. Страбон, Тимаген и Дион (CLXIV) приписывают более лестный моральный облик галлам. Страбон (IV, 4) представляет их воинственными, неосмотрительными и хвастливыми, любителями ярких украшений, но одаренными высокими моральными добродетелями и замечательными умственными способностями¹. Легкость, с которой галлы принимают чью-либо сторону в споре, уже яв-

---

¹ У римлян была игра слов: *gallus* — петух и *Gallus* — галл. Это был оскорбительный намек на галльское фанфаронство. По странному недоразумению июльскому правительству пришлось в голову сделать петуха национальным символом. Священной птицей галлов же был ворон. Какая жалкая эмблема упадка: король навоза, фанфарон перед своими курами, улетающий с раскрытым клювом и опущенной головой, перепугавшись дворовой девки с метлой в руке!

ляется первой чертой той замечательной солидарности, которая составляет силу белых народов в наши дни. Необычайное любопытство, заставлявшее их расспрашивать путешественников и самим предпринимать длительные путешествия вплоть стран Востока, исключительно для самообразования, удвоено реальной способностью к искусствам и наукам. И неслучайно романизированная Галлия покрылась сетью процветающих школ. Следы их педантичности всплывают в Голландии, Англии, Скандинавии.

Созданный римскими писателями портрет германцев мало отличается. В единственном, но в важном пункте характеры расходятся. Германец уже тогда более вдумчив, более упорен. Он, не обращая внимания на первую неудачу, продолжал атаковать или сопротивляться. Римлянам никогда не удавалось победить Германию, тогда как Галлия им подчинилась за несколько лет. И наоборот, именно благодаря настойчивым усилиям германцев пала Священная Римская империя.

Я думаю, что эта разница находится в прямой зависимости от чистоты расы. Галлы, как и греки, были более смешанными, и в их психологии проявлялась нестабильность психотипа метисов. Спартанцы — самые чистокровные из греков — были также и самыми стойкими на пути осуществления своих замыслов. Впрочем, надо учитывать влияние среды. Галл, как и грек, находился в более солнечном климате, он испытывал то же возбуждение, что англичанин или немец, оказавшись в Ницце или на Востоке. Я мог наблюдать на себе, как при смене северного климата на южный мысль становится более яркой, а действие — более легким, но вместе с тем появляется быстрая утомляемость. Впрочем, промахи галла и грека происходили из-за несовершенной эволюции их психического состояния. Это были детские ошибки, которые исчезли, как только раса достигла своей зрелости, под воздействием более длительного отбора, все более жестко управляемого ходом событий.

Умственная эволюция современного арийца. Умственная эволюция современного арийца совершилась под влиянием двух основных селекционных причин: 1) необходимость приспособления к интенсивной регулярной работе; 2) адаптация индивидов в больших группах (феодалы или цеховые группиров-

ки, централизованные государства, Церковь). Личность формируется под влиянием сложных экономических и исторических потребностей, обычаев и учреждений, пытающихся подчинить отдельного индивида обществу. Данные причины определяют интенсивный отбор.

Занятия первобытных людей — война, охота и рыбалка — соответствуют врожденным вкусам, унаследованным от далеких предков, инстинктам, удовлетворение которых вызывает удовольствие. Эти инстинкты настолько живучи, что многие цивилизованные граждане развлекаются охотой и рыбной ловлей. Значит, сначала работа действительно доставляла удовольствие, она была более разнообразной, перемежаемой с периодами отдыха и совершалась в то время и тем образом, которые были удобны человеку.

Занятия скотоводческих и земледельческих племен являются более сложными, и если они и оставляют немало времени для отдыха в течение дня и года, то при этом они требуют больше умений, навыков и времени. Некоторые народы так и не смогли подчинить себя такой дисциплине и жили в контакте с соседними племенами скотоводов и земледельцев, не соблазняясь очевидными преимуществами более надежного и сытого образа жизни. Надо отметить, что у наиболее древних цивилизованных народов сельскохозяйственные работы почти целиком выполняли наемные рабочие руки. Эта работа ненамного тяжелее охоты, но она более монотонная, требует регулярности и несносна для подвижных личностей, независимых и любящих перемены. Без института рабства неизвестно, в какой мере могло бы развиваться земледелие. Наиболее чудесным завоеванием человека была не лошадь, а раб, и причиной формирования чисто земледельческих рас, вероятно, является длительный отбор среди индивидов, привязанных к земле. Своим крестьянством мы обязаны римскому арендаторству и крепостничеству раннего Средневековья, а может, даже и гораздо более древним селекциям.

Труд ремесленника является еще более тяжелым, еще менее отвечает изначальным инстинктам, так как выполняют его в строго отведенном месте. Он еще более монотонный, более регулярный. Некоторые тонкие ремесла требуют от человека больше умственных усилий, чем физических. Понятно, что свободные люди избегали подобного подчинения. Мы видим,

что в поселениях и городах ремесленным трудом занимались исключительно рабы и женщины (что почти одно и то же). У греков этими рабами были сами греки и восточные люди; у римлян вербовка становилась все более обширной, охватывая все Средиземноморье, Галлию и часть Центральной Европы. Начиная со II в. н. э. рабами становились почти исключительно британцы и германцы, так как другие народы за пределами Римской империи — сарматы, парфяне и арабы — поставляли лишь малую долю пленников. Благодаря торговле был также небольшой приток негров и индийцев. С этого времени рабы от рождения стали редкостью, их освобождали, начиная с второго — третьего поколения, и не раз древний варвар — сначала пленник, затем раб — заканчивал тем, что становился римским гражданином, шевалье, сенатором или консулом. Соответственно, надо полагать, что художественные и строительные работы, предметы, изготовленные за 200–300 лет Римской империи, — вещественная память о навыках германцев, даков и готов.

Чаще всего вольноотпущенники продолжали заниматься своими ремеслами, входили в цеха свободных городских работников, в бесчисленные коллегии последних времен Римской империи. Они, равно как и их потомки, составляли подавляющее большинство городского населения и были отчасти источником класса средневековых кустарей — этой мелкой, мобильной буржуазии, жившей коммунами. Так как институт крепостничества мешает миграции сельского населения в города, то оба класса работников, занятых ручным трудом, слились лишь незадолго до конца Средневековья, тогда как вторичная феодальная знать сформировалась почти целиком из наиболее доблестных сервов, а буржуа пополнили ряды чиновников, которые стали знатью при королях.

Таким образом, переход в современный индустриальный режим в Италии и Франции произошел постепенно. В областях, прилегающих к Северному морю и Балтике, эволюция была другой — более запоздалой и внезапной. Число мануфактур в Англии, Голландии, Германии стремительно увеличивалось, главным образом благодаря импортированию. В средневековой Англии было мало промышленных предприятий, а сельское хозяйство было крайне отсталым. Население обширной британской

территории составляло 3–4 млн человек, было мало кустарей, много пахарей, но еще больше было людей, живших наполовину ремеслом, наполовину натуральным продуктом с пашни, реки или леса. Оставшиеся области, населенные долихоблондическими народами, по сравнению с Францией или Италией не были более развитыми.

Внезапное приспособление населения Англии, Фландрии, Голландии к более совершенному сельскому хозяйству и развитой промышленности предопределило интенсивный отбор. Испытание было победоносно выдержано, и раса продемонстрировала отличные способности к этим видам деятельности.

Сейчас трудно сказать, существовала ли способность выполнять квалифицированную искусную работу, которая характеризует высшие расы, у большей части этих самых чистых арийцев. Надо заметить, что пленники римлян быстро обучались нужным умениям и навыкам. Это аргумент в пользу относительной древности данной способности. Это постоянное принуждение, необходимое в работе ремесленника, требует крайнего самоконтроля, особенно во времена, когда ремесла и промышленность только формируются. Каждый день приниматься за одну и ту же работу, без конца фиксировать свое внимание и согласовывать свои движения нам кажется вполне естественным, но для людей, которых еще звал голос природы, это было совсем не так.

Развитие сельского хозяйства, ремесел, мореходства могло осуществить интенсивный отбор в пользу индивидов наиболее прилежных, сдержанных, внимательных, с энергичным характером и волей. Я не думаю, что стоило бы ссылаться на наследственность, по крайней мере, в смысле наследования приобретенных способностей. Индивид приобретал посредством практики высокий профессионализм и стремление к совершенствованию. Однако нет причин считать, что его потомки это наследовали. Наследование приобретенных физических навыков является столь исключительным, столь не очевидным, что мы согласны это отвергнуть, кроме нескольких случаев общих химических изменений, вплоть до уровня герминативной плазмы. Зато вообще ничего не наследуется из того, что человек изучает в течение жизни — даже язык, являющийся начальной базой всякого образования.

Я думаю, что процесс состоял в выбраковке наименее способных и в пресечении их породы. Эта выбраковка продолжается до нашего времени, однако она тормозится неуместным вторжением христианского милосердия. Отбросом отбора является работник, неспособный к работе, — будь то сельское хозяйство или промышленность. Армии праздношатающихся, которые уклоняются от работы и живут в качестве рантье за счет трудолюбивых, в большинстве своем состоят вовсе не из лентяев. Есть очень много личностей — порядочных наравне с другими, иногда очень умных, у которых отсутствует психическая способность к работе. Малейшее усилие утомляет их, а два дня даже легкой работы представляет для них задачу, превосходящую их способности. Попытки, сделанные в Америке, чтобы изменить хотя бы какую-то часть этой категории людей, остались бесплодными. Условились только разрешить им жить с наименьшим ущербом для общества и принять меры к невозможности для них обзавестись потомством. Это местное население, которое цивилизация сможет закончить отбраковывать, сведя к минимуму заботу о них.

Между этой категорией индивидов, психологически неспособных к работе, и регулярно работающими существует множество промежуточных вариантов. Существует еще категория работников, которые могут трудиться, но с перерывами. Их сложнее отделить от лентяев, если лодырничество само по себе не является просто психологической неспособностью к работе, понятой на современный лад. Это ментальное состояние соответствует тому, что встречается у негров и представителей некоторых других рас, которых можно заставить работать только принуждением.

Сегодня английские или американские рабочие выделяются на общем фоне по продолжительности концентрации внимания, сноровке и производительности, независимо от того, сколько видов работ они выполняют одновременно. То же самое можно сказать об английском торговом агенте или чиновнике. Ведь если я взял в качестве примера рабочего, то только потому, чтобы показать, насколько всеобъемлющей является эволюция: она опускается до самого дна социальной лестницы, откуда выходят те, которые поднимаются на самые верхи.

На самом деле очевидно, что способности к торговле, администрированию, рассматриваемые с современной точки зрения, намного превышают те примитивные способности, которые требовались для полудикого существования ариев севера до зенита Средневековья. Очень быстро выявились и окончательно определились их характерные черты: хладнокровие, прекрасный глазомер, продуманная смелость, столь необходимые в общественных и личных делах. Эти качества в наибольшей степени присущи англичанам, голландцам, американцам, северным немцам и скандинавам. Пусть способность была только обозначена или пусть она была соткана из разных фрагментов потребностями в борьбе за существование, раса, которая демонстрирует сегодня эти качества, считается высшей. За небольшой период она способна превзойти другие расы на ими же открытых путях.

Другой причиной отбора является та, которая придала различным этническим группам расы долихоблондов их особый психический облик. Принятие христианства народами Великобритании и Германии было отправной точкой серии селекций, которые я рассмотрел в одной из глав предыдущего тома данного курса (*Общественный отбор*, гл. X). Вектор этой селекции был изменен на отрезке протяженностью несколько веков переходом почти всех долихоблондических народов в протестантизм, и этот переход был величайшим благом. Влияние христианства, не только в силу догм, но и в силу опасной морали этой религии, мощно воздействовало на народы в плане низведения до состояния неполноценности. Долихоблонды севера получили двойное преимущество: во-первых, перейдя под влияние Церкви с опозданием на несколько веков, во-вторых, уже несколько веков назад от нее отделившись. Это преимущество стало ощущаться в удельном весе евгеников у долихоблондов и католических народов Европы. Религиозный отбор с давних пор имеет совершенно разный вектор в странах католических и протестантских, и пример сопоставления ирландцев и фламандцев (долихоблондов и католиков) с шотландцами и голландцами позволяет оценить практический смысл этого расхождения.

Группирование по политическому принципу стало другой причиной отбора, приведшей к дальнейшей дифференциации долихоблондических народов. Я говорю не о политических

партиях, а об историческом раздроблении на поместья, коммуны и государства.

Если раса зоологическая необходимым образом основывается на общности родства, то раса политическая, если я только вправе употреблять столь абсурдный термин, обязана собой скрещиванию и конвергенции под воздействием общего отбора, различных этнических элементов. Феодалный режим и его смягченные формы сделали колоссальную услугу, неукоснительным образом привязав к земле народы, до того полукочевые. Работа по закреплению народов, выполненная римлянами на своей территории, коснулась нордических народов только в конце Средневековья. С этого момента люди оказались тесно скучены на небольших территориях и вынуждены были эволюционировать на месте, а исторические условия эволюции оказались бесконечно разнообразными, хотя и общими по направлению. Это стандартный случай формирования наций, отличающийся лишь тем частным условием, когда неарийские элементы, обычные в других странах, в занимаемых нами областях оказались крайне редкими.

Биологическая сущность нации. Наконец пришла пора углубиться в подробности по столь важному вопросу конвергенции этнических элементов под воздействием общей исторической среды, а также реального существования нации, которое сегодня многим умам кажется простой условностью. Нации не являются ни сообществами, членами которых становятся по выбору, ни клубами по интересам, куда вступают, заплатив взнос. Такой взгляд присущ основной массе публицистов, о политиках я не говорю — у них никаких собственных взглядов нет. Такой взгляд является ложным и проистекает из не менее ложных представлений о человеческой личности и придания довлеющей важности экономике. Люди, я это повторяю, не являются, как считает христианство — церковное или светское, — равными и независимыми, они, наоборот, не равны по отношению друг к другу потому, что над ними довлеет наследственность. Экономические интересы нынешнего и грядущего поколений мало значат по сравнению со стратегическими интересами всей нации, а значит, жертвовать надо в первую очередь экономическими.

Нация есть общность индивидов, имеющих разное расовое происхождение, но соединенных сложными родовыми связями, которые на протяжении истории оказывали влияние друг на друга. Нация включает в себя живых, умерших, а также все последующие поколения до скончания веков. Нация претендует на вечность и вездесущность, то есть на то, чтобы остаться в конце концов одной и заселить всю Землю своим потомством.

Нация, начинающая формироваться, включает в себя разные расы в различных пропорциях, распределенных некоторым образом в общественной иерархии. Из этих индивидов постепенно выходит более компактная группа. От поколения к поколению потомки сочетаются, разветвляются и опять сочетаются до бесконечности. Во всей массе устанавливается общность плазмы, и нет ни одного индивида, который не приходился бы чуть-чуть родственником всем остальным.

Например, за 15 веков, на протяжении которых существует Франция, то есть за 45 поколений, теоретическое число предков каждого из наших современников огромно, а число побочных родственников просто непостижимо. С 20-го поколения, то есть с 1200 г., число непосредственных творцов каждого индивида превысило бы 2 млн человек, половина из которых — представители этого 20-го поколения. Для 45-го поколения мы приходим к числу 70 млрд человек. Эти невероятные данные доказывают бесконечное повторение одних и тех же персон в разных линиях родословной одного и того же индивида и еще большее количество семей, из которых он почерпнул себе предков. А если учитывать побочное родство по каждому из своих предков, то числа станут такими огромными, что их невозможно будет записать в одну строку.

Эта бесконечная перетасовка родственников почти не распространилась за определенные пределы. Степень родства очень велика между людьми одной области, значительно меньше — за пределами области и очень слабая с иностранцами. Политические барьеры ограничивали установление связей.

Таким образом, нация — это огромная семья, замкнутая внутри границ страны: живые вместе с умершими и с теми, кому суждено прийти. Конечно, большая часть этих связей бесконечно натянута, они находятся под угрозой разрушения, но все же они

настолько сложно переплетены, что ткань остается прочной во времени и пространстве.

Между всеми этими единокровными существами, находящимися в близкой или далекой степени родства, эволюция установила правила отбора. В любых условиях каким-либо образом одаренные индивиды, какой бы ни была форма их черепа и состав их плазмы, имели положительные или отрицательные шансы на воспроизводство, а следовательно, их потомство имело определенный психотип, позволявший им реализоваться. Итак, теперь понятно, почему у современных людей расовые тенденции могут быть модифицированы в зависимости от страны проживания и почему субъекты разных зоологических рас обладают довольно схожей ментальностью, если они соотечественники, в отличие от субъектов одной расы, предки которых многие века жили в разных географических и культурных средах.

Отсюда легко можно понять, насколько абсурдна сама идея процесса натурализации. В этом нет биологического смысла, в этом проявляется дурной политический вкус. Фабриковать французов указами, делать искусственных англичан или фальшивых немцев — одно из самых забавных юридических извращений. Когда-то мы верили в райское преддверье, мы могли всерьез принять фикцию натурализации. Теперь мы начинаем осознавать, что эта фикция враждебна природе вещей. Государство больше не должно заниматься тем, чтобы превращать инородца в гражданина, — это все равно, что делать из женщины мужчину.

Можно наделить инородца правами француза — если он обладает характером, который можно конвертировать на французский лад, но это никогда не сделает из него француза. Нужно, по крайней мере, чтобы в жилах его внука текла кровь двух женщин нашей нации, чтобы он оказался в нашем роду не приемным элементом. И в любом случае на протяжении многих поколений его потомки, даже появившиеся на свет от французских матерей, будут сомнительными, неполноценными французами. Вот аргумент, который нужно приводить сторонникам подобного укрепления уже сформировавшихся наций, таким выдающимся экономистам, как Новиков или Леруа-Болье, но чуждым современному позитивному понятию о нации. Допуск инородцев

может в короткое время разрушить нацию, а вовсе не укрепить ее и сделать более эффективной, как полагают многие.

Психология расы является фундаментальным фактором исторической эволюции, а историческая эволюция — фактором отбора, который медленно изменяет психологию расы. И действительно, даже в долинхоблондических странах, где сплав с другими расами не достигал больших значений, психология разная. Между голландцами и шведами, померанцами и англичанами, американцами и австралийцами есть фундаментальное сходство, основные черты, общие для расы в целом, но при этом существуют американский характер, голландский или немецкий, обладающий собственной неповторимостью, а также ряд местных характеров.

Не нужно доводить до крайности и предполагать, что деформация расового духа может зайти за определенные границы. Редко такая деформация доходит до того, что характер делается неузнаваемым, она ограничивается некоторыми элементами психики, но в характере всегда остается что-то фундаментальное. Это как раз то, что демонстрирует антропосоциология, исследования которой доказывают, что, несмотря на местные искажения, общие тенденции расы в разных странах остаются одинаковыми. Фундаментальные законы, установленные этой наукой, подтверждаются у разных народов с одинаковой этнической структурой, и границы здесь ничего не меняют. Исключения, связанные с конвергенцией, относятся только к деталям, и грубой ошибкой будет считать, как делают до сих пор историки и государственные мужи, что внутри нации может произойти полная унификация рас. Такое слияние и аморально, и невозможно физически. Оно противоречит элементарным биологическим законам в том, что касается результатов скрещиваний, и в том, что касается селекции. Психическое единообразие не может быть достигнуто без применения искусственных методов в течение нескольких веков.

Черты современного арийца. *H. Europæus* — за образец возьмем англичанина или американца — выделяется, скорее, силой разума и воли, а не живостью идей, легкостью их усвоения или объемом памяти. У испанца, араба или даже индийца наблю-

дается необычайный калейдоскоп идей. Они сменяют друг друга с такой быстротой, что они не могут привести их в порядок, а излишек, в плане практического результата, равносителен скудости. Брахицефал прекрасно усваивает, китаец прекрасно подражает. Негры в юном возрасте хорошо учатся в школе — они могут достичь того же уровня образования, что наши низшие классы. По всем показателям, которые относятся к разуму, *H. Europæus* не сильно выделяется из усредненной человеческой массы и не имеет особых черт.

Только две вещи характеризуют эту расу: замечательная способность к умственной работе и неутомимость. *H. Europæus* выдерживает долгую изнуряющую работу, которая не под силу представителям других рас, например, очень быстро утомляющимся неграм, а также некоторым другим европейским расам. Француз или итальянец не смог бы сравняться в среднем ни с продолжительностью ежедневной работы немца, англичанина или американца, ни с интенсивностью этой работы, ни с ее производительностью. Превосходство английского или американского рабочего проявляется в умственной работе. Нервная система более мощная, более устойчивая. С другой стороны, ум более гибкий. *H. Europæus* легко может отказаться от привычного образа мышления. Причина этого в том, что он устремлен к чему-то лучшему или, по крайней мере, неведомому.

Рассудок холодный и отточенный. Он рассчитывает все, рассчитывает хорошо и быстро, без поспешности и без колебаний. Способность быстро принимать решения — его огромное достоинство. Этими качествами ариец обладает в наивысшей степени.

Но высшим качеством расы, которое ее характеризует и ставит над другими, является воля — холодная, точная, упорная, превосходящая все преграды. Если француз много говорил, он считает, что он хорошо поработал, он чувствует себя усталым и ложится спать. Англичанин тратит минимум усилий на слова — он действует и, пока не достигнет своей цели, не прекращает действовать, используя все ресурсы смелого изобретательного ума. У ирландца, унаследовавшего галльскую легкость и иберийскую подвижность, этого превосходства в характере нет. У американца — на 75% англичанина и на оставшиеся 25% ирландца — воля связана с непомерно богатым воображением

и ставит себе цели, которые превосходят человеческие силы. И все-таки этой воле — перегретой, достигшей точки воспламенения — удастся преодолеть все препятствия. А потому, если есть раса, которая может претендовать на совершение невозможного, — это, конечно, галлосаксы Америки.

Способность повелевать делает расу господствующей. По своей выправке, стальному блеску голубых глаз, резкому, повелительному голосу галл или германец мог бы произвести впечатление на греков и на самих римлян. В еще большей степени современный ариец, наделенный теми же качествами и непреклонной волей, умеет показать, что он создан, чтобы быть господином. Он принадлежит к господствующей расе, и другие легко это принимают и подчиняются ему. Чтобы править индийцами, хватает нескольких тысяч англичан. Нам бы для этого потребовался миллион чиновников, иначе не удалось бы гарантировать себе уважения со стороны индийского населения.

Дополняют образ арийца его врожденные склонности. Во всем, что он делает, ему присуща смелость. У американцев она часто нацелена на то, чтобы поразить публику, и доведена до абсурда. По этой характерной черте ариец четко отличается от всех прочих рас, особенно от доброго брахицефала, основная цель которого — поступать, как все. Эта склонность попирасть стадный инстинкт наблюдается во всех областях США. Французская Канада — априори выше нас и гораздо ниже по цефалическому индексу среднего значения нынешнего французского населения — в целом довольно провинциальна. Жажда действовать, совершать великие деяния, доходящая до мегаломании у англичанина, у немца и скандинава остается в более благоразумных границах. Но нужно отметить, что американцу в высшей степени присуща смелость все крушить. Его большой потенциал позволяет воплощать ему самые экстравагантные замыслы и извлекать из них максимальную пользу.

Та же потребность деяний предопределяла у арийца высокий боевой дух. Греки, галлы, германцы были величайшими воинами древности. Средневековое рыцарство и новое дворянство также были воинственными до крайности. Подобные настроения часто противопоставляют тишайшему брахицефалу. Брахицефал не обладает необходимой смелостью, ему

требуется многочисленность. Предки арийца культивировали злаки, зерна которых находят в неолитической глиняной посуде, в то время как предки брахицефала, возможно, жили, как обезьяны. И если посмотреть, чем отличается труд французского и пьемонтского крестьянина от труда крестьянина голландского, скандинавского или американского, то мы увидим, что последние работают с меньшими трудозатратами, используя более умные средства. Что касается английского или американского промышленного рабочего, то у него хватает ума, чтобы разобраться в некоторых механизмах. Парижские рабочие, посланные в Чикаго для монтажа французских выставочных материалов, были вынуждены вскоре вернуться, потому что оказались не в состоянии выдержать конкуренцию и даже не научились пользоваться усовершенствованными инструментами. Достаточно посетить какую-нибудь английскую или французскую ферму, дом рабочего в Шотландии или в каком-нибудь французском городе, чтобы получить впечатление о разнице в общественном статусе между рабочими разных рас, занятых на одной и той же работе.

Этот повышенный боевой дух сделал из арийца не только завоевателя, военного и промышленника, но при этом еще и свободного человека.

Отношения с инородцами. Политическая психология. Отношения человека расы *H. Europæus* с чужаками обусловлены двумя противоречивыми качествами. Первое — это его индивидуализм. Он думает, желает, действует ради себя, не допускает инородца в свою жизнь. Если случается, что он испытывает в них нужду, то холодный неумолимый эгоист смягчается, задействует все свои способности для общего успеха, и если требуется — жертвует собой вполне намеренно. Пресекающий всякую попытку авторитаризма, ошетинивающийся при малейшем посягательстве на свою личную свободу, ариец добровольно становится образцовым солдатом и подчиняется любым гражданским ограничениям, когда это становится необходимо. Нет другого человека, который настолько бы любил свой дом и свою частную жизнь в нем, но нет и другого человека, который бы, подобно ему, вступал добровольно в различные общества.

Эта высокая солидарность придает англо-американским народам огромную силу. С настоящего момента можно сказать, что всякий англичанин, лишь потому, что он англичанин, может в любой стране себе позволить то, что запрещено самим гражданам этой страны. Так он спекулирует на твердом намерении слабых народов не создавать себе никаких проблем. Данный принцип римляне воплощали в жизнь с древних времен: «Civis sum Romanus» («Я римский гражданин»).

Эта солидарность не только оборонительная. У народов арийской расы она, скорее, имеет целью финансовое, моральное, военное завоевания, которые позволят что-то отнять у чужого. Борьба каждого против всех и всех против каждого продолжается, но она уступает место борьбе групп, в которые люди объединяются против общего врага. Другими словами, солидарность — это средство достижения успеха, во имя которого объединяются с людьми, с которыми есть общие интересы. За рабочим идет завод, за лавкой — базар, за воином — целая армия, убийство одного человека превращается в массовое побоище, которое, в свою очередь, совершается во всемирном масштабе. Война холодная, политическая, религиозная, индустриальная, торговая, которая убивает, как любая другая, не проливая при этом крови, за исключением случаев, когда побежденные предпочитают суицид медленной смерти из-за нужды, тягот или голода.

Своей агрессивной манерой создавать блоки ариец превосходит другие расы, особенно брахицефала. Ариец любит быть впереди, брахицефалы — оставаться в арьергарде. Солидарность первого — это солидарность своры, охотящейся на вепря, когда каждый теснит соседа, чтобы атаковать первым, но рассчитывает на помощь компаньонов, если вепрь окажет серьезное сопротивление. Солидарность второго — это солидарность стада баранов, когда каждый стремится спрятаться за соседа, чтобы остаться незамеченным в момент опасности. С первым типом солидарности можно далеко пойти, так как павшие не препятствуют другим, а со вторым — сопротивление длится, пока не падут наименее трусливые, осмеливающиеся оставаться в первом ряду. Потом все обращаются в бегство — каждый за себя. Их ждет уничтожение или рабство, которое они примут. Брахицефалическая солидарность, когда ей случается быть агрес-

сивной, — это агрессивность массы, объединившейся против начальства, имбецилов — против умных, трусов — против тех, кто хочет развиваться, это удар, исходящий от толпы, в которой никто не берет на себя ответственность, это травля — лицемерная и разрешенная, против которой не дозволено протестовать. Это солидарность ради безответственности.

Проявляются эти качества арийца благодаря стремительному развитию общественных свобод. В древности свободный человек почти всегда принадлежал расе *H. Europæus*. Сегодня также можно утверждать, что только люди этой расы являются свободными. Закон гарантирует личную свободу, неприкосновенность жилища, свободу слова и прессы, а в политическом аспекте — свободу собраний и союзов. Свобода союзов в политической области — это то, о чем мы во Франции, привыкшие к произволу, даже не можем мечтать. В Англии, Голландии, Норвегии, а особенно в США, граждане объединены в большие партии, действующие на регулярной и постоянной основе. Каждое общественное движение имеет свои месткомы, существование которых официально и не запрещается законом. Союзы, создаваемые в определенных политических целях, бесчисленны. Политические союзы являются свободными, а митинги производят грандиозное впечатление, так как шествия — единственный способ вместить десятки тысяч демонстрантов. У каждого политического общества есть свои знамена, знаки отличия, фанфары, и они шествуют по улицам, когда им захочется, вовлекая сотни тысяч манифестантов, которые своими возгласами и плакатами выражают свою политическую волю. Правительство не запрещает эти шествия и воспринимает, как точные указания и приветствия, и брань, которую выкрикивают митингующие. Представлена ли исполнительная власть президентом, королевой или королем, она обладает тактом понять, что должна править в согласии с настроениями нации и в ее интересах. За ней признаются право контроля и полномочия применять его, когда это необходимо.

Такие отношения гражданина с правительством всегда удивляют француза, когда он оказывается в арийской стране. В сознании французов чего-то не хватает, чтобы это понять. В нашей стране считается, что мы имеем те же права, что подтверж-

дает вековая бумажка под названием «Декларация прав человека и гражданина». Однако отношения народа с исполнительной властью показывают, насколько его суверенитет иллюзорен. Через 100 лет после Французской революции и 30 лет после провозглашения Республики, народ чувствует себя королем в меньшей степени, чем при Общественном договоре, а те, кто правит, всегда обращаются с ним как со строптивым ребенком.

Монарху дозволено выразить то, о чем он думает, лишь посредством бюллетеня для голосования. И если он принимает участие в выборах, то делает это ради всех граждан. Он может сделать тот же выбор, что и остальные люди. Он их представляет, и это нужно принять или отвергнуть. Ведь есть личности без мандата и есть подлинные избиратели. Он должен доверять тому рабочему, чиновнику или служащему, за кого собирается отдать свой голос, в противном случае это может быть неправильно истолковано. Итак, выборы состоялись, бедного монарха больше не принимают в расчет, все избраны, избраны также избранные этих избранных. За монархом не остается никаких контролирующих функций, никакого права выразить, что он думает, если эти избранные изменят ему или лишат собственности.

Я обожаю манифестации. Они — для людей, для которых подлинное наслаждение воочию увидеть, как монарха взгревают те, которым он платит. Полиция при этом ведет себя вполне непредвзято. Она почти не смотрит на лозунги. Если начинают протестовать, то это сигнал к тому, чтобы немедленно прекратить беспорядки. Монархия должна страдать, но не жаловаться. На протяжении своей достаточно долгой жизни я видел поколоченных республиканцев при Империи и бонапартистов при Республике. Я видел, как бьют коммунаров, роялистов, радикалов, вольнодумцев, клерикалов, социалистов, анархистов, патриотов и интернационалистов. Если отобрать, например за 30 лет, досье политических приговоров, вынесенных судебным ведомством, всегда чуткого к указаниям тех, кто в данный момент наверху, то станет очевидным, что баланс решений равный. Это то, что заставляет терпеть современные формы тирании. Каждый знает, что придет его очередь. Побитый сегодня возьмет завтра свою палку, но тот, кто ее держит в данный момент, никогда не согласится сломать ее или выбросить.

Такой режим трудно назвать режимом свободы. Ведь француз так устроен, что своей личной свободе он предпочитает временное угнетение других. Что до угнетаемого, то он остается относительно пассивным в ожидании, пока его враг оступится, ведь правительство или партию не свергнуть иначе, чем собственными усилиями. Вот почему уважение к чужой силе не влечет у нас тех соглашений, которые лежат в основе конституций у свободных народов. Ариец Англии или США готов не подавлять ближнего при условии, что его оставят в покое, но нет других рас, способных на такое самопожертвование.

Сравнивая психологию брахицефала и психологию арийца, человека свободной расы, мы ближе подходим к пониманию проблемы. На практике национальные институты этих этнических групп являют собой полную противоположность. У нас аресты, обыски и конфискации проводятся неукоснительно по закону. О таком строгом исполнении закона политические противники режима могут лишь мечтать. Их удел — аресты без санкции, нерегламентированное обращение при задержании, насильственное помещение в сумасшедшие дома, обыски без понятых и, разумеется, конфискация понравившихся вещей... Всем знакома знаменитая история одного недавно умершего библиофила, коллекционера памфлетов, библиотека которого, конфискованная при Империи под предлогом изъятия запрещенных произведений, перешла в руки одной очень высокопоставленной персоны, передавшей данное собрание, когда пробудились остатки стыда, в Национальную библиотеку. Книги библиофила до сих пор хранятся там, а он напрасно пытался после падения Империи получить через суд компенсацию своих потерь, вызванных этим «правительственным распоряжением».

Дело в том, что на самом деле нет легальных возможностей оспорить распоряжения правительства. Будь гражданин незаконно лишен свободы, ограблен или избит — полицейский по закону не несет за это ответственности¹. Это министр ответ-

---

¹ Суды редко с пониманием относятся к сопротивлению, оказываемому незаконному задержанию. Полиция и жандармерия — это священные коровы, даже когда их деяния квалифицируются как преступление или правонарушение. Должен сказать, что был свидетелем и противоположного случая и спустя 20 лет не устаю ему поражаться. Расследуя в Шамбоне дело

ственен: политически — перед палатой, юридически — перед верхней палатой, но верхняя палата нисколько не утруждает себя рассмотрением частных и еще меньше — делами политических врагов.

Надо все-таки отметить, что по мере того как общественное мнение представляет все большее количество брахицефалических народных масс, мы обнаруживаем все меньше заботы о различных свободах, ради которых люди предыдущих поколений убивали друг друга, как выясняется, совершенно напрасно. Возможно, устранение суда присяжных в категории политических дел, в которой он ныне действует, самой свободы, пусть и относительной, а также свободы прессы через несколько лет станет свершившимся фактом. Утрата этих органов политической свободы не вызовет возмущения, так как, видимо, современных французов это совершенно не заботит. Те, кто дорожил своими свободами, мертвы и не оставили потомства. Вот почему наша Республика является некоей монархией, в которой правительство слабо и меняется по капризу ветра, но остается ореол престижа божественного права. В Англии все в точности наоборот — там монархия с республиканским правлением, как в Голландии и Норвегии¹.

о краже леса, я послал жандарма за подозреваемой — некоей мадам Маршуаз, которая отказалась следовать за ним. Жандарм настаивал, хотел применить силу, но был поколочен, а его форма превратилась в лохмотья. Следуя правилам, я возбудил дело. Суд вынес весьма аргументированный приговор, в котором оправдал подсудимую, заявив, что ее действия были совершенно правомочными, поскольку она предотвратила в отношении себя рукоприкладство, которое как раз и является нарушением. Почтенного человека, вынесшего этот приговор, звали Девернь-Лафон-Фэй, и он не добивался повышения в чине. Однако вскоре он был отправлен на пенсию, когда Мартэн-Фейе, по злопамятству, реформировал судебное ведомство, включив элементы, единственным достоинством которых, увы, была поллиткорректность.

¹ Если не довольствоваться фикциями, придется согласиться, что признание прав человека и у нас, и везде во все времена было обусловлено страхом мятежа. Светила философии не смогли бы в этом убедить государственных мужей. Признание прав народа в глазах власть имущих было мотивировано не столько уверенностью в их существовании, сколько необходимостью компромисса с серьезной и даже непобедимой силой. В политике не больше, чем в других областях, не существует никаких прав самих по себе, но есть силы, с которыми договариваются, а мятеж является силой.

Становится непонятной ситуация с самими избранниками. В период Реставрации монархии исключение Манюэля произвело колоссальный эффект. Сегодня гражданин нашей Республики рассеянно читает отрывок в четыре строчки об исключении одного депутата, задержанного в своем банке республиканской гвардией, подобно воришке в кабаке. Дело в том, что сам парламентский режим нисколько не соответствует нашей политической психологии и не имеет корней в нашем обществе. Это в Англии он является естественным продуктом соглашений, присущих арийским народам. Он вышел из необходимости представлять сложную систему сеньорий, коммун, корпораций — вполне дееспособных органов в государстве, центральная власть в котором была ослаблена. У нас после деятельности абсолютной монархии и Французской революции, которые разрушили любые вторичные политические центры, перед взглядом правительства не предстает ничего, кроме человеческого праха, как в Римской империи. Парламент представляет собой этот прах, и его разный

Сегодня во всех великих государствах ситуация изменилась. Народ почти ничего не может сделать с властью, пулями, прошивающими стены, с сотнями тысяч человек, которые каждое уважаемое правительство может мобилизовать за три дня — мятежникам больше не состязаться с армией. Сегодня баррикады стали бессмысленны. 30 тыс. трупов Коммуны это уже продемонстрировали, что можно ожидать сегодня?

Политические отношения между народом и правительством, таким образом, не долгое время будут оставаться такими, какие они есть. Прогресс в области науки изменит их! Армия сегодня является защитницей, оплотом плутократии. Это почти единственная ее функция, и за 30 лет наша страна выиграла в Европе лишь одну битву — при Фурмье. Впрочем, это скудные лавры по сравнению с теми, которые итальянская армия стяжала при Милане. И понемногу вместо режимов, понимающих народ, появляются правительства, которые в первую очередь делают ставку на черные и желтые подразделения.

Нас ждут тяжелые времена, когда власть будет нелегитимной и непоследовательной, осуществляемой то законодательной, то исполнительной. Впрочем, это никоим образом не подразумевает восстановления монархии в республиканских странах, а особенно во Франции. Если трухлявый дуб с корнем вырван бурей, если он высыхал в течение столетия, то водрузить его на прежнее место и ждать, что этот он зазеленеет, — это чистое безумие. Мы идем к неизвестному, отличному от настоящего, но не к свободе. Венеция и Боливия — очень разные примеры — могут продемонстрировать, что республика не обязательно является синонимом свободы и прогресса. Фактическая безответственность анонимных правительств является предтечей тирании.

характер во Франции и Англии объясняется разным способом формирования.

Парламентский режим, почти точно скопированный с «Хартии вольностей», давал приемлемые результаты, пока не был усложнен введением всеобщего избирательного права. В том виде, в каком он практикуется, а точнее — пародируется сейчас, его результаты нулевые или отрицательные. Парламент и исполнительная власть до предела друг друга парализуют: первый не может создать дееспособного закона и при этом даже не находит времени принять бюджет, а вторая не может ни предпринять никаких реформ, ни следовать какой-либо внятной внешней политике.

У неарийских народов результаты гораздо хуже, но при этом парламент и исполнительная власть должны быть хотя бы немного согласны друг с другом, так как выборы почти везде являются чистой комедией и правительственные кандидаты проходят везде — их имя в бюллетене является единственным. Нужно сделать исключение для Германии, где система работает лучше, чем во Франции, но эта страна, в основном, заселена арийским народом. В Италии, Испании, Южной Америке результаты являются просто катастрофическими, и я думаю, что нет необходимости приводить доводы в пользу этого тезиса.

Сочетание всеобщего избирательного права с парламентским режимом дало, даже в США, посредственные результаты. То, что там происходит, способно лишь заставить пожелать, чтобы исполнительная власть, равно как и у нас, избиралась народом и наделялась существенными полномочиями, как того хочет большинство граждан. В Америке эта система привела к перебоям самых разных функций, непомерному разрастанию класса политиков — продажных так же, как и у нас, к разгулу тамманизма. Мне хорошо известна роль ирландцев и прочих иммигрантов в этом беспорядке, но если вторжение инородных этнических элементов привело к порче механизма, не стоит забывать, что в Англии в последнее столетие, в самый расцвет парламентского режима, парламент открыто торговал законами.

В Америке издержки ослаблены свободой, которой пользуются граждане страны в своих действиях, и малым влиянием правительства в частных делах. У нас почти ничего нельзя сде-

лать без административного дозволения, и опасность только возрастает. Система тамманизма была развита во Франции усилиями небезызвестного Корнелиуса Герца, гражданина Нью-Йорка и давнего члена Таммани-Холла. Организованная им коррупция ничуть не превзошла ту, которая процветала при дворе Людовика XV, но стоило ли совершать Французскую революцию, чтобы вернуться к тому же самому? Возможно, что тамманизм у нас призван принять более грандиозный размах. Он логическим образом связан с плутократическим режимом, чья мощь крепнет буквально на глазах.

Впрочем, от избранников нелогично требовать политической порядочности, примера которой избиратели не демонстрируют. Учитывая, в какие суммы обходятся выборы во Франции, Италии или Америке, странно было бы ожидать, что будут избраны не свои. Не будем же удивляться, что избранник голосует в своих собственных интересах, как поступает и его избиратель.

Религиозная психология. Религиозная психология арийца, как и его политическая психология, отражает врожденные расовые тенденции. Ариец не только свободный человек, но и религиозный. Для нашей французской психологии — эти понятия взаимоисключающие, однако для англичан и американцев такое положение вещей вполне естественно. С нашим привычным безразличием, чуть меньшим у верующих, мы совершенно смущены спектаклем, который завтра предложат нам долихоблондические народы. Нас удивляет, когда все население соблюдает религиозные обряды. Религиозная жизнь интимно соприкасается с жизнью общественной, как у нас во времена Средневековья, когда та же раса была господствующей и у нас. Эти важные, занятые люди, которые создают теологию и спорят о непонятных вопросах, кажутся нам — мечущимся между хлебом насущным и керосином — людьми другого сорта. Но они просто-напросто другой расы. Что касается религиозных произведений, мы, привыкшие ничего не видеть кроме крестов и нелепой безвкусицы поверх миражей Лурда и культа Сакре-Кёра, стоим с раскрытым ртом перед невероятно богатой англосаксонской религиозной литературой и интеллектуальной мощью тех, кто это написал. Книги такого свойства составляют

почти восьмую часть *American Catalogue* и *English Catalogue*; их там выходит столько же, сколько у нас романов, и они продаются так же, как у нас романы. Религиозных ассоциаций неисчислимое множество, а некоторые секты — например, секта шейкеров — доходят до того, что отгораживаются от мира, но не для того, чтобы ничего не делать, как монахи, а в самых настоящих сельскохозяйственных колониях.

Эта повышенная религиозность обнаруживается уже у древних ариев — греков и индийцев, галлов и германцев. Она в значительной степени способствовала сохранению долихоблондических элементов, заброшенных миграциями в области, заселенные чуждыми расами. Потребность в легитимном потомстве, происходящем от женщины своей расы, спасла переселяющиеся племена от смешения. Видимо, культ предков отсутствовал у народов долихоблондической расы, оставшихся в родных краях, но он играл главную роль у индийцев, греков, римлян. Так как никто не может наслаждаться другой жизнью без регулярного выполнения жертвоприношений, выполняемых его потомком, то бессмертие умерших зависело от непрерывности потомства, а потому каждый чувствовал себя обязанным, самому себе и предкам, оставить потомство. Упадок таких представлений привел к римскому декадансу, облегченному топорным и непристойным христианским представлением о браке, допускавшим блуд из страха перед худшим. Эта формула глубокого морального вырождения есть отступление от арийского представления о браке, согласованного с представлением о действительно существующем бессмертии. Для более обширной оценки я отсылаю к пассажи, приведенному мной в «Отборе», с. 305 и следующие. См. также предисловие в заголовке моего перевода «Монизма» Геккеля (Paris, Schleicher, 1897).

Так как северные варвары не жили колониями посреди низших, на их взгляд, рас, то они, видимо, не соприкасались с подобными родовыми традициями, и накал их религиозного чувства проявлялся по-другому. Скифы слыли самыми религиозными людьми, а религия галлов, видимо, была облечена в весьма возвышенные формы. Мы мало знаем о религии германцев, так как документы, которыми располагаем, относятся к христианской эпохе. В то время, когда они выходили из своих

лесов, римский мир совершил колоссальный промах, выбрав в качестве религии иудейскую ересь. Впервые за многие века Марс и Юпитер, столь часто появлявшиеся в героические времена, прекратили посещать поля битв и утешать смертных. Вольнодумцы в связи с этим пришли к выводу, что они никогда не существовали. Христианство обнаружило перед своим взором только официальную религию, защищаемую властью, но в которую верили только *pagani* — те, которых мы называли бы селяне.

Христианство не является чересчур возвышенной религией. Антропоморфизм божества, практики религиозной теофагии, являющиеся отголоском культовой антропофагии, ставят его ниже ислама. Его не вполне чистый монотеизм, троичность Бога, намек на женскую ипостась, делают его чем-то средним между вавилонскими божествами и единым богом мусульман. Классические народы, привыкшие к гораздо большему числу богов и гораздо более гуманные, не уделяли столько внимания таким подробностям. Сведение к единству, пусть и тройственному, принимаемому в качестве причины мира, было прогрессом для философов, которые еще не дозрели до монизма. Страдающие видели в новой религии перспективу возмещения страданий, счастливые могли надеяться на счастье. Бессмертие вновь становилось правдоподобным. Весь римский мир сделался христианским. Из трех борющихся религий — ортодоксального иудаизма, христианства и митраизма — первая осталась на прежних позициях, третья исчезла.

У варваров не было шансов на такой поворот в своей религиозной эволюции. Они впали в период пассионарности. Христианство не было религией народа, обращенного к будущему. Его приверженцы не верили, что возвращение Христа должно запоздать, они жили в ожидании близкого конца света и Судного дня. Жизнь была лишь постоянным отступлением, подготовкой к близкому концу. Римская империя погибла из-за этой беспечности относительно мирского будущего, которую исповедовали христиане и из-за действенного религиозного отбора, поглощавшего в аскетизме возвышенные и добродетельные души. Воцарившиеся в Римской империи варвары, до и после падения римской державы, были из-за своего религиозного пыла увлече-

ны этим течением. Первые века Средневековья отмечены основанием огромного количества монастырей, христианство вскоре распространилось в Ирландии, части Англии и на юге Германии. В Ирландии результат такой святости оказался плачевным. Так как все благородные уходили в монахи, то потомки остальных не представляли ценности. Описания жизни святых ирландцев объясняют нам происхождение ирландцев исторических. Религиозный отбор в других арийских областях, где христианство весьма тяжело прокладывало свой путь, был менее интенсивным. Чтобы утвердиться вокруг Балтики, ему понадобилось несколько веков. Оно больше не было религией Бога, который собирался вернуться завтра, оно превратилось в религию земного будущего, которое могло длиться неопределенное время. Люди больше не стремились заточить себя в монастырях. Таким образом, самые арийские области избежали первых опустошений религиозного отбора.

Когда грянула Реформация, долихоблондические народы немедленно восприняли ее. Между совершенно авторитарным духом Церкви и совершенно независимым духом арийца существует совершенно непримиримая антиномия. С Реформацией каждый преданный становился сам себе епископом и сам себе Папой. Это больше подходило расовым инстинктам. Властолюбие кардиналов, гонения Церкви содействовали изменению результатов естественных запросов, но, при этом, территория распространения протестантизма почти точно совпадает с территорией, на которой обитали долихоцефалы. Весь северо-запад Европы — протестантский, все, что входило в Римскую империю, — католическое. Влияние расы и длительности религиозного отбора проявилось одновременно. Из долихоблондических областей только Ирландия, Артуа и Фландрия остались католическими. В Германии протестантизм немного заступил на брахицефалическую Саксонию, и у него есть анклав вокруг Женевы, но в двух этих областях высший класс был более явно долихоблондическим во времена Реформации, чем сейчас. Замечательная вещь — в Германии, в смешанных областях, связь между религией и расой прослеживается до уровня отдельных индивидов. Протестантские группы обладают индексами на две-три единицы ниже, чем группы католические.

Таким образом, Реформация должна рассматриваться как попытка приспособления христианства к наследственным тенденциям арийской расы. Как и свобода, она никогда не могла крепко укорениться у других рас.

Интенсивное развитие религиозности у протестантских народов обязано трем причинам: наклонности расы, высокая религиозная культура, развитая благодаря дискуссиям, в которых эта раса находит удовольствие, и отсутствие церковного отбора. Религиозный celibat, который за 15 веков устранил из мира самых совестливых и ревностных, оставил заботу о воспроизводстве тем, у кого был минимум добродетели, минимум религиозности, минимум самообладания. Произошло то, что должно было произойти. Католический мир населен равнодушными людьми, их моральный уровень и любовь к ближнему намного ниже, чем в арийских странах. За три века, в течение которых долихоблондические народы освобождены от церковного отбора, они возместили свой ущерб, который был меньшим в период Реформации, чем у народов, ранее обращенных. Разрыв возрастает в геометрической прогрессии, и он будет возрастать до исчезновения католических народов.

Накал религиозной веры у долихоблондических народов не исключает терпимости. Не стоит превышать ее распространение в некоторых протестантских кругах, но в то же время нет ничего сравнимого с фанатизмом испанцев или арабов. Религиозная свобода в своем абсолютном виде существует в США, где только мормоны могут сетовать на гонения. Я не стану защищать причудливые догмы мормонизма и его апокрифические Священные писания. Впрочем, мормонизм был отвергнут отнюдь не из-за своих догм, а из-за морали. Отправной точкой христиан было то, что их мораль была правильной, значит, мораль мормонов была признана плохой. Данная точка зрения является совершенно ложной.

Для каждого добрые нравы — это только те, которые предписывает его религия. И можно сказать, что нет никакой независимой морали — даже у монизма, так как он тоже является религией. Полная религиозная свобода настанет тогда, когда государство перестанет поддерживать какую-то одну мораль. Моральная свобода является самой драгоценной частью свободы

совести. Государство может вмешиваться только в случае, если какая-то религия какая-то мораль посягали бы на свободу другой или на бытие народа, и его вмешательство должно быть строго ограничено. Никогда не следует предписывать мораль какой-то одной религии под предлогом, что она подходит под определение добрых нравов, и само слово «мораль» должно исчезнуть из законов. Пусть католики совершают паломничество в Лурд, но не мешайте именем христианской морали, которой они, кстати, пренебрегают, буддистам, брахманистам, иудеям, мусульманам и мормонам практиковать полигамию, а селекционистам — по своему переделывать будущее человечество.

Деловые качества арийца. Первенство в мире по деловым качествам принадлежит, безусловно, англичанам и американцам. Пока французы, итальянцы, испанцы добиваются должностей или занимаются мелкими сделками, позволяющими им существовать за счет производителей, долихоблонды создают культурные ценности, развивают производство и совершают крупные торговые сделки. Словно миллиарды бьют фонтанами из почвы у них под ногами, но эти миллиарды на самом деле создаются их руками и мозгом. Конечно, богатство ничейных земель во многом способствовало развитию культуры Соединенных Штатов, но Бразилия и Россия тоже располагают огромными невозделанными территориями, но это не способствовало подобному взлету их культуры. Конечно, уголь является фактором английского богатства, но и Китай тоже являет собой угленосный пласт, и он при этом никогда не задумывался над тем, как его использовать. Природные богатства нужно разрабатывать, и долихоблондические народы делают это быстро, демонстрируя бесподобную деловую активность.

Земледелец по природе, арий легко становится рабочим. Это прирожденный производитель. В этом он радикально отличается от еврея, который также прекрасно умеет зарабатывать капиталы, но избегает и земли, и станка. Местечковые евреи России столь плохие земледельцы, что большая часть колоний, основанных бароном Гиршем, мгновенно пришла в упадок. Российские евреи, прибывшие в Аргентину, быстро рассеялись, сделались кабатчиками, разносчиками, ростовщиками, эти занятия им

куда лучше подходят. Ариец, таким образом, не является чистым буржуа, его таланты служат ему в поле, на заводе, в море, торговле, разных профессиях, которые он часто осваивает по очереди, и все они ему даются. В этом он имеет подавляющее преимущество над своим конкурентом.

Долихоблонд всегда был спекулянтом. Спекуляциями галлов и германцев были завоевательные походы — либо богатство, либо смерть. Сегодня англичанин и американец спекулируют на хлопке, меди и зерне. Евреи тоже этим занимаются, но если первые торгуют, в основном, реальными вещами, то вторым безразлично, чем спекулировать — французской рентой или шахтами на севере Ирландии. Еврейская спекуляция редко бывает полезной для торговли и почти всегда наносит урон частным лицам.

Богатства почти никогда не добываются иначе, чем спекуляцией. Американцы часто сколачивают огромные состояния. Карнеги, Блэры, Рокфеллеры, Арморы так же богаты, как Ротшильды, но в американском миллионере чувствуется некое величие, которого нет у миллионера еврейского. В то время, как второй копит миллионы благодаря атавистическому инстинкту, подобно своему предку, слюнявшему червонцы, первый действует, как джентльмен, жонглирующий фортуной на игровом столе. Довольно часто можно наблюдать, как американец философски проигрывает десятки миллионов, а затем безмятежно восстанавливает свое благосостояние. И нередко приходится наблюдать, как колоссальные суммы, заработанные благодаря удаче или деловому гению, из рук американца полностью или отчасти идут на масштабные общественно-полезные проекты. Удача, пришедшая из сферы железных дорог к калифорнийцу Стэнфорду, послужила основанием Стэнфордского университета. Более 100 млн долларов были инвестированы в создание этого заведения, которое должно выпускать... нет, не бездельников с ученой степенью, а — удивляйтесь, французы — компетентных людей, способных заработать себе на жизнь. Я не знаю, как обстоят дела у Рокфеллера с его Чикагским университетом, но я думаю, что он уже перешел планку в 30 млн долларов. Рабочие места, которые создают американские спекулянты благодаря своей фортуне, часто служат им оправданием. То, что было взято у ближнего, возвращается к нему же сторицей.

Англосаксонское образование. Естественные наклонности расы подчеркиваются образованием, направленным на то, чтобы подготовить людей действия. Дело вовсе не в том, что в Англии и Америке образованием, даже классическим, пренебрегают. Если они меньше знакомы с греческим и латынью, то они больше авторов прочли в переводе и лучше знают современные языки. Больше развито научное образование. Молодого человека подводят к тому, чтобы разбираться в мире машин, в котором он призван существовать, а также в физике и биологии. Образование в области морали различается больше всего. Оно полностью обращено на развитие способности действовать и ответственности. В семье и школе ребенок, вместо того чтобы быть подавляемым, предоставлен сам себе, чтобы разобраться в том, что ему нравится, — на свой риск. Он знает, что с ранних лет ему придется рассчитывать только на себя, и в этом упражняется.

Этот способ обучения, соответствующий потребности расы вне зависимости и ее привычки к свободе, — это еще не предел удивления для французов. Дело в том, что у нас образование строилось по другим законам. Культура классического образования имела целью смягчить, приобщить к культуре сильную и жестокую аристократию, извлечь мягкость из избытка ее мужественности, которой трудно было найти себя в централизованном католическом государстве. Эта цель была достигнута, даже превышена. Мощная раса с сильным характером угасла. Брахицефал наших дней не имеет ничего общего с арийцем Средневековья и Ренессанса, он, скорее, грешит раболепством, отсутствием характера и мужественности. И та же культура, опрометчиво продолженная, поставляет сегодня интеллектуальные отбросы, критиков, декадентов, символистов, трусов, выхолощенных особей, неврастеников, анархистов, но не представителей расы, которыми можно гордиться.

Господин Демолен предложил¹ наделить французов англосаксонской душой, давая им образование, как у англосаксов. Я боюсь, что эта система у нас не дала бы ничего лучшего, чем парламентский режим. Конечно, путем соответствующего образования, то есть муштрой, можно заставить человека совершать действия, которые ему не свойственны, но такая индивидуальная

---

¹ На чем держится превосходство англосаксов. Paris, Didot. 1897.

и неестественная адаптация имеет свои пределы. Она развивает способности, но не создает их, она не меняет основу человека, и рано или поздно наступают обстоятельства, при которых вымуштрованность испаряется и проявляется подлинная натура. Вы можете воспитать способность работать, хорошие манеры, любовь к ближнему, если ваш подопечный не бездельник, не грубиян, не законченный эгоист, но вы никогда не сделаете из нерешительного человека — человека, способного принимать быстрые и твердые решения, из человека со стадным инстинктом — смелого мыслителя. Непрерывной работой, воспроизводимой в каждом поколении, поскольку привнесенные способности не наследуются, вы можете прийти к тому, чтобы сымитировать у одного народа качества другого, но этот второй будет всегда иметь подавляющее преимущество, потому что ему не надо этим качествам учиться, он наделен ими от рождения.

Таким образом, мы не пришли бы к уравниванию шансов, даже если бы добились полного успеха, который представляется мне крайне сомнительным. Воспитывать испанцев и французов на американский манер, надеясь, что такое образование сделает их похожими на американцев, бессмысленно. Возможно даже, что разница в инстинктах подтолкнула бы молодых людей найти не лучшее применение способностям, которые предназначены приучить их жить, как люди. Та же причина заставляет сомневаться, что у нас можно ввести систему совместного обучения полов, спокойно прижившуюся в арийских странах. Эксперимент Сампони не дал результатов. Вину свалили на Робена, но напрасно — педагог виноват лишь в том, что не подозревал о силе расовых инстинктов. Последователь Руссо, он не предвидел того, что сумел бы предвидеть дарвинист. Любопытный факт — самые едкие критики относительной неудачи эксперимента принадлежат католическому лагерю. Но главной виновницей является Церковь. Это религиозный отбор способствовал формированию из женщины куклы — французскую, испанскую или итальянскую, — которая не способна думать ни о чем, кроме своих туалетов и может остаться наедине с мужчиной без риска для обоих. После того как в течение 40 поколений самых одаренных женщин отдавали в монастырь, а заботу о воспроизводстве оставляли остальным, не нужно удивляться, что пришли к существу, столь непохожему на арийскую женщину.

И к чему было бы наделять англосаксонской душой небольшое число людей, непременно солидарных с инертной 40-миллионной массой, требующей лишь покоя? Однако до сих пор рождаются деловые представители расы, как хотел того господин Демолен. Но за ними — пустота! Это люди, у которых нулевая активность, на них смотрят, как на идиотов, представляющих опасность для общества. Насколько неправы французы, что так с ними обходятся? Присутствие сильных, активных и шумных — уместно ли в спальне 80-летних?

Долихоцефалия и арийская психология. Смелость, выдержка, долихоцефалия, депигментация, высокий рост являются характерными чертами *H. Europæus*. Из этого не стоит делать вывод, что у *H. Europæus* повышенные умственные способности из-за его долихоцефалии. Такое умозаключение часто делали противники селекционизма, и многие одалживали мне его, чтобы потом спросить, почему негры тоже не являются высшими людьми. Ничего подобного я никогда не измышлял, не писал. Но вероятно, что будущее действительно покажет общую корреляцию между высокоголовостью и повышенной импульсивной активностью. В разных странах недавно выяснили, что долихоцефалические расы стремятся доминировать в обществе. Так, в Мексике брахицефал-туземец не стремится к возвышению, а высший класс, впрочем, являющийся *H. Europæus* лишь на малую часть, обладает более низкими индексами. Точно так же на Яве китаец доминирует над малайцем. Кажется, что дело так обстоит вплоть до негритянских племен, где долихоцефалы, такие как дагомейцы, занимают более высокое общественное положение. Все расы-завоеватели являются долихоцефалами. Следовательно, возможно, что расположение и относительная величина различных частей мозга у рас с длинным черепом таковы, что у них более развиты определенные способности. Превосходство арийца над другими длинночерепными расами должно было бы стать следствием того, что он наделен какими-то другими способностями, которые объединяются с первыми и не зависят от долихоцефалии. Другими словами, он соединял бы способности, присущие долихоцефалии, с рядом других, которые осуществляли бы отбор исключительно из высших способностей.

ГЛАВА 7

Социальная роль арийца

Превосходство арийца. Прямым следствием психической организации *H. Europæus* являются его достоинства. Однако надо четко определить, что подразумевать под этим понятием. Некоторые люди, исходя из мистического принципа фундаментального равенства, не в силах перенести, когда им начинают говорить о высших расах. Я даже не стану себя утомлять спором с ними. Бесполезно что-то обсуждать с такими умами, обращенными к сверхъестественному; в их глазах ценность имеют лишь фикции. Я обращаюсь лишь к тем, для кого имеют смысл факты и данные, тоже являющиеся фактами — сгруппированными и обобщенными.

Одни спрашивают: почему вы признаете превосходство? Я отвечаю: больше нет превосходства самого по себе — такого, как между верхними и нижними уровнями Вселенной, как между добром и злом, но мы условились ориентироваться в пространстве по неким точкам, а в морали — по неким условностям. Таким же образом мы считаем смелого высшим по отношению к трусу, активного — высшим относительно вялого, умного — относительно недалекого, решительного — относительно нерешительного, дальновидного — относительно того, кто не видит дальше своего носа. Таким образом, превосходство является условностью, и именно так мы его принимаем.

Другие говорят: «Не является ли высшим умный мирный трудолюбивый экономный брахицефал по отношению к долихоблону — блистательному рубаке и угнетателю слабых?». Я отвечаю: если брахицефал и умен, то он, скорее, аккумулирует идеи, а не вырабатывает их, это своего рода регистрирующий прибор. Если он миролюбив, то это потому, что ему не хватает смелости, а не потому, что он не хочет завладеть чужим добром.

Нажива его манит, но опасность заставляет сто раз подумать, что, впрочем, не мешает убийцам везде быть более брахицефалическими, чем население в среднем. Если он трудолюбив, то отдача от него все равно меньше, чем от долихоблонда, а совершаемая им работа — более низкого качества. Если он экономен, то это потому, что он не умеет отыгрывать потерянные деньги; его экономность доказывает лишь его относительную неспособность зарабатывать.

Не надо формировать мнение, глядя только на галла в Дельфах или на киммерийца в Ниневии. Нужно вспомнить и про огромные заводы Англии и Америки, про немецкие лаборатории, нужно пробежать взглядом торговую и промышленную статистику, нужно сравнить *Hinrichs*, *American Catalogue*, *English Catalogue* с *Lorenz* и увидеть, кто производит интеллектуальной продукции больше. Если долихоблонд, когда проживает в странах со смешанным населением, держит первенство и организует производственный процесс, а не выполняет работу сам, то это по причине более высокого интеллектуального уровня, что делает его более способным к руководству. Глядя на него, кажется, что он способен на все, он — рабочий с высокой производительностью и образцовый агроном.

Значит, он не только угнетатель, тиран, захватчик. Он обладает умственным превосходством. Демократы забывают это. Определенно, англичане и американцы являются *raptores orbis* («грабителями мира»), одни — в деяниях, другие — в могуществе, но у себя и между собой они свободные. И это именно потому, что ариец рождается с душой свободного человека и возвышается над теми, кто обладает душами рабов.

Социальное превосходство арийца выражается во всем. В Европе он проживает на равнинах, оставляя возвышенности Альп. Он стекается в города, в центры активности — туда, где требуется больше энергии, решительности. Чем выше социальный пласт, тем больше в нем арийцев. Он господствует в искусствах, промышленности, торговле, науках и литературе. Он является великим двигателем прогресса.

В своих лекциях в феврале 1887 г. я выделил четыре большие интеллектуальные группы, на которые можно поделить всех людей, и показал, что из всех рас людьми первого типа — ини-

циаторами и первопроходцами — является долихоцефальная белокурая раса. Эти лекции были опубликованы в R. d'Anthr («Ревю д'Антроположи») — «О неравенстве среди людей» (R. d'Anthr, S. 3, III, 1888, 1–38). Эта работа по-прежнему является актуальной, и я отсылаю к ней, здесь ограничиваясь общим изложением основных идей.

К первому типу принадлежат инициаторы, первопроходцы, которые через мрак неизвестности прокладывают человечеству новые пути, по которым человечество затем шагает. Смелый и беспокойный, пусть и со средним уровнем интеллекта, человек такого рода неловок на проторенных тропях, которыми довольствуется обыватель, и на них он остается лишь в силу необходимости. Он любит новые идеи и изобретения, пылким и непосредственным приверженцем которых является. Интуитивно он выуживает из них практическую сторону, старается ее реализовать и, если это получается, проводит свою жизнь в непрерывном созидании. Все, что ново — не только по форме, но и по содержанию, все, что меняет лик цивилизации и предопределяет резкий скачок вперед, — всем этим мы обязаны таким пытливым умам. И эволюция общества — это целиком их заслуга. Такие люди редки, обстоятельства чаще всего заставляют их заниматься вещами, недостойными их уровня, и небольшое число преуспевающих далеко от того, чтобы произвести ту сумму услуг, которую они могли бы сделать в лучших условиях. Впрочем, не все эти смельчаки являются гениями, но все гении принадлежат к данной категории.

Второй тип являет собой тип людей умных и изобретательных, но лишенных творческого начала. Они усваивают, обтесывают, обрабатывают и совершенствуют идеи и изобретения первых. Придавая вещам форму и составляя из них новые сочетания, люди такого сорта приходят к результатам, которые иногда заставляют усомниться в их ценности. И необходимо рассмотреть их вблизи, чтобы убедиться, что они являются не новинками, а просто переработками. Первый и второй умственные типы дополняют друг друга. Первые выдают открытия в очень грубой, неотесанной форме, вторые — могут работать лишь с чужими открытиями.

Третий тип объединяет людей со средними умственными способностями или умных, которых объединяет общая черта,

названная Галтоном стадным чувством. Для них всякая идея, которая не приживается сразу же, любое новое изобретение является объектом недоверия или насмешек. Когда идея или изобретение пробили себе дорогу, они с упорством используют их как защиту против изобретателей более совершенных идей и вещей. Люди такого рода, если они умные, открыты для обучения более, чем какая-либо другая категория. Лишенные собственных идей, не способные из-за этого быть творцами, они с тем большей легкостью усваивают идеи других. Все, что им преподают, запечатлевается в их мозгу легко и настолько крепко, что становится невозможно привнести туда хотя бы какие-то изменения. Они не только не способны работать с усвоенными идеями и извлекать из них что-то кажущееся новым, но любое новое дуновение вызывает у них смятение. Со всей убежденностью, что они обладают истиной в последней инстанции, что они постигли последнюю ступень совершенства, они противопоставляют всему прогрессу самое страшное из противодействий — инерцию масс. У умов такого типа инерции тем больше, чем меньше самого ума. У низших, самых многочисленных субъектов на место упорного, но обдуманного сопротивления встает полное безразличие.

Четвертый тип умов — самый низший — не способен не только группировать и производить, открывать и комбинировать, но даже через образование усвоить минимальный культурный багаж.

Очевидно, что в жизни люди не могут быть четко сгруппированы и как бы расставлены в эти четыре категории. Указанные типы являются в некотором роде центрами кристаллизации, от каждого из которых каждый человек отстоит в большей или меньшей степени. В человеческой выборке мы не найдем резко обозначенных групп, с реально существующими границами. (Графическое представление этой выборки см.: Ammon, *Gesellschaftsordnung*, 2 Aufl., 56.)

Чтобы лучше себе это представить, обратимся к статистике хорошо известных народов. Сначала возьмем население Англии. Первая категория окажется представленной несколькими сотнями индивидов, некоторые из которых бесспорно гениальны, многие, несомненно, обладают талантом и многие тоже талант-

ливы, но у таланта не было подходящего случая проявиться. Вторая категория, несомненно, будет состоять из сотен тысяч индивидов, миллионные массы будут принадлежать к третьей категории, а четвертая — наберет один или, может быть, несколько миллионов. Мы скажем, что английское население — очень высокого качества. Разумеется, это не означает, что каждый англичанин является человеком высшего сорта. На самом деле ценные люди составляют ничтожное меньшинство, совсем маленькую группу, утопающую в народных массах, но все же эти люди относительно более многочисленны, чем в среднем у других народов, но они связаны с широкими массами уже внушительной и компактной группой других людей, которые их понимают и им подражают, но сами массы, увлеченные примером, брошены в свободное плавание. В железнодорожном составе только локомотив движется сам. За ним — длинный ряд вагонов, совершенно инертных, которые из-за своего веса и трения лишь частично используют силу локомотива и замедляют его ход. При этом инертные вагоны движутся также быстро, как локомотив.

Если теперь мы возьмем Мексику, то первой категории людей там не будет вообще, численность второй гораздо меньше, чем в Англии, а четвертая будет равняться 25–30% от всего населения. Импульс, приходящий только извне, будет очень слабым. У негритянского народа с зачатками культуры, например у жителей Гаити, вторая категория почти не представлена, а четвертая, возможно, превосходит третью. Наконец, если мы обратимся к фуэгинам или австралийцам, то почти все население будет принадлежать к четвертой категории, а выдающиеся люди расы смогут претендовать всего-навсего на скромное место в третьей категории.

Если графически представить карты распределения талантливых людей в Европе за несколько веков, то карта проживания гениев или талантов, близких к гениальности, окажется разреженно-пятнистой, но ее прослеживающая ось будет представлять идеальную линию, открытую господином Кандолем, исходящую из Эдинбурга и заканчивающуюся в Швейцарии. Смутно различима и другая ось распределения, начинающаяся ниже устья Сены и направленная наискосок к Балтике. Вне этого громадного,

смутно различного, ромбовидного пятна отдельные точки — все более и более удаленные друг от друга — разбросаны по всей Европе, кроме совершенно обездоленной Российской империи и совершенно девственного Балканского полуострова. Верхняя и Средняя Италия, долина Роны, Южная Германия, Австрия дают следы вторичных центров, но четыре пятых от 500–600 точек содержатся в основном пятне. Улавливается корреляция между плотностью арийского населения в последние два века и местом проживания гениев.

Возможность арийской евгеники. Высокая евгеника *H. Europæus* сама по себе еще не является превосходством. Это превосходство наблюдается не у всех, оно было не всегда, возможно, когда-то его опять не станет. Я настаиваю на первом пункте — ради умов философского склада, для которых дверь должна быть либо открыта, либо закрыта. В реальном мире дверь никогда не бывает полностью открыта или закрыта. Бывают сыновья долихоцефалов — очень высокие и очень белокурые, которые ни в чем не выше среднестатистического негра. Мало того, среди них встречаются либо полные идиоты, либо индивиды, страдающие параличом воли. Английские, голландские, американские психиатрические лечебницы не испытывают недостатка в пациентах, находящихся на совершенно животном уровне. Следовательно, не надо делать вывод, который я слышал от ученых людей, даже профессоров: раз долихоблонд является высшим — значит, всякий долихоблонд высший, тот кретин — долихоблонд, значит, долихоблонд не является высшим.

Я уже отмечал, что основная масса населения расы *H. Europæus* в начальные времена своей истории не отличалась умственной зрелостью, которая достигнута в эти последние столетия народами области Северного моря и Балтики. Если великая неолитическая цивилизация Европы, видимо, была произведением творчества долихоблонда, то цивилизации Египта и Халдеи, которые из нее выходят или являются ее побочными ветвями, по-видимому, своим происхождением не обязаны *H. Europæus*. В любом случае не стоит торопиться с выводами, так как впечатляющее развитие цивилизации в двух этих областях могло произойти под влиянием долихоблондических элементов,

перемешанных с населением другой расы, которые продолжили развитие после вымирания первых основателей. Я показывал, что белокурый элемент существовал в Египте в самые отдаленные времена. Так же и в Азии великие цивилизации Митанни, Ассирии, видимо, обязаны некому ядру арийской расы. Только по Халдее данные до настоящего времени отсутствуют.

Впрочем, если в благословенных долинах Нила и Евфрата развитие было более ранним, то причина этого во влиянии среды. Эти области были пригодны для бурного роста населения, следовательно, для легкого возникновения культуры, а также для минимальных жизненных потребностей. Прогресс возможен только при наличии населения определенной плотности, которое противопоставляет разрушительным силам сопротивление, возникающее уже благодаря своей собственной массе. Учитывая культурные типы начальных времен и климат, низкие температуры которого требуют повышенного потребления, легко понять, что такое развитие было почти невозможно в нижнем течении Рейна и Эльбы. Эти страны благоприятны для развития, но не для зарождения цивилизации.

Способность к прогрессу, к непрерывному воспроизводству евгеников, видимо, свойственна расе долихоблондов. Различные расы, которые находились в близком контакте с египетско-халдейским миром, не участвовали в этой эволюции. Если арийские элементы Персии, Индии, Греции быстро эволюционировали, вплоть до полного исчерпания, то черное население Индии и Африки оставалось в застывшем состоянии. Египет вошел в контакт с неграми 6–7 тыс. лет назад, они преобладали во всем регионе египетского Судана, но туземная цивилизация во все не развивалась, даже посредством подражания.

Впрочем, сегодня то же самое. Различные расы, которые получили нашу современную цивилизацию, как представляется, не слишком от этого выиграли. Мексика, Перу, Индия, не говоря уже о неразвитом неарийском населении, видимо, далеки от того, чтобы идти по пути прогресса. Надо тщательно различать ценность людей и ценность тех социальных достижений, в которых они участвуют. Человек нашего времени накладывает на свою личную ценность все достижения, которые усвоило его поколение посредством накопления богатств, научных от-

крытий, прорывных идей. Социальные достижения, в отличие от умственного превосходства, могут перейти к низшим расам мгновенно. Население стран, о которых я говорю, ничего не добавило к тому, что получило от нас, значит, можно говорить, что они не испытывают подлинного прогресса.

Из негров, китайцев, мексиканских индейцев можно сделать солдат, моряков, искусных рабочих, прилежных земледельцев и даже нотариусов, врачей, коммерсантов, но ни в коем случае не руководителей — тех людей, которые привносят в эволюцию что-то новое. Именно благодаря способности производить большое количество людей высшего типа *H. Europæus* стоит во главе всего человечества.

Это превосходство совсем необязательно будет сохраняться и впредь. Я не хочу сказать, что оно прекратится, но это может произойти. Общественный отбор в достаточно короткое время может привести к вытеснению наиболее евгенических элементов. Именно так пришли в упадок все великие народы древности. Военные катастрофы отправляли в небытие лишь государства ветхие, в которых малочисленное население было разбросано по городам и весям и не восполняло отсутствие людей в полном смысле этого слова. Такое развитие событий будет означать уход цивилизации. Действительно, чего можно ждать от рас, которые за многие века не извлекли из своих отношений с цивилизацией средств для саморазвития? Например, негритянское население представляется мне безнадежным и варварским. Систематической селекцией можно было бы вывести из них население, высшее даже по сравнению с самыми евгеническими арийцами, но эту гипотезу нужно отвергнуть, так как если бы мы занимались с ними систематической селекцией, это никоим образом не пошло бы им на пользу. Общественный отбор, конечно, поднимет негров. Отдельные индивиды, которые не смогут приспособиться к более интенсивной работе, накладываемой на африканские народы цивилизацией, погибнут от нищеты... Но это будет лишь самое необходимое, что требуется для создания добротных экономических производителей.

Антропосоциология как средство исследования. Ветвь антропологии — антропосоциология — изучает человека как

члена общества. Я не слишком люблю данный термин, но он настолько распространен, что я вынужден иногда им пользоваться, чтобы меня понимали. Исследования подобного рода, когда они проводятся в областях, где есть *H. Europæus* — или в чистом виде, или в сочетании, — дают в качестве непосредственного результата демонстрацию пропорции данной расы в различных социальных категориях. Исследование превосходства *H. Europæus* можно доказать посредством этнического анализа различных социальных категорий в Европе и некоторых областях за ее пределами.

Я не хочу вновь приниматься за эти исследования, которые составляли предмет курса предыдущего года. Общественный отбор является совершенно естественным развитием настоящей главы, которая должна была бы принять размеры, большие, чем весь остальной объем данного произведения. Итак, я ограничусь тем, что дополню по некоторым пунктам материал «*Общественного отбора*». Однако прежде я заострю ваше внимание на двух идеях, которые, как мне кажется, должны быть представлены очень четко, так как они были предметом неверных рассуждений некоторой части многих хороших авторов.

Гобино считал, что социальная стратификация происходит из-за войн, вторжений, завоеваний, покорения побежденных. Данное представление встречается в текстах Брока и, как только что мы видели, в частном случае германцев, обосновавшихся в Галлии, от него не отказался Ливи, и мне известно, что много здравых умов все еще не отказывают ему в некотором доверии. На самом деле современная стратификация не имеет никакого отношения к вторжению варваров. Явления распада, капиллярности вполне достаточно объясняют нам современное состояние вещей. Мы видим, как на наших глазах происходят приток долихондов в некоторые пункты, их продвижение по социальной лестнице. Все исследования этнического анализа обладают в данном отношении совершенной ясностью. Состояние, созданное вторжениями, уже давно исчезло, а современное состояние создается и разрушается непрерывным образом. Для большей информации следует отослать к работам Кюссона: *Dissociation by displacement*, *Диссоциация, происходящая из-за сдвига*, *Ethnic stratification* и т. д.

Впрочем, нужно заметить, что завоевание может принимать две формы — военную и промежуточную. Промежуточное вторжение происходит, когда в страну мирно и постепенно инфильтруются чужеродные элементы, которые со временем захватывают власть при всяком отсутствии сбоев в работе политических учреждений. Инфильтрация несметных полчищ варваров в Римской империи является примером промежуточного вторжения, предшествующего вторжению военному. Нужно ли говорить, что часть вновь прибывших дорвалась до власти, так как многие из них нашли способ получить доступ к самым высоким должностям. Сейчас мы присутствуем при разыгрывании аналогичного спектакля во Франции, где олигархия бросила зов инородцам, огромное число которых занимают самые выгодные места. Промежуточное вторжение, совершаемое без шума, может оказаться не менее полным, не менее бесповоротным, чем вторжение вооруженное.

Другое ошибочное представление, наверно, распространено еще больше. Его разделяют очень видные антропологи, и оно состоит в том, что антропосоциология — наука предвзятая, с политическими предубеждениями. Ливи, Мануврие, ряд других ученых заявляют, что результаты антропосоциологии неверно интерпретируются, что факты верны, но ни в коей мере не предполагают никакого расового неравенства, с необходимостью влекущего наложение, как в тюбике, содержащем одновременно ртуть, воду и масло. Речь шла просто-напросто о явлении выравнивания индекса. Так как расовое смешение более интенсивно проявляется в городах, в высших классах, в подвижных элементах, то было бы совершенно естественно, если бы во Франции индекс был ниже во всех соответствующих категориях. Ливи считает, что доказательством данной идеи является тот факт, что в Южной Италии подверженные отбору элементы являются менее долихоцефальными, чем ожидали ученые.

Аммон и Клоссон справедливо возразили Ливи, что его аргумент доказывает только большую ущербность долихобрюнетического типа (*H. Meridionalis*) относительно итальянского брахицефала (чаще всего *H. Dinaricus*), но все это не имеет никакого отношения к сравнению *H. Europæus* и *H. Alpinus*. Психология англичанина отличается от психологии сицилийца, а психология

янки ничего общего не имеет с психологией неаполитанца. Причина превосходства не в индексе, далеко не в индексе, так как в Америке африканец является большим долихоцефалом, чем галлосакс, но он при этом стоит ниже в общественной иерархии. Долихоцефальный *H. Meridionalis* ниже брахицефала — *H. Alpinus* или *H. Dinaricus*, а тот, в свою очередь, ниже *H. Europæus*, если это касается долихоцефала.

Что касается Франции, то выравниванием индекса невозможно было бы объяснить результаты этнического анализа. Очевидно, что когда все оказались перед фактом меньшей брахицефалии категорий, подверженных отбору, то первым делом им пришлось в голову выравнивание индекса, но тогда все были вынуждены признать, что выравнивание — вовсе не единственный фактор, вступающий в игру. Это то, что Аммон и я утверждали с давних пор и к чему придут все честные антропологи, когда изучат данные.

Коллиньон определил среднее значение по департаментам Франции, которое оказалось равным 83,57. Это значение, вероятно, не является показательным. Действительно, самые брахицефалические департаменты являются малонаселенными по сравнению с менее брахицефалическими. Тогда я повторил расчет, умножая индекс каждого департамента на 1000 жителей этого департамента. Сумму произведений я поделил на 1000 и получил значение 83,01, которое можно рассматривать как индекс взрослых мужчин-французов. То есть его должны были бы получить при измерении всего мужского населения от 21 года.

Если бы выравнивание было единственной причиной, то мы должны были бы прийти к следующему: 1) во всех областях, в которых индекс выше среднего, должна была бы наблюдаться меньшая брахицефалия категорий, подверженных отбору, 2) наоборот, в областях, где индекс ниже среднего, наблюдалась бы большая брахицефалия категорий, подверженных отбору. Но это не так. В наименее брахицефалических областях индекс продолжает понижаться тем больше, чем более подвержены отбору выбранные элементы. Он стремится к среднему значению 77–78, что характерно для *H. Europæus*, а не к 83,01, характерному для французского населения.

В Париже индекс равен 80,7, в департаменте Сена — 80,9. То есть индекс более, чем на две единицы ниже среднефранцуз-

ского и даже индекса департаментов, прилегающих к Парижу, в которых он колеблется между 81,4 и 83,1. Индекс Бордо (79,6) ниже, чем в департаменте Жиронда (80,8) и чем во всех соседних департаментах, где он колеблется от 80,4 (Шарант) до 83,6 (Ланд), что на 3,5 ниже французского. Нет ни одного департамента, кроме Восточных Пиренеев, где индекс такой же низкий, как в Бордо. Единственными департаментами, где индекс ниже, чем в области русла реки Сены, являются остров Корсика, Восточные Пиренеи, Крёз, Дордонь, Жиронда, Северная Франция, Па-де-Кале, Верхняя Вьенна. В двух первых он ниже на две единицы, в остальных — на несколько десятых. Двух этих примеров достаточно, чтобы доказать неполноту гипотезы о выравнивании в случае Франции. Также обстоит дело в великом герцогстве Баден, в котором индекс в городах ниже всех окрестных деревень и намного ниже общего среднего. Но все же самым впечатляющим примером, который можно дать, является Австрия. Вена менее брахицефалическая, чем округ, центром которого она является, а этот округ совершенно точно является наименее брахицефалическим в Австро-Венгерской империи. Почти то же самое — в Швейцарии: вся страна брахицефалическая, и только города тяготеют к долихоцефалии — Женева, Биль, Цюрих, Берн.

Во Франции есть несколько городов, совсем мало, среди очень брахицефалических областей, в которых индекс выше 83. Из их числа — Лион, где индекс составляет 85. В этом городе находится Антропологическое общество, но оно не стремится заниматься локальными исследованиями. В области, центром которой является Лион, индекс достигает очень высоких значений: превышает 86 — в Эн, Ду, Жюра, Роне, более 87 — в Верхней Луаре, Верхней Соне, а также Соне и Луаре.

Следовательно, объяснить неравенство индексов выравниванием невозможно. Такое объяснение было первым, пришедшим на ум, и оно надолго задержало привязку данного феномена к общественному отбору, но именно в этом последнем следует искать основную причину. Итак, окончательным результатом для французской нации, если не забывать о фундаментальном сравнении, станет индекс, равный 83.

Следующие параграфы являют собой частичное воспроизведение и приведение в порядок данных одной очень важной ра-

боты, которую я написал после «*Общественного отбора*». Она появилась в Америке в Журнале политической экономии Чикагского университета (*Фундаментальные законы антропосоциологии*, 1897, VI, 54–92 и отдельный оттиск), в Италии в *Rivista italiana di sociologia* (*Le leggi fondamentali de l'antropo-sociologia*, 1897, I, 304–331 и отдельный оттиск). R. Scient (Ревю Сьянтифик) опубликовало из нее отрывок, правда, без большинства таблиц, так как французская публика совсем не любит вникать в числа, сколь бы красноречивыми они ни были (*Фундаментальные законы антропосоциологии*, R. Scient., 1897, II, 545–552).

Закон распределения богатств. В странах со смешанным населением *H. Europæus* — *H. Alpinus* богатство обратно пропорционально цефалическому индексу. Поразительная разница не в пользу брахицефалов. Для ее оценки, впрочем, следует учитывать два элемента.

1. Группа из 10 млн долихоидов проживает на территории всего 13 департаментов, а брахицефалы обосновались в 30 департаментах Франции. Эта разница в числе населенных пунктов объясняет данный случай не в пользу долихоидов.

2. Сена является территорией проживания долихоидной группы, но если ее исключить, тогда численность долихоидов упадет с 10 до 7 млн человек, однако их превосходство сохранится по всем пунктам.

Те же результаты получаются при подробном исследовании каждого из департаментов. Я проделал данную работу по Эро, Авейрону, а Мюффанг — по Кот-дю-Нор.

Тот же закон подтверждается в Швейцарии, Германии, Австрии. Он применим также в Испании и Италии, но проявляется сложнее, чем во Франции из-за возрастающего с севера на юг преобладания средиземноморского элемента, индекс которого совпадает с индексом долихоблонда, но при этом способности его намного скромнее. Нижеследующая статистика показывает доходность налогов в Италии в течение 1894 г. по четырем группам провинций, включающих каждая около 5 млн жителей.

В странах, где элемент *H. Europæus* почти единственный, богатство максимальное. Возможно, что закон по отношению к таким странам, как Соединенные Штаты Америки, Канада,

Англия, Голландия и другие, более не применим. Надо было бы сделать верификацию, так как закон, видимо, распространяется больше, чем подразумевает его формулировка. Наиболее долихоцефальные регионы, например Индия, Китай и даже Африка, тоже являются достаточно богатыми¹.

Закон высот. В областях, где сосуществуют *H. Europæus* и *H. Alpinus*, первый живет в местностях, расположенных ниже над уровнем моря. На Европейском континенте зона проживания *H. Europæus* совпадает с зоной четвертичных аллювиев Северного моря и Балтики. Геологическая и антропологическая карты почти идеально налагаются друг на друга. Во Франции, где ареал проживания *H. Europæus* постоянно сокращается, он почти целиком сосредоточен на равнинах Фландрии, Артуа и Пикардии и в долинах рек. По мере продвижения к югу, начиная с высоты 100 м над уровнем моря, *H. Europæus* становится необычайно редким. Однако все долины небольших рек средиземноморского бассейна до этого уровня все еще долихоцефальны, и блондины там многочисленны.

Точно также оси брахицефалии следуют линиям водоразделов. Основная ось начинается в Галиции, идет по горному хребту — примерно до середины Французских Пиренеев, сходится на Центральном плато, покрывает массив Альп и разветвляется. Одна из ветвей прослеживается на протяжении континентального горного хребта Черного Леса, гор Богемии и диффузного рельефа, образующего линию раздела в России. На этой оконечности ось теряется посреди широких равнин, покрывающих Польшу и смежные области. Другую ветвь Балканы соединяют с брахицефалическим массивом Малой Азии. Вторичные ветви окаймляют горную цепь Апеннин, на севере и в центре, водораздел Луары и Сены с раструбом в бретанском массиве, Вогеzy с раструбом на востоке Бельгии, линию, примыкающую к Дании, и цепь,

---

¹ В «Фундаментальных законах» я дал краткое резюме по корреляциям между экономикой и цефалическим индексом, а здесь я еще более краток. Я предлагаю читателю обратиться к специальной работе, которую я посвятил данному вопросу. Она содержит некое количество показательных фактов и важных таблиц (*Корреляции между финансами и цефалическим индексом*, R. d'Esc. politique, 1897, XI, 257–279).

являющуюся осью Балканского полуострова. Надо отметить, что почти везде максимум брахицефалии не совпадает с географическим положением хребта, а в зависимости от его ориентации находится слегка к северу или западу от него¹.

В горных массивах цефалический индекс довольно точно пропорционален высоте. В менее высоких областях достаточно подняться на 100 м, чтобы брахицефалия стала очень заметной (Мон д'Арре, нормандская Швейцария).

Закон не применим ни в Англии, ни в Испании — странах, где не проживают брахицефалы. При этом прибрежная цепь на севере Испании подпадает под него. Ось брахицефалии продолжается по Малой Азии, Армении, по плато Центральной Азии, Тибету, Монголии, Маньчжурии и доходит до Берингова пролива. Одна важная ветвь отходит на Индокитай. Также в Америке огромная ось Кордильер от Берингова пролива до мыса Горн является осью брахицефалии. Высокогорные плато Мексики, Перу, Боливии, Патагонии являются брахицефальными. В Африке брахицефалов нет.

Закон распределения городов. Почти все крупные города расположены в долихоцефальных областях, а в брахицефальных областях — в наименее брахицефальных их частях.

Закон стратификации. В одной и той же местности цефалический индекс снижается, а доля долихоцефалов возрастает от низших классов к высшим. Средний рост и доля высокорослых возрастают от низших классов к высшим.

В «Отборе» я опубликовал несколько документов, относящихся к классовой антропологии. С тех пор было опубликовано много подобных документов. Они дают лишь частные результаты, кроме статистики Ливи, но они слишком ценные, чтобы я ограничился лишь их упоминанием.

---

¹ По данному вопросу см.: *Материалы по антропологии Авейрона*, Bull., XXI, 1898. P. 30, tir. à part 47–48. Это прослеживается и за пределами департамента на картах Лозер и Верхней Луары, на карте Ардеш, составленных в помощь моих материалов и материалов господина Бурдэна. В «Материалах по антропологии Эро» я также привел аналогичную диспозицию. Для Европы можно пользоваться картами Рипли, но там недостаточно подробная шкала.

Сначала я воспроизведу раздел из *«Материалов по антропологии Авейрона»*, который дополняет данные, относящиеся к этому департаменту, содержащиеся в *«Отборе»*. Статистика, опубликованная в 1869 г. Дюраном де Гро, дала первое указание касательно разницы индекса в зависимости от класса. Она приписывала образованным горожанам Роде индекс 82,78, неграмотным — 83,96. Сочетая данные 1869 г. с данными *«Материалов...»*, в случае кантона Роде приходим к следующей иерархии индексов: образованный класс — 82,7, рабочие — около 84, крестьяне, в зависимости от возраста, — 86 или 86,5, последняя цифра соответствует отдаленным деревням. Черепа образованного класса являются более объемными — 187, 155.

Мы располагаем одним более любопытным документом. Были измерены 112 учеников учреждений среднего образования Роде, 23 лицеиста, 89 учащихся из двух церковных учебных заведений. Индекс лицеистов сильно повышен — 87,31. Вычитая единицу из-за разницы в возрасте с взрослыми людьми, которые служат границей сравнения, получается индекс, средний по департаменту или немного ниже. Ученики двух заведений, руководимых монахами, дают 85,46. У всех 112 наших школьников средний индекс составляет 85,84.

Ученики, относящиеся к конгрегации, дают высокую долю низких индексов, что обуславливает понижение среднего индекса. Чувствуется, что к элементу, аналогичному тому, что у лицеистов, примешивается элемент черепного сложения выше среднего.

Череп лицеистов не достиг этих взрослых размеров. В серии объединены люди различных возрастов — от 13 до 20 лет. В то же время абсолютные размеры уже намного превышают среднее значение по департаменту — 184,3 и 161 вместо 182 и 157. Черепной объем, по случаю которого я еще недавно делал оговорки (*Отбор... С. 113 и сл.*), вполне определенно является критерием первого порядка для отличия высших элементов от остальных, особенно в гомогенном населении. Это то, что вытекает из множества недавних документов, и мы далее увидим этому примеры.

С нашими лицеистами мы можем сравнить серию из 33 учеников педагогического института Роде, урожденных авейронцев. Цефалический индекс у них очень высокий и составляет 87,6, что много для категории молодых людей, средний возраст

которых ненамного ниже возраста призывников. Студенты — более великовозрастные в среднем, чем лицеисты, — обладают индексом на треть единицы выше. По социальному происхождению они представляют категорию достаточно низкую, но по своим абсолютным размерам мозга они совершенно четко отличаются от класса, из которого они вышли. Длина — 185,4, ширина — 162,4. Хотя и незрелые, будущие учителя уже имеют превосходство: по длине — на 5 мм и по ширине — более 5 мм. Вероятно, к взрослому возрасту индекс не должен сильно отличаться от индекса населения в целом и его значение должно составлять 86 или 86,2. Однако превышение абсолютных размеров не смогло бы увеличиться и достигнуть 1 см по каждому параметру измерения. Не стоило бы, впрочем, считать, что у наших студентов-педагогов голова более объемная, чем у учеников средней школы. На самом деле, если исключить самых маленьких из этих последних, то по абсолютным размерам лицеистов мы найдем: в 20 лет — 187,6 и 161; в 19 лет — 186 и 161; в 18 лет — 187,6 и 160.

С точки зрения роста разница между классами очень заметна. Значит, лицеисты между 16 и 17 годами достигают среднего роста призывников, а в 20 лет они уже на 22 мм выше. Эта разницу можно объяснить режимом, предопределяющим более раннее развитие, но можно предположить, что она имеет наследственные причины.

Распределение роста по сериям является совершенно случайным, так как статистический ряд очень мал. Но все же оно показательное.

Учащиеся колледжа отличаются высоким ростом, и, что любопытно, самые высокорослые в категории 18-летних в свою очередь являются лицеистами. Данный показатель должен был бы соответствовать самым лучшим ученикам. Тот же феномен наблюдался во многих учреждениях Европы и Америки.

Закон интеллектуалов. Череп интеллектуалов более развит по всем измерениям, особенно по ширине. У категорий, подверженных отбору, абсолютные размеры черепа всегда больше, но у индивидов, наиболее умственно одаренных, часто наблюдается избыточная ширина.

Среди субъектов с повышенным индексом Брока различал эврицефалов — с исключительно широким черепом и брахицефалов — с черепом нормальной ширины. Первая из указанных черт является индивидуальной, или родовой, вторая — является расовой характеристикой. Эврицефал легко распознается по абсолютной длине, которая равна длине у долихоцефалов его расы.

Понятно, что развитие мозга, особенно у долихоцефалов до затвердения метопического шва, приводит к расширению передней части черепной коробки и к некоторому увеличению индекса. В целом, такая гипертрофия происходит во внутриутробный период или в раннем детстве, но иногда она продолжается в течение всей жизни. Гледстон и де Кандолль представляют собой хорошо известный феномен подобного рода, который я мог наблюдать на себе и проследивать его год от года. Когда тот же феномен происходит у брахицефала, он увеличивает его брахицефалию, но максимальная длина всегда остается короткой.

Такая модификация объясняет нам, почему самые трудолюбивые работники умственного труда обладают повышенным индексом. В Англии образованный класс обладает индексом слегка выше среднего. Также и учителя, которые являются выходцами из самого брахицефалического класса, превосходят по индексу брахицефалов своей расы, а дети учителей, которые в любой стране составляют немалую долю от стипендиатов, представляют ту же аномалию. Впрочем, это далеко не всегда те великие умы, способные накапливать массу знаний, выполнять огромный объем работы и отличающиеся самыми восхитительными качествами. Обладатели таких черепов — это прекрасные ученики, иногда хорошие профессора, но им почти всегда не хватает главных качеств, которые превращают обычного человека в незаурядного, и они мало склонны к восприятию новых идей. Их смело можно поместить в умы второй категории.

Но я не буду настаивать, так как предыдущая статистика тщательно подчеркивает случаи увеличенного объема мозга или случаи избыточной ширины и категорий, подверженных отбору.

Закон возрастания индекса. С доисторических времен цефалический индекс имеет тенденцию везде и постоянно воз-

растать. Я приводил многочисленные примеры данного закона, который установлен антропосоциологией с максимальной достоверностью. Феномен, как представляется, обязан постоянному возрастанию доли брахицефалов — более смиренных и поэтому имеющих больше шансов быть опекаемыми государством, где личная зависимость постоянно возрастает. Однако в этом столь общераспространенном феномене может присутствовать и нечто другое. В моей *Phylogenie des Carabus* я показал, что во всех генеалогических ветвях эволюция жужелиц происходит по той же нисходящей. Некая внутренняя сила, совершенно независимая от всякого отбора, предопределяет некую параллельную и более или менее конвергентную эволюцию. Вероятно, что у человека существует нечто аналогичное и что причины механического или химического свойства стремятся придать черепу более широкую форму.

Необходимость антропологического учета. Я закончу некоторыми общими соображениями. Какими бы прекрасными ни были законы, мы всего лишь в начале открытий. Остается много таких, о которых ученые даже не догадываются. В каждом государстве напрашивается необходимость всеобъемлющего антропологического кадастра, и если он хорошо сделан, он даст политические результаты, важность которых едва ли можно предвидеть. В Италии, где к прибытию каждого новобранца по его телосложению составляют специальный бюллетень, который отправляется в Военное министерство, можно было бы проделать хорошую работу, если бы Италия, по причине состава своего населения, не была страной-исключением. Исследования, сделанные призывными комиссиями в великом герцогстве Баденском, в сжатом виде приведены в *Anthropologie der Badener* Амона, являющейся шедевром в данном жанре. В ряде других государств приступают к составлению статистики подобного рода, но я с сожалением констатирую, что во Франции, кроме меня и Коллиньюна, кажется, нет желающих подражать этому примеру. Официальные лица мало озабочены исследованиями, не имеющими электоральных перспектив, и я сомневаюсь, что министры и префекты составят себе труд понять необходимость и важность таких исследований.

Я вынужден даже заявить, что если исследования, проводимые по частной инициативе, вплоть до сегодняшнего дня, давали результаты несовершенные и неполные, то это потому, что исследователи редко встречали необходимую благосклонность. Надо воздать французам должное, что они проявили максимум доброй воли в том, чтобы позволить себя измерить.

Я измерил более 10 тыс. призывников, и при этом не более 50 человек отказались от данной процедуры. Я измерял рабочих в шахтах, крестьян в поле, прохожих на дорогах. Везде я встречал ту же насмешливую благосклонность и иногда содействие — очень услужливое, очень активное, когда у меня было время разъяснить интерес исследований. Это необычайно благоприятные условия, которых не встретишь в других странах. И наоборот, когда мне требовалось какое-нибудь дозволение официального лица — начальника учреждения или префекта — то их добрая воля всегда оказывалась шаткой или боязливой, если я вообще не наталкивался на отказ. Ряд важных исследований были запрещены — где по капризу, где из-за необходимости продемонстрировать свою власть, отказывая в чем-нибудь, где из-за боязни вызвать неудовольствие более высокого вельможи. Ряд других исследований оказывался остановлен, когда цель была почти достигнута. И колоссальная работа в итоге оказывалась не востребована. Впрочем, было очевидно, что все эти лица оказывались введенными в заблуждение уже одной только формулировкой цели исследований, о которых они ничего никогда не слышали и возможные результаты которых представлялись им заведомо еретическими.

В интеллектуальной среде и особенно среди тех, кто считает себя современными людьми, поскольку их познания опоздали всего на какой-то век, антропосоциология встречает массу противников — часто чересчур подозрительных. Было бы трудно требовать, чтобы люди, полные предрассудков, усвоенных ими через вполне официальные инстанции, стали соучастниками разрушения милых их сердцам заблуждений. Но, может быть, с их стороны было бы благородно хотя бы не чинить препятствий исследованиям своих идейных противников, вместо того чтобы тыкать им в нос частные или вырванные из контекста результаты таких исследований. Такие уловки сродни тем,

когда исподтишка устраивают склады фосфатов, чтобы сократить число плейстоценовых доисторических отложений. Если уловки второго рода характерны для католиков и группы малообразованных людей, которым нужно помешать развитию представлений, противоречащих церковным, а потому заведомо ошибочных, то первые принадлежат, наоборот, рационалистам, которые мешают развитию дарвинизма в сфере общественных наук. Я даже пришел к пониманию того, что социальный дарвинизм встречает меньше враждебности у самих клерикалов, чем у так называемых вольнодумцев. Последние незаслуженно получили такое прозвище, так как они не допускают, что дарвинисты и монасты имеют право думать иначе, чем они, и представлять доказательства своим утверждениям. Кто-то нашел, что я в своем предисловии к *«Монизму»* был слишком жесток к этому роду сектантов.

Это жалкое сопротивление совершенно бесполезно. Усилия христианства не помешали дарвинизму триумфально шествовать в сфере естественных наук, а усилия Церкви революционной не помешают ему завоевать сферу наук общественных и, вероятно, устанавливать законы рационального поведения народов. Впрочем, эти усилия могут быть действенными только в нашей стране, так как в других странах влияние доктрин прошлых веков почти сошло на нет. С тех пор их бесполезность совершенно очевидна. Наука универсальна, и открытие, которое смогут притормозить где-то в одной области, произойдет в другой. Если бы попытки, призванные затормозить мои первые опыты, удались, то антропосоциология была бы основана Аммоном в Карлсруэ в 1890 г., вместо того чтобы это произошло в Монпелье в 1886 г. Сейчас, когда селекционисты всего мира пребывают в творческом поиске, когда селекционизм входит в американское законодательство в самых неприемлемых и жестких формах, я сочувствую этим попыткам, я, скорее, жалею жалких аутсайдеров, которые в своем невежестве пытались остановить наступающее море куличиками из песка!

Происхождение великих людей согласно Одэну. Среди книг, изданных со времен *«Общественного отбора»*, относящихся к антропосоциологии, есть одна, которая представляет

ся мне заслуживающей особого внимания, — это *«Происхождение великих людей»* Одэна (Paris, Welter, 1897). Автор — профессор Софийского университета — умер сразу же после опубликования своей работы, которая, несмотря на значимость, осталась почти незамеченной.

Заслуга Одэна заключается в том, что он пришел к выводу: исторические события подчинены сложным законам, которые не поддаются абсолютному детерминизму. Это необходимая предпосылка, если мы не признаем вмешательство сверхъестественного в действия человека. В этих, и только в этих условиях история может стать предметом подлинно научного изучения. Марксист Одэн пребывал под слишком большим влиянием экономической концепции истории, милой Марксу и Энгельсу. Поэтому он сильно упростил идеи своих предшественников по школе исторического материализма, которую я бы предпочел называть монистической. Однако необходимо уважать общепринятое применение термина и сохранить его применительно к детерминистской школе более широкого профиля, распознающей за причинами экономическими бесконечный ряд других причин, в том числе проистекающих из природы человека, расы и наследственности. Чтобы желудь превратился в дуб, нужна благоприятная почва, тепло и влага, но в первую очередь нужно, чтобы он нес в себе силу наследственности.

В своем *«Происхождении...»* Одэн изыскивает причины, которые предопределили воспроизводство литераторов и особенно великих писателей. Он изучает различные условия наследственности и среды. Воспитательной среде он приписывает большее влияние и влияние вторичное — среде социальной и экономической. Для него колоссальная пропасть между классами с точки зрения производства тружеников пера, уже констатированная Кандоллем в случае ученых, происходит потому, что определенным классам доступнее, в силу их городских обычаев, их достатка, их образования, дать своим детям культуру, без которой самый яркий гений не может стать ни ученым, ни писателем. Некоторые вещи приводят его в замешательство (например, низкая плодовитость буржуазного класса писателями), и он из этого выпутывается невнятными объяснениями.

Дело не в том, что Одэн не признает влияния антропологической расы. Он недалек от того, чтобы допустить, что это влияние огромно при формировании классов и, таким образом, косвенно воздействует на производство писателей, но он не имеет никакого понятия о работах, появившихся после Галтона и де Кандолля, кроме некоторых общих мест, встречающихся в недавних работах Фулье. Такая совершенная независимость исследований Одэна придает ценность результатам его статистики, выставленным с необычайной ясностью на протяжении всего второго тома, состоящего из таблиц, диаграмм и карт, что является образцовым для подобного рода исследований.

Одэн приходит к констатации факта, что подавляющее большинство писателей рождается в крупных городах или замках. При этом поразительной плодovitостью обладают университетские города, а наиболее плодovitыми классами являются знать и судейское сословие, затем — свободные профессии, тогда как буржуазия производит работников умственного труда немногим больше, чем работников ручного труда. В целом, писатели выходят, главным образом, если не сказать, что исключительно, из кругов, в которых индекс пониженный, а череп — более объемный.

Возрастающее значение арийских народов. По мере все более интенсивного развития цивилизации способность арийцев к продолжительным и расчетливым усилиям обеспечивает им преимущество над другими расами. Если можно было бы привести статистику всех видов с XIV в., мы увидели бы, что статус арийских наций непрерывно повышается, в то время как других наций — падает. Любопытно констатировать это движение даже в делах второстепенной важности. К несчастью, такое движение не может быть изучено регулярным образом, даже в очень простых вещах, по причине непрерывной изменчивости европейских границ различных наций. Франция почти не изменила свои границы с времен Людовика XIV, кроме исторического мгновения при Наполеоне, Британские острова не изменились, Россия в этом веке почти не расширилась — разве что в сторону Азии, но Германия претерпела колоссальные перемены. Старая империя включала в себя Австрию и только часть Пруссии, а

современная включает всю Пруссию, но больше не включает Австрию. Когда в 1866 г. гегемония перешла от Габсбургов к Гогенцоллернам, Австрия объединилась с Венгрией и Богемией, а потом в Австро-Венгрию была включена Босния. Большая часть Италии до наших дней была частью Австрии.

Учитывая это, я представляю следующую таблицу роста населения в различных странах с 1700 г., добавляя прогнозы на 1900 и 1950 гг. Я считаю бесполезным делать прогнозы на более далекий срок, так как ритм роста населения меняется, а состояние Европы является слишком нестабильным, чтобы современные границы могли сохраниться в теперешнем состоянии более 50 лет. До истечения этого срока тенденция аннексии слабых государств более сильными заставит исчезнуть некоторую часть современных государств. Данные позаимствованы, в основном, у господина Левассера.

Таблица

Рост населения в различных странах с 1700 по 1950 г., в млн человек

Годы/ страны	Франция	Германия	Англия	Россия	Австрия	Италия	США
1700	20	20	9	10	13		
1722				14			
1789	26	33	12	25	20	17	4
1801	33	36	16	35	25		5
1816	29	40	19	45	28	18	9
1830	32	35	24	46	32		13
1840	34		27	52	35		17
1850			27	54			23
1860			29				31
1872	36	40	32	73	36	26	40
1880			35				50
1890	38	49	38	113	42	31	63
1896	38	52	39	116	45	33	73
1900	38	55	40	140	47	34	76
1950	37	85	70	320	65	50	210

Данная таблица показывает, что сначала на первом месте была Франция. В Германии, обладавшей большей площадью, чем сейчас, и включавшей Австрию¹, население было пример-

¹ Непонятно, почему указана численность населения для Австрии, и значит ли это, что 20 млн человек — это численность населения Германии, включая Австрию. — *Прим. перев.*

но такое же, не считая нескольких сотен тысяч душ. Россия насчитывает только 10 млн жителей, а Англия — 9 млн жителей. Из 100 жителей великих стран на Францию приходится 40 человек. Эти данные проясняют господствующее положение нашей страны при Людовике XIV.

В настоящее время Франция задвинута на шестое место, а в спину ей дышит Италия. Россия со 140 млн населения стала колоссальной. Затем идут США, которые два века назад еще не существовали, с населением примерно 75 млн человек. Через 50 лет население Франции будет составлять не более 3% от населения великих держав, ее опередит Италия, а в спину будет дышать Испания, у которой в 1800 г. было 10 млн человек, а сейчас — 20 млн человек. Многие второстепенные государства Америки — Бразилия, Мексика — будут идти с ней вровень. Возможно даже, что население Франции немного сократится по сравнению с нынешним. Мы занимаем ведущее положение лишь по сокращению смертности.

Обширной была территориальная экспансия. В этом столетии Англия заполучила и колонизировала Австралию и ряд областей Океании, из Африки она сделала прямо-таки новые индии, и ее владения занимают площадь в 31 млн км², на которых проживает четверть населения планеты — около 410 млн человек. США добились того, что владеют территорией, площадь которой более 9 млн км². Площадь России насчитывает 23 млн км², но половина ее земель ни для чего непригодна. Вот три государства, которые могут помышлять о холократии и в споре между которыми решится судьба человечества. Обширные колониальные владения Германии и Франции по большей части бесплодны и зависят от Англии — Владычицы морей. Какое-то значение имеет разве что Алжир. И опять же надо учесть, что европейское население данной страны находится в мизерном меньшинстве, в котором к тому же преобладают нефранцузские элементы и полукровки. Если этой страной, во всех отношениях отличной от Франции, продолжат управлять как каким-нибудь французским департаментом, то здесь рано или поздно возникнет сепаратистское движение.

Недвижимая собственность в определенной степени пропорциональна величине территории. На большей территории устанавливается некоторый баланс между плодородными и скуд-

ными землями. Здесь по праву лидируют США. Площадь посевов достигает 40 млн акров, а весь юг является центром производства хлопка и продуктов питания, которых нет в Европе. Кроме того, имеются богатые залежи нефти, угля, железа, серебра. Затем идет Россия со своими обширными культивируемыми землями в Сибири. Франция, в пересчете на единицу площади, богаче благодаря накоплению предыдущими поколениями капиталов, направленных на освоение земель, но ее полезная площадь несравненно меньше. Примерно таково же положение Англии и Германии, причем первая гораздо богаче рудами, но пахотные земли ее пришли в упадок за долгие годы зернового кризиса. В трех этих странах средняя стоимость 1 га больше, но разница в площади, которая в пользу США и России, создает разрыв, который будет возрастать по мере того, как земля в этих двух пока еще молодых странах будет дорожать.

Господин Неймарк предоставил на Международном конгрессе статистики в Петербурге оценку стоимости движимого имущества в основных европейских странах. Первенство принадлежит Англии со 182 млрд франков, Германия достигает лишь 92 млрд франков, Франция, топчущаяся на месте, в то время как Германия за 30 последних лет удвоила свою капитализацию, остается с 80 млрд франков, у России — всего 25 млрд франков, примерно на том же уровне Австрия — 24,5 млрд франков; Италия достигает 17 млрд франков, а маленькая Голландия почти равна ей по капитализации, которая составляет 13,6 млрд франков. Между Англией и Германией вклиниваются США, чье движимое имущество оценивается в 120 млрд франков, и они прогрессируют настолько быстро, что скоро окажутся на первом месте.

Таблица

**Основные финансовые показатели великих государств в 1897 г.,
в млн франков**

Страны	Бюджет	Долг	Импорт	Экспорт
Франция	3,416	32,350	3,956	3,598
Германия	1,766	2,994	6,081	4,733
Италия	1,745	12,876	1,192	1,093
Голландия	283	2,348	3,554	3,081
Россия	2,432	11,020	1,174	847
Англия	2,665	16,582	11,765	5,835
США	2,035	9,207	3,093	6,076

Состояние бюджета и долга не всегда находится в прямой связи с благосостоянием государства. Пример этого — Франция. С 1880 г. рост ценностей, с которых собираются налоги на право наследования, равен нулю, и наравне с ростом населения стремится в область отрицательных значений. Значит, роста благосостояния нет, и в то же время бюджет и долг растут непрерывно. Торговые показатели являются более адекватными. Чтобы оценить значение данных таблицы, которую я взял из *Statesman's Yearbook* за 1899 г., следует интерпретировать их с помощью другой таблицы, позаимствованной из *Journal of Commerce*, Нью-Йорк, 16 марта 1898 г.

Таблица

Рост благосостояния в крупнейших странах мира с 1840 по 1894 г.

Страны	Рост благосостояния по годам, млн франков		Рост благосостояния
	1840	1894	%
Соединенное королевство	2970	17050	573
Английская Индия	460	4435	964
Австралия	125	1700	1360
Канада	165	1200	721
США	1090	8050	739
Германия	1315	8650	659
Австро-Венгрия	520	3100	595
Голландия	710	5350	753
Франция	1440	6925	480
Италия	775	2125	274
Итого:	9570	58585	612

ГЛАВА 8

Будущее арийцев

Постановка вопроса. Ремесло предсказателя — дело неблагодарное. Ришелье вряд ли догадывался, что воздвигает эшафот Людовику XVI. Бисмарк не предполагал, что он на долгое время парализовал Центральную и Западную Европу в пользу Америки и русских. Публицисты всегда терпят полный крах в своих предсказаниях так же, как и государственные мужи. Дело не в том, что проблема узнать будущее сама по себе неразрешима. Если отбросить вмешательство произвола и мистики в события, которые рассматриваются как игра химических феноменов, то надо признать: все, что произойдет в будущем, предопределено непреложным образом. Прогресс человеческих познаний, может быть, позволит читать будущее, как история читает прошлое... Однако мы пока еще далеки от того, чтобы в обозримом будущем прийти к этому. Я собираюсь прощупать, каковы будущие перспективы *Н. Europæus* и народов, в которых он доминирует.

Я исследую независимо друг от друга два совершенно различных вопроса. Первый касается шансов на успех у *Н. Europæus* по сравнению с другими расами, способными конкурировать с ним, второй затронет шансы различных народов обратить в свою пользу всемирную империю и о последствиях этого отдаленного, но неизбежного события. Если холократия должна свершиться через более или менее арийский народ, то каковы будут последствия общественного порядка, зависящего от чистоты расы, от ее ценности?

Брахицефалы. Казалось бы, не нужно пытаться оценивать шансы брахицефалов. Брахицефалические государства — Франция, Австрия, Турция, не говоря уже о Польше, — далеки от того, чтобы состязаться с Соединенными Штатами Америки или

Британией. Однако не надо забывать о том, что посредственность брахицефала является его силой. Этот тихоня ускользает от любых разрушающих воздействий. Чернявый коротышка и увалень, брахицефал правит ныне от Атлантики до Черного моря. Как мелкая разменная монета изгоняет из оборота более ценную, так и его раса выживает долихоблондов. Инертный посредственный брахицефал очень плодovit. Его терпение выдержит любые испытания. Этот покорный тип, исполнительный солдат, послушный чиновник. Он не внушает подозрений, никогда не бунтует. Пассивные качества негодились ему на Британских островах, где его след теряется. В присутствии энергичных арийских элементов, поставленных законом в выгодное положение, брахицефал исчез как низший элемент. Не доказано, что в арийских странах в будущем борьба должна оказаться для него столь же проигрышной, как в прошлом. Могут меняться законы и обычаи. Вероятно, со временем государства, наиболее благоприятные для развития индивидуальности, пройдут через стадии, уже пройденные Францией, а также латинскими и брахицефалическими государствами. Общественная кабала и взаимозависимость — делай то, не делай этого — возрастают, а потому каждый человек обременен обязанностями в пользу общества и может повернуть дело так, что будущее окажется за более услужливыми. Не будем забывать также, что постановления и законные предписания растут, как снежный ком. Соединенные Штаты Америки на данный момент представляют такой расцвет бумагомарательства, что напрашивается вопрос: а что же будет дозволено спустя 100 лет? Если эта тенденция, неуклонно развивающаяся, станет ускоряться, то через определенное время будет неважно, какими качествами обладает человек: энергичный он и предприимчивый или нет. Допустим: захочет он что-то сделать, а сосед будет против, и тогда закон ему это запретит. Так что активный человек окажется так же скован, как человек инертный.

Шансы брахицефала стали бы еще более весомыми, если бы русские — народ бюрократов¹ — создали всемирную империю. Пожалуй, господство Соединенных Штатов Америки было бы более либеральным, но вероятное господство России с огромной

---

¹ Так оно отчасти и случилось, правда, в советское время. — *Прим. перев.*

долей вероятности можно охарактеризовать административным. Оно могло бы свести любое право к зарегламентированности всей Вселенной, к всемирному чиновничеству, абсолютному социализму, совместимому со всеми возможными правительствами¹. И конечно же, этот бюрократизм — как раз то, что подходит брахицефалу. Во Франции за эти последние 50 лет число чиновников увеличилось со 188 тыс. до 416 тыс. человек. Также обстоит дело и в других брахицефалических странах, даже в Швейцарии, где пришествие во власть низших слоев заставило исчезнуть принципы качественного управления и свободы. Если первостепенным требованием к человеку будут оставаться инертность и повиновение властям, то последнее слово будет принадлежать брахицефалу. Раса, склонная к услужению, пребывающая в постоянном поиске хозяина и хватающая в качестве такового первого, кто попадется, может использовать другие расы, подходящие ей в качестве хозяина, и в итоге остаться в одиночестве, населив Землю своим покорным и посредственным потомством. Только черные и некоторые желтые индивиды могли бы стать при этом отборе опасными конкурентами.

Цветные расы. Цветные расы — *H. Asiaticus*, *H. Afer* — являются, скорее всего, будущими конкурентами, чем нынешними. Японцы, негры Соединенных Штатов и Антильских островов на данный момент являются представителями этих рас, которые представляют угрозу, и то вторичного порядка. В будущем, когда 500 тыс. человек коренных жителей Дальнего Востока достигнут некоторой степени цивилизации, в чем-то аналогичной нашей, трудности возрастут на порядок. То же самое случится, когда население черных популяций Африки, наделенных столь впечатляющей плодовитостью, которому мы сейчас мешаем убивать друг друга, заполонят собой целый континент.

Японцы и китайцы обладают замечательными хозяйственными талантами. С точки зрения пригодности к коммерции они стоят армян, евреев и англичан. Перед евреями у них громадное преимущество: бесподобные земледельцы, они привязаны к земле глубокими корнями и не образуют просто буржуазный

---

¹ И вновь не откажешь Лапужу в проницательности. — *Прим. перев.*

класс — подвижный и без конца подвергаемый износу, не умеющий возмещать свои потери, черпая резервы.

Я не особо верю в опасность вооруженного желтого вторжения¹. Если оно произойдет, то это будет отнюдь не в форме китайского завоевания. На данный момент крайне сомнительно, что народы Дальнего Востока могут сохранить свою независимость. Маловероятно, что, потеряв, им удастся вернуть ее. Чего я боюсь с военной точки зрения — так это использования против белых рас мощных желтых армий, созданных европейскими хозяевами Китая. Я боюсь желтых или черных гарнизонов, расквартированных во французских или немецких городах, для поддержания там порядка, то есть подавления народов Запада западными же правительствами с помощью черных или желтых армий. Еще больше я боюсь, что в день великого противостояния разгром Запада не станет делом миллионов китайских солдат, которыми русский царь мог бы укомплектовать свои войска².

С экономической точки зрения не стоит преувеличивать опасность борьбы рабочего с жалованьем в пять франков с рабочим, жалование которого составляет пять су. Производительность желтого рабочего намного ниже средней, а стоимость

---

¹ Как бы между делом о желтых народах говорят, что их цивилизация, восходящая к глубокой древности, уже изношена. Это заблуждение, как и в случае с индийцами. Китайцы, кажется, в очень небольшом количестве пришли на берега Хуанхэ (Желтой реки) из Туркестана. Может быть, их вожаки были изгнаны из Халдеи какой-нибудь революцией, так как самые древние китайские черты, по всей видимости, сохраняют характерные халдейские формы XXX в. до н. э. Китайская цивилизация развивалась медленно. Первым историческим государем был Ю, который правил около 2205 г. до н. э. В начале нашей эры Китай насчитывал всего 30 млн жителей, но за 2 тыс. лет он заметно прогрессировал во всем. Индокитай вступил на путь цивилизации начиная с начала нашей эры под воздействием инийцев и китайцев. Что касается Японии, она начала свой исторический путь вместе с современными народами Запада. Первым императором был Ками-Ямато (667 до н. э.), но искусства японцам пришлось, видимо, импортировать из Китая лишь во II–V вв. н. э. Первая точная историческая дата — 461 г. н. э. И если в 610 г. население составляло около 5 млн человек, то сегодня оно насчитывает около 43 млн жителей.

² Здесь Лапужу явно отказали здравомыслие и чувство вкуса. Барон Унгерн потерпел неудачу даже с более качественными, с расовой точки зрения, бурятами, монголами и тибетцами. А китайцы поссорились с расово и идейно близким СССР, что уж говорить о царской России. — *Прим. перев.*

труда будет возрастать, когда он станет более востребованным. Американский рабочий, столь высоко оплачиваемый, этим не меньше подавляет хуже оплачиваемого рабочего французского: за ту же зарплату он производит больше. Конкуренция азиатских мануфактур станет грозной лишь тогда, когда на них будет проводиться отбор рабочих с целью повышения их эффективности. Это вполне возможно, и стоит задаться вопросом: не заставит ли конкуренция упасть заработную плату в Европе и Америке и смогут ли некоторые народы сохранить свой рынок при наличии менее дорогостоящих конкурентов? В нынешних неопределенных условиях промышленность находится под угрозой, аналогичной той, что произошла с сельским хозяйством. И когда заброшенные земли восстановят свою стоимость в день, когда спрос продолжит возрастать (поскольку зерновые культуры произрастают на всех землях, способных их дешево производить), стоит опасаться, что отдельные индустриальные страны не смогут перестроить свою промышленность, побежденную промышленностью других стран — более процветающей и приспособленной к среде. В данном случае некоторые народы — например, англичане и немцы — могли бы оказаться затронутыми упадком, а их население будет вынуждено рассеиваться по свету.

Возможно даже, что непосредственный ввоз желтых рабочих приведет к изменению нынешних условий труда на Западе. Соединенные Штаты Америки себя защищают. Не знаю, смогла бы Европа тоже себя защитить, особенно если свойства граждан стали бы сопоставимы с китайцами, находящимися сейчас, например, под протекторатом Франции и Германии. Этот приток желтых элементов в западные нации не мог бы откладываться до бесконечности, если бы продолжали доминировать нынешние политические принципы. Стало бы невозможно долго откладывать предоставление гражданства китайцам, общественные и политические качества которых превышают в среднем наших французских избирателей. Это положительная сторона данной угрозы, и пусть не притворяются, что не замечают захватов, уже выполненных и намечаемых на Дальнем Востоке. Я не знаю, ошибаюсь ли я, но, начиная с того дня, когда я увидел, как начинается раздел Африки и Дальнего Востока, мне показалось,

что западный пролетариат на долгое время попал под угрозу. Как раз нашим низшим, а не высшим общественным элементам надо бояться желтой или черной конкуренции. Если желтый или черный рабочий в один прекрасный день заменит брахицефала, то это не будет нести в себе риска, но и не станет прогрессом для человечества.

На это мне возразят: какая разница — будет ли товар производиться в Париже или Кантоне, руками желтыми или белыми, ведь промышленность от этого ничего не потеряет? Извините! Мне не безразлично, если у меня отберут работу в пользу соседа. И если я владею поместьем, то я буду мало утешен, если меня будут уверять, что через 100 лет оно будет тщательно возделываемо, но каким-то китайцем. Я предпочел бы, чтобы это делалось моими внуками и чтобы было гарантировано процветание моего потомства.

Того же порядка аргумент привел господин Новиков (*Борьба между человеческими сообществами*, с. 561): «Другая фундаментальная ошибка сообществ состоит в том, что они готовят себе резервы на будущее. Так, американцы не разрешают китайскую иммиграцию. Они утверждают, что более выгодно оставить тихоокеанские области и области Крайнего Запада пустыми на много лет, чем заселить их жителями Поднебесной, так как они будут служить нуждам будущих поколений. Подобное поведение является одним из самых губительных по многим причинам. Во-первых, национальная экспансия происходит не только путем заселения, но и путем ассимиляции. Если 10–20 млн китайцев придут в Америку и усвоят английский как родной язык, то англосаксонская культура обретет более значительное число приверженцев»¹.

Разумеется, если бы китаец был ассимилируем. Однако его психология противится этому. Он не низший по сравнению с большей частью европейцев, но он другой. Сама идея ассимиляции противоречит биологии. Выше я уже противопоставлял естественное понятие нации и юридическую фикцию. Впрочем, это всегда один и тот же довод экономистов, которые не видят

---

¹ Нынешние идеологи россияинства могли бы смело включить господина Новикова в свой пантеон. И я поражаюсь, насколько же умнее были тогдашние американцы! — *Прим. перев.*

ничего за пределами материального богатства. Я, наоборот, считаю, что не человек создан для службы капиталу, а капитал — для службы человеку. Вот почему я очень боюсь, что мы с господином Новиковым никогда не поймем друг друга, а его *«Будущее белой расы»*, содержащее, однако, немало достойных отрывков, не произвело на мой ум большого впечатления.

С точки зрения селекционизма слишком стремительное увеличение численности черных и желтых элементов я бы рассматривал как неприятное, их стало бы трудно вытеснять. Если будущее общество всегда организуется на дуалистической основе, с правящим классом долихоблондов и с классом низшей расы, сосредоточенным на самой тяжелой физической работе, то, возможно, эта последняя роль окажется возложена на представителей желтой и черной рас. Впрочем, в таком случае для долихоблондов они были бы уже не помехой, а преимуществом. Не надо забывать, что отмена рабства была основана, главным образом, на христианских соображениях и что вообще-то данный институт, рассматриваемый с точки зрения, исключающей все сверхъестественное, не является более противоестественным, чем одомашнивание лошади или быка. Значит, вполне возможно, что он в какой-то форме вновь возникнет в будущем. Вероятно, это даже произойдет неминуемо, если не помешает упрощенческое решение: единая раса, высшая, нивелированная селекцией, но нивелированная также подавлением потомства низших или посредственных индивидов.

Возможные пределы арийской экспансии. Незащищенная равнина, сухой воздух стран, распаханых с древнейших времен, губительны для ария. Открытый свет, солнечный жар убивают его. В Европе с древних времен леса оттесняются к северу, и арий отступает вместе с ними. Дитя испарений Гольфстрима и влажных песков Северного моря, он не в состоянии обосноваться под чужим небом, поэтому либо уступает место, либо меняется. Это не только общественный отбор вытеснил его из Южной Европы и Северной Африки, и в Соединенных Штатах он уже теперь не тот, что в Англии или Шотландии.

По всем вопросам, касающимся столь важного вопроса, как акклиматизация, я отсылаю к *«Общественному отбору»*. Я под-

черкивал, что не надо было лелеять надежду, что *H. Europæus* везде сохранит свой тип, если уж его предназначением является заселить всю Землю. Он будет складываться в разновидности, адаптированные к различным климатам. Физические черты окажутся измененными, главное — высокие психические качества останутся такими же, как и сегодня. Утрата черт, связанных с лимфатизмом, с полувитилиго, была бы только прогрессом, возвращением к здоровому состоянию.

При таком условии возможна замена потомства *H. Europæus* потомством всех прочих рас Земли. А потому я считаю, что формирование адаптированных рас могло бы быть облегчено скрещиванием. Я имею в виду систематическое и продолжительное скрещивание, так как скрещивание в том виде, в каком оно ныне практикуется, может дать лишь удручающие результаты. В «Отборе» я указывал, что чаще всего метисы оказывались существами, не достойными уважения. Случайный метисаж дает лишь нестойкие результаты, и потому невозможно с его помощью создать расу гомогенную и устойчивую. Сочетания фундаментальных типов совершаются, разрушаются, охотнее всего реализуются определенные формы, как будто в химии рас существует закон установленных пропорций, но фундаментальные типы всегда возвращаются, и цикл воспроизводится до бесконечности. Все основные типы Европы — *H. Europæus*, *H. Spelæus*, *H. Meridionalis*, *H. Acrogonus* — существуют 10 тыс. лет, взаимодействуют друг с другом и стремятся к некоему состоянию равновесия, дающему расу смешанную, уникальную и стабильную. При этом мы ничуть не ближе и к уникальной материи, единообразно синтезирующей все химические элементы в уникальную и определенную комбинацию. Не надо забывать напоминать невежественным сторонникам смешения и создания единой уникальной расы посредством смешения в одном котле всех человеческих рас, что скрещивание, которым стоило бы заниматься, должно быть совершенно другое. Требуется скрещивание продолжительное, или скрещивание абсорбции, применяемое в зоотехнике для замены местной расы инородной расой более высокого качества, чтобы избежать риска, возникающего при одномоментной замене, когда ввозятся неакклиматизированные особи. Это удастся делать, поставляя самкам местной расы,

их дочкам и внукам только отборных самцов расы, которую предполагается ввести. В приплоде происходит естественный отбор, основывающийся на большей или меньшей сопротивляемости, и постепенно полностью приближаясь к чистокровным особям, получают устойчивых, крепких особей.

Не стоит воображать, что подобный процесс происходит быстро. В «Отборе» я указывал, что метисы далеки от того, чтобы обладать чертами в точности промежуточными тем, которые были у их родителей. Далеко не факт, что при втором скрещивании получатся особи, имеющие в среднем лишь четверть местной крови. Это зависит от комплиментарности рас, от степени адаптации к среде, от наличия трудно искореняемых черт, от более высоких способностей беговой лошади и т. д. В среднем требуется от четырех до восьми поколений, чтобы больше не производить значительной доли дефективных особей.

Этот эксперимент доказывает, что если бы попытались, например, популяцию негров Конго заменить на популяцию, произошедшую от *H. Europæus*, не истребляя туземцев, то к концу второго века непрерывающегося, пунктуального скрещивания могло бы оказаться, что результат все еще не достигнут. Для вытеснения брахицефалов, ввиду силы их породы, потребовалось бы вдвое больше времени. В любом случае не стоило бы опасаться того, что случилось с колокольчиками Нодэна — возвращения предыдущего типа человека: от этого мы застрахованы опытом прошлого.

Борьба за мировое господство. До настоящего момента шансы различных рас я изучал отвлеченно, приняв в качестве основы рассуждений их способности. Теперь надо рассмотреть другой аспект вопроса. Я уже указывал, что мне вовсе не безразлично было бы узнать финальный результат соревнования рас и поведать, через какую из ныне живущих наций реализуется в итоге мировое господство. В некоторой мере то, что я говорил, относилось, в основном, к внутренней конкуренции — теперь рассмотрим аспект чисто внешней конкуренции.

Исторический закон состоит в том, что нации тяготеют к тому, чтобы беспрерывно увеличиваться. Вавилон подчинил города Халдеи, потом Ассирию и Египет. Его империя стала

составной частью империи персов, а та, в свою очередь, была завоевана маленькой Македонией. Империя Александра Македонского тоже разделилась, но на большие царства. Росла также и Римская империя, но и она затем распалась, и ей наследовал ряд ничем не выдающихся государств. Пришел черед образоваться обширной Испанской империи, всегда находившейся на периферии, но распалась и она. Российская империя раскинулась на половине Азии, Британская империя еще более обширная, и Соединенные Штаты — тоже огромны. Непрерывно народы становятся все более великими, и хотя площадь, занимаемая цивилизованными народами, растет непрерывно, число великих наций остается по большому счету тем же. Так как земной шар ограничен, наступило время, когда на окраине цивилизованного мира уже нет места для образования новых гигантских наций, и нет цивилизованных областей, где могли бы образовываться малые народы. Этот век был свидетелем того, как исчезло бесконечное множество маленьких европейских государств, как Италия и Германия стали зависеть только от самих себя. Исчезли почти все небольшие туземные государства Африки и Азии, а среди более пристойных государств остались только Япония, Китай, Сиам, Персия, Абиссиния и Марокко. Сейчас в подчинении у шести государств находится 75% населения Земли.

Близок момент, когда начнется борьба за окончательное господство над миром. Народы, которые смогут принять в ней участие в качестве претендентов (начиная с настоящего момента) обозначены своей реальной или виртуальной мощью. Я говорю «виртуальной», поскольку мощь отдельных народов будет автоматически возрастать с освоением громадных резервов. Это случай России и Соединенных Штатов Америки, Австралии и Южной Африки. Эти государства в плане шансов на будущее находятся в лучшем положении, чем Франция или Германия, полностью заселенная территория которых не смогла бы прокормить большее население.

Роль Европы сыграна, определенно сыграна. Народы, которые некогда брались в расчет, — жители Голландии, Португалии, даже Испании — теперь в расчет не берутся. Австрия продолжает влачить жалкое существование, но день, кажется, бли-

зок, когда немецкие провинции, даже Богемия, окажутся поглощены Германской империей. Таким образом единство немцев окажется восстановленным под эгидой протестантской Пруссии на время, которое, вероятно, не будет слишком длительным.

Будущее Франции представляется менее определенным, но не стоило бы тешить себя иллюзиями. У нас за плечами две великие исторические ошибки: отмена Нантского эдикта и Революция. В двух этих авантюрах мы потеряли самые лучшие силы. Если бы идеи революции были развеяны, то Франция, возможно, могла бы стать ядром группы государств и метрополией нового человечества. Революция обнаружила свое банкротство, а идеи, которыми она вдохновлялась, научная критика больше не ставит ни в грош. Мы потеряли блистательную часть, но когда мы ставили ее на карту, казалось невероятным, что она будет утрачена: тогда мы верили в разум, как сейчас мы верим в науку. Наш век стал свидетелем того, как развеялись последние иллюзии. Когда была основана Республика, казалось, что открылась эра справедливости и процветания. Тот, кто четверть века назад принес столько жертв, думал, что нация и человечество будут этим искуплены. Эпоха великодушных иллюзий и благородной самоотверженности! Находились же люди, которые приводили в действие этот принцип народности, приносили эти жертвы! На протяжении многих лет престиж Республики служил прикрытием шайки проходимцев, и когда во власти потребовались гениальные люди сверхчеловеческих добродетелей, чтобы исправить столь запущенную ситуацию, все партии смогли дать разве что лукавых интриганов, убежденных, что они правят тонко, как изворотливые адвокаты. Пока в византийских дрязгах проходили годы, пока на глазах народа таял кредит доверия Республике, слишком часто расходуемый на покрытие преступных деяний и продажных людишек, наши конкуренты окрепли настолько, что уже нет смысла говорить о равных шансах в будущей борьбе.

В данной ситуации у нас только один шанс сохранить свою относительную независимость: продолжать расшатывать нашу финансовую систему ради поддержки абсурдного уровня милитаризма. Если посчитать, сколько сейчас рождается мальчиков и сколько их приближается к призывному возрасту, то к 1911 г.

в Германии число призывников будет ровно в 2 раза больше, чем во Франции, — 550 тыс. против 275 тыс. человек. Сегодня ситуация с этими двумя народами становится ясной, так как ни один военный не сочтет возможным воевать с противником, силы которого вдвое превосходят его собственные. Значит, неизбежно придется либо стать сателлитом более мощного врага, Германии, либо вести с ней переговоры. В любом случае потребуется сохранять (чтобы завоевание нашей страны обошлось врагу в более дорогую цену) сверхвооруженную армию, которая давит нас сейчас. Жуткая для народа ситуация — медленная смерть от изматывания ради того, чтобы избежать смерти мгновенной.

Впрочем, я не думаю, что Германия может рассчитывать на длительное процветание. Я предполагаю, что она сможет увеличиться за счет половины Австро-Венгрии — это не даст ей в ближайшем будущем территорий для слива излишков собственного населения. С нынешнего момента немецкие женщины много работают над тем, чтобы заселить полупустые земли обеих Америк, и готовят из своих сыновей, которые уедут, врагов своим сыновьям, которые останутся. Индустриальное и торговое развитие Германии — один из прекраснейших примеров, демонстрирующих, на что способна воля арийца. Нет портов, нет удобных берегов — и все же Германия располагает третьим в мире флотом. Мало угля, мало руд — и все же Германия производит, экспортирует. В нынешний век жесточайшей конкуренции, когда Франция, столь богатая удобными выходами к морю и портами, столь процветающая когда-то, не смогла сохранить свой статус и почти убрала свой штандарт с акваторий Мирового океана, Германия сумела, начав с нуля, добиться того, что множество ее кораблей бороздит океанские просторы. Ничто не служит показателем большего контраста между двумя народами, северными немцами и французами: у первых — дерзновение и упорство, у вторых — легкомыслие и мягкотелость. Но из этого не следует, что Германия способна бесконечно наращивать население и кормить его своей внешней торговлей. У всего есть свои пределы, и в данном случае пределом является промышленное развитие, распространяющееся по всему земному шару.

Как государство Германия является щитом Запада против русского вторжения. Пока стоит щит, наша цивилизация сможет существовать. Когда он будет повержен, я думаю, что империя царей сразу же распространится до крайних пределов, до Атлантики и Средиземноморья. Развязка сможет быть отсрочена действиями Англии или США, коалицией западных народов, но мне это кажется невероятным. Положение Запада такое же, как у Греции в конце эпохи борьбы Афин, Тебеса и Спарты — на арену выступают македонцы.

Западная коалиция может образоваться под гегемонией Германии. Возможно также, что она образуется при других условиях из-за действий жидов, которые быстро растворяют народы (*Corpora non agent nisi soluta*¹). Такое разрушение национального духа может облегчить объединение народов, ставшее сегодня трудным из-за национализма. Впрочем, простая, чистая коалиция не имела бы больше шансов на успех. Те из народов Запада, которые не парализованы, подобно Франции, остановкой развития, все равно не смогли бы непрерывно увеличивать свое население. Россия, наоборот, располагает колоссальными территориальными резервами, которые позволят ей довести численность своего населения до значений, вдвое, втрое превышающих население Запада, предопределив таким образом исход противостояния.

Следовательно, роль западных народов следует считать оконченной, даже тех, кто недавно воссоединился, и тех, кто внешне молод, как Германия и Италия. Будущее принадлежит только тем нациям, которые располагают громадными резервами территории, которая может вместить сотни миллионов жителей. Эти народы могут подождать. Чем далее будет отсрочено начало борьбы, тем фатальнее будет ее исход для старых народов.

Все, на что можно было бы надеяться, — это на то, что возникнет ситуация относительной независимости исторических народов. Франция, Германия, Италия — это просто настоящие исторические музеи, реликвии умершей цивилизации, но умершей после того, как она породила будущие цивилизации. Те, кто наследует наши усилия и кто станет тем, кем никогда бы не

---

¹ «Тела не действуют, если не растворены» (лат.). — Прим. ред.

стал без нас, не должны ли они бережно обращаться с народами, пущенными в расход в детстве нового мира? Как в случае с Грецией. Пусть воздадут определенные почести тем, кто дал им путевку в жизнь. Народы на пенсии — это все, кем они могут быть впредь.

Через два поколения Россия будет насчитывать около 500 млн жителей. Ее современная территория и Сибирь позволяют прокормить это огромное население, не прибегая к ресурсам вроде тех, которые дают выжить на землях Англии и Германии избыточному населению. На юге Сибири обширные пустыни, ныне пребывающие в составе Китайской империи, но которые непременно окажутся в ближайшем будущем присоединены к Российской империи, составляют резерв, которому невозможно придать слишком большую значимость. Эти пустыни не каменистые, не песчаные, не лишенные воды, в отличие от Сахары, их окультуривание может потребовать мастерства, но, по крайней мере, половина этих обширных территорий поддается окультуриванию. Вероятно, что до указанной даты¹ большая часть Китая, а не исключено, что и Индия, и Азия, целиком окажутся в руках русских. В любом случае число людей под ружьем, которым будет располагать царь к тому времени, нельзя оценить менее, чем в 40 млн человек. Благосостояние, которое в Российской империи развивается медленно и правильно, достигнет невероятного уровня — конечно, более низкого, чем в других государствах, например в США, но достаточного для того, чтобы военные расходы не парализовали активность страны, как это происходит сейчас. Великий русский народ всемерно заинтересован максимально отсрочить наступление кризиса, который приведет к его конфликту с Западом. Если сдвинуть этот кризис в далекое будущее, то он приведет к расстановке сил в пользу русских. В итоге их успех будет неизбежен.

Россия — это прежде всего азиатская нация. Англия космополитична и, в первую очередь, является морской державой. Ее обширная империя кажется раздробленной на кусочки, но

---

¹ Видимо, имеется в виду начало открытой борьбы за мировое господство. — *Прим. перев.*

поскольку она Владычица морей, прочие государства оказываются, скорее, в состоянии анклавов на ее территории. Сила Англии незыблема на море, но на суше она слаба. Вероятно, Англия в ближайшем будущем станет владычицей всей Африки. Австралия предлагает обширные территории для заселения, хотя плодородной является лишь небольшая их часть. Южная Африка может заполучить много колонистов, а Англия еще долго будет неисчерпаемым резервуаром эмигрантов. Однако я все равно сомневаюсь, что со всеми своими преимуществами и главное — с подавляющим преимуществом в ценности расы — Англия долго сможет служить противовесом империи царей. Преимущество последней — в крайней сплоченности, невиданной централизации, в высочайшем уровне милитаризма. Англия из-за своей разбросанности повсюду уязвима. Интересы различных частей Британской империи в какой-то момент могут оказаться в конфликте вплоть до того, что не окажут друг другу помощи. Военная организация несовершенна. Это правда, что Англия понемногу милитаризируется, и господин Г. Спенсер должен быть весьма удивлен этому феномену, но психология англосакса, приспособленная к импульсному, мощному усилию, почти не годится для длительного векового выжидания, когда же наконец пробьет его час. Значит, вполне возможно, что Англия окажется весьма легко изгнана из Азии и даже может потерять Африку в день, когда армии, идущие из Азии, переправятся через Суэцкий перешеек.

Можно, таким образом, с некоторой долей вероятности предположить, что обширная Британская империя будут иметь тенденцию сращивания с Соединенными Штатами. Последние, в силу протяженности своих территорий, возможности поселить там сотни миллионов людей расы *H. Europæus*, являются истинным противовесом России в великой битве, которая должна случиться. Многое говорит не в пользу Соединенных Штатов. Их население прирастает слабо, и прирост происходит, главным образом, благодаря иммигрантам и их потомкам. Лучший элемент находится под угрозой снижения относительной численности, и в Новой Англии с настоящего момента ситуация очень тревожная. Еще более грозной опасностью является феминизм. Америка кишит женщинами-инженерами, адвокатами и даже

проповедниками.¹ Эти дамы, которые определенно являются весьма одаренными, составляют бесполезную конкуренцию мужчине и нисколько не выполняют собственных функций. При таком режиме нация рискует сгинуть также скоро, как если бы она покрыла свою землю монастырями. В политике невероятная коррупция. Я накопил кучу документов, которые позволяют рассматривать самые громкие взятки наших французских политиков как ребячество. Наличие 10 млн выходцев из Африки представляет опасность, которая усугубляет еще одну — необычайное количество лентяев и бездельников, прибывших из Европы, так как в эти последние годы иммиграция содействует, в основном, пополнению отбросов общества.

Впрочем, американский дух еще столь полон ресурсов, что США, как мне кажется, имеют больше шансов, чем Россия. В следующем параграфе мы увидим, с какой решимостью американцы окунулись в практический селекционизм. Народ с таким независимым мышлением способен реформировать себя по многим позициям. Если намечается стовор между англичанами и американцами, то нет никаких сомнений, что морская империя останется за ними, и они смогут набрать достаточно сил, чтобы противостоять России и разгромить ее. Англия не может увели-

¹ Из *Journal des Economistes*, 1898. S. V. XXXIV. С. 154–155; я позаимствовал тревожную статистику женщин мужских профессий в США:

Профессии/годы	1870	1890
Архитекторы.....	1	22
Художники и скульпторы	412	10810
Писатели в области художественной или научной литературы	159	2725
Священнослужители.....	67	1225
Стоматологи.....	27	337
Инженеры	—	127
Журналисты.....	35	888
Законоведы.....	5	208
Музыканты.....	5758	34518
Официальные лица	414	4875
Врачи и хирурги	527	4555
Счетоводы и бухгалтеры	—	27777
Переписчики-секретари.....	8016	64048
Стенографисты и типографские работники	7	21185

Если тенденция продолжится, то в скором времени в США будут рождаться лишь чада грузчиков и землекопов.

чивать свое население сверх уже достигнутых пределов, любой излишек будет предметом экспорта. США, наоборот, могут через полвека насчитывать от 150 млн до 200 млн жителей и укомплектовать мощные армии. Трудность, однако, будет заключаться в их переправке в Старый Свет, и я не вижу средств решения данной проблемы. Эта проблема, возможно, станет причиной того, что дуэль будет очень долгой, если только силы не сойдутся в мало-благоприятном регионе Восточной Сибири. США очень четко понимают свою будущую роль. Централизация претерпевает небывалый прогресс, хотя и в ущерб муниципальным свободам, а милитаристский, захватнический дух быстро развивается.

Я не говорю о республиках латинской культуры. Они пришли в мир слишком поздно, и раса сама по себе слишком низкого качества. Мексика, которую окончательно одолел индейский элемент, Бразилия, большое негритянское государство, возвращающееся к варварству... В этих странах проживают две единственные нации, которые могут представлять интерес в силу многочисленности своего населения. Чили и Аргентина, у которых совсем другое будущее, являются слишком малонаселенными, и фора не сможет быть отыграна. Все эти страны через 50 лет по населению и весу станут равными Франции, Италии, Испании, но, как и последние, они не смогут ускользнуть от затей соседа-гиганта.

Содрогаешься при мысли о том, сколько гекатомб человеческих жертв таит в себе будущее. Борьба между претендентами на мировое господство будет долгой и, конечно, беспощадной. Исчезновение второстепенных народов, тех, кто не может ни на что претендовать, не обязательно будет столь же кровавым. Бывают случаи, когда неравенство сил таково, что для слабого сопротивление бесполезно. Если Германии вздумается захватить Голландию или Данию и если другие страны позволят ей это сделать, то для этих маленьких стран сопротивление окажется равносильно самоубийству. Возможно, что их аннексия произойдет бескровно. Ряд других малых наций могли бы вообще не сопротивляться и позволить себя захватить. Для некоторых из них это было бы даже выгодно.

Все конгрессы, все фикции, все ухищрения не помешают ходу эволюции, не помешают быстрому сокращению числа

народов, созданию всемирного государства. Формулы международного права, всякие мирные, гуманитарные конференции служат, в основном, тому, чтобы успокоить жертвы будущего, усыпить их гарантиями безопасности, в то время как народы-хозяева накачивают мускулы. Противники милитаризма и поборники договоров не то что неправы, а строят иллюзии. Массы притягивают массы, малые народы по тем же причинам становятся клиентами и сателлитами больших. Борьба великих народов — естественная необходимость. Подлинная подоплека борьбы за существование — это борьба за потомство. Сегодня излишки населения можно сбрасывать посредством эмиграции. Когда же Земля окажется полностью заселенной, экспансия одних станет возможна лишь при условии истребления других. Вот тогда борьба станет неизбежной и жестокой. Арбитраж — прекрасное средство избежать конфликтов между двумя народами, которые не хотят воевать друг с другом, но когда разгром одного необходим другому, для арбитража больше нет места. Милитаризм изматывающий, абсурдный, но для слабого он является единственным возможным средством избежать разгрома, а для сильного — поиграть мускулами и поглотить слабого. Войны будущего перестанут быть играми королей или капризами народов, но неизбежным следствием потребностей народов в росте. Очень трудно предсказать, когда и в чью пользу будет создана всемирная империя. Впрочем, я не думаю, что это займет более двух-трех веков. События развиваются с возрастающей скоростью. Также я считаю, что победить призваны США. В противном случае Вселенная станет русской.

Еще сложнее предсказать общественный строй, который воцарится вследствие победы. Можно только утверждать, что милитаризм наконец исчезнет. В качестве мировой полиции будет сохранена превосходная армия — всего несколько сотен тысяч человек. Но и только. Это будет мало для населения в 3–4 млрд человек. Наличие единого центрального правительства повлечет за собой универсальность основных законов, и станет возможным достичь систематической организации работы. Придет эра социализма, но социализма, без сомнения, отличного от того, что мы под ним понимаем. Без ограничений сможет практиковаться селекционизм, и средний уровень будет

расти от поколения к поколению¹. Возможно, воцарится полная свобода, но более вероятно, особенно, если победит Россия, что, наоборот, будет введено тотальное администрирование. Между этими крайними вариантами лежит масса промежуточных. Научный прогресс изменит условия жизни настолько, что полагаться на современные данные означало бы риск сделать осуществление всякого предсказания невозможным. Общество, которое будет обходиться без угля в качестве индустриальной основы, без христианства в качестве морального фундамента, — возможно ли предположить такое?

Практический селекционизм. В «Общественном отборе» я показал, что общественная жизнь не была благосклонна к лучшему, что отбор чаще всего осуществлялся в самую худшую сторону. Эта идея, которая с трудом усваивается умами, привыкшими рассматривать эволюцию, как устремленную к лучшему, а отбор — как благосклонный к лучшим. После публикации предыдущего тома моего курса в этой области появились различные важные работы, среди которых стоит процитировать Демура, Массарта де Вандервельде (*Регрессивная эволюция*, Paris, Alcan, 1897).

И все-таки я стану настаивать на идее дарвинизма — на ее подлинном и столь непонятом смысле. Теория Дарвина не является, хотя это и утверждают, теорией происхождения видов. Она является теорией выживания. Разражается эпидемия — выживают самые невосприимчивые. Появляется грозный охотник — убегают самые шустрые. Случается недород — выживают самые воздержанные и способные искать. Род выживших продолжает себя воспроизводить в разных формах — менее счастливые исчезают. Видов не прибавится — их только может стать меньше. Теория выживания, таким образом, является, скорее, теорией разрушения видов, а не их происхождения. Форме, чтобы сохраниться, надо быть.

Еще меньше теория Дарвина является теорией прогресса органической жизни. Причина, которая предопределяет выжива-

---

¹ Знал бы Лапуж, что цель всемирного правительства будет совершенно противоположной — всеобщее расовое смешение. — *Прим. перев.*

ние, подразумевает некое превосходство — однако превосходство относительное. Это превосходство относительно причины разрушения, но выжившая форма по отношению ко всему остальному может быть низшей. Предположим, что на тонущем корабле находятся рыба и человек — допустим, академик. Академик тонет, рыба же возвращается в свою стихию. Это отбор, но не прогресс. Эволюция отбора идет вперед, назад, в сторону. Ведь заметим, что наши представления о превосходстве, о неполноценности являются чистыми условностями. Они ни в чем не соответствуют действительности. Во Вселенной нет ни верха, ни низа — она бесконечна во всех смыслах. Больше нет ни неполноценности, ни превосходства, но лишь состояния, которые мы так называем, потому что нам нравится их так называть. Добро и зло, красивое и безобразное, тепло и холод, верх и низ, неполноценность и превосходство существуют лишь потому, что мы их так называем. Что на самом деле реально — это действия, предметы, температуры и т. д. Мы все это классифицируем в согласии с идеалом, который может меняться в зависимости от времени, от места, людей и их нравов.

Селекционизм как практическая доктрина создан для того, чтобы исправлять досадные последствия естественного отбора и увеличивать типы, которые принято считать самыми красивыми и лучшими. По своей цели он имеет много общего с социализмом, который состоит в том, чтобы исправлять естественные последствия экономической эволюции в соответствии с четким идеалом совершенного общества.

Со дня публикации «Отбора» усилия американских селекционистов в некоторых штатах привели к принятию ряда важных законов. Аналогичные законы в ряде других американских штатов находятся в процессе принятия. Эти результаты обладают огромной важностью для будущего человечества. Самым трудным было найти законодателя, желающего создать прецедент и принять драконовские меры к тому, чтобы помешать размножению элементов, у которых нежелательно появление потомства.

В качестве образца я возьму закон штата Коннектикут. Он запрещает сожительство эпилептикам, имбецилам и расслабленным духом. Наказание нарушившим — минимум три года тюрьмы. Люди, близкие к подобным категориям, заключившие

брак или вступившие в случайные отношения, наказываются годом тюрьмы и штрафом в 1000 долларов. Брак между такими людьми допускается, если женщина старше 45 лет.

Закон, предложенный парламентом Пенсильвании, запрещает брак страдающим следующими заболеваниями: сифилис, гонорея, эпилепсия, запой, туберкулез, психическое расстройство. Дети душевнобольных являются столь же ущербными, как и сами больные. Штаты Огайо и Мэриленд находятся в процессе принятия тех же запретов. Техас уже запретил брак эпилептикам, Массачусетс — эпилептикам, алкоголикам, сифилитикам.

В Огайо похищение человека и изнасилование караются кастрацией. Селективная ценность подобного наказания имеет смысл лишь в случае индивидов, затронутых эротическим помешательством, в других случаях законодательство Огайо, скорее, является предметом критики, так как половые преступления в общем смысле — той же природы, что святотатство и другие преступления против религии. Оценка деяния, не считая насильственных, зависит от религиозной предрасположенности оценивающего. Так, с культом девственности, связанным с мариолатрией и с позицией, исповедуемой христианством в отношении полового воздержания, связаны бытовые и правовые понятия о половых преступлениях. В древних обществах большинство таких преступлений рассматривались как легкие или даже как действия терпимые или дозволенные, и также сейчас обстоит дело у цивилизованных нехристианских народов.

В Европе начинают образовываться ассоциации селекционистов, и практические идеи пробиваются в народ. Общественность с подозрением относится к бракам людей с наследственными заболеваниями. Медики находят в себе смелость отговаривать некоторых клиентов от желания обзавестись потомством. В просвещенных кругах начинают при заключении браков учитывать некоторые расовые обстоятельства и семейные наклонности. Этого мало, но этого уже значительно больше того, на что могли бы рассчитывать 20 лет назад. Нравы Европы являются настолько устоявшимися, что трудно ожидать быстрого прогресса на этом пути.

Американцы как люди практичные начинают с того, с чего и следовало бы начать. Сначала, ради будущего, упраздняются

граждане с наследственными заболеваниями — то есть самая большая часть индивидов, обременительная для других и себя самих, которые, из-за неблагоразумия своих родителей, обречены владеть бесполезное существование страдальцев. Это программа Хэйкрафта и других английских и американских селекционистов, доктрину которой я осветил. Пока не стоит вопрос о низших расах, об искусственном увеличении элитных элементов. Это будет позже. Достаточно подстегнуть настроения, ныне входящие в нравы. Впрочем, в «Отборе» я объяснял, почему в США расовый вопрос является маловажным.

Согласно моей теории, систематическая селекция должна как можно меньше затрагивать живущих, а ограничиться тем, чтобы предотвращать размножение одних, содействуя размножению других. Я не являюсь приверженцем насильственных мер, о которых говорят американские селекционисты и которые они начинают практиковать. Кастрация представляется мне бесполезной, она вполне допускает меры-заменители, которые могли бы с пользой применяться к субъектам, подлежащим выбраковке. Склероз эпидидимиса¹, вызываемый одной инъекцией хлорида цинка, вполне достаточен и безопасен. Для этого нужно растворить 5 г хлорида цинка в 100 г дистиллированной воды. В учебниках по операциям излагаются два очень простых метода: 1) сделать надрез на кожном покрове, ввести шприцем Пираваза от 3 до 5 капель в обнаженный эпидидимий; 2) не делая надреза, после местной асепсии, зажать пальцами основание мошонки, чтобы тестикулы выкатились и, распознав эпидидимий, воткнуть иглу шприца и ввести хлорид цинка. Последний метод менее надежен, но сводит всю операцию к простой инъекции. Операция влечет склероз эпидидимия, регрессию простаты, склероз тестикула, сопровождающийся легкой атрофией. Если оперируют взрослого, то субъект — совершенно бесплодный — сохраняет способность к совокуплению. Это операция отбора, когда не хотят лишить индивида возможности совокупления.

Данный способ подавления потомства дегенератов представляется мне наиболее элегантным. У женщин овариотомия²,

¹ Эпидидимис (греч. Epididymis) — придаток семенника. — Прим. ред.

² Ovariectomy (лат.): ovarium («яичник») + греч. tome — («разрез», «рассечение») — хирургическая операция по удалению яичников. — Прим. ред.

опасная даже под наркозом и последствия которой весьма серьезны, может быть заменена добротной сделанной инфибуляцией, зашиванием передней части влагалища, или же, если хотят сохранить способность к совокуплению, прибегают к искусственному склерозу труб.

Несостоятельность христианства. Было заметно, насколько мало в своих предсказаниях я учитывал нынешние политические идеи и нравы. Дело в том, что я рассматриваю идеи и нравы как обреченные перенести в ближайшем будущем полную трансформацию. За 15 веков христианство не помешало развиваться политической и общественной эволюции в направлении, скорее, противоположном его принципам. Я думаю, и в этом я уже объяснялся в «Отборе» и в предисловии к «Монизму», что его влияние на идеи и нравы будет и дальше слабеть. Мы подошли к некоему переломному моменту: за ним в неизвестности возможно все, но только не прошлое.

Кризис современных идей, банкротство христианства можно сравнить разве что с приходом христианства. И когда я говорю «несостоятельность христианства», я должен был бы сказать «несостоятельность религий», если бы некоторые, например ислам, не пребывали в относительной безопасности по причине их независимости от всякой космогонии и детерминизма, который они признают.

Наши политические идеи и нравы состояли в тесной связи с религией. Три вещи поддерживали авторитет христианства в массах и обеспечивали его клиентурой вне круга теологов.

Первой была необходимость объяснения происхождения мира и человека. Этой потребности отвечала Книга Бытия.

Эволюционистские теории заменили религиозное объяснение объяснением научным. С того дня, когда узнали, что человек произошел от животных, а все живые существа — от простейших организмов, что происхождение звезд и нашей планеты можно объяснить без всякой мистики, массы людей перестали быть верующими. Для ученых пока остаются некоторые сложности — в частности, происхождение первых сгустков живой материи, но общественное сознание, которому свойственно все упрощать, такие мелочи уже не интересуют. Эта сложность, полагает оно, будет

вскоре разрешена, как и все прочие, — все зависит от одного лабораторного эксперимента, который, может быть, завтра получится.

Второй была необходимость поддерживать мораль. Нет общества без морали, нет морали без религии. Мораль была христианской, никакой другой не поняли бы. Значит, опять необходимость христианства. В наши дни пришли к пониманию произвольного характера моралей. Существует бесконечное множество всевозможных моралей и практически столько же великих религий. То, что мы называем сознанием, есть результирующая общественного отбора, совершавшегося в прошлом, и нынешнего образования. Христианская мораль, определенно, — одна из самых худших. Придуманная ради загробного существования, которое вызывает определенные сомнения, оно жертвует обществом в угоду личности, реальную жизнь — воображаемым мистическим интересам. Наши современники все это осознали: отсюда моральный кризис, повсюду сеющий разброд. Вчерашняя мораль уходит, а завтрашняя еще не рождена.

Третьей было утешительное влияние религии в мучительных жизненных кризисах и в смертный час. Сколько миллионов скорбящих утешили позолоченные обещания христианства! Сколько миллионов умирающих убаюкивали они до крайнего мига провала в небытие! Это благотворное влияние пропадет с исчезновением веры в будущую жизнь и вечное блаженство, которое ждет несчастных. Великая утешительница уходит: если религия приносит обществу вред, то у людей больше не будет подобных обещаний блага.

Монизм гонит нас к полному исключению идеи религии. Открыв новые формулы, основанные на общественной гигиене, мы встали на путь к полному исключению идеи морали. Это эволюция, у которой есть свои преимущества и свои неудобства, но прогресс человеческих знаний делает ее неизбежной.

Банкротство современной политики. Христианство внесло в политику ряд постулатов: раздельное существование тела и души, сверхъестественное происхождение души, все души в своей природе идентичны, душа независима. Прибавьте к этому идею рая, идею вечной справедливости, свободной воли и целую серию моральных принципов.

Был совершен любопытный плагиат, начатый христианскими писателями-политиками, а завершенный философами XVIII в. К христианским идеям добавили зерно идей античности. Из всей этой тихой работы вышла система современных политических принципов. Массы приняли их тем более легко, что они были связаны с религиозными представлениями, которыми они были пропитаны. В то же время там получали оправдание зависть, стремление к наживе и тихие радости. Сверхприродная сущность души послужила точкой опоры для теории прав человека, предстоящих и вышестоящих по отношению к природе и обществу. Идентичность всех душ по своей природе привела к появлению теории фундаментального равенства, которое искажают случайности общественной жизни, но которое следует восстанавливать. Общность происхождения всех душ, созданных непосредственно Богом, позволило легко ввести теорию братства. Независимость душ, не участвующих в плотском родстве, послужила основанием для индивидуализма. Тезис о первородном грехе произвел на свет, посредством антирелигиозного рефлекса, тезис о естественной доброте человека, которого делают плохим или преступным влияния общества и образования. Идея свободной воли открыла человеческому разуму амбициозные горизонты, и не без ее влияния возникла концепция, пусть и столь отличная от нее, политической свободы. Парадиз подвергся секуляризации, его заставили спуститься на землю: теория прогресса человечества. Идея абсолютной справедливости подверглась той же эволюции — это больше не Бог, это человек обязан ее осуществить, но это произойдет... в будущем! Идея милосердия породила сентиментальный и неуместный филантропизм. Возьмите, перемешайте все эти ребячества, сочетайте их в разных пропорциях и вы получите все системы политических принципов — от социализма до клерикализма, идеи от страны Руссо до страны царских подданных.

Конфликт всех этих систем заставил пролиться немало крови, и это далеко не конец. Никогда еще человек не был столь эгоистичен, как сейчас, — братство. Именно в наш век впервые появились миллиардеры — равенство. О свободе я уже не говорю, я уже показал, что она присуща лишь одной расе, но все же!

Крах Революции является локальным эпизодом краха этой христианской политики — обесцененной, секуляризованной, крах которой омрачает конец нашего века. С христианством рушится в пропасть политика либертарианства, человечности, равенства. И политики, чей интеллектуальный багаж, если он вообще есть, из прошлого века, растеряны, больше не верят ни во что, рыщут в потемках, пускаются в авантюры.

Я знаю, что говорю! Из всех их принципов нет ни одного, который бы напрямую не нарушал бы природные законы, и если законы природы становятся мощными орудиями в руках тех, кто знает, то невежды норовят их безнаказанно преступить.

Всем этим рушащимся на глазах доктринам монизм противопоставляет свои, основой которых являются неотвратимые законы природы. Они вовсе не являются достоверными, так как абсолютная уверенность существует лишь для философов и теологов, но они носят вероятностный характер — и эта вероятность иногда приближается к 100%. Они кратко выложены в целой системе предположений, большую часть которых нет нужды развивать.

Человек не является особенным существом — его действия подчинены вселенскому детерминизму. Общества не развиваются случайно — у них сложные законы развития, пока едва известные и трудные для постижения, но столь же непреклонные, как законы движения атмосферы. Из человеческой и общественной жизни сверхъестественное исключено.

Душа и тело есть одно, поскольку психические феномены являются функцией мозга. Душа, таким образом, наследуется так же, как и тело. Индивидуальная психология зависит от того, какими были предки человека: фундаментальное неравенство людей происходит из разности в происхождении. Неравенство происхождения является единственным, которое невозможно исправить. Уровень образования целиком обусловлен наследственностью, он не передается потомкам. Образование может придать человеку лоска, но ничего из этой фальши не передастся его потомкам.

Ни в семью, ни в нацию не входят по указу. Кровь, которую мы воспринимаем в свои вены при рождении, сохраняется всю жизнь. Человек — часть своей расой и вне ее ничего из себя не представляет. Раса, нация есть все.

Человек является родственником каждому человеку и каждому живому существу. Значит, нет никаких прав человека, так же как прав трехполосного броненосца или синдактильного гиббона, так же как прав запряженной лошади или разводимого для пищи быка. Человек, утративший свою привилегию быть особенным существом, созданным по образу Бога, теперь имеет не больше прав, чем любое другое млекопитающее. Сама идея права является фикцией. Есть только силы. Права — это чистая условность, соглашения между равными или неравными силами; как только одна из этих сил перестает быть достаточно сильной, чтобы соглашение хоть чего-то стоило для оппонента, право прекращается. Между членами одного общества право — это то, что санкционировано коллективной силой. В межгосударственных отношениях эта гарантия стабильности отсутствует. Нет права против силы, так как само право создано силой и которую оно, в скрытом виде, поддерживает. Все люди — братья, все животные — братья и братья братьев, и братство распространяется на всех существ, но оно не мешает тому, чтобы эти существа друг друга поедали. Братство — пусть, но горе побежденным! Жизнь существует только за счет смерти. Чтобы жить — нужно есть, чтобы есть — нужно убивать.

Прогресс — это чисто человеческая условность. Эволюция совершается вокруг нас — движется вперед, пятится, уходит в сторону, прогрессирует, отступает, идет по кругу и возвращается. Она не всегда стремится к лучшему, она не стремится к нулю. Теперь она устремлена к сверхсознанию, но и это сознание угаснет с осознающим существом, которое должно умереть. Рая нет, даже на Земле. Не нужно спрашивать с науки больше того, что она может дать. Человеку она дает знание и силу. Она не может непосредственно дать счастье: для этого стоит обратиться к священнику, чародею, продавцу спиртного, морфия, лучше всего — к оружейнику, продавцу суицида.

Свобода, если и существует, является ограниченной тесными рамками: 1) наследственностью, 2) средой. Значит, действие воли на общественную эволюцию ограничено. Над общественной эволюцией довлеет отбор, а общественный отбор выбраковывает лучших. Эволюция обладает двумя основными чертами: 1) возрастающая специализация и неравенство; 2) возрастающая

взаимозависимость, так как деяния отдельного индивида начинают встречать отклик всего человечества. Личность неуклонно становится все менее свободной.

Между вчерашними и завтрашними политическими идеями антагонизм, таким образом, абсолютный. При наличии монистических и дарвинистских теорий доктрины XVIII в. являются не более чем разновидностями христианства. Либерализм, социализм — суть две формы клерикализма, то есть политики, основывающейся на церковных постулатах.

Воистину удивительно, что последствия монизма и дарвинизма не были ясно предвидены. Я испытываю горячее злорадство, констатируя замешательство, сквозящее во множестве недавних статей, появившихся в реву социалистов, анархистов и так называемых демократов. В дарвинизме, или, вообще говоря, в научных доктринах происхождения видов и мира, видели, в основном, контрвыпад в сторону религии, в нашем случае — в сторону Церкви, креационистской и связанной Книгой Бытия. Не поняли, что дарвинизм в применении к человеку в его общественной жизни исключал в будущем при объяснении общественных вопросов любой ненаучный элемент, то есть допускающий сверхъестественные причины вне общей каузальности вселенной. Когда я говорю «не поняли», в безличной форме, я подразумеваю вольнодумцев или тех, кто себя относит к такому, поскольку с самого начала Церковь предвидела последствия новых теорий и вырывала из них отрывки вне контекста, чтобы их очернять.

Таким образом, подобное исключение сверхъестественного для доктрин, освободившихся от догм, но оставшихся в плену всего остального, становится тем более фатальным, чем более христиан покидает поддержка свыше. Прибегнуть к чуду, к проявлению божественного всемогущества, разрывающего бесконечную цепь причин и следствий, прибегнуть к неотъемлемым свойствам души, рассматриваемой как реальная обособленная сущность вне мира сил и атомов — все, что посредством веры позволяет ускользнуть от выводов дарвиновской политической науки, — всего этого недостает всем этим вольнодумцам.

Они стоят перед единственным выбором — простое и чистое возвращение к теологическим доктринам, откуда они вышли,

либо чистое и простое присоединение к научному объяснению общественных явлений и отказ от всех философских принципов, из которых состряпана их политическая доктрина. Их выбор будет не в пользу науки. Их психология — это психология людей, когда-то стоявших на коленях в церкви и сжигавших еретиков. Теперь либералы, социалисты, анархисты обзывают дарвинистов варварами. Пусть! Вот приходят варвары, и осаждающие становятся осажденными, а их последняя надежда на сопротивление — самим запереться в цитадели, которую они штурмовали. В ближайшем будущем перед нашими детьми разыграется этот любопытный спектакль — теоретики лживой современной демократии вынуждены запереться в цитадели клерикализма. Член Конвента интуитивно видел будущее, когда отвечал на ходатайство об отсрочке казни Лавуазье: «Республика не нуждается в ученых!». Перед лицом новых догм союз между людьми Церкви и людьми Революции станет делом завтрашнего дня, но нет такого союза, который мог бы отсрочить наступление рокового часа, нет такого гения, который мог бы вернуть человечество в эру мракобесия. Мы шагаем в неизвестность, но прошлое никогда не вернется, никогда!

Труды Ж. В. де Лапужа

1. Историческое эссе о коллегиальном органе или совете партий. 1878.
2. Исследования природы и исторической эволюции права наследования. Первое исследование: Биологическая теория права наследования. 1885.
3. Антропология и политическая наука. Речь на открытии курса (1886–1887).
4. Общественный отбор. Свободный курс политических наук, прочитанный в университете Монпелье (1888–1889).
5. The Fundamental laws of Anthro-po-Sociology.

Оглавление

В. Б. Авдеев. Антропосоциология Жоржа Ваше де Лапужа.....	5
Предисловие автора	36
Глава 1. Определение арийца	39
Глава 2. Физические характеристики арийца.....	58
Глава 3. Происхождение ариев	75
Глава 4. Доисторические арийцы	166
Глава 5. Исторические арийцы	248
Глава 6. Психология арийца	292
Глава 7. Социальная роль арийца	328
Глава 8. Будущее арийцев.....	355
Труды Ж. В. де Лапужа.....	383

Лапуж, Жорж Ваше де АРИЕЦ И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ

В оформлении обложки использовано изображение
работы скульптора Арнольда Брекера «Отважный»

Редактор *Ю. Л. Евдокимова*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *Е. Р. Ароян*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru; www.kpole.ru

ООО «Медиа-групп»
123056, г. Москва, ул. Большая Грузинская, д. 42, пом. 1, к. 12
Подписано в печать 02.10.13. Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 20,16.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ № ВЗК-05754-13.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати – ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
<http://www.gipp.kirov.ru>; e-mail: order@gipp.kirov.ru

ISBN 9785995003441

9 785995 003441

